СОЧИНЕНІЯ

А. МИЦКЕВИЧА.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ

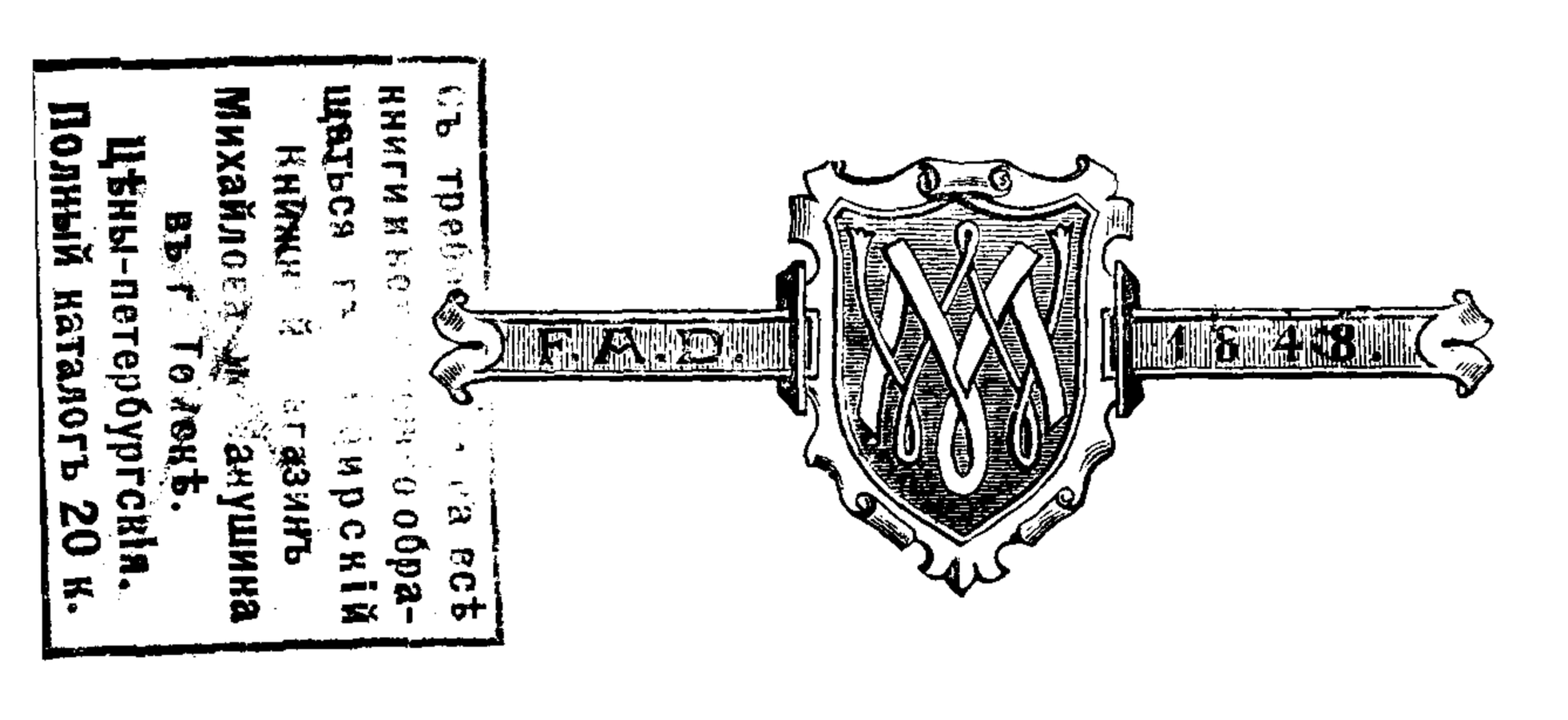
В. БЕНЕДИКТОВА, Н. СЕМЕНОВА

И ДРУГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

ТОМЪ II.

Гражина. — Конрадъ Валленродъ. — Крымскіе сонеты — Критическія статьи. — Избранная корреспонденція Мицкевича.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Петровка, д. Михалкова.

1883.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., В. О., 16 л., № 5).

ГРАЖИНА.

Гражина.

Повѣсть литовская.

Ночь ужь наступила. Свѣжій вѣтеръ вѣетъ.
Долъ покрытъ туманомъ. Съ горней вышины,
Трепетно въ полглаза смотритъ и блѣднѣетъ,
Перерѣзанъ тучей, томный ликъ луны.
Міръ весь — точно храма портикъ тріумфальный;
Тамъ — густыя тѣни, тамъ — озарено;
Небо-же съ луною — куполъ каѳедральный,
Гдѣ мерцаетъ тускло-круглое окно.

И, при лунномъ свѣтѣ, зàмокъ возвышался
На одной изъ злачныхъ новогрудскихъ горъ
Мракъ широкой тѣни съ башенъ низвергался
И чрезъ валъ дерновый, гдѣ ходилъ дозоръ,
Пàдалъ, опрокинутъ, прямо въ ровъ бездонный,
Гдѣ дремала плѣсень надъ водою сонной.

Тишина повсюду; огоньки угасли;
Сномъ объятъ весь замокъ, и пора! Не часъ-ли
Полночи глубокой? Стражи лишь не спятъ,
И, перекликаясь, съ валу вдаль глядятъ.
Тамъ имъ смутно видны, въ родѣ привидѣній,
Люди, и за каждымъ снопъ бѣгущей тѣни.

Ихъ движенье быстро: вѣрно; на конях!
Отъ фигуръ ихъ отблескъ: знать, тѣ люди въ латахъ!
Подъѣзжаютъ. Точно! въ шлемахъ, при булатахъ,
Рыцари. Ихъ трое. Кони въ запыхахъ —
Ржатъ. И старшій рыцарь, озираясь строго,
Грянулъ троекратно мощнымъ звукомъ рога.
Съ башни рогъ отвѣтный протрубилъ — и вотъ
Вспыхнулъ встрѣчный факелъ, и сѣдыхъ воротъ
Петли завизжали; крюкъ съ кольца свалился:
Бякъ — и мостъ подъемный съ громомъ опустился.

Многіе изъ замка къ всадникамъ толпой
Вышли, знать желая: кто тамъ? что такое?
Видятъ: главный рыцарь, въ полномъ бранномъ строѣ,
Смотритъ истымъ нѣмцемъ, выряженнымъ въ бой.
Грозныя движенья онъ даетъ десницѣ:
При копьѣ онъ длинномъ и стальномъ мечѣ;
Виденъ крестъ нагрудный въ золотой петлицѣ,
Бѣлый крестъ на черной вышитъ епанчѣ,
И при всемъ, что нужно воину для битвы:
Подъ рукою четки, знакъ святой молитвы.

Рыцаря литвины изъ примѣтъ узнали
И потомъ со злостью межъ собой шептали:
«Вотъ съ тевтонской псарни песъ негодный! Вотъ!
Тученъ прусской кровью, что вседневно пьетъ.
Эхъ, когда-бъ не стража!... Что́ стоять въ разсчетѣ?
Подъ мостъ-бы собаку! Сгнилъ-бы тамъ въ болотѣ!
Рыцарь словъ обидныхъ будто-бъ не слыхалъ,

Но челомъ склонился и задумчивъ сталъ.
Отчего-жь онъ разомъ въ думу впалъ такую?
Слышалъ! И, хоть нѣмецъ, понялъ рѣчь людскую!

«Князь вашъ въ замкѣ, дома?» вдругъ онъ крикнулъ грозно.
— «Дома», отвѣчаютъ, «но теперь ужь поздно,
Полночь! Въ это время онъ не приметъ васъ.
Завтра, можетъ статься». — «Я хочу сейчасъ!»
— «Но тревожить князя въ этакую пору....» —
«Мигомъ донесите князю Литавору
О моемъ прибытьѣ! Вотъ вамъ перстень мой!
Кто́ мы, этотъ вензель Литавору скажетъ,
И въ своемъ пріемѣ онъ мнѣ не откажетъ:
Я вамъ отвѣчаю этой головой!»

Тихо все той ночи на спокойномъ лонѣ.
Осенью лучъ утра выйти не спѣшитъ.
Что-жь у Литавора, въ правомъ павильонѣ,
И теперь свѣтильникъ звѣздочкой горитъ?
Онъ далеко ѣздилъ, воротился къ ночи:
Сна просить должны-бы княжескія очи!

Но не спитъ, не спитъ онъ. Сбѣгали, узнали,
Что не спитъ — и только. Слуги не дерзали
Къ князю въ это время позднее войти;
Страшно то казалось и дворцовой стражѣ;
И къ кому князь близокъ, тѣ не смѣли даже;
А посолъ торопитъ: надо донести!
Наконецъ рѣшились — разбудить Рымвида:
Онъ на все имѣетъ полныя права;
Онъ въ бояхъ при князѣ — щитъ его, эгида;

Въ княжескомъ совѣтѣ — съ толкомъ голова,
И, всю цѣну зная таковымъ заслугамъ,
Литаворъ Рымвида называетъ другомъ,
И, бывая въ духѣ, онъ о немъ порой
Говоритъ съ улыбкой: «Это — я второй».
Спитъ-ли князь, не спитъ-ли, и здоровъ иль болѣнъ —
Всюду для Рымвида входъ къ нему дозволенъ.

Тотъ пошелъ. У князя — полумракъ. Лампада,
Кажется, сейчасъ-бы и погаснуть рада:
Литаворъ, шагами возбуждая гулъ,
Тамъ ходилъ по плитамъ комнаты пустынной,
И по серединѣ этой залы длинной
Вдругъ остановившись, въ мысляхъ утонулъ.

Вдругъ — Рымвидъ! Но взоромъ князь его не встрѣтилъ,
Выслушалъ о нѣмцахъ, только — не отвѣтилъ;
То краснѣлъ, то снова страшно блѣденъ былъ,
Быть себя спокойнымъ онъ не могъ заставить,
Подошелъ къ лампадѣ, будто-бы оправить,
И свѣтильню пальцемъ ко дну придавилъ;
Впрочемъ неизвѣстно — пусть то будетъ тайна —
Съ умысломъ то было, или такъ, случайно.
Можетъ быть, хотѣлъ онъ мрака для того,
Чтобъ лицомъ незримымъ предстоять Рымвиду,
Чтобы тотъ, догадкой, по чертамъ, по виду,
Не проникъ въ мышленья тайныя его.
И пошелъ онъ снова бурною походкой;
Но когда достигнулъ до окна съ рѣшеткой,
Гдѣ лучами мѣсяцъ въ комнату проникъ,

Видны стали — лобъ тотъ, сходный съ мракомъ ночи,
Стиснутыя губы, огненныя очи
И суровый, грозный, воспаленный ликъ.

Вдругъ оборотился, зашагалъ проворно,
Приказалъ Рымвиду на-глухо для всѣхъ
Дверь замкнуть, усѣлся, и, смѣясь притворно,
Произнесъ сквозь горькій, судорожный смѣхъ.

«Ну, Рымвидъ, не самъ-ли ты привезъ изъ Вильны
Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ всесильный,
Лидскую мнѣ область вздумалъ даровать?
Мнѣ мое-жь дать хочетъ — то, что Литавору
За женой приданымъ шло по договору!
Правда-ль это?» — «Правда!» — «Надобно-жь принять
Намъ теперь по-царски новую державу.
Прикажи-ка нашимъ выступить на славу:
Трубачей! штандарты! и огней! огней!
Пусть идутъ на Лиду и пируютъ въ ней!
Съ торжествомъ побѣднымъ пусть на рынкѣ станутъ,
Разовьютъ знамена, звучно въ трубы грянутъ,
И неугомонно пусть трубятъ, трубятъ!
Да пускай исправно сабли навострятъ:
Пусть надежны будутъ панцыри, кирасы!
Фуражу и пищи добрые запасы
Надо взять въ дорогу. Да огня! огня!
Факеловъ! Пусть будетъ ночь яснѣе дня!

Ты, Рымвидъ, веди ихъ? Въ Лиду — вамъ дорóга.
Утро чуть освѣтитъ славный гробъ Мендога, —
Въ полномъ ратномъ строѣ ждите тамъ меня!»

Такъ распоряжаться князю Литавору
Былъ ужь не ново; только отчего
Весь онъ такъ встревоженъ! Вдругъ, въ такую пору,
Отправляетъ въ Лиду! Голосъ у него
Такъ звучитъ неровно! Рѣчь его сурова?
Это ничего-бы: онъ теперь сердитъ;
Но онъ какъ-то страненъ: выскажетъ полслова,
А полслова въ сердцѣ, кажется, сидитъ.
«Онъ иное мыслитъ, говоря про Лиду!»
Такъ, по всѣмъ примѣтамъ, думалось Рымвиду.

Литаворъ молчаньемъ долгимъ выражалъ,
Что Рымвидъ отпущенъ съ боевымъ народомъ
Въ путь. Чего-жь онъ медлитъ? Но своимъ уходомъ
Тотъ не торопился: онъ соображалъ
Тѣ слова, что слышалъ, и въ умѣ предвидитъ,
Что изъ словъ столь легкихъ толкъ нелегкій выдетъ.

Такъ! Но что-жь тутъ дѣлать? Знаетъ онъ, что князь,
Если ужь однажды мысль въ немъ родилась,
Стóекъ, и не внемлетъ ничьему совѣту,
Разсужденій длинныхъ онъ не терпитъ; свѣту
Цѣлому пошелъ-бы онъ на перекоръ.
Что-жь? вступать Рымвиду съ княземъ въ разговоръ?

Иль смолчать ужь лучше? Умъ его двоился:
Такъ и этакъ — плохо! Но Рымвидъ рѣшился.

«Князь!» сказалъ онъ твердо: «Что ни повелитъ
Намъ твое драгое княжеское слово,
Наши люди, кони — все сейчасъ готово;
Въ дѣлѣ не послѣднимъ будетъ и Рымвидъ.
Но есть разность въ людяхъ: тѣ къ повиновенью
Рождены слѣпому, эти — къ разсужденью.
Твой отецъ покойный собиралъ совѣтъ
Изъ мужей достойныхъ. Самъ я «да» иль «нѣтъ»
Въ важномъ томъ собраньи говорить могъ смѣло,
Разумомъ спокойнымъ обсуждая дѣло.
Такъ позволь-же старцу, что такъ много лѣтъ
Служитъ, весь израненъ, нажилъ бѣлый волосъ,
Предъ тобой впервые здѣсь возвысить голосъ!
Если ты на Литву намъ итти велишь,
Ты, своей-же власти, тамъ и здѣсь вредишь:
При завоеваньяхъ, грабежи — обычай;
Изъ людей ты нашихъ сдѣлаешь волковъ;
Этимъ — дашь ты случай тѣшиться добычей,
Тѣмъ — ты угрожаешь тяжестью оковъ.

«Слухъ пойдетъ по краю: «Это что за чудо!
Это что за диво!» скажутъ тамъ и тутъ:
«Плодъ намъ выросъ горькій: сѣмена откуда?
Это, видишь, нынче славою зовутъ!
Литаворъ, тамъ скажутъ, водворилъ тиранство!
Сѣлъ вдругъ панъ, незваный, на чужое панство!»

«Нѣтъ, не такъ водилось прежде встарину,
У князей литовскихъ: тѣ въ свою страну

Не вносили, помню, вреднаго насилья,
А несли порядокъ, благость, изобилье,
Рѣчь моя простая опытомъ крѣпка!
Князь! Уважь холодный разумъ старика!

«Мы отправимъ прежде въ Лиду приглашенье
Къ рыцарству и разнымъ городскимъ властямъ,
Къ гражданамъ знатнѣйшимъ: пусть на совершенье
Праздничнаго пира соберутся тамъ!
Пригласимъ къ собранью всѣхъ владѣльцевъ мѣстныхъ:
Пусть прибудутъ въ городъ и изъ селъ окрестныхъ!
Я-жь съ разсвѣтомъ утра поспѣшу туда,
Чинно съ капеланомъ, понабравъ народу
И припасовъ разныхъ... вдоволь дичи, меду;

«Знаешь — угощаться наши господа,
Такъ-же точно любятъ, какъ простые люди.
Этимъ ты задобришь многихъ напередъ.
Разспроси, коль хочешь, пожилой народъ!
Ужь таковъ обычай на Литвѣ, на Жмуди;
Скажутъ: «Панъ-то славный!» — и молва пойдетъ».

Кончилъ; подошелъ къ окошку, и прибавилъ:
— «Вѣтряно. Чтобъ къ утру тучъ не нанесло!
Эва! Что за рыцарь тамъ коня поставилъ
И стоитъ, накинувъ руку на сѣдло?
А другіе двое, вонъ, коней проводятъ!
А! Да это — нѣмцы, тѣ послы! Походятъ
По всему на нѣмцевъ. Ихъ позвать иль нѣтъ?
Иль черезъ меня ты дашь имъ свой отвѣтъ?»

Съ этими словами, будто-бы случайно
Сказанными кстати, онъ прижалъ окно,
Въ щель не дулъ чтобъ вѣтеръ; самъ же жаждалъ тайно
Слышать о посольствѣ: для чего оно?

Всталъ нетерпѣливо Литаворъ съ отвѣтомъ
И сказалъ: «Гдѣ будутъ мнѣ для дѣлъ моихъ
Надобны совѣты, тамъ твоимъ совѣтомъ,
Вѣрь, подорожу́ я больше всѣхъ иныхъ.
Моего довѣрья ты вполнѣ достоинъ,
Старый мужъ въ сужденьяхъ, въ полѣ — юный воинъ;

«Правда, не люблю я, чтобъ предузнавалъ
Кто-нибудь заранѣ, что́ я замышляю,
И чтобъ разныхъ толковъ шумъ предупреждалъ
Будущее дѣло. Что подготовляю,
Послѣ всѣ увидятъ. Молніи блестятъ
Прежде, чѣмъ намъ слышенъ громовой раскатъ.
А свершилось дѣло — пусть ужь каждый судитъ!
Приказалъ — и полно: люди, кони! въ путь!»
«Какъ? Сейчасъ:» — «Въ минуту!» — «Но куда?» — «На Жмудь» —
«Странно! Быть не можетъ!» — «Можетъ быть, и будетъ!
Вотъ какъ я съ другими; но передъ тобой
Я, Рымвидъ, открою планъ завѣтный мой.

«Для того велѣлъ я въ боевомъ порядкѣ
Выступить на Лиду, что готовлюсь къ схваткѣ.
Витольда я знаю; чай, ужь онъ стоитъ

Съ войскомъ на дорогѣ, чтобъ меня тамъ встрѣтить;
Но на силу силой мы должны отвѣтить:
Иначе, въ плѣну я буду, иль убитъ.

«Все давно предвидя, я входилъ въ сношенье
Съ орденомъ тевтонскимъ. Противъ козней злыхъ
Обѣщалъ гросмейстеръ дать мнѣ подкрѣпленье
И прислать на помощь рыцарей своихъ.
Имъ мы часть добычи отдадимъ въ награду.
Вотъ послы ихъ! Значитъ, дѣло наше къ ладу.

«Глянь на звѣзды! Прежде, чѣмъ Гіады тамъ
Склонятся къ закату, подоспѣютъ къ намъ
Латниковъ нѣмецкихъ, въ ихъ тяжеломъ строѣ,
Тысяти три разомъ, да пѣхоты вдвое.
Самъ я выбиралъ ихъ: всадниковъ, коней
Взять мнѣ дали, право, лучшихъ, покрупнѣй.
Наши передъ ними — мелочь; то — громады?

«Всѣ они въ желѣзѣ, съ головы до ногъ.
Какъ напрутъ гдѣ массой, лопнутъ всѣ преграды;
Каждый, мнится, стѣну проломить-бы могъ.
А копье, копье ихъ!... Этотъ змѣй желѣзной
Съ адскимъ свистомъ вьется: смерть тутъ не долга̀;
Жало такъ и свѣтитъ искоркою звѣздной;
Вытянута шея прямо на врага,
И едва лишь клюнетъ, тотъ свернется разомъ,
Какъ подъ бурей ко́лосъ, не мигнетъ и глазомъ.
Такъ, оставивъ славный по себѣ поминъ,
Пораженъ когда-то былъ нашъ Гедиминъ.

«Все ужь на готовѣ! Дѣло я заправилъ.

Боковой дорогой въ Лиду мы войдемъ:
Тамъ коварный Витольдъ войска не оставилъ,
Мы теперь подступимъ, грянемъ — и возьмемъ!»

Сей необычайной вѣстью пораженный,
Весь въ слезахъ, въ волненьи, трепетный Рымвидъ,
Въ бездну горкихъ мыслей смутно погруженный,
Голосомъ дрожащимъ князю говоритъ:
«Князь и властелинъ мой! До чего я дожилъ?
Братъ пойдетъ на брата! Кто еще вчера
Иззубрилъ на нѣмцахъ лезвій топора,
Тотъ чтобы, сегодня, силу ихъ умножилъ!
Бить иль быть побитымъ — гдѣ-жь тутъ злѣй бѣда?
Нѣмцы и литвины: — пламя и вода!

«Знаю я: случалось, что сосѣдъ къ сосѣду,
Въ комъ онъ видѣлъ прежде злѣйшаго врага,
Примирясь, шелъ въ гости. съ нимъ дѣлилъ бесѣду
И въ дѣлахъ житейскихъ былъ ему слуга.
Не смотря на злобу вѣковую нашу,
Ляхи и литвины заключали миръ,
И, одинъ къ другому приходя на пиръ,
Вмѣстѣ испивали дружескую чашу.
Отъ начала міра человѣкъ и змѣй
Крѣпки во взаимной нелюбви своей;
Но и между ними дружба ходъ имѣетъ:
Добрый землепашецъ иногда ужà
Принимаетъ въ домъ свой, кормитъ и лелѣетъ,
Какъ хозяинъ добрый, всѣмъ ему служа;
Змѣй ему сталъ гостемъ, гость же — милость неба;
Онъ ужу́ дастъ вдоволь молока и хлѣба,
И не разъ случалось: онъ и пить давалъ

Изъ своей-же чашки гостю поселенцу,
И съ дѣтьми нерѣдко гость сыту пивалъ,
И безвредно тихо сонному младенцу
Онъ, вѣнкомъ свернувшись, перси обвивалъ.

«Да! Но не поладишь со змѣей нѣмецкой!
Тутъ ничѣмъ-бы въ мірѣ ты не угодилъ.
Мало-ли народъ-то прусскій, мазовецкой
И земли, и денегъ нѣмцу въ ротъ всадилъ?
Что ни съѣстъ, все мало. Силой жадной пасти
Насъ-бы, наконецъ, онъ разорвалъ на части!

«Чтобъ спасти отчизну, надо всѣмъ возстать,
Надо вмѣстѣ грянуть. Ну, какая стать
Брать ихъ крѣпостишки, да палить селенья,
Какъ доселѣ было? Въ этомъ нѣтъ спасенья
Отъ тевтонской язвы; этотъ-же народъ
Словно змѣй стоглавый, гидра вѣковая:
Голову отрубишь — глядь! растетъ другая,
Эту отрубилъ ты — десять ихъ растетъ!
Надо снять всѣ сразу. Намъ — страшнѣе казни
Съ нѣмцами сближенье. Испытали мы,
Каковы тевтоны, и отъ ихъ пріязни
Всякій удалиться радъ, какъ отъ чумы.
Всякій взялъ-бы лучше, не смотря на му́ку,
Уголь раскаленный, чѣмъ у нѣмца руку.
Пусть грозитъ намъ Витольдъ: съ нимъ домашній бой
Мы безъ этихъ нѣмцевъ кончимъ межъ собой.
Съ братомъ подеремся — и сойдемся дружно!
Гдѣ свои въ раздѣлкѣ, тамъ чужихъ не нужно.
Да еще и такъ-ли? Точно-ль Витольдъ вновь,

Видя въ насъ честнѣйшихъ воиновъ суровыхъ,
Нарушаетъ вѣрность договорныхъ словъ?
Ты меня послалъ-бы къ Витольду для новыхъ
Съ нимъ переговоровъ; можетъ быть, тутъ есть
Недоразумѣнье». — «Нѣтъ, Рымвидъ, довольно!
О переговорахъ мнѣ ужь слышать больно
Съ этимъ милымъ братомъ. Что тутъ долгъ и честь?
Онъ — одно сегодня, завтра онъ — другое:
Согласился Лиду мнѣ отдать; а тамъ,
Только распустилъ я войско по домамъ,
Онъ съ своимъ подъ Вильной и запѣлъ иное:
Будто-бъ недовольны въ Лидѣ, — не хотятъ,
Чтобъ я былъ тамъ княземъ. Вотъ каковъ мой
братъ!
Нàчалъ пѣть, что Лиду за собой оставитъ,
Для меня-жь достанетъ послѣ новый край;
Жди! Потомъ въ болота, можетъ быть, отправитъ,
Въ глушь, на Русь, къ варягамъ, къ финнамъ — и
ступай!
Онъ туда ссылаетъ всѣхъ родныхъ и кровныхъ,
Чтобъ его лишь только гордой головѣ,
Утѣснивъ, унизивъ близкихъ всѣхъ и ровныхъ,
Властвовать по-царски на родной Литвѣ.

«Мóчи нѣтъ! Отъ брата чтó терпѣть дòсталось!
На конѣ будь вѣчно! Битвамъ нѣтъ числа.
Грудь, кажись, въ одно ужь съ панцыремъ сковалась;
Кажется сталь шлема ко лбу приросла.
Всюду насъ гоняетъ: нѣтъ конца разгонамъ;
Міръ весь обошли мы: тамъ дерись съ тевтономъ;
Тамъ громи сарматовъ, тамъ руби татаръ!

Всюду за ударомъ наноси ударъ!
То по голой степи, по песчанымъ доламъ
Шлетъ онъ насъ подъ вѣтеръ, — гнаться за Моголомъ.
Грабили мы села, замки, города:
Пожиналъ плоды онъ нашего труда!
Если-же чего тамъ голодъ не догубитъ,
Не повыжжетъ пламя, сабля не дорубитъ,
Все ему въ добычу шло тогда живьемъ;
Все мы отдавали Витольду, не споря:
У хазаръ, у финновъ — отъ моря до моря —
Что́ мы ни забрали, все теперь при немъ.

Дворъ его — посмотришь: пышность-то какая!
Край его — да въ мірѣ нѣтъ такого края!
Былъ я у тевтоновъ: хорошо живутъ,
Пруссакамъ на диво! Слова нѣтъ: обильно!
Но нейдетъ въ сравненье съ ихъ устройствомъ Вильно.
Витольда чертоги: — вотъ гдѣ диво — тутъ!
Или, вонъ, на Троцкомъ озерѣ — взгляни-ка
На его столицу, гдѣ онъ панъ-владыка.

Да, своей землею счастливы литвины,
Видѣлъ я всю прелесть ковенской долины,
Ликъ небесъ въ хрустальномъ Нѣмана лицѣ;
Видѣлъ: тамъ русалки и весной, и лѣтомъ
Настилаютъ травку, сыплютъ цвѣтъ за цвѣтомъ.
Но — повѣрить трудно — въ Витольда дворцѣ,
Тамъ, гдѣ сынъ Кейстута гордый обитаетъ,
Мурава̀ съ цвѣтами круглый годъ блистаетъ!
Чтобъ представить взору эти красоты

Серебро шло въ листья, золото — въ цвѣты;
Тамъ въ росу шелъ жемчугъ; перлами тамъ въ залѣ
Плѣнныя сарматки стѣны унизали.
Тамъ кристаллъ волшебный, за̀-моремъ что взятъ,
Вставленъ мастерами въ каждое оконце
И сверкаетъ, точно сталь литовскихъ латъ,
Иль какъ свѣтлый Нѣманъ на весеннемъ солнцѣ,
Гдѣ онъ изъ-подъ снѣгу выбьется — и радъ.

«Что же пріобрѣлъ я? Видѣлъ лишь утраты.
Былъ я изъ пеленокъ прямо втиснутъ въ латы;
Князь — я, какъ татаринъ, выросъ при конѣ;
Съ дѣтства пріучался я къ трудамъ, къ усильямъ;
Въ люлькѣ я кормился молокомъ кобыльимъ,
Цѣлый вѣкъ служила изголовьемъ мнѣ
Конская же грива. Я былъ въ дѣлѣ, въ свалкахъ, —
Равные-жь мнѣ въ лѣтахъ тѣшились шутя
И верхомъ скакали въ комнатѣ на палкахъ,
Деревянной саблей кое-какъ вертя;
И когда по-дѣтски тѣ въ войну играли,
Забавляя старшихъ шумомъ дѣтскихъ дракъ —
Предо мной татары тучи стрѣлъ метали
Или саблей острой дѣйствовалъ полякъ.
Но къ землѣ, съизмлада гдѣ я жилъ и правилъ,
Я, при всѣхъ дѣяньяхъ, пяди не прибавилъ;
Все я въ томъ же замкѣ мрачномъ и глухомъ;
Ни колоннъ, ни арокъ, ни прикрасъ нѣтъ новыхъ:
Посмотри на сырость этихъ стѣнъ дубовыхъ!
Жалкій этотъ теремъ ужь подернутъ мхомъ.
Битвы были жàрки, подвиги кровавы:
Что-жь изъ нихъ я вынесъ, кромѣ славы....
славы....

«Да и славу Витольдъ принялъ въ обладанье:
Наша слава гаснетъ при его сіяньѣ.
Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ
Въ пѣснѣ вдохновенной славитъ и поетъ
Лишь его геройство; новаго Мендога
Въ Витольдѣ онъ видитъ, видитъ полубога;
Витольдово имя онъ къ потомству шлетъ,
Имя-жь Литавора недостойно пѣнья
И умретъ, покрыто плѣсенью забвенья.

«Но чужда мнѣ зависть: пусть онъ богатѣетъ
Въ почестяхъ и славѣ! Пусть онъ всѣмъ владѣетъ!
Но сдержи онъ звѣрской жадности порывъ:
Не бери онъ братій кровныхъ достоянья,
Не топчи ногами право обладанья!
Нѣтъ! Давно-ль, въ столицу онъ Литвы вступивъ,
Бѣднаго Скиргайлу, просто, яко сильный,
Вдругъ спихнулъ — и только: прочь съ престола Вильны!
Прочь! А самъ усѣлся. Такъ властолюбивъ,
Что черезъ гонца лишь броситъ повелѣнье,
Гдѣ князьямъ стать выше, гдѣ упасть подъ тронъ,
Да и ждетъ, чтобъ мигомъ было исполненье:
Не первосвященникъ, не *кривеито*-жь онъ!
Нѣтъ! пора покончить!... Нѣтъ! покуда бьется
Здѣсь, въ груди, духъ жизни.... кровь покуда льется
У меня по жиламъ, и моя рука
Для держанья сабли и щита крѣпка —
На себѣ мы ѣздить этакъ не позволимъ!
Нѣтъ! покуда конь мой.... конь съ крыломъ сокольимъ....

Конь, что взялъ когда-то съ крымскихъ я полей,
Давъ тебѣ, какъ другу, точно же такого....
Конь, какихъ съ десятокъ для моихъ людей
У меня на стойлахъ — для того, другаго....
Этотъ добрый конь мой.... онъ покуда живъ,
У него покуда ноги не ослабли,
Ржавчина не съѣла этой вѣрной сабли....
Конь мой.... конь мой.... сабля....» Бѣшенства порывъ
Не далъ кончить рѣчи, и съ крутымъ движеньемъ
Литаворъ вдругъ звякнулъ всѣмъ вооруженьемъ,
И своею саблей объ-полъ такъ махнулъ,
Что, вспрянувъ высоко изъ-подъ звучной стали,
Какъ отъ звѣздъ падучихъ, искры засверкали,
И въ пустынной залѣ прокатился гулъ.

Сызнова настало мертвое молчанье,
Прерванное княземъ. «Праздное болтанье
Не пора-ли кончить? Средь напрасныхъ словъ
Мы вторыхъ дождемся скоро пѣтуховъ»,
Онъ сказалъ Рымвиду: «Дѣло-же не въ словѣ;
Ты все слышалъ, понялъ: будь-же на-готовѣ!
Я три ночи нѐ спалъ: лягу, отдохну,
Укрѣплюсь немного, чтобъ начать войну.
Знай, что дорога̀ намъ каждая минута.
Пусть считаетъ Лиду княжествомъ своимъ
Витольдъ! Но сказалъ я: пепелъ, прахъ и дымъ —
Вотъ найдетъ, что въ Вильнѣ гордый сынъ Кейстута!
Поскорѣй! Дорога будетъ намъ видна:
Ночь свѣтла; на прибыль движется луна».

Конь, что взялъ когда-то съ крымскихъ я полей,
Давъ тебѣ, какъ другу, точно же такого....
Конь, какихъ съ десятокъ для моихъ людей
У меня на стойлахъ — для того, другаго....
Этотъ добрый конь мой.... онъ покуда живъ,
У него покуда ноги не ослабли,
Ржавчина не съѣла этой вѣрной сабли....
Конь мой.... конь мой.... сабля....» Бѣшенства порывъ
Не далъ кончить рѣчи, и съ крутымъ движеньемъ
Литаворъ вдругъ звякнулъ всѣмъ вооруженьемъ,
И своею саблей объ-полъ такъ махнулъ,
Что, вспрянувъ высоко изъ-подъ звучной стали,
Какъ отъ звѣздъ падучихъ, искры засверкали,
И въ пустынной залѣ прокатился гулъ.

Сызнова настало мертвое молчанье,
Прерванное княземъ. «Праздное болтанье
Не пора-ли кончить? Средь напрасныхъ словъ
Мы вторыхъ дождемся скоро пѣтуховъ»,
Онъ сказалъ Рымвиду: «Дѣло-же не въ словѣ;
Ты все слышалъ, понялъ: будь-же на-готовѣ!
Я три ночи нѐ спалъ: лягу, отдохну,
Укрѣплюсь немного, чтобъ начать войну.
Знай, что дорога̀ намъ каждая минута.
Пусть считаетъ Литву княжествомъ своимъ
Витольдъ! Но сказалъ я: пепелъ, прахъ и дымъ —
Вотъ найдетъ, что въ Вильнѣ гордый сынъ Кейстута!
Поскорѣй! Дорога будетъ намъ видна:
Ночь свѣтла; на прибыль движется луна».

Высказавъ, захлопалъ онъ рукою въ руку:
Звукъ слугамъ призывный! Тѣ вошли по звуку.
Онъ велѣлъ постелю приготовить имъ —
Явно, чтобъ разстаться поскорѣй съ своимъ
Неотступнымъ гостемъ, а не съ тѣмъ, чтобъ сонной
Нѣгѣ предаваться. Тотъ, какъ неуклонный
Исполнитель долга, вышелъ, затрубилъ,
Вызвалъ всѣхъ, и внятно, громко объявилъ
Княжескую волю; но потомъ обратно
Въ замокъ порывался онъ неоднократно
И стоялъ въ раздумьѣ. Кажется, ему
Вновь итти хотѣлось къ князю.... Но къ чему?
Нѣтъ: онъ шагъ въ другую сторону направилъ;
Устремясь на лѣвый замка павильонъ,
Чрезъ особый мостикъ переходитъ онъ
И идетъ къ княгинѣ. Князя онъ оставилъ...

Что была за прелесть юная Гражина,
Дочь вельможи въ Лидѣ! Какъ жива, ловка!
Нѣмана роднаго свѣтлая долина
Украшалась блескомъ этого цвѣтка;
Нынѣ-жь, хоть къ другому возрасту склонялась,
Все въ ней свѣжесть дѣвы съ зрѣлостью жены
Такъ непостижимо, чудно съединялась!
Тутъ, при лѣтнемъ зноѣ, былъ снѣжокъ весны,
Былъ тутъ жгучій полдень съ алыми чертами,
Что проводитъ въ небѣ утренній восходъ;
Взглянешь: это — вѣтка съ вешними цвѣтами
И на той-же вѣткѣ спѣлый, сочный плодъ.
Но лицо.... Не вся тутъ красота княгини,
Нѣтъ: она и ходитъ поступью богини.
Ростъ ея чудесный возвышалъ красу.

На нее да князя какъ, бывало, взглянутъ —
Всѣ кричатъ: «вотъ пара!» А они, какъ встанутъ
Вмѣстѣ межъ народомъ, — кажется, въ лѣсу́,
Лѣсъ тотъ перевысивъ, передъ общимъ взглядомъ,
Тополя два вмѣстѣ въ высь несутся рядомъ.

Одного съ нимъ роста, и лицомъ похожа
На него Гражина; даже суждено,
Чтобъ супруга князя духъ геройскій тоже
Царственно имѣла, съ княземъ за-одно.
Иглы, веретёна за ничто считала
И порою ловко острый мечъ хватала,
Или,-давъ медвѣжьей грубой епанчѣ
Тяжело повиснуть на своемъ плечѣ,
Въ лѣсъ неслась, оставивъ замокъ новогрудской,
Съ бойкими стрѣльцами, на лошадкѣ жмудской,
И обратно съ поля, гордо избочась,
Какъ проселкомъ ѣдетъ съ смѣлостью не женской, —
Кланяется низко людъ весь деревенской
И несетъ ей дани: думаютъ, что — князь!

Съ княземъ все Гражина дѣлитъ — и забавы,
И заботы тягость, и пріятность славы,
И его надъ краемъ княжескую власть.
Судъ, война, управа — часомъ то и это —
Отъ ея зависитъ тайнаго совѣта:
Князь во всемъ княгинѣ предоставилъ часть,
Но не проникали постороннихъ взгляды
Въ этотъ ладъ домашній, и не изъ такихъ
Женъ была княгиня, мелкихъ и пустыхъ,
Что своимъ вліяньемъ выказаться рады.
Все и было скрыто. Но теперь Рымвидъ,

Кое-что смекая умною догадкой,
Видѣлъ лучъ надежды, хоть надежды шаткой,
Въ помощи Гражины. Ей онъ и спѣшитъ
Высказать, какое угрожаетъ горе;
Что въ своемъ тяжеломъ съ княземъ разговорѣ
Онъ узналъ, увѣдалъ, ей передаетъ: —
Чтобъ она спасала князя и народъ.

Эта вѣсть Гражину привела въ волненье,
Но она сдержала внутренній порывъ,
И свое смятенье предъ Рымвидомъ скрывъ,
Выразила только тихое сомнѣнье;
Но ни видъ, ни голосъ ей не измѣнилъ.
«Можно-ли — сказала — чтобы князь склонилъ
Къ женскому совѣту властное вниманье
Въ этомъ важномъ дѣлѣ? Знаю я, что онъ
Слишкомъ стóекъ въ мысляхъ. Чтò мое вліянье?
Вздоръ! Своя лишь воля — у него законъ.
Впрочемъ, иногда онъ, вспыхнувъ, вдругъ рѣшится,
И разгулъ дастъ полный гнѣву своему;
Но тогда не надо возражать ему:
Послѣ онъ утихнетъ самъ и вразумится;
Послѣ-жь и забудетъ скоро обо всемъ.
Мы теперь оставимъ это: подождемъ!»

— «Нѣтъ, княгиня, это не такое слово
Вырвáлось у князя, что потомъ готово
Скоро и забыться. Знаю я его.
Мнѣ ужь не впервые! Было ясно слишкомъ,
Что нельзя причислить къ мимолетнымъ вспышкамъ
Этихъ словъ, столь рѣзкихъ. Я вѣдь у него
Лѣтъ двѣнадцать въ службѣ: никогда, ни разу

Не было такого грознаго приказу.
Тутъ не искры только, и не дымъ да паръ:
Тутъ — прямое пламя. Намъ грозитъ пожаръ!
Ждать ужь я не смѣю. Приказалъ онъ строго
Выступить намъ ночью. Сборъ нашъ — гробъ Меногѵа.
Имъ рѣшенъ на Лиду роковой ударъ.
Ночь свѣтла, сказалъ онъ, и видна дорога». —

«Какъ? Теперь же? Ночью? И пойдутъ литвины
Грудью братъ на брата? Понимаю я:
Дѣло о приданомъ тутъ идетъ Гражины,
И рѣзня межъ братьевъ будетъ за меня!
Я отправлюсь къ князю. Нѣтъ! онъ насъ не сгубитъ.
Я иду! Я брошусь къ княжескимъ стопамъ,
Я — его супруга! Онъ меня такъ любитъ!
Я во всемъ успѣю: ты увидишь самъ!»

Тутъ они разстались. И подъ темнымъ сводомъ
Та пустилась къ князю потаеннымъ ходомъ,
И невѣрный, робкій шагъ ея дрожалъ;
Тотъ дворомъ туда-же; въ сѣни прибѣжалъ,
Въ дверь войти не смѣетъ, и, подкравшись глухо,
Къ щелкѣ приближаетъ онъ то глазъ, то ухо.

Не прошло минуты: щелкнуло въ замкѣ
Скрытой съ боку двери.... кто-то входитъ въ бѣломъ....
«Кто тамъ?» князь окликнулъ, вставъ съ мечемъ въ рукѣ.
«Я!» отвѣтилъ кто-то голосомъ несмѣлымъ,

Но знакомымъ князю. Кажется, *она!*
И — потомъ не слышно: разговоръ сталъ тише;
Звуки, то глотала мертвая стѣна,
То они глушились глубью спальной ниши;
Иногда сильнѣе, ярче зазвучитъ
Голосъ тотъ иль этотъ, и промчится съ эхомъ;
Больше голосъ женскій слышенъ; тотъ молчитъ,
Или, какъ казалось, отвѣчаетъ смѣхомъ.

Словъ не слышно. Что-же видно тамъ? *Она*
Стала на колѣни, трепетна, блѣдна.
Онъ ее скорѣе встать, казалось, проситъ,
Рѣчь свою съ движеньемъ жаркимъ произноситъ
И умолкъ. А бѣлый призракъ тотъ, въ рукѣ
Ключъ держа и къ тайной устремившись двери,
Тамъ исчезъ, и снова щелкнуло въ замкѣ.
Что-жь? Успѣхъ тутъ дѣлу, или все въ потерѣ?
Смутный умъ Рымвида разгадать не могъ;
Все въ его мышленьѣ было такъ нестройно!
Отпустивъ княгиню, князь поспѣшно легъ
И уснулъ, казалось, крѣпко и спокойно.

Возвращаясь съ поста своего, Рымвидъ
Вдругъ случайно видитъ: въ лѣвомъ павильонѣ,
Гдѣ живетъ княгиня, стоя на балконѣ,
Пажъ съ посломъ нѣмецкимъ что-то говоритъ.
Вѣтеръ не давалъ хоть этой рѣчи звуку
Прилетать къ Рымвиду, но былъ внятенъ жестъ:
Пажъ стоялъ, къ воротамъ простирая руку,
Явно указуя рыцарю отъѣздъ.
Тотъ, въ порывѣ яромъ на коня кидаясь
И спѣша изъ замка, крикнулъ, обращаясь

Къ вѣстнику отказа: «Еслибъ не посломъ
Былъ я здѣсь тевтонскимъ, то, клянусь крестомъ,
Вмигъ я проучилъ бы здѣсь же Литавора!
Да, крестомъ клянусь я: этого позора
Не перенесла-бы честь и кровь моя!
При посольствахъ выросъ межъ монарховъ я;
Но не смѣлъ ни цезарь, ни святѣйшій папа,
Чрезъ пажа простаго вдругъ сказать мнѣ: прочь!
Здѣсь, въ поганомъ замкѣ вашего сатрапа,
Подъ открытымъ небомъ я провелъ всю ночь!
И зачѣмъ вамъ было поднимать тревогу?
Съ умысломъ коварнымъ звать насъ на подмогу,
Въ Витольда чтобъ грянуть! Втайнѣ-жь мысль у васъ
Вдругъ ударитъ вмѣстѣ съ Витольдомъ на насъ.
Нѣтъ! клянусь я: это не пройдетъ вамъ даромъ!
Сами подойдете къ нашимъ вы ударамъ,
Идолопоклонцы! Громъ нашъ васъ сразитъ,
И тогда самъ Витольдъ васъ не защититъ.
Ожидайте казней! Приготовьтесь къ карамъ?

«Передай все князю! Самъ ему готовъ
Я сказать все то же, а изъ нашихъ словъ,
Рыцарскихъ, нельзя ужь выбросить ни звука,
Словно изъ молитвы Божьей: «Отче нашъ»;
До послѣдней буквы все ты передашь,
Я же все исполню: небо — въ томъ порука.
Въ яму, что копали для тевтонцевъ вы,
Вамъ же ровалиться съ ногъ до головы!
Прежде, чѣмъ денница будетъ на восходѣ,
Это совершится. Я — не кто иной,
Какъ комтуръ тевтонскій, Дидрихъ фонъ-Книпроде.
Объяви же князю! Всадники! за мной!»

Но еще онъ медлилъ, словно ждалъ призыва....
Наконецъ, пустился въ путь нетерпѣливо
И за нимъ тѣ двое. Издали, порой,
Ихъ вооруженья слышалось брацанье,
Видѣлось на латахъ лунное мерцанье,
Дальше.... меньше.... тише.... скрылись за горой.

«Убирайтесь!» молвилъ, глядя вслѣдъ за ними,
Нашъ Рымвидъ съ усмѣшкой: «И впередъ, чтобъ вы
Ввѣкъ не приближались къ рубежамъ Литвы!
Добрая княгиня! Это все твоими
Пьемъ мы медъ устами. Вотъ, поди-жь, узнай
Сердце человѣка! Князь упорный, мнилось,
Ни за что не сдастся: прочь! не возражай!
А пошла княгиня — все перемѣнилось.
Эхъ, забылъ я, старецъ, міровой законъ:
Вѣдь она прекрасна, и вѣдь молодъ онъ!»

Ждетъ Рымвидъ и смотритъ: нѣтъ-ли ужь и свѣту
Въ теремѣ у князя? Онъ не всталъ-ли? Нѣту.
Вотъ онъ къ павильону, въ сѣни, да къ дверямъ:
Ничего не слышно, все спокойно тамъ.
Тщетно напрягаетъ онъ и слухъ, и око:
Князь угомонился, спитъ себѣ глубоко

«Все тутъ непонятно — мыслитъ онъ — все диво!
Князь кричалъ и рвался такъ нетерпѣливо,
Чтобъ сбиралось войско, торопилъ всѣхъ насъ,
Самъ же спитъ такъ долго: что съ нимъ сталось нынѣ?
Нѣмцевъ звалъ на помощь, а послу отказъ

Чрезъ кого-жь объявленъ? Чрезъ пажа княгини!
Въ сценѣ той, хоть словъ я слышать и не могъ,
Мнѣ, казалось, были тщетны всѣ моленья
Плачущей княгини: князя видъ былъ строгъ....
Развѣ ужь Гражина, всѣ его велѣнья
Преступивъ отважно, на себя взяла?
Этакую дерзость — отпустить посла!
Прелестію женской послѣ полагая
Князя гнѣвъ разнѣжить, тучи разогнать;
Ей ужь не впервые смѣло поступать;
Но не черезмѣрна-ль смѣлость въ ней такая?»

И Рымвидъ терялся, въ думы погруженъ:
Все ему казалось странною загадкой....
Вдругъ ему киваютъ, знакъ даютъ украдкой,
Чтобы шелъ скорѣе къ дѣвой башнѣ онъ:
Женщина, что въ близкой службѣ при княгинѣ,
Вводитъ старца.... Что-то будетъ съ нимъ теперь!
Видитъ онъ, что снова предстоитъ Гражинѣ;
Ихъ осталось двое — и закрылась дверь.

«Ну, почтенный другъ мой, намъ не удалось»,
Говоритъ Гражина: «Впрочемъ, дѣйствуй бодро!
Нынче непогода, завтра будетъ вёдро.
Да смотри, тревоги чтобъ не поднялось
Въ войскѣ! Намъ здѣсь надо такъ распорядиться,
Чтобы князь отвѣта дать не поспѣшилъ
Нѣмцамъ чрезъ пословъ ихъ. Съ нѣмцемъ съединиться —
Онъ теперь, въ волненьи, дѣло такъ рѣшилъ,
А потомъ, быть можетъ, иначе разсудитъ,
Какъ поотдохнетъ онъ и спокоенъ будетъ.

Ничего не бойся! Что онъ повелѣлъ,
Послѣ то исполнимъ. Если въ прежнемъ словѣ
Будетъ князь упоренъ, войско на-готовѣ.
Но теперь-же, ночью, онъ въ походъ хотѣлъ?...
Вѣрить невозможно! Съ разумомъ несходно!
Съ боя онъ явился въ замкѣ лишь своемъ,
Чуть лишь латы сбросилъ, чтобъ дохнуть свободно,
И опять на битву! Полно! .. Подождемъ!»

— «Добрая княгиня! Въ этомъ насъ обманетъ
Легкая надежда: ждать ужь князь не станетъ.
«Дорога минута!» мнѣ онъ прокричалъ,
Гнѣвно отвергая всѣ мои сужденья.
Но, моей княгини просьбы, убѣжденья....
Что на нихъ, не знаю, князь мой отвѣчалъ!» —

Только лишь Гражина говорить хотѣла,
Разговоръ былъ прерванъ.... туча налетѣла.

Стукъ подковъ раздался: глядь! во весь опоръ
Юноша какой-то мчался черезъ дворъ.
То былъ пажъ княгини. Весь въ пыли, ворвался
Къ ней онъ съ донесеньемъ, что сейчасъ попался
Въ плѣнъ къ литвинамъ нѣмецъ; посланнымъ въ нарядъ
Нѣмецъ тотъ литовскимъ былъ патрулемъ взятъ
По дорогѣ въ Лиду; отъ него-жь узнали,
Что весь лѣсъ окрестный нѣмцы занимали,
Конница, пѣхота, — и при этомъ цѣль
Ихъ вождя, комтура, дерзкаго тевтонца,
Вдругъ на городъ хлынуть и на цитадель
Приступомъ ударить, при восходѣ солнца.

«Пусть Рымвидъ теперь-же къ князю поспѣшитъ!»
Пажъ прибавилъ: «дѣло князь пускай рѣшитъ:
Ждать-ли за стѣной намъ, иль, не медля болѣ,
Выходить и встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ.
Лучше-бъ до прибытья ихъ бомбардъ, стрѣльцовъ,
Такъ сказалъ начальникъ нашего отряда,
Къ нимъ на встрѣчу выйти; чтобъ со всѣхъ концовъ
Насъ не обступили, намъ ударить надо.
Тѣ не ожидаютъ, чтобъ мы вышли къ нимъ;
Вдругъ мы ихъ откинемъ конницу къ болоту,
А потомъ, всей силой грянуть на пѣхоту —
Этихъ скорпіоновъ всѣхъ мы истребимъ!»

И Рымвидъ, какъ громомъ, пораженъ. Гражинѣ
Эта вѣсть ужасна по иной причинѣ.
«Пажъ!» она вскричала: «гдѣ же тѣ послы?»
Пажъ, не отвѣчая съ явнымъ удивленьемъ
Смотритъ на княгиню. Не ея-ль велѣньемъ
Онъ же отпустилъ ихъ? Тѣ какъ были злы!

— «Но, княгиня, вы мнѣ, въ этой самой залѣ»,
Говоритъ онъ робко: «какъ второй ужь разъ
Пѣтухи запѣли, сами приказали
Объявить тевтонцу княжескій отказъ». —

«Да!» она сказала, видимо блѣднѣя,
«Да!... ты правъ... забыла»... и слова, коснѣя,
Какъ-то обрывались. «Да, ты правъ, мой другъ,
Такъ все это было... Я припоминаю...
Я пойду... Позвольте... Остаюсь... Не знаю...

Нѣтъ, нельзя остаться»... и замолкла вдругъ;
Разъ еще тревожно взорами обводитъ
Сумрачную залу, и склоняетъ ницъ
Бахрому пушистыхъ, трепетныхъ рѣсницъ;
По челу, казалось, облако проходитъ;
На туманномъ склонѣ этого чела
Мысль, казалось, зрѣетъ... Вотъ яснѣе стало!
Вотъ еще яснѣе?... Мигъ — и засіяло:
«Рѣшено! Идите!» и она пошла.

«Я иду, чтобъ мужа разбудить, и скоро
Войско поведетъ онъ. Пажъ! сѣдлать коня!
Быть сейчасъ, въ минуту, всѣмъ на мѣстѣ сбора!
Мигомъ! Это слово вамъ не отъ меня;
Знайте: это слово — князя Литавора!
И Рымвидъ отвѣтитъ послѣ головой
За неисполненье. Планъ у насъ какой,
Пусть никто не знаетъ, пусть никто не видитъ!
Ожидайте князя тамъ, въ сѣняхъ: онъ выйдетъ».

И Гражина вышла въ маленькую дверь,
А Рымвидъ: «что-жь съ нами станется теперь?
И куда итти мнѣ?» смутно разсуждаетъ;
«Все въ походъ готово; войско ожидаетъ;
Но къ чему все это, наконецъ, ведетъ?»
Самъ въ раздумьѣ тихомъ онъ идетъ, идетъ...
Вдругъ остановился, и по мыслей склону
Поворотъ онъ сдѣлалъ къ князя павильону.

«Спитъ онъ тамъ, не спитъ-ли, я къ нему войду:
Надо объясниться. Вѣдь ужь утро скоро!»
Такъ Рымвидъ подумалъ. Но у всѣхъ въ виду

Вдругъ въ сѣняхъ явился образъ Литавора.
Золото и пурпуръ царственно блестятъ
На его прекрасной боевой одеждѣ;
Легкій панцырь занялъ мѣсто тяжкихъ латъ,
Что для битвъ опасныхъ надѣвалъ онъ прежде;
Плащъ немного спущенъ съ праваго плеча;
Перьями украшенъ шлемъ его батальный,
И, имѣя справа перевязь меча,
Лѣвою рукой онъ щитъ держалъ овальный.

Изнуренъ казалось, гнѣвомъ иль трудами
Бывшаго похода, зыбкими шагами
Выступалъ онъ тихо. Гордо принялъ онъ
Войсковымъ начальствомъ сдѣланный поклонъ,
Слова не промолвилъ съ главными вождями,
И рукой невѣрной, и почти дрожа,
Лукъ съ колчаномъ принялъ онъ изъ рукъ пажа;
Даже мечъ свой славный, свой булатъ завѣтный,
По ошибкѣ странной, справа прицѣпилъ,
И хоть всѣмъ былъ явенъ промахъ столь замѣтный,
Но съ поправкой къ князю кто-бы подступилъ?

Изъ сѣней онъ вышелъ. Знамя золотое
Поднято; несется передъ нимъ оно.
На коня вскочилъ онъ: войско въ ратномъ строѣ
Крикнуть ужь готово, грянуть въ трубы... Но
Князь далъ знакъ рукою, что гремѣть не нужно.
Выступили тихо; у воротъ затворъ
За собой скрѣпили. Разный людъ прислужной
Выведенъ былъ за мостъ, на отдѣльный дворъ.

Вышли, взяли вправо съ главнаго пути
И межъ горныхъ склоновъ скрылись за кустами;
Послѣ-жь, чтобъ къ дорогѣ накось перейти,
Имъ пришлось тянуться узкими мѣстами;
Съ двухъ сторонъ давилъ ихъ тѣсный косогоръ,
Но, по мѣрѣ хода, ширился просторъ.

Вотъ уже отъ замка разстоянье это
Было на нѣмецкій выстрѣлъ изъ мушкета.
Тутъ струею тонкой, незамѣтно текъ
Міру неизвѣстный свѣтлый ручеекъ,
Змѣйкой серебристой по-лѣсу блуждая
И хрустальнымъ устьемъ въ озеро впадая;
Озеро-жь блестѣло чище серебра,
Справа, слѣва — рощи, впереди — гора.

Глядь: кирасы, каски подъ горой мелькаютъ,
Отражая лунный серебристый свѣтъ.
Искры тамъ сверкнули, прогремѣлъ мушкетъ
И тевтонцевъ тучи — тучи выступаютъ;
Всадники и кони, въ массѣ ихъ сплошной,
Взгромоздившись, стали мѣдною стѣной.
По брегамъ гористымъ Виліи лѣса
Такъ стоятъ во время лунной ночи йхладно,
А на нихъ, подмерзнувъ, крупная роса
Нижется жемчужной бахромой нарядной,
И, какъ путникъ входитъ въ этотъ край чудесъ —
Глядь: окристаллованъ, высеребренъ лѣсъ.

Князь, воспламененный жаромъ боевымъ,
Съ поднятою сталью кинулся на встрѣчу
Конницы тевтонской; многіе — за нимъ.

Какъ-же онъ такъ странно начинаетъ сѣчу,
Не раздавъ приказовъ по войскамъ своимъ?
Гдѣ сосредоточить главныя усилья?
Кто быть долженъ въ центрѣ? Въ чьей командѣ крылья?

Вѣрно, волю князя вѣдаетъ Рымвидъ, —
Старый вождь, кѣмъ нѣмецъ былъ не разъ ужь битъ:
Боевымъ порядкомъ, точно, онъ и правитъ
Предъ горой своихъ онъ въ полумѣсяцъ ставитъ:
Латниковъ — въ средину, по бокамъ — стрѣлковъ.
На Литвѣ обычай былъ всегда таковъ.)
Данъ сигналъ: подъемлясь, копья задрожали!
Засверкали сабли. Начинай! Пора!
Луки зазвенѣли, стрѣлы завизжали.
«Іисусъ! Марія!» — Гопъ, гопъ, гопъ, ура! —

Всадники сцѣпились, копья на осадку
Къ стременамъ приткнули, и, грудь съ грудью, въ схватку!
Все перемѣшалось, и со всѣхъ сторонъ
Звонъ и стукъ оружій, ломка сабель, стонъ
Тѣ кричатъ въ паденьи, тѣ лежатъ ужь нѣмы,
Сыплются, крутятся головы и шлемы;
Тотъ, кого безвредно обошелъ булатъ,
Конскими ногами стоптанъ и измятъ.

Князь гдѣ? Впереди онъ, въ свалкѣ самой бурной.
Вонъ, — врагами узнанъ плащъ его пурпурный
Шлемъ его пернатый, и его девизъ,
И назадъ отъ страха нѣмцы подались

Онъ-же все тѣснитъ ихъ, невоздержно пылокъ;
Тѣ бѣгутъ — онъ гонитъ, сѣвъ имъ на затылокъ...
Хлещетъ по кирасамъ саблей, но зачѣмъ
Безъ малѣйшей пользы тратитъ столько жара?
Мечъ свой только тупитъ; ни одинъ, межъ тѣмъ,
Врагъ еще не падалъ отъ его удара;
Сталь его то плашмя на врага падетъ,
То пустымъ размахомъ воздухъ разсѣчетъ.

И тевтоны, видя, что лишь страхъ великъ,
А вреда нимало, ободрились вмигъ:
Съ крикомъ повернулись, стали, и всѣмъ вѣсомъ
Конницы тяжелой сдѣлали отпоръ,
Такъ что былъ охваченъ тутъ-же цѣлымъ лѣсомъ
Дротиковъ и копій слабый Литаворъ;
Страхъ иль утомленье эту слабость множитъ:
Ни мечемъ владѣть онъ, ни щитомъ не можетъ.

Тутъ-бы и погибъ онъ, но одинъ отрядъ
Доблестныхъ литовцевъ врѣзался, вломился
Въ гущу этой свалки: быстро князь былъ взятъ
Ими въ охраненье, ими онъ прикрылся.
Тотъ свой щитъ подставилъ, чтобъ его сберечь;
Тотъ мечемъ проворно встрѣтилъ вражій мечъ.

Утро ужь! Сквозь дымку утренняго пара
Рѣжутся съ востока первые лучи.
Битва роковая продолжалась яро;
Воины все были такъ-же горячи.
Тѣ и эти — стойки. Богъ кровавой брани
Жертвы собираетъ тучныя со всѣхъ;
Ровно съ тѣхъ и съ этихъ требуетъ онъ дани;
Ровно тѣмъ и этимъ видится успѣхъ.

Такъ родной нашъ Нѣманъ, старецъ челноводный,
Повстрѣчавъ Румшиса вѣковой утесъ,
Прямо, снизу, сбоку, бьетъ волной холодной,
Но Румшисъ упорный крѣпко въ землю вросъ.
Нѣманъ съ напряженьемъ бьется грудью въ стѣну
Мощнаго утеса: но стоитъ скала,
И утесъ не сдался, и рѣка, вся въ пѣну
Съ шумомъ обратившись, русло сберегла.

Ужь тевтонъ, измученъ битвою напрасной,
Чтобъ покончить участь боевой игры,
На литовцевъ двинулъ свой отрядъ запасной:
Самъ комтуръ отрядъ сей въ бой ведетъ съ горы.
Это силъ нѣмецкихъ явно къ перевѣсу
Послужило разомъ... Стойте! изъ-за лѣсу
Скачетъ новый рыцарь къ схваткѣ боевой.
Чу! Какъ мощно грянулъ голосъ громовой!
Спущено забрало. Кто онъ? Появленье
Грозно и внезапно. Всѣ въ недоумѣньѣ:
За кого онъ станетъ? Противу кого?
Широко развѣянъ черный плащъ его;
Онъ подъ шлемомъ чернымъ: цвѣта нѣтъ инаго;
Даже взялъ коня онъ къ бою воронаго;
Словно, весь одѣтъ онъ мракомъ. Такъ, порой,
Гдѣ покровомъ зимнимъ долы забѣлѣли,
Въ полѣ, надъ высокой снѣжною горой,
Стелется, чернѣя, тѣнь вѣтвистой ели.

Онъ летитъ на нѣмцевъ, прямо въ самый жаръ
Смертоносной битвы. Имъ — его ударъ!
Въ середину стычки не проникнешь глазомъ,

Многихъ сценъ кровавыхъ не обнимешь разомъ;
Только, гдѣ сильнѣе пораженныхъ стонъ
И гдѣ свалка гуще, тамъ ужь вѣрно *онъ!*
Гдѣ валятся больше, при рѣзнѣ упорной,
Шлемы и штандарты — тамъ и рыцарь черный.

Такъ, порой, при рубкѣ, гордый лѣсъ трепещетъ,
Падаютъ — гдѣ сосны, гдѣ упрямый дубъ.
То топоръ тамъ звякнетъ, то пила скрежещетъ,
По стволамъ съ сучками проводя свой зубъ;
Послѣ-жь въ просѣкъ видно, гдѣ сѣкира блещетъ,
И межъ падшихъ бревенъ видѣнъ древорубъ;
Такъ себѣ, средь нѣмцевъ, средь толпы ихъ тѣсной,
Рубитъ путь къ литвинамъ рыцарь неизвѣстный.

Подвизайся, рыцарь! Бейся! Поспѣшай!
Бѣдные собратья изнемогутъ скоро.
Въ помощь имъ, не медля, руку простирай!
Гибнутъ; не сдержать имъ вражьяго напора!
Самъ комтуръ тевтонскій здѣсь изъ края въ краї
Носится, и взоромъ ищетъ Литавора...
Встрѣтилъ — и сглянувшись оба межъ собой,
Кинулись другъ къ другу на смертельный бой.

Князь лишь поднялъ мечъ свой, жребій совершился:
Нѣмецъ поражаетъ выстрѣломъ его;
Мечъ изъ длани выпалъ, шлемъ съ чела свалился,
И литовцы видятъ князя своего,
Какъ, съ сѣдла сползая, на бокъ онъ склонился,

Какъ всѣ ослабѣли члены у него,
И съ коня онъ долу навзничъ былъ низверженъ,
Поздно ужь слугами вѣрными поддержанъ.

Черный рыцарь, страшнымъ ревомъ разразясь,
Вмигъ, подобно тучѣ, что въ догонку грому
Сыплетъ градъ свой крупный по лицу земному,
Бросился къ комтуру, кѣмъ низложенъ князь,
Съ градомъ злыхъ ударовъ... Мигъ — и вождь тевтонской
Раненъ, опрокинутъ, смятъ подковой конской.

И туда, гдѣ падшій князь со всѣхъ сторонъ
Окруженъ усерднымъ сборищемъ прислуги,
Какъ стрѣла, несется черный рыцарь. Онъ
Разрываетъ князю сѣть его кольчуги,
Прочь металлъ снимаетъ, гдѣ пристыла кровь,
Глубока-ли рана — смотритъ осторожно,
Съ нѣжною заботой дѣлаетъ, что можно,
Раненому въ помощь. Но изъ раны вновь
Токъ кровавый хлынулъ, и отъ боли входитъ
Изнемогшій въ чувство: взорами обводитъ
Всѣхъ кругомъ стоящихъ, и наличникъ свой
На чело спускаетъ слабою рукой,

И потомъ, услуги прочихъ устраняя,
Старику Рымвиду руку протянулъ:
«Кончено! Умру я!» старцу онъ шепнулъ:
«Грудь не открывать мнѣ, тайну сохраняя!
Но не здѣсь я душу небу поручу:
Въ замокъ! Тамъ я, въ замкѣ, умереть хочу!»

И Рымвидъ, внимая этой рѣчи звуку,
Вздрогнулъ. обезумѣлъ, потъ на лбу застылъ
И ему предсмертно поданную руку
Онъ, обливъ слезами, тихо опустилъ.
Какъ-же не узналъ онъ средь ночнаго сбора
Тамъ... вчера... То нé былъ голосъ Литавора!

Между тѣмъ тотъ рыцарь, своего коня
Поручивъ Рымвиду и чело склоня,
Раненаго принялъ на руки, больное
Бремя это поднялъ, на обратный путь
Приказалъ Рымвиду къ замку повернуть,
И, усѣвшись, ѣдутъ съ поля битвы трое.
Ужь окопы близко. Городской народъ
Къ нимъ идетъ на встрѣчу праздно-любопытный;
Тѣ-же, сохраняя видъ возможно-скрытный,
Сквозь толпу проникли. Вотъ ужь у воротъ!...
Въѣхали... замкнулись... Полно! Для народа
Стражей не дается выхода и входа.

Вотъ ужь потянулось къ замку остальное
Княжеское войско, и хоть въ этомъ боѣ
Выиграно дѣло, но видна печаль
На туманныхъ лицахъ: людямъ князя жаль!
Воины въ тревогѣ, хлопцы ищутъ пана:
Чтó онъ? Гдѣ онъ? Живъ-ли? Не опасна-ль рана?
Какъ развѣдать? Замка недоступенъ дворъ:
Ровъ глубокъ, мостъ поднятъ, глухъ воротъ затворъ —
Между тѣмъ драбанты мрачно хлопотали,
И, вцѣпясь въ кустарникъ, опускались въ ровъ,
Къ лѣсу шли съ желѣзомъ пилъ и топоровъ,

Деревà рубили, хворость набирали
И переправляли сушей и водой
Тотъ запасъ горючій. Вѣяло бѣдой...

Гдѣ стоялъ богъ молній съ богомъ бурь шумливыхъ,
И на алтаряхъ ихъ, посреди жрецовъ,
Кровь лилась вседневно: то коней ретивыхъ,
То сереброрунныхъ агнцевъ, то тельцовъ,
Тамъ костеръ воздвигнутъ. Тотъ костеръ былъ важенъ:
Занялъ онъ пространства ровно въ двадцать саженъ.

Дубъ по-серединѣ этого костра.
Кто-же этотъ всадникъ, весь вооруженный
И тройною цѣпью къ дубу пригвожденный?
То комтуръ, который былъ посломъ вчера,
Дерзкій вождь тевтонцевъ, знаемый въ народѣ,
Злой убійца князя, Дитрихъ фонъ-Книпроде.

Рыцари, мѣщане, весь народный сборъ —
Здѣсь. Но что-жь здѣсь будетъ? Угадать боятся.
Страхъ, тоска, надежда, въ душу вдругъ тѣснятся.
Всѣ на замокъ грустный обращаютъ взоръ,
И тая волненье трепетнаго духа,
Напрягаютъ силу зрѣнія и слуха.

Чу! Гудитъ звукъ трубный съ башни замка дальной.
Мостъ опущенъ. Тихо выходъ погребальный
Движется, чернѣя, и героя прахъ
Воины выносятъ на своихъ щитахъ.
Ратное оружье праху служитъ рамой:

Мечъ, копье и стрѣлы падшаго бойца.
Это князь! Вотъ пурпуръ! Это плащъ тотъ самый...
Но наличникъ спущенъ: не видать лица.

«Это онъ!» вскричали. «Равнаго подъ солнцемъ
Нѣтъ ему другаго. То нашъ князь младой,
Тотъ, что многократно былъ грозой тевтонцамъ
И не разъ съ ногайской вѣдался ордой;
Князь, водившій войско на погромъ и славу,
И творившій дома судъ намъ и расправу!
Отчего-жь въ обрядѣ княжьихъ похоронъ
Дѣдовскій обычай здѣсь не соблюденъ?

«Гдѣ конюшій князя? Трауромъ покрытый,
Всадника лишенный, гдѣ парадный конь?
Развѣ не пойдутъ съ нимъ на костеръ, въ огонь?
Гдѣ краса охоты, соколъ знаменитый?
Отчего не видно псовъ его лихихъ,
Этихъ вѣтрорѣзовъ, гончихъ и борзыхъ?»

Такъ толпа роптала. Смутный разговоръ
Вскорѣ разомъ стихнулъ. Въ черныхъ одѣяньяхъ
Рыцари возносятъ тѣло на костеръ.
Вотъ ужь, при протяжныхъ трубныхъ завы-
ваньяхъ,
Жертвенно ліется молоко и медъ.
Вотъ ужь съ гимномъ смерти вышелъ вайделотъ!
Жрецъ взялъ ножъ и факелъ на обрядъ тле-
творный...
Чу! остановитесь: ѣдетъ рыцарь черный.

«Кто онъ?» вопрошаютъ. «Это — да! — тотъ
самый,

Что въ бою на нѣмцевъ громы низвергалъ,
Тотъ, подъ чьимъ ударомъ палъ комтуръ упрямый,
Тотъ, что такъ усердно князю помогалъ,
Онъ, что спасъ литовцевъ въ томъ бою упорномъ:
Конь и плащъ — все тѣ-же; весь онъ также въ черномъ.
Только и узнали. Но отколь? Зачѣмъ?
Кто онъ? какъ зовется? Вотъ постойте, скоро,
Скоро всѣ узнаютъ!» Снялъ онъ черный шлемъ
И народъ увидѣлъ ликъ знакомый всѣмъ:
То былъ ликъ печальный князя Литавора!

Весь отъ изумленья онѣмѣлъ народъ,
Обомлѣлъ; но радость быстро верхъ беретъ:
«Живъ нашъ князь!» вскричали, и неукротимый
Крикъ поднялся къ небу: «Живъ онъ, нашъ родимый!»

Блѣдный и смущенный князь челомъ поникъ.
Онъ уныло принялъ сей народный кликъ.
Медленно потомъ онъ, взоръ свой поднимая,
Тихою улыбкой людямъ отвѣчалъ,
И, собранье взоромъ обводя, молчалъ.
То была улыбка, только не такая,
Что живитъ сердечно всѣ черты лица,
И въ очахъ сіяетъ; проявясь насильно,
Съ устъ улыбка эта смотритъ такъ могильно,
Какъ цвѣтокъ въ холодной длани мертвеца.

«Зажигайте!» вдругъ онъ произнесъ — и вспыхнулъ
Весь костеръ, и слезы градомъ-изъ очей.

«Этотъ прахъ безцѣнный — знаете ли чей?»
Онъ сказалъ, и шопотъ межъ людьми утихнулъ.

«Это — хоть оружье вкругъ ея чела
Воина и мужа — женщина была!»
Весь народъ склонился напряженнымъ слухомъ
Предъ словами князя: «То былъ женщинъ цвѣтъ,
Съ прелестію женской и геройскимъ духомъ!
За себя отмстилъ я; но ея ужь нѣтъ!»

Кончивъ рѣчь, исчезнулъ съ прахомъ онъ любимымъ
На кострѣ, объятый пламенемъ и дымомъ.

Эпилогъ издателя.

Читатель! Если терпѣливо
Прочелъ ты длинный сей разсказъ
И не доволенъ, то — не диво!
Неясность — горе, особливо
Гдѣ любопытство мучитъ насъ.
Князь, напримѣръ, зачѣмъ напрасно
Женѣ своей оружье далъ,
А самъ на битву опоздалъ?
Или Гражина самовластно
Шла вмѣсто мужа своего,
Совсѣмъ безъ вѣдома его?
Но какъ-же онъ, о томъ не зная,
Вдругъ самъ на нѣмцевъ налетѣлъ?
Читатель! все-бъ ты знать хотѣлъ,
Но авторъ, слухи собирая
Въ мѣстахъ при-нѣманскаго края,
Объ этомъ дѣлѣ что́ узналъ,
То вкратцѣ, бѣгло записалъ;
Сказавъ-же то или иное,
Прошелъ молчаньемъ остальное,
Чтобъ въ историческую вѣсть
Досужихъ вымысловъ не ввесть.
Онъ умеръ; рукопись-же эта
Досталась мнѣ: отъ взоровъ свѣта

Ее подъ спудомъ не тая,
Теперь издать рѣшился я,
И чтобъ дополнить, что неясно,
Я къ новогрудцамъ на разспросъ
Кидался, рыскалъ, но напрасно:
Мнѣ ничего не удалось.
Одинъ Рымвидъ могъ вѣдать много,
Но онъ, какъ старый человѣкъ,
Уже давно свой кончилъ вѣкъ;
При жизни-же молчалъ онъ строго,
Какъ будто клятвой связанъ былъ
Или подъ старость все забылъ.
Однако-же въ краю томъ нынѣ,
Извѣстьемъ каждымъ дорожа̀,
Я отыскалъ того пажа,
Что̀ былъ въ услугахъ при княгинѣ,
И онъ, какъ человѣкъ простой,
Весьма болтливый и пустой,
Что зналъ, сказалъ при первомъ шагѣ,
А я скорѣй — къ перу, къ бумагѣ.
Но я за вѣрность словъ его
Не поручусь: перо готово
Лишь передать здѣсь слово въ слово
Все, что я слышалъ отъ него.
«Княгиня долго, на колѣняхъ, —
Сказалъ онъ, — мужа своего,
При жалобныхъ упрекахъ, пеняхъ,
Просила на литовскій край
Не накликать враговъ опасныхъ;
Но онъ не слушалъ словъ напрасныхъ
И все твердилъ: оставь! ступай!
Порою-жь отвѣчалъ лишь смѣхомъ.

Княгиня вышла съ неуспѣхомъ,
Надѣясь, видно, выбравъ часъ,
Счастливѣй быть въ другой ужь разъ;
Пословъ-же удержать, оставить
Въ стѣнахъ иль какъ-нибудь отправить
Княгиня мнѣ дала приказъ.
Я ихъ отправилъ. За живое
Задѣлъ я нѣмца. Кутерьмы
Немало вышло: въ этомъ мы
Съ княгиней виноваты двое.
Комтуръ, поднявъ нѣмецкій носъ,
Сейчасъ въ мѣстахъ разставилъ скрытныхъ
Тьму войскъ, орудій стѣнобитныхъ,
И я объ этомъ вмигъ донесъ
Княгинѣ. Я-ль не обнаружу
Нѣмецкихъ штукъ? Княгиня къ мужу,
А я за ней вошелъ тайкомъ.
Князь почивалъ глубокимъ сномъ;
Гражина стала возлѣ ложа,
Но побоявшись, можетъ быть,
Иль пожалѣвъ его будить,
Предприняла иное. Что-же?
Она беретъ у князя мечъ,
Спѣшитъ на брови шлемъ надвинуть,
Грудь легкимъ панцыремъ облечь,
И пурпуръ княжескій накинуть
На бѣлизну прекрасныхъ плечь;
Потомъ, скользнувъ подобно тѣни,
Замкнула дверь и вышла въ сѣни,
Не позабывъ мнѣ приказать
Языкъ на-привязи держать.
Ужь конь и все готово было,

Все: у воинственной жены
Лишь сабли съ лѣвой стороны
Недоставало... Позабыла,
Иль уронила какъ-нибудь
Въ потемкахъ, отправляясь въ путь.
Туда, сюда я и обратно
Метался. Слышу стукъ воротъ:
Замкнули; войско ужь идетъ.
Меня тутъ ужасъ непонятной
Вдругъ одолѣлъ. Какъ быть мнѣ здѣсь?
Что дѣлать? Я увязъ въ задачахъ,
И такъ мечусь, какъ будто весь
Я былъ на угольяхъ горячихъ.
Вдругъ дальній проблескъ!.. Чу! стрѣльба!
То нашихъ съ нѣмцами борьба:
Смекнулъ я: разумъ мой очнулся.
Межъ тѣмъ и князь, гляжу, проснулся;
Не знаю, такъ подпялся онъ,
Иль громомъ битвы пробужденъ;
Кричитъ, людей зоветъ, но тщетно:
Кругомъ все глухо, безотвѣтно;
Я-жь князю въ комнату ползкомъ
Проникъ, и, темнымъ уголкомъ
Доволенъ, въ уголъ тотъ забился,
Свернулся, сжался, притаился;
Смотрю: что́ станется теперь?
Князь бѣсится, колотитъ въ дверь,
И, словно вспомнивъ о княгинѣ,
Онъ къ лѣвой зàмка половинѣ
Понесся; тамъ онъ побывалъ,
Туда спустившись ходомъ скрытымъ, —
И воротясь назадъ сердитымъ,

Дверь въ сѣни съ петлей онъ сорвалъ
И на дворѣ ужь очутился,
А я къ окошку подмостился,
Чтобъ видѣть... (Дѣло шло къ зарѣ
И ужь свѣтлѣло на дворѣ.)
Опять кричать онъ попытался:
И тутъ никто не отозвался;
Кричалъ онъ, какъ въ лѣсной глуши,
Не вызвавъ крикомъ ни души.
Что-жь?... Онъ къ конюшнямъ, и оттуда
Летитъ на вороном конѣ,
И самъ весь въ черномъ былъ онъ. Чудо,
Какимъ онъ тутъ явился мнѣ!
Глядь! На валу ужь онъ высоко,
И въ даль свое вперяетъ око:
Гдѣ битва, слушаетъ, глядитъ...
Да вдругъ, что молнія сверкнула,
Черезъ окопы, черезъ мостъ
Мелькнулъ мнѣ только конскій хвостъ,
И все въ туманѣ утонуло.
Я у окна сидѣлъ и ждалъ;
Что будетъ? думалъ да гадалъ.
Когда лучъ первый солнца вспыхнулъ,
Гулъ дальнихъ выстрѣловъ утихнулъ.

Вернулись Литаворъ, Рымвидъ
И на рукахъ у нихъ Гражина:
Страхъ вспомнить! На лицѣ кончина;
Изъ тяжкой раны кровь бѣжитъ...
Упала, и ея моленій
Послѣднихъ звуки слышалъ я.
Кончаясь, госпожа моя

У мужа обняла колѣни,
Къ нему свой обратила взоръ,
И съ дрожью судорожной муки,
Къ нему протягивая руки,
Она сказала: «Литаворъ!
Твои лобзаю я колѣна.
Мой другъ! мой мужъ! прости меня!.
Прости! Здѣсь первая моя,
Здѣсь и послѣдняя измѣна!»

Князь плакалъ. Онъ хотѣлъ поднять
Гражину; но она опять
Къ землѣ всей тяжестью склонилась:
Она была ужь при концѣ;
Еще одна минута длилась...
Прошла — и смерть изобразилась
На измѣнившемся лицѣ.
Князь всталъ, пошелъ, потомъ руками
Закрылъ глаза; они полны,
Полны казалися, слезами!...
Я видѣлъ все со стороны.
Ввѣкъ не видать такого вида!
Потомъ, при помощи Рымвида,
Князь поднялъ прахъ своей жены,
Чтобъ помѣстить на смертномъ ложѣ
Гражины тѣло. Ну, а тамъ,
Что дальше было, мнѣ на что-же
Разсказывать? Извѣстно вамъ.»

Такъ пажъ повѣствовалъ объ этомъ
Событьи, прежде подъ секретомъ:
Рымвидъ велѣлъ ему молчать,

А послѣ, какъ того не стало,
Онъ не боялся ужь нимало
О всемъ на кровляхъ прокричать,
И даже пѣсня о Гражинѣ
Давно въ краю томъ сложена:
Межъ новогрудскимъ людомъ нынѣ
Кому не вѣдома она?
Ее, гуляючи на волѣ,
Поютъ подъ дудку, гдѣ пришлось,
И прежней славной битвы поле
Литвинки полемъ нареклось.

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

(ИЗЪ ДѢЯНІЙ ЛИТОВСКИХЪ И ПРУССКИХЪ).

Dovete adunque sapere come sono due generazioni da combattere... bisogna essere volpe e leone.

MACCHIAVELLI.

БОНАВЕНТУРУ и ІОАННѢ

ЗАЛѢСКИМЪ.

На память года тысяча-восемьсотъ-двадцать-седьмаго.

Посвящаетъ

Авторъ.

Предисловіе.

Литовскій народъ, слагающійся изъ племенъ: Литовцевъ, Пруссовъ и Леттовъ (Латышей), немногочисленный, поселенный въ краю необширномъ, недостаточно плодородномъ, долго неизвѣстный Европѣ, набѣгами сосѣдей былъ вызванъ къ болѣе видной дѣятельности около тринадцатаго вѣка. Когда Пруссаки стали уступать оружію Тевтоновъ, Литва, выйдя изъ своихъ лѣсовъ и болотъ, начала истреблять мечемъ и огнемъ окрестныя государства и скоро сдѣлалась страшною на Сѣверѣ. Исторія еще достаточно не выяснила, какимъ образомъ народъ, столь слабый и такъ долго подвластный чужимъ, могъ вдругъ противустать и сдѣлаться грознымъ всѣмъ своимъ врагамъ, ведя, съ одной стороны, постоянную и убійственную войну съ орденомъ Крестоносцевъ, грабя, съ другой стороны, Польшу, собирая дань съ Великаго Новгорода и заглядывая даже на берега Волги и на Крымскій полуостровъ. Самая блестящая эпоха Литвы относится ко временамъ Ольгерда и Витолда, которыхъ владычество простиралось отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Но это огромное государство, возрастая черезъ мѣру быстро, не было въ состояніи выработать въ себѣ внутренней силы, которая-бы спаяла и способна была оживить разнородныя его

части. Литовская народность, раскинутая на слишкомъ обширномъ пространствѣ, утратила свойственный ей колоритъ. Литовцы подчинили себѣ много русскихъ родовъ и вошли въ политическія сношенія съ Польшей. Славяне, уже издавна христіане, находились на высшей ступени образованія, и хотя одни покоренные, другіе угрожаемые Литвой, снова, медленнымъ вліяніемъ, пріобрѣли нравственный перевѣсъ надъ сильнымъ, но варварскимъ притѣснителемъ и поглотили его, какъ Китайцы татарскихъ наѣздниковъ. Ягеллоны и болѣе могущественные вассалы ихъ сдѣлались Поляками; многіе литовскіе князья на Руси приняли вѣру, языкъ и народность русскую. Такимъ образомъ Великое княжество Литовское перестало быть Литовскимъ; народъ собственно Литовскій увидѣлъ себя въ прежнихъ своихъ границахъ, рѣчь его перестала быть языкомъ двора и сильныхъ, и сохранилась только въ простонародіи. Литва представляетъ любопытное зрѣлище народа, который исчезъ въ массѣ своихъ завоеваній, какъ ручеекъ опадаетъ послѣ чрезмѣрнаго разлива и течетъ по болѣе узкому чѣмъ прежде руслу.

Уже нѣсколько вѣковъ закрываютъ отъ насъ приведенныя здѣсь событія. Сошли со сцены политической жизни и Литва, и самый жестокій врагъ ея — Орденъ Крестоносцевъ; отношенія сосѣднихъ народовъ измѣнились совершенно, разсчеты и страсти, которые зажигали тогдашнія войны, исчезли, даже воспоминанія о нихъ не сохранили народныя пѣсни. Литва вся уже — въ прошедшемъ. Ея дѣянія представляютъ счастливый просторъ для поэзіи, съ той точки зрѣнія, что поэтъ, воспѣвающій тогдашнія

событія, долженъ заниматься только однимъ историческимъ предметомъ, изслѣдованіемъ событій и художественнымъ произведеніемъ, не подчиняясь ни разсчету, ни страсти, ни модѣ читателей. Такихъ именно предметовъ велѣлъ искать Шиллеръ:

«Was unsterblich im Gesang soll leben,
«Muss im Leben untergehen».

«Что должно воскреснуть въ пѣснѣ, должно погибнуть въ дѣйствительности».

Вотъ уже третье польское сочиненіе, которое я издаю въ свѣтъ въ столицѣ Монарха, который изъ всѣхъ царей земли насчитываетъ въ своемъ государствѣ наиболѣе племенъ и языковъ. Будучи одинаково отцомъ всѣхъ, онъ одинаково всѣмъ обезпечиваетъ свободное обладаніе земными благами и еще болѣе драгоцѣнными благами нравственными и умственными. Онъ не только оставляетъ каждому изъ своихъ подданныхъ исповѣдуемую имъ вѣру, обычаи и языкъ, но даже повелѣваетъ розыскивать и оберегать затерянные или приходящіе въ разрушеніе памятники былыхъ вѣковъ, какъ наслѣдіе, принадлежащее грядущимъ поколѣніямъ. Поддержанные его щедростью, ученые предпринимаютъ трудныя путешествія, для изслѣдованія и сбереженія финскихъ памятниковъ; удостоенныя чести его покровительства, ученыя общества воздѣлываютъ и лелѣютъ древній языкъ Латышей, сродниковъ литовскихъ. Дай Богъ, чтобы имя Отца столькихъ народовъ было одинаково славимо во всѣхъ поколѣніяхъ, всѣми языками!

Вступленіе.

Сто лѣтъ свершалося съ тѣхъ поръ, какъ сталъ Тевтонъ
Въ крови полуночныхъ язычниковъ купаться;
Какъ Пруссъ сталъ подъ ярмо желѣзное склоняться,
Или, спасая жизнь, бѣжалъ изъ края вонъ.
Погони Нѣмецъ слалъ во слѣдъ за бѣглецами,
Вплоть до Литвы разилъ и отягчалъ цѣпями.

Границей Нѣманъ сталъ Литовцевъ и враговъ:
На этой сторонѣ блестятъ межъ древъ могучихъ
Кумирни, и шумятъ лѣса — пріютъ боговъ;
На той, среди холма, съ челомъ подъятымъ въ тучи,
Съ простертыми къ Литвѣ руками, водруженъ
Крестъ грозный, знаменье нѣмецкаго закона,
Какъ будто съ высоты всѣ земли Палемона
Обнять и захватить себѣ хотѣлъ-бы онъ *).

---

*) Палемонъ — родоначальникъ литовскаго народа, пришедшій будто-бы изъ Рима съ дружиной, и потому Lithuania — Литва почиталась нѣкоторыми искаженіемъ слова l'Italia.

Примѣч. переводчика.

На этой сторонѣ бойцы Литвы толпами,
Въ медвѣжьихъ охабняхъ и въ рысьихъ колпакахъ,
Снуютъ съ запасомъ стрѣлъ и съ лукомъ за плечами,
Слѣдя, куда шаги свои направитъ врагъ.
И очи устремивъ въ окопъ, на вражьи сходки
Съ противной стороны, въ доспѣхахъ и бронѣ,
Нѣмецкій паладинъ, недвижный на конѣ,
Вбивая въ стволъ зарядъ, перебираетъ чотки.

И переправу съ двухъ блюдутъ они сторонъ,
И Нѣманъ, съ давнихъ поръ струей гостепріимной
Два братскихъ племени связующій взаимно,
Порогомъ вѣчности ужь сталъ для двухъ племенъ:
Кто не хотѣлъ терять ни жизни, ни свободы,
Не могъ переступить заповѣдныя воды.
Одинъ литовскій хмѣль съ родимыхъ береговъ
Ползетъ, карабкаясь, межъ вербъ и тростниковъ
До прусской тополи, плѣненъ ея красою
Онъ руки распростеръ, пурпуровымъ вѣнкомъ
Перескочилъ рѣку и, смѣлый, съ дорогою
Ужь обнимается на берегу чужомъ.
Дубравы ковенской лишь соловьи съ пѣвцами
Запущанской горы — родными соловьями —
Ведутъ по-старому литовскій разговоръ,
Иль, вольные, вспорхнувъ, слетаются гостями
На общихъ островахъ пѣвцы долинъ и горъ.

А люди? — злая брань давно ихъ раздѣлила!
Литвиномъ, Пруссакомъ забвенью предана
Старинная пріязнь: порой любовь одна
Людей сближаетъ... Двухъ мнѣ память сохранила.

О, Нѣманъ! ринуться въ струи твои къ тебѣ готовъ,
Неся огонь и смерть, врагъ тишины и мира.
Снесетъ тогда съ твоихъ хранимыхъ береговъ
Зеленые вѣнки нещадная сѣкира;
Орудій гулъ въ садахъ разгонитъ соловьевъ;
Чтó золотая цѣпь сочувственной природы
Связала, разорвутъ враждой своей народы.
Народы разорвутъ, но любящихъ сердца
Вновь сочетаетъ пѣснь народнаго пѣвца.

Избраніе.

I.

Ужь колоколъ гудитъ съ Маріенбургской башни,
Рокочетъ барабанъ и выстрѣлы гремятъ.
День празднества насталъ. Покинувъ бытъ всегдашній,
Комтуры Ордена въ столичный градъ спѣшатъ.
Въ кругу капитула, въ торжественномъ собраньи,
Призвавши Духъ Святой, должны они рѣшить:
Кому воздѣть на грудь, по строгомъ совѣщаньи,
Великій крестъ? Кому великій мечъ вручить?
Въ совѣтахъ день прошелъ, дней много протекало:
Такъ много рыцарей къ избранію предстало.
Заслуги Ордену всѣхъ доблестныхъ мужей
Равны, и знатностью равна у нихъ порода;
Однако, общее согласье братьи всей
Доселѣ ставило всѣхъ выше Валленрода.

Безвѣстный въ Пруссіи пришлецъ онъ; но объ нёмъ
Геройской славы шумъ дошелъ уже съ чужбины:
За Маврами-ль гнался въ Кастиліи съ мечемъ,

За Турками-ль леталъ чрезъ водныя пучины, —
Онъ въ битвахъ впереди, онъ первый на стѣнахъ,
Онъ первый настигалъ ихъ корабли въ волнахъ.
И если выступалъ въ турнирахъ на арену
Забрало приподнявъ, — ему всѣ знали цѣну:
Переломить копья никто съ нимъ не дерзалъ,
И первый лавръ ему на долю выпадалъ.

Не доблестью одной межъ рыцарей Совѣта
Онъ въ юности своей прославиться успѣлъ;
Украсили его сіяньемъ чистыхъ дѣлъ —
Смиренье, нищета, презрѣнье къ блеску свѣта.

Не славился Конрадъ среди толпы князей
Изысканностью словъ, изяществомъ поклоновъ;
Оружья никогда изъ прибыли своей
Не продавалъ въ борьбѣ враждующихъ бароновъ.
Онъ рано схоронилъ всѣ юности мечты
Въ стѣнахъ монастыря, и шумъ рукоплесканій,
И честь, и санъ презрѣлъ, и высшей славы дани:
Ни менестрелей гимнъ, ни взгляды красоты
Его холоднаго не волновали духа.
Нѣтъ, Валленродъ къ хваламъ не преклоняетъ слуха,
На прелесть женскую лишь издали глядитъ,
Отъ словъ чарующихъ, какъ отъ чумы, бѣжитъ.

Онъ отъ природы гордъ, иль страстныхъ чуждъ желаній —
То трудно угадать; съ годами-ль сталъ такой?
Хоть молодъ, заклейменъ онъ старостью страданій:
Морщинами чела и ранней сѣдиной.
Порой бывали дни, когда бросалъ онъ взоры

На молодежь, и съ ней веселіе дѣлилъ,
Былъ даже женскіе радъ слушать разговоры;
За шутку, при дворѣ, онъ шуткою язвилъ.
Учтивой лестью словъ онъ тѣшилъ дамъ свободно,
Какъ лакомствомъ дѣтей, съ улыбкою холодной.
Но это только былъ забвенья рѣдкій мигъ...
И слово лишь одно, неважное для нихъ,
Изъ беззаботныхъ устъ случайно вылетало —
Внезапно въ страстный жаръ оно его бросало.
Слова: отчизна, долгъ, любовь, живая рѣчь
О рыцаряхъ, Литвѣ, исходѣ грозныхъ сѣчъ
Смущали невзначай веселость Валленрода.
Онъ отвращалъ лицо, стѣснялась словъ свобода,
Онъ становился вновь безчувственъ, нѣмъ и глухъ,
И погружался весь въ таинственныя думы.
Быть можетъ, сихъ утѣхъ его чуждался духъ,
На память приводя обѣтъ поста угрюмый.
Утѣхи дружбы онъ одной лишь принималъ.
Онъ друга одного, надежнаго избралъ,
Святаго жизнію, божественнаго саномъ:
То былъ сѣдой монахъ и звался онъ Гальбаномъ.
И Валленрода онъ во всемъ сподвижникъ сталъ.
Онъ былъ и духовникъ, и думъ его властитель:
Его сердечныхъ тайнъ онъ былъ нѣмой хранитель.
Блаженная пріязнь! Святой въ семъ мірѣ тотъ,
Кто у святыхъ пріязнь такую обрѣтетъ.

Такъ въ мысляхъ старшины Совѣта оцѣняли
Конрада качества. Но былъ и въ немъ порокъ;
Кого-же на землѣ грѣхи всѣ оставляли?
Конрада суеты не увлекалъ потокъ;
Онъ избѣгалъ пировъ веселыхъ посѣщенья;

Но въ келіи своей, задумчивъ и забытъ,
Когда его тоски тревожили мученья,
Въ напиткѣ огневомъ искалъ онъ услажденья.
И весь его тогда преображался видъ:
Тогда въ его лицѣ и блѣдномъ, и суровомъ,
Пятномъ болѣзненный румянецъ выступалъ,
И взоръ, что грузъ годовъ гасилъ и притуплялъ,
Изъ синихъ нѣкогда очей, въ блистаньи новомъ,
Огня давнишняго вкругъ молніи металъ.
Скорбящій вздохъ его изъ груди раздается
И вѣжды налились жемчужною слезой;
Ужь ищетъ струнъ рука, изъ устъ ужь пѣсня льется, —
Хоть въ пѣснѣ у него звучалъ языкъ другой;
Но сердцу внемлющихъ доступны были звуки,
Понятна музыка могильная разлуки.
Довольно поглядѣть на видъ одинъ пѣвца,
Усилье памяти въ чертахъ его лица;
Бровь къ верху, къ долу взоръ, какъ будто въ напряженьи
Онъ что-то силится изъ нѣдръ земли достать.
Какое-жь пѣснь его могла-бъ имѣть значенье?
Невѣрной мыслію онъ гонится опять
Въ волнахъ минувшаго за днями упованій.
А гдѣ душа его? — Въ краю воспоминаній.

Но тоновъ радостныхъ изъ лютни никогда
Рука не извлечетъ, хоть онъ одушевится
Восторгомъ музыки. Улыбки и слѣда,
Какъ смертнаго грѣха, лицо его боится.
Онъ по порядку струнъ ихъ всѣ переберетъ,
Не тронувъ лишь одной, закрывъ на радость вѣжды;

Всѣ состоянья чувствъ съ нимъ каждый перейдетъ
И только одного не обрѣтетъ — надежды.

Изъ братьи кто его нежданно посѣщалъ,
Необычайной всѣ дивились перемѣнѣ:
Конрадъ встревоженный сердился и дрожалъ,
И лютни прерывалъ восторженныя пени.
Хуленья тяжкія онъ вслухъ произносилъ
И неизвѣстно что шепталъ тогда Гальбану,
Кричалъ на рыцарей; повелѣвая стану,
Невѣдомо кому нещадно онъ грозилъ...
Тревожились они. Гальбанъ сидитъ, ни слова;
Въ лицо Конрада взглядъ какъ-бы вонзаетъ онъ.
Взглядъ охлаждающій, пытующій сурово,
Который силою былъ тайной одаренъ.
Напоминаетъ-ли, даетъ-ли онъ совѣты,
Иль въ Валленрода онъ вселяетъ смутный страхъ:
Но вдругъ съ его чела онъ гонитъ бурь примѣты
И студитъ жаръ въ лицѣ, и гаситъ блескъ въ очахъ.

Такъ укротитель львовъ, всѣхъ взорами окинувъ,
И съ дозволенья дамъ и избранныхъ гостей,
Желѣзнаго дворца рѣшетку разодвинувъ,
Дастъ знакъ трубой: воспрянувъ, царь звѣрей
Подъемлетъ грозный ревъ, всѣ зрители въ смятеньи:
Одинъ смиритель львовъ, недвиженъ, безъ смущенья,

Скрестивши на груди спокойно руки, вдругъ
Очами льва разитъ въ его разбѣгѣ рьяномъ,
И этимъ лишь, души безсмертной талисманомъ
Безумной силѣ онъ безвредный чертитъ кругъ.

23 ноября 1870 г.

II.

Ужь колоколъ гудитъ съ Маріенбургской башни.
Изъ залы выборовъ идутъ въ домовый храмъ:
Комтуръ старѣйшій, сонмъ сановниковъ всегдашній,
Капланы, рыцари, капитулъ весь, чтобъ тамъ
Вечерню отстоять, привычную ихъ слуху.
И въ церкви гимнъ они поютъ Святому Духу.

ГИМНЪ.

Богъ, Святый Духъ!
Голубь Сіона!
Днесь христіанскій міръ твой вокругъ —
Землю, подножье вѣчнаго трона,
Чуднымъ явленьемъ твоимъ озари,
Крылья надъ братьей Сіонской простри.
Солнцемъ пусть лучъ изъ-подъ крылъ засіяетъ,
Власти достойнаго пусть освѣщаетъ
Онъ благодати вѣнкомъ золотымъ,
Пусть надъ избраннымъ почіетъ опека
Крылъ лучезарныхъ; сыны человѣка —
Ницъ упадемъ мы тогда передъ нимъ —
Сынъ, Искупитель!

Дай указанье всесильной рукой,
Кто здѣсь ревнитель
Жизни святой,
Жизни вѣнчанной твоими страстями,
Воинство вѣры кому предводить,
Мышцей Петра у враговъ предъ очами
Царства Христова хоругви развить:
Тотъ пусть сердца всѣхъ себѣ покоряетъ,
Крестъ на чьей груди звѣздой заблистаетъ.

Всѣ вышли, помолясь. Архикомтуръ рѣшилъ:
Давъ отдыхъ, въ хоръ вернуться для отвѣта,
И вновь просить, чтобъ Богъ сознаньемъ просвѣтилъ
Каплановъ, братію и рыцарей Совѣта.

Ночной прохладой духъ всѣ вышли освѣжить:
У замка на крыльцѣ стеклась толпа густая;
Кто по садамъ пошелъ и рощамъ побродить.
Стояла тихая погода ночи мая,
Неясно вдалекѣ свѣтъ утренній дрожалъ,
А мѣсяцъ, обѣжавъ поля лазури чистой,
Мѣняя и лицо, и ока блескъ, дремалъ
То въ темномъ облакѣ, то въ тучкѣ серебристой,
Внизъ одинокое къ землѣ склонивъ чело.
Такъ брошенный въ степи, въ мечтахъ своихъ влюбленный,
Перебирая все, что въ жизни ужь прошло:
Надежды, радости, боль муки затаенной,
То ронитъ слезы вдругъ, то весело глядитъ,
И, наконецъ, съ главой поникшею сидитъ,
И въ летаргію думъ впадаетъ утомленный.

Въ прогулкѣ рыцари проводятъ свой досугъ.
За то архикомтуръ не тратитъ ни мгновенья,
Тотчасъ Гальбана онъ и старшей братьи кругъ
Сзываетъ и съ собой влечетъ въ уединенье,
Чтобъ осторожнѣе принять отъ нихъ совѣтъ.
Нескромности толпы они тѣмъ избѣгаютъ,
Изъ зàмка зà-городъ прогулку направляютъ,
Бесѣдуя идутъ, дорогъ покинувъ слѣдъ,
И долгіе часы въ окрестностяхъ блуждаютъ,
По скатамъ озера, вблизи спокойныхъ водъ.
Пора въ столицу: день блеснулъ на лугъ и пашни.
Вдругъ слышатъ голосъ... чей?.. онъ изъ угольной башни.
Комтуръ отшельницы въ немъ голосъ узнаетъ.
Остановилися. Въ тиши уединенья
Какая-то жена лѣтъ за десять назадъ,
Изъ дальней стороны придя въ Маріинъ градъ,
Искала въ башнѣ той души успокоенья.
Не вдохновенная-ль она сюда пришла?
Иль совѣсти больной извѣдала терзанья,
И въ жаждѣ смыть грѣхи елеемъ покаянья
Тутъ заживо́ себѣ гробницу обрѣла?

Сначала долго ей капланы не внимали,
Но голосъ твердаго моленья превозмогъ,
И въ башнѣ, наконецъ, убѣжище ей дали,
И камень, и кирпичъ задвинули порогъ.
Она, какъ лишь вошла, за тѣмъ святымъ порогомъ
Осталася одна съ тревогой думъ и Богомъ;
И развѣ въ день суда сонмъ Ангеловъ святыхъ
Отворитъ ей врата — заставу отъ живыхъ.

Окно съ рѣшеткою вверху, гдѣ торопливо
Ей пищу подаетъ народъ боголюбивый,
А небо вѣтерокъ и лучъ ей шлетъ дневной.
Ужели, грѣшница, такъ духъ твой молодой
Смутила ненависть, что въ черной къ свѣту злобѣ
Боишься солнца ты, когда лазурь чиста!
Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь она въ своемъ замкнулась гробѣ,
Никто не подглядѣлъ, чтобы ея уста
Впивали у окна дыханіе зефира,
Чтобъ на лазурь небесъ она вперила взглядъ,
На милые цвѣты, красу земнаго міра,
На образы людей, — милѣе ихъ стократъ.

Но что жива она, въ томъ не было сомнѣнья.
Когда въ той сторонѣ скитается порой
Отсталый пилигримъ, его въ тиши ночной
Какой-то милый звукъ задержитъ на мгновенье:
Молитвы пѣснь ему, конечно, въ немъ слышна.
Изъ прусскихъ деревень лишь дѣти соберутся
Подъ вечеръ и игрой къ дубравѣ завлекутся,
Вдругъ что-то бѣлое засвѣтитъ изъ окна,
Какъ будто лучъ звѣзды предъ утромъ восходящей.
Не локонъ-ли ея янтарный и блестящій?
Не бѣлоснѣжная-ль отшельницы рука
Невинныхъ головы дѣтей благословляетъ?
Комтуръ, поворотивъ сюда издалека,
У башни угловой такимъ словамъ внимаетъ:
«Конрадъ! свершилося, что рокъ тебѣ судилъ!
Магистромъ будешь ты, и карой имъ ужасной!..
Узнаютъ-ли они?.. Скрываешься напрасно...
Хотя-бы, какъ змѣя, ты тѣло измѣнилъ,

Все-жь много прежняго въ душѣ твоей осталось,
Того-же, что во мнѣ доселѣ удержалось!
Хотя-бъ опущенный въ могилу ты возсталъ,
Все-жь воинъ-бы креста еще тебя узналъ»...
Внимаютъ рыцари: то голосъ заключенной;
И видятъ станъ ея къ рѣшеткѣ наклоненный,
И руки, кажется, простерла внизъ она —
Къ кому-жь?.. пустынна вся окрестная страна,
Лишь блескъ издалека какой-то отсвѣчаетъ,
Какъ-бы забрала сталь сверкнула огонькомъ,
И тѣнь здѣсь на землѣ... не плащъ-ли то мелькаетъ?
Исчезло призракомъ все въ воздухѣ пустомъ...
То утренней звѣзды, конечно, взоръ румяный,
То въ полѣ пронеслись холодные туманы.

«Хвала, сказалъ Гальбанъ, и слава небесамъ:
Насъ, братья, привело сюда ихъ указанье;
Повѣримъ вѣщимъ мы отшельницы словамъ.
Вы слышали ея Конраду прорицанье;
Конрада именемъ зовется Валленродъ!
Давайте руки, пусть онъ будетъ на примѣтѣ,
И слово рыцарей, что завтра онъ пройдетъ
Въ магистры!..» и кричатъ: «согласье на Совѣтѣ!»

И съ криками пошли. Ихъ возгласы звучатъ
И эхомъ понеслись побѣднымъ по долинѣ:
«Да здравствуетъ магистръ, да здравствуетъ Конрадъ,
А съ нимъ и Орденъ! Смерть язычеству отнынѣ!»

Гальбанъ отъ нихъ отсталъ, весь въ думы погруженъ;

На уходящихъ взглядъ презрѣнья бросилъ онъ,
И тихимъ голосомъ, на башню угловую
Взглянувъ и уходя, онъ пѣснь запѣлъ такую:

ПѢСНЬ.

Вилія, нашихъ потоковъ царица,
Съ дномъ золотистымъ, съ лазурнымъ лицомъ,
По-воду ходитъ къ ней чудо-дѣвица
Сердцемъ чистѣе, яснѣе челомъ.

Вилія въ Ковенской, милой долинѣ
Между тюльпановъ бѣжитъ по равнинѣ:
Возлѣ Литвинки цвѣтъ нашихъ сыновъ
Краше тюльпановъ и розы цвѣтовъ.

Вилія дола цвѣты презираетъ,
Нѣмана милаго ищетъ волна:
Между Литвиновъ Литвинка скучаетъ,
Юношу пришлаго любитъ она.

Вилію, Нѣманъ схвативъ на равнинахъ,
Въ дикія скалы и дебри несетъ,
Къ лону холодному милую жметъ,
Съ нею въ морскихъ пропадая пучинахъ....

Также съ пришельцемъ ты, скорби полна,
Бросишь, Литвинка, родныя селенья!
Также утонешь въ пучинѣ забвенья,
Только печальнѣй, утонешь одна....

Сердца не сдержишь, не сдержишь потока!
Любитъ дѣвица, стремится вода: —
Въ Нѣманѣ Виліи нѣтъ и слѣда,
Въ башнѣ дѣвица грустить одиноко....

III.

Когда святой уставъ магистръ облобызалъ,
Молитву совершилъ и знаки повелѣнья:
Великій крестъ и мечъ изъ рукъ комтура взялъ —
Онъ гордо взнесъ чело. Хоть туча размышленья
Надъ нимъ нависла, всѣхъ онъ взоромъ оглянулъ,
Пылаетъ радость въ немъ и гнѣвъ попеременно,
И гость невиданный въ лицѣ его мелькнулъ —
Улыбка слабая, пропавшая мгновенно,
Какъ блескъ, что на зарѣ мракъ тучи-бы разсѣкъ,
И солнечный восходъ, и громы-бы прорекъ.

Такой магистра пылъ, его грозящій ликъ
Сердца отрадною надеждой оживляютъ:
Добычи ждутъ они, ужь битвы слышатъ крикъ,
И въ мысляхъ щедро кровь невѣрныхъ проливаютъ.
Вождю подобному кто-жь переступитъ шагъ?
Кто-жь взора и меча его не устрашится?
Такъ трепещи, Литвинъ! часъ близокъ, совершится!
Заблещетъ знакъ креста на виленскихъ стѣнахъ.

Надежды тщетныя. Проходятъ дни, недѣли,
Въ покоѣ ужь протекъ и цѣлый долгій годъ.

Литва грозитъ, и что-жь? — постыдно Валленродъ
Ни самъ нейдетъ, ни войскъ не шлетъ къ желанной цѣли,
А лишь проснется онъ и дѣйствовать начнетъ,
Порядокъ старый весь безъ толку извращаетъ.
Кричитъ, что Орденъ долгъ священный попираетъ;
Обѣтовъ, братію связавшихъ, не блюдетъ;
«Молитесь,» онъ кричитъ, «сокровищъ прочь стяжанье,
Въ добрѣ вся наша честь, пусть царствуетъ покой!»
Велитъ посты нести и тягость покаянья;
Не терпитъ въ строгости утѣхи никакой,
Караетъ легкій грѣхъ, проникшій въ стѣны кельи —
Мечемъ, изгнаніемъ, истомой въ подземельи.

А между тѣмъ Литвинъ, который съ давнихъ поръ
Ворота обѣгалъ ихъ Орденской столицы,
Лишь ночь, деревни жжетъ, палитъ сосѣдній боръ
И безоружныя хватаетъ вереницы;
У зàмка самаго слышна его хвальба,
Что онъ идетъ во храмъ магистра славить Бога...
И въ первый разъ дѣтей у отчаго порога
Дрожать заставила литовская труба.

Когда-же для войны часъ болѣе счастливый?
Терзается Литва, внутри ея вражда,
То храбрый Русскій тамъ, то Ляхъ идетъ кичливый,
То Хана крымскаго къ ней тянется орда.
Витолдъ Ягеллою, съ престола совлеченный,
Защиты прискакалъ у Ордена просить,
Дары и области въ награду посулить,
Но помощи досель вотще ждетъ побѣжденный.

И братья ропщутъ вслухъ. Сбирается совѣтъ:
Бѣжитъ старикъ Гальбанъ. Нигдѣ магистра нѣтъ:
Ни въ зàмкѣ не нашелъ, ни въ церкви онъ Конрада.
Гдѣ-жь онъ? Конечно тамъ, — у башни угловой.
Напала братія на слѣдъ его ночной;
Извѣстно стало всѣмъ, лишь вечера прохлада
Дохнетъ на міръ и мракъ вокругъ густѣть начнетъ,
Бродитъ по берегамъ онъ къ озеру идетъ,
Иль на колѣнахъ онъ, къ стѣнѣ прижавши тѣло,
Окутанный плащемъ, до самой зорьки бѣлой
Статуей мраморной задумчивый стоитъ,
И сонъ ему всю ночь рѣсницы не смежаетъ.
Отшельница его чуть слышно вопрошаетъ,
И тихій отзывъ онъ привставши дать спѣшитъ;
Ихъ шепота въ ночи не дослѣдятъ дозоры,
Подъятое-жь чело и рукъ тревожный всплескъ
И потрясеннаго забрала легкій блескъ —
Все знакъ, что важные ведутся разговоры.

ПѢСНЬ ИЗЪ БАШНИ.

Кто вздохи, кто слезы взялся́-бъ мои счесть?
Иль столько ужь лѣтъ меня слезы томили,
Въ груди и въ очахъ столько горечи есть,
Что ржавчиной вздохи рѣшетку покрыли?
Тутъ въ камень холодный, упавъ изъ очей,
Слеза проникаетъ какъ въ сердце людей.

Есть вѣчный огонь у столповъ Свенторога,
Огонь оживляетъ кумирни слуга,

Есть вѣчный источникъ въ горѣ у Мендога,
Источникъ питаютъ туманъ и снѣга.
Никто моихъ вздоховъ и слезъ не питаетъ,
А скорбь, какъ и прежде, мнѣ сердце снѣдаетъ.

Веселый нашъ край и богатый нашъ домъ,
Отцовскія ласки и матери нѣжность,
И дни безъ печали, и сновъ безмятежность:
Покой, точно ангелъ, и ночью, и днемъ,
И въ полѣ, и въ домѣ съ семьею родимой
Хранилъ меня вѣрно, хотя и незримый.

Красавицъ у матери три было насъ,
Искать меня первую стали въ замужство;
Счастливая юность, богатства запасъ;
Кто-жь счастья другаго вселилъ въ меня чувство?
Ты, юноша чудный! зачѣмъ мнѣ сказалъ,
Чего у Литовцевъ никто не слыхалъ?

О Богѣ великомъ, объ ангелахъ ясныхъ,
О каменныхъ градахъ, гдѣ слышенъ напѣвъ
Молитвы священной во храмахъ прекрасныхъ,
Князья гдѣ съ покорностью слушаютъ дѣвъ,
Какъ воины наши въ бояхъ безмятежны,
Въ любви, какъ пастухъ нашъ съ пастушкою, нѣжны.

Гдѣ смертный, сложивши покровъ свой земной,
Въ блаженное небо взлетаетъ душой...
Ахъ, вѣрила я... и небеснаго рая
Вкусила ужь въ жизни, тебѣ я внимая!
Ахъ, въ счастьѣ и въ горѣ предметы мечты
Съ тѣхъ поръ—только небо, съ тѣхъ поръ—только ты!

Въ крестѣ на груди твоей жизнь мнѣ блеснула,
Знакъ будущій счастья я видѣла въ немъ...
Увы, съ него молнія только сверкнула,
И тотчасъ все стихло, погасло кругомъ!..
Не жаль ничего мнѣ, хоть полны слезъ вѣжды,
Пускай ты все отнялъ, оставилъ надежды...

«Надежды» — отдалось окрестъ, среди долинъ,
Прибрежій озера и въ дебряхъ, тихимъ эхомъ.
Конрадъ, воспрянувши, воскликнулъ съ дикимъ смѣхомъ:
«Надежды? слышу я. Гдѣ я, злой доли сынъ?!..
Къ чему такая пѣснь?.. Свѣжо былаго чувство:
Вы были три сестры, во цвѣтѣ красоты,
И стали первую тебя искать въ замужство...
О, горе, горе вамъ, прекрасные цвѣты!
Чудовище-змѣя попала въ садъ украдкой;
Гдѣ грудью скользкою она лишь проползетъ,
Засохнутъ травы тамъ, цвѣтъ розы опадетъ,
И пожелтѣетъ все, какъ грудь эхидны гадкой!
Дай волю мысли ты, зови на память дни
Которые-бъ досель ты въ счастьѣ проводила,
Когда-бы... что жь молчишь?.. Пой пѣсню и кляни;
Пусть страшная слеза, что камень проточила,
Не падаетъ вотще; я снялъ мой шлемъ и жду —
Пусть падаетъ сюда и мнѣ чело сжигаетъ,
Пусть падаетъ сюда — и мукой донимаетъ:
Хочу я знать впередъ, что ждетъ меня въ аду».

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

«Прости вину мою, прости мнѣ, другъ,—довольно.
Ты поздно такъ пришелъ, мнѣ грустно стало ждать,
Ребяческая пѣснь на умъ пришла невольно...

Оставимъ эту пѣснь!.. Могу-ли упрекать?
Съ тобой, мой дорогой, мнѣ небо даровало
Лишь мимолетный мигъ: но мигъ одинъ такой,
Который промѣнять я все-жь бы не желала
На вялое житье, влачимое толпой!
Людей, погрязнувшихъ въ ничтожной дня заботѣ,
И самъ ты сравнивалъ съ улитками въ болотѣ:
Волною бури разъ срываемыя въ годъ,
Онѣ покажутся на свѣтъ изъ мутныхъ водъ,
Едва откроютъ ротъ, дохнутъ въ просторъ небесный,
И вновь зароются въ илъ тинистаго дна.
Для счастья этого — нѣтъ, я не создана!
Еще въ отечествѣ и въ долѣ неизвѣстной,
Нерѣдко посреди ликующихъ подругъ
Вздыхала тайно я, о чемъ-то все тоскуя,
И безпокойное біенье сердца чуя,
Равнины низменной я покидала лугъ,
И думала, на холмъ взбѣгая не однажды:
Когда-бъ по перышку мнѣ жаворонокъ каждый
Могъ, съ высоты спустясь, изъ легкихъ крыльевъ дать,
Взвилась-бы съ ними я, и только межъ цвѣтами
Мнѣ-бъ незабудки цвѣтъ съ холма того сорвать,
А тамъ за облака, надъ доломъ и горами,
Летѣть все вверхъ и вверхъ! — и скрыться навсегда...
Ты выслушалъ меня! Царь птицъ, меня тогда,
Вознесъ ты до себя орлиными крылами!
А нынѣ, птички, мнѣ васъ не о чемъ просить.
Тому-ль искать утѣхъ, кому дано такъ много —
Кто могъ великаго познать на небѣ Бога
И мужа на землѣ великаго любить?»

КОНРАДЪ.

«Величье и опять величье, ангелъ милый!
Изъ груди все объ немъ стонъ жалобный летитъ.
Немного дней еще пусть сердце поболитъ,
Немного лишь, и такъ ихъ мало до могилы.
Свершилося! вотще безвременно тужить,
Поплачемъ, но пускай враговъ трепещетъ стая;
Конрадъ наплакался, чтобъ смертью ихъ разить.
Но ты зачѣмъ пришла, зачѣмъ-же, дорогая,
Ты монастырскихъ стѣнъ оставила покой?
Я посвятилъ тебя въ нихъ Богу на служенье,
Не лучше-ль, за его оградою святой,
Земные дни кончать и плакать въ отдаленьи,
Чѣмъ въ пыткѣ медленной, какъ въ гробѣ, угасать
Въ сей башнѣ здѣсь, въ краю обмана и разбоя,
И очи сирыя печально отверзать,
И предъ желѣзною своей рѣшеткой стоя
Молить о помощи... И надо слушать мнѣ,
Глядѣть со стороны, какъ смерть простретъ объятья,
И изрекать за то душѣ моей проклятья,
Что есть еще у ней остатки чувствъ на днѣ.»

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

«Не приходи-жь сюда меня ты упрекать,
Придешь, и пламенно ты станешь умолять,
И не услышишь ты! Закрою я окно,
И въ башню темную спущусь опять на дно.
Пусть молча проглочу я слезы огорченья,
Прости, единственный, отнынѣ навсегда

И мигъ, когда ты былъ ко мнѣ безъ сожалѣнья,
Пусть не придетъ тебѣ на память никогда!»

КОНРАДЪ.

«Ты ангелъ, такъ имѣй хоть искру состраданья!
Остановись! когда не можешь просьбѣ внять,
Ударюсь я челомъ объ этотъ уголъ зданья
И смертью Каина я буду заклинать. .»

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

«О, будемъ сами мы себѣ защитой мирной!..
Какъ необъятенъ міръ въ величіи красы,
Ты вспомни — двое насъ на всей землѣ обширной,
Въ песчаномъ морѣ мы двѣ капельки росы;
Чуть дунетъ вѣтерокъ, и изъ земней юдоли
Исчезнемъ навсегда: — пусть вмѣстѣ пропадемъ.
Не растравлять я шла твоихъ страданій боли,
Я не постриглася въ монастырѣ святомъ,
Нѣтъ, сердца обручить я небу не посмѣла,
Пока возлюбленный, ты въ немъ царилъ, всецѣло.
Хотѣла скромно я, въ усердіи своемъ,
Послушницею быть монахинь строгихъ лика;
Но, безъ тебя, мнѣ вдругъ представилося въ немъ
Все непривычно такъ, все чуждо такъ и дико...
Я вспомнила тогда, что долженъ былъ прибыть
Ты послѣ многихъ лѣтъ опять во градъ Маріи,
Чтобъ въ мщеньи сокрушить враговъ несмѣтныхъ выи,
И дѣло бѣднаго народа защитить...
«Кто ждетъ, тотъ мыслію ужь сокращаетъ годы»,
Себѣ сказала я: «вернется дорогой,

Вернулся, можетъ быть»... Желанью-ль нѣтъ свободы?
Предъ тѣмъ, какъ мнѣ во мглѣ сокрыться гробовой,
Еще я на тебя хоть разъ-бы поглядѣла,
Въ присутствіи твоемъ я-бъ легче умерла.
«Пойду, сказала, въ домъ забытый, опустѣлый,
Гдѣ у крутой горы дорога пролегла,
Запруся въ немъ одна, и рыцарь неизвѣстный,
Быть можетъ, проходя вблизи той кельи тѣсной,
Мнѣ имя милое произнесетъ хоть разъ.
Межъ шлемовъ ихъ чужихъ, быть можетъ, тамъ,
Его замѣтитъ знакъ; другое пусть надѣнетъ
Оружье онъ, чужой наложитъ гербъ на щитъ,
Но, даже издали, хоть онъ лицо измѣнитъ,
Любимаго отъ всѣхъ все-жь сердце отличитъ.
Когда-жь тяжелый долгъ свершать ему придется,
Все истреблять кругомъ и кровью обливать,
Всѣ проклянутъ его,—одна душа найдется,
Чтобъ издали его еще благословлять!...»
И вотъ нашла я домъ и гробовое ложе,
И стонъ подслушать мой, въ священной тишинѣ
Завѣтнаго угла, здѣсь не дерзнетъ прохожій.
Я знаю, тутъ бродить ты любишь въ сторонѣ.
«Онъ вырвется сюда подъ вечеръ,—я мечтала,—
Товарищей своихъ покинувъ кругъ, усталый,
Чтобъ съ вѣтромъ говорить и озера волной;
Онъ вспомнитъ обо мнѣ, услышитъ голосъ мой...»
Исполнилось мое невинное хотѣнье,
И ты пришелъ сюда, мое ты понялъ пѣнье.
Молилась прежде я, чтобъ образомъ твоимъ

Меня живили сны, хоть образомъ нѣмымъ.
Теперь-же можемъ мы — о, сколько счастья, Боже! —
Наплакаться вдвоемъ....»

КОНРАДЪ.

«И выплачемъ мы что-же?
Я плакалъ, помнишь ты, когда изъ рукъ твоихъ,
Прощаяся на-вѣкъ, со стономъ вырывался,
Когда по волѣ я отъ счастья отказался,
Чтобъ замыселъ свершить кровавыхъ дѣлъ моихъ.
Теперь-же долгія увѣнчаны мученья,
У цѣли удалось давно желанной стать,
Могу я на враговъ излить всю ярость мщенья,
А ты пришла ко мнѣ побѣду вырывать.
Изъ башни на меня ты только поглядѣла,
И все въ кругу земли какъ будто потемнѣло,
И съ той поры опять въ глазахъ моихъ одно:
Прибрежье озера, и башня, и окно.
Здѣсь все вокругъ меня кипитъ военнымъ духомъ,
Но средь призыва трубъ, оружья слыша стукъ,
Я въ нетерпѣніи все напряженнымъ ухомъ
Устъ ангельскихъ твоихъ ловить стараюсь звукъ.
И цѣлый день я жду; такъ дни текутъ за днями,
Когда-жь до вечера придется мнѣ дожить,
Я памятью еще хочу его продлить,
Считаю жизнь мою я только вечерами!
А Орденъ, между тѣмъ, на пагубу свою,
Все требуетъ войны, покой свой проклинаетъ,
И мстительный Гальбанъ дохнуть не позволяетъ —
Обѣты старые онъ мнѣ припоминаетъ;
Убійства въ деревняхъ, грабительство въ краю;

Когда-же къ жалобамъ безчувственъ я стою,
Однимъ движеніемъ и вздохомъ, и очами
Потухшій мщенья жаръ умѣетъ онъ раздуть,
И кажется, къ концу меня приводитъ путь, —
Ужь рыцарей ничто не сдержитъ предъ врагами.
Изъ Рима прибылъ къ намъ вчера еще гонецъ:
Изъ разныхъ свѣта странъ, духъ ревности могучій
Несмѣтныя нагналъ, въ поля къ намъ, ратей тучи
И всѣ кричатъ, чтобъ я повелъ ихъ наконецъ,
Съ мечемъ и со крестомъ, на виленскія стѣны.
Когда-жь свершаются, я каюсь со стыдомъ,
Великія въ судьбахъ народовъ перемѣны,
Ищу промедлить я, стараюся о томъ,
Чтобъ только день еще одинъ прожить съ тобою.
О, юность! жертвъ твоихъ необозримъ предѣлъ:
Любовью, счастіемъ и наконецъ душою,
Народу жертвовать я смолоду умѣлъ,
Скорбя, но съ мужествомъ! теперь я устарѣлъ.
Отчаянье меня, и долгъ, и воля Божья
Зовутъ на брань, и что-жь?— не смѣю оторвать
Я головы сѣдой отъ этихъ стѣнъ подножья,
Чтобъ только мнѣ бесѣдъ съ тобой не прерывать.»

Умолкъ! и слышатся изъ башни лишь рыданья.
И долгіе часы текли среди молчанья;
Рѣдѣла ночь, и лучъ, означившій восходъ,
Румянить начиналъ лицо спокойныхъ водъ;
Прохлада утреннимъ пахнула дуновеньемъ,
Зашелестивъ листву проснувшихся кустовъ,
И птички раннія откликнулися пѣньемъ,
Опять умолкнули — надолго голосовъ
Былъ прерванъ тихій хоръ, какъ будто пробудился

Еще не во-время. Конрадъ поднялъ чело,
И на рѣшеткѣ взоръ его остановился.
Защелкалъ соловей. Въ долинѣ ужь свѣтло.
Конрадъ взглянулъ вокругъ и опустилъ забрало,
Надвинулъ на лицо свой плащъ, какъ покрывало,
Отшельницѣ рукой прощанья знакъ послалъ,
И средь кустовъ пропалъ.
Такъ, колоколъ гудѣть лишь утромъ начинаетъ,
Отъ вратъ отшельника духъ адскій исчезаетъ.

2 февраля 1871 г.

IV.

Пиръ.

Былъ праздникъ храмовой, великій день Патрона.
Комтуры съ братіей спѣшатъ въ столичный градъ;
На башняхъ бѣлыя распущены знамена:
Задумалъ рыцарей на пиръ собрать Конрадъ.

И блещутъ за столомъ вокругъ сто мантій бѣлыхъ,
Чернѣется поверхъ на каждой длинный крестъ —
То братья; позади ея почетныхъ мѣстъ
Стоитъ для службы рядъ оруженосцевъ смѣлыхъ.

Конрадъ въ челѣ гостей. По лѣвой сторонѣ
Витольдъ и гетманы. Онъ, местію пылавшій,
Давно-ль былъ врагъ? — теперь гость Ордена, къ войнѣ
Себя на страхъ Литвы союзомъ съ нимъ связавшій.

Подъемлется Магистръ, и рѣчь его слышна:
«Веселье въ Господѣ!» и кубки заблистали,
«Веселье въ Господѣ!» устъ тысячи воззвали,
И серебро звенитъ, и брызнулъ токъ вина.

Садится Валленродъ, исполненный презрѣнья,
На локоть опершись, внимаетъ толкамъ онъ;
Умолкъ разгула шумъ, лишь шуткой, на мгновенье,
Бокаловъ легкій звукъ порою заглушенъ.

«Пируемъ, онъ сказалъ. — Гляжу я, братья... Что-же,
Ужели рыцарямъ такъ пировать пригоже?
Сначала пьяный крикъ, таперь васъ не слыхать...
Такъ могутъ иноки иль воры пировать!

«Иной обычай былъ во дни мои законнымъ,
Когда на полѣ битвъ, тѣлами утучненномъ,
Въ лѣсахъ Финляндіи, иль межъ Кастильскихъ горъ,
Мы пили у костра, раскинувши шатеръ:

«Тамъ пѣсни пѣли намъ!.. Ужель здѣсь не найдется
Иль менестрель, иль бардъ съ былиною своей?
Отрадно веселитъ вино сердца людей,
Для мысли пѣснь — вино, пускай она польется.»

И разные пѣвцы встаютъ тогда кругомъ.
Вотъ сынъ Италіи, искуснымъ соловьемъ,
Конрада доблести поетъ въ стихахъ блестящихъ;
Съ Гаронны трубадуръ, откликнувшись на зовъ,
Передаетъ дѣла влюбленныхъ пастушковъ,
Завороженныхъ дѣвъ и рыцарей бродящихъ.

И Валленродъ уснулъ; всѣ пѣсни смолкли вдругъ,
И, шумомъ прерваннымъ внезапно пробужденный,

Пѣвцу Италіи далъ златомъ отягченный
Онъ поясъ и сказалъ: «ты одному пѣлъ, другъ,
Одинъ не можетъ дать инаго награжденья:
Бери и съ глазъ долой!.. А трубадуръ младой,
Что служитъ красотѣ, поетъ любви томленье,
Проститъ, что съ вами нѣтъ дѣвицы ни одной,
Которая ему на грудь, кипя сердечно,
Могла-бы приколоть цвѣтъ розы скоротечной...

«Увяли розы здѣсь... другихъ хочу пѣвцовъ,
Я рыцарь и монахъ, другую пѣснь мнѣ надо:
Пусть будетъ пѣснь дика, такого точно склада,
Какъ стукъ оружія, какъ музыка роговъ,
Какъ видъ монастыря угрюма, столь-же рьяна,
Полна огня, какъ инокъ пьяный...

«Намъ, благодать и смерть вносящимъ въ кругъ людей,
Убійственная пѣснь пусть святость оглашаетъ,
Пусть нѣжитъ и томитъ, и гнѣвъ воспламеняетъ,
И истомленныхъ страхъ пусть поражаетъ въ ней.
Такая жизнь у насъ — и пѣснь у насъ такая!..
Кто можетъ спѣть намъ?»...

«Я», откликнулся, вставая,
Маститый старецъ, — онъ у выходныхъ дверей
Межъ юношей сидѣлъ, войдя съ пажами прежде, —
Пруссакъ или Литвинъ, какъ видно по одеждѣ.
Лѣтами борода и бровь убѣлены,
На головѣ вѣнкомъ остатокъ сѣдины,
Глаза и лобъ прикрылъ навѣсъ изъ грубой ткани,
Морщины на лицѣ отъ лѣтъ и отъ страданій.

Онъ лютню прусскую въ одной рукѣ держалъ,
Другую протянулъ къ средѣ всего собранья,
Тѣмъ знакомъ онъ просилъ его къ себѣ внимания.
Настала тишина.
«Я буду пѣть, сказалъ. —
Литвѣ Пруссакамъ когда-то я пѣвалъ:
Теперь одни легли, отчизну защищая,
Другіе, чтобъ конца ея не пережить,
Рѣшились жизнь свою надъ трупомъ прекратить;
Такъ слуги, на кострѣ владыки погибая,
И добрый жребій съ нимъ, и злой хотятъ дѣлить.
Иные же въ лѣсахъ, презрѣнные, укрылись,
Иные — какъ Витольдъ, межъ вами здѣсь явились...

«По смерти, Нѣмцы, что-жь... Вы знаете о томъ,
Самихъ измѣнниковъ спросите на совѣтѣ,
Что сдѣлаютъ они, на томъ терзаясь свѣтѣ,
Когда, палимые мучительнымъ огнемъ,
Ликующихъ въ раю отцовъ своихъ помянутъ?
На языкѣ какомъ ихъ звать на помощь станутъ?
Ужели въ варварской, нѣмецкой рѣчи ихъ
Узнаютъ праотцы призывъ дѣтей своихъ?..

«О, дѣти, какъ Литвы позоромъ вы покрыты!
Никто, никто руки мнѣ не далъ для защиты,
Когда отъ алтаря, вашъ старый вайделотъ,
Въ нѣмецкихъ былъ влачимъ оковахъ я... и вотъ
Совсѣмъ старался, забытый на чужбинѣ;
Пѣвецъ, увы! а пѣть ужь не кому мнѣ нынѣ;
Всѣ очи выплакалъ я, глядя на Литву...
Вздохнуть-ли захочу я о своемъ жилищѣ,

Не знаю, гдѣ мой домъ, куда къ нему взову,
Въ какомъ углу мое родное пепелище...

«Но сохранились тутъ, тутъ въ сердцѣ лишь одномъ
Всѣ наилучшія отечества даянья...
Богатствъ утраченныхъ берите, Нѣмцы, въ немъ
Остатки бѣдные и всѣ воспоминанья!

«Какъ на ристалищѣ свою теряетъ честь
Оставшійся въ живыхъ воитель побѣжденный,
Лишь на посмѣшище влачитъ свой вѣкъ презрѣнный,
И побѣдителю спѣшитъ ударъ нанесть,
Оружье сокрушивъ подъ вражьими стопами,
Онъ напрягаетъ длань свою въ послѣдній разъ...
Такъ вдохновенья мнѣ пришелъ послѣдній часъ.
Касаюсь лютни я дрожащими перстами:
Пускай вамъ на Литвѣ послѣдній вайделотъ
Послѣднюю-же пѣснь литовскую споетъ.»

Умолкъ и ждетъ; всѣ ждутъ въ молчаніи глубокомъ,
Что дать въ отвѣтъ на то магистръ благоволитъ:
Конрадъ пытующимъ и оживленнымъ окомъ
Движенья и лицо Витольдовы слѣдитъ.

И всѣ замѣтили въ Витольдѣ перемѣну;
Какъ только вайделотъ имъ молвилъ про измѣну,
Синѣть, блѣднѣть онъ сталъ, потомъ онъ покраснѣлъ,
Терзаетъ стыдъ его, и гнѣвъ въ немъ закипѣлъ,
И наконецъ свой мечъ онъ у бедра сжимаетъ,

Идетъ, смущенную толпу онъ раздвигаетъ,
И сталъ какъ вкопанный; — на старца поглядѣлъ,
И туча, на челѣ нависшая угрюмо,
Вдругъ разразилася обильныхъ слезъ дождемъ.
Вернулся онъ и сѣлъ, закрывъ лицо плащемъ,
И погрузился весь въ таинственныя думы.

А Нѣмцы шепчутся: «ужели собирать
Мы нищихъ стариковъ должны на пированье?
Тѣ пѣсни для кого, кто можетъ ихъ понять?..»
Въ толпѣ пирующихъ такія восклицанья
Все чаще и слышнѣй перерываетъ смѣхъ,
И рѣзвые пажи кричатъ, свистя въ орѣхъ:
«Вотъ нота вѣрная литовскаго напѣва!»

И всталъ тогда Конрадъ: «по праву старины,
Сегодня, рыцари, нашъ Орденъ принимаетъ
Подарки, что намъ князь иль городъ посылаетъ,
Какъ дань покорную подвластной намъ страны.
Вамъ нищій жертвуетъ, онъ пѣсню предлагаетъ;
Такъ старцу дань принесть не возбраняйте вы,
Примите пѣснь его, то лепта отъ вдовы.

«Вы видите, и князь Литвы пируетъ съ нами,
Вожди ея сидятъ здѣсь Ордена гостями:
Пріятно слышать имъ о подвигахъ своихъ
Преданье старины, въ словахъ для нихъ родныхъ.
Кому понять нельзя, пускай тотъ удалится.
Я иногда люблю унылый этотъ тонъ
Литовской пѣсни ихъ, хоть непонятенъ онъ:
Люблю какъ шумъ волны, когда она дробится,

Какъ тихій стукъ дождя роскошною весной,
Подъ звукъ ихъ сладко спать... Пѣвецъ маститый, пой!»

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА.

«Когда несетъ въ Литву зараза истребленье,
Провидитъ ходъ ея пророческое зрѣнье:
И, если вѣрите народнымъ вы пѣвцамъ,
Среди глухихъ кладбищъ, по дебрямъ и холмамъ
Является не разъ намъ дѣва моровая,
Вся въ бѣломъ, на челѣ съ пылающимъ вѣнкомъ,
Ростъ бѣловѣжскихъ древъ главою превышая,
И окровавленнымъ въ рукѣ грозитъ платкомъ.

«У замковъ стражи ихъ подъ шлемы очи кроютъ;
А псы у поселянъ, уткнувши морды въ прахъ,
И чуя злую смерть, на всю окрестность воютъ.

«И устремляется зловѣщій дѣвы шагъ
На веси, города, богатыя владѣнья:
И каждый разъ, когда платкомъ она махнетъ,
Какой-нибудь дворецъ приходитъ въ запустѣнье;
Гдѣ ступитъ, свѣжая могила ужь растетъ.

«Видѣнье горькое, но горшею бѣдою
Съ нѣмецкой стороны грозилъ Литвы покою
Шлемъ свѣтлый, страуса украшенный перомъ,
И съ нимъ широкій плащъ и черный крестъ на немъ!

«Гдѣ то страшилище прошло, являя силу,
Что гибель поминать тамъ селъ и городовъ?
Тамъ цѣлая страна низринута въ могилу!
Ахъ! въ комъ еще живъ духъ изъ всѣхъ Литвы сыновъ,
Приди ко мнѣ сюда, на гробъ народовъ взглянемъ,
Въ раздумьѣ сѣвъ на немъ, мы пѣть и плакать станемъ...

«О, быль народная! Ковчегъ завѣта ты,
Давно отжившаго съ живымъ ты единенье:
Въ тебя кладетъ народъ бойца вооруженье,
И пряди думъ своихъ и чувствъ своихъ цвѣты!

«Ты невредимъ, ковчегъ, пока въ дни испытаній
Народъ не запятналъ того, что ты хранишь;
О, пѣснь народная, на стражѣ ты стоишь
У храма дорогихъ его воспоминаній,
И крылья у тебя Архангела, и рѣчь: —
Порой Архангела ты также держишь мечъ...

«Дѣлъ громкихъ истребитъ огонь изображенья,
Богатства разнесетъ губительный злодѣй:
Безвредно пѣснь уйдетъ и обойдетъ людей;
Когда-жь у низкихъ душъ не достаетъ терпѣнья
Питать ее тоской, надеждою поить,
Бѣжитъ въ ущелья горъ, вокругъ развалинъ вьется,
Чтобъ о быломъ еще оттуда говорить...
Такъ и изъ зданія, гдѣ пламя разольется,
Взлетаетъ соловей, на мигъ присядетъ онъ
На крышу — рухнула! — въ лѣса онъ улетаетъ,

И грудью звонкою, гробами окруженъ,
Прохожимъ скорби пѣснь надъ пепломъ запѣваетъ.

«Я слушалъ пѣснь. Сохой за кости задѣвалъ
Столѣтній селянинъ, идя по лону нивы,
И начиналъ играть въ свирѣль изъ вѣтки ивы
Усопшимъ гимнъ, иль васъ онъ пѣснью поминалъ,
Отцы — бездѣтные... и эхо отвѣчало.
Я слушалъ издали. Казалось, средь долинъ
Тѣмъ выше зрѣлище, тѣмъ пѣснь грустнѣй звучала,
Что видѣлъ я его, внималъ ему — одинъ.

«Какъ въ страшный день суда воздвигнетъ изъ могилы
Архангела труба давно остывшій прахъ:
Такъ кости изъ-подъ ногъ сдвигались на поляхъ,
Отъ пѣсни, въ образы несокрушимой силы.
Изъ пыли — арки вдругъ встаютъ ряды столбовъ,
Шумятъ подъ веслами озёра голубыя,
И видны двери тамъ отверстыя дворцовъ,
Вѣнцы князей, войны доспѣхи боевые;
И пляшетъ дѣвъ кружокъ, пѣвцами оживленъ —
Чудесно грезилъ я — жестоко пробужденъ!

«И нѣтъ лѣсовъ, и горъ родимыхъ предъ очами!
Мысль, утомленными взмахнувъ еще крылами,
Спустилась, сжалася въ домашнемъ уголкѣ,
И лютня замерла въ хладѣющей рукѣ;
Ужь голосъ прошлаго не слышенъ мнѣ порою,
Когда собратій стонъ доходитъ до меня!

Но искры инаго досель во мнѣ огня
Все тлѣютъ въ глубинѣ, вдругъ вспыхнутъ предо мною
И жизнь въ душѣ зажгутъ, и память озарятъ.
И какъ хрустальная тогда она лампада,
Которой живопись дала красу наряда;
Царапины и пыль ее хоть потемнятъ,
Но красокъ свѣжестью она приманитъ взоры,
Когда свѣтильню ты зажжешь внутри у ней,
И по стѣнамъ она обители царей
Разстелетъ чудные, хоть тусклые, узоры.

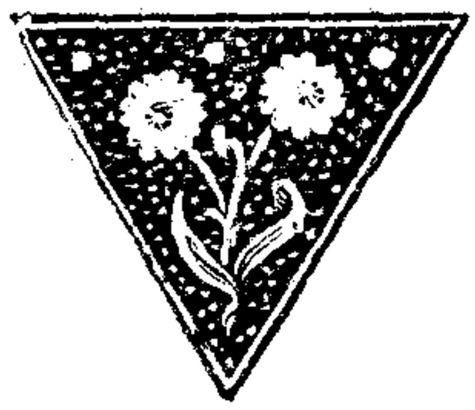
«О, если-бъ только могъ огонь свой перелить
Я въ души внемлющихъ, у смерти изъ объятій
Могъ вырвать прошлое! Когда-бъ сердца собратій
Умѣлъ я звучными словами шевелить,
Быть можетъ, что еще они-бы въ то мгновенье,
Когда родная пѣснь глубоко тронетъ ихъ,
Сердецъ, какъ встарину, почуяли біенье;
Отцовъ великій духъ тогда-бъ проснулся въ нихъ,
И такъ возвышенно хоть мигъ они-бъ прожили,
Какъ предки ихъ всю жизнь когда-то проводили.

«Но что минувшіе вѣка тревожить намъ?
Пѣвецъ не оскорбитъ дѣяній современныхъ:
Есть близко мужъ живой, великій изъ рожденныхъ...
Учитеся, спою о немъ, Литовцы, вамъ!»

И замолчалъ старикъ, и слушаетъ сурово,
Какъ Нѣмцы приняли восторженность пѣвца.
Царила тишина подъ сводами дворца;

Она пѣвцу даетъ огонь какъ будто снова.
Итакъ другой предметъ для пѣсни онъ избралъ:
Размѣру рѣчи далъ свободное теченье,
Слабѣе по струнамъ и рѣже ударялъ,
И повѣстью простой смѣнилось гимна пѣнье.

17 сентября 1871 года.



V.

Пиръ.

(Продолженіе).

ПѢСНЯ ВАЙДЕЛОТА.

Ѣдутъ Литовцы, откуда? Съ ночнаго вернулись набѣга;
Груды добычи везутъ изъ разграбленныхъ замковъ и храмовъ.
Плѣнные Нѣмцы толпами бѣгутъ у коней побѣдившихъ,
Скручены руки у нихъ, а на шеяхъ ихъ петлей веревки:
Только на Пруссію взглянутъ они, и зальются слезами,
Взглянутъ на Ковно — и Богу себя поручаютъ со страхомъ.
Въ городѣ Ковнѣ лежитъ по срединѣ долина Перуна:
Послѣ побѣды, дружины литовскихъ князей лишь вернутся,
Рыцарей-Нѣмцевъ тамъ въ жертву ему сожигаютъ обычно.

Двое изъ схваченныхъ рыцарей ѣдутъ безъ страха до Ковна:
Молодъ одинъ и прекрасенъ, другой уже въ лѣтахъ преклонныхъ.
Сами они среди битвы покинули полчища Нѣмцевъ,
И прибѣжали къ Литовцамъ; князь Кейстутъ ихъ принялъ охотно,
Но окружилъ онъ ихъ стражей и въ замокъ ведетъ за собою.
«Прибыли съ цѣлью какой, и откуда?» онъ ихъ вопрошаетъ.
Юноша такъ говоритъ: «я не знаю, какъ родъ мой и имя,
Ибо ребенкомъ еще я былъ Нѣмцами схваченъ въ неволю.
Помню я только, что гдѣ-то въ Литвѣ, среди града большаго,
Домъ нашъ отцовскій стоялъ. Деревянной постройки былъ городъ
И на высокихъ пригоркахъ, нашъ домикъ былъ красный, кирпичный;
Вкругъ тѣхъ холмовъ на равнинахъ шумѣла еловая роща,
Озеро бѣлое тамъ издалека средь лѣса блистало.
Ночью, однажды, неистовымъ крикомъ нарушенъ былъ сонъ нашъ,
День засіялъ вдругъ огнистый къ намъ въ окна, затрескались стекла,
Дыма по зданію клубы неслись; мы бѣжали въ ворота.
Пламя по улицамъ вѣяло, искры въ насъ сыпались градомъ;

Крикъ раздавался: «къ оружію! въ городѣ Нѣмцы, къ оружью!..»
Бросился живо съ оружьемъ отецъ, и назадъ не вернулся.
Нѣмцы къ намъ въ домъ ворвалися, одинъ-же пустился за мною,
Быстро настигъ, подхватилъ на коня, и что дальше— не знаю:
Только лишь матери долго и долго все слышалъ я стоны...
Въ стукѣ оружья и въ грохотѣ зданій, валившихся шумно,
Стонъ этотъ несся за мною, и въ ухѣ моемъ онъ остался.
Даже теперь, какъ увижу пожаръ я, какъ стонъ я услышу,
Въ сердцѣ тотъ стонъ отдается, какъ эхо въ далекой пещерѣ
Вслѣдъ за ударами грома... Вотъ все, что о краѣ родномъ я,
Что о родителяхъ помню. Порой въ сновидѣніяхъ вижу
Матери образъ почтенный, отца предъ собою и братьевъ:
Только, чѣмъ далѣе время уходитъ, все больше и больше
Съ каждымъ мгновеньемъ таинственный мракъ ихъ черты застилаетъ.
Дѣтскіе годы текли, между Нѣмцами жилъ я какъ Нѣмецъ,
Вальтера имя носилъ я, а прозвище дали мнѣ Альфа:

Имя нѣмецкое было, душа оставалась литовской,
И оставалась по родинѣ грусть, къ иноземцамъ недружба.
Винрихъ, магистръ крестоносцевъ, въ своемъ воспиталъ меня замкѣ,
Самъ воспріемникомъ былъ мнѣ, любилъ и лелѣялъ, какъ сына.
Сталъ я скучать во дворцахъ, и его покидая колѣна,
Вдругъ убѣгалъ къ вайделоту сѣдому. Въ то время межъ Нѣмцевъ
Жилъ вайделотъ, изъ Литвы увезенный когда-то въ неволю.
Войску служилъ толмачемъ онъ. Когда обо мнѣ онъ развѣдалъ,
Что сирота я, и тоже Литвинъ, то меня призывать сталъ —
Часто мнѣ пѣлъ о Литвѣ, оживлялъ тосковавшую душу
Ласками, звуками рѣчи родимой, а также разсказомъ.
Къ берегу синяго Нѣмана часто меня приводилъ онъ,
Было пріятно глядѣть мнѣ оттуда на горы отчизны;
Въ замокъ когда возвращались, старикъ отиралъ мои слезы,
Чтобъ не подозрили насъ: отиралъ мои слезы, но мщенье
Къ Нѣмцамъ во мнѣ распалялъ онъ. И помню, что, въ замокъ вернувшись,
Ножикъ точилъ я украдкой; съ какимъ наслажденіемъ мести

Винриха рѣзалъ ковры, разбивалъ зеркала дорогія,
Щитъ его свѣтлый пескомъ засыпалъ и плевалъ на доспѣхи.
Часто, какъ юношей сталъ я, прибывши на пристань Клейпеды,
Въ лодку мы съ старцемъ садились и берегъ Литвы посѣщали.
Рвалъ я цвѣты тамъ родные, ихъ запахъ волшебный какъ будто
Темное въ душу вливалъ мнѣ о прошломъ, далекомъ сознанье.
Запахомъ чуднымъ упившись, я дѣлался снова ребенкомъ,
Въ отчемъ саду я и братья-малютки со мною играли.
Памяти старецъ тогда помогалъ и словами, живѣе
Травъ и цвѣтовъ полевыхъ, рисовалъ онъ счастливое время.
Какъ мнѣ отрадно въ отечествѣ было-бъ съ друзьями, съ родными,
Юности время дѣлить; и какъ много литовскихъ малютокъ
Счастья такого не знаютъ и стонутъ въ оковахъ Тевтоновъ!
Такъ средь равнинъ, говорилъ онъ, но тамъ на прибрежьяхъ Полонги,
Гдѣ расшибается бѣлое море гремящею грудью,
И изъ гортани потоки песка выливаетъ и пѣны,
Видишь, говаривалъ старецъ, коверъ тотъ прибрежнаго луга
Желтый песокъ ужь засыпалъ? Ты видишь, душистыя травы

Силятся смертный покровъ пробуравить головками стебля?
Ахъ, все напрасно! ужь новая гидра съ пескомъ нанесется;
Бѣлые плёсы расширитъ, живой материкъ уничтожитъ,
Дикое царство пустыни все дальше кругомъ раздвигая...
Сынъ мой, весенніе всходы, что заживо взяты могилой,
Это — подъ гнетомъ народы, то наши собратья Литовцы;
Сынъ мой, изъ-за̀ моря бурей гонимый песокъ — это Орденъ!..
Слушалъ, и сердце болѣло. Хотѣлъ истребить крестоносцевъ,
Или въ Литву убѣжать; но порывы удерживалъ старецъ.
Рыцарямъ вольнымъ, говаривалъ, выборъ оружія вольный;
Вольно на полѣ открытомъ при равныхъ условіяхъ драться;
Ты-же — невольникъ: одно у рабовъ есть оружье — измѣна.
Съ нами останься учиться искусству военному Нѣмцевъ,
Пусть довѣряютъ тебѣ; а потомъ мы увидимъ, что дѣлать...
Старцу послушенъ и преданъ, я шелъ за войсками Тевтоновъ:
Въ первой, однако-же, битвѣ, какъ только увидѣлъ знамена,

Только военныя пѣсни роднаго народа услышалъ:
Къ нашимъ я бросился въ станъ, и повелъ старика за собою.
Какъ на гнѣздѣ своемъ пойманный соколъ, вскормленный въ клѣткѣ,
Пусть у него истязаніемъ ловчій, отнявши разсудокъ,
Въ гонку пускаетъ, чтобъ соколовъ-братьевъ на бой вызывалъ онъ:
Только поднимется въ тучи, и только свободно глазами
Всю безпредѣльную область лазурной отчизны окинетъ,
Воздухомъ вольнымъ дохнетъ лишь и шумъ своихъ крыльевъ услышитъ,
Сокола ловчій не жди, и домой съ своей клѣткой вернися...»

Юноша кончилъ, а Кейстутъ все слушалъ, и слушала также
Кейстута дочь молодая Альдона, красою богиня.
Осень настала, и съ нею длиннѣй вечера потянулись;
Кейстута дочерь, въ кругу обращаясь сестеръ и ровесницъ,
Ткать за станокъ свои садится, или садится за прялку,
Иглы сверкаютъ у нихъ, веретена мелькаютъ въ движеньи, —
Вальтеръ тогда о нѣмецкихъ краяхъ чудеса сообщаетъ,
Или о дняхъ своей юности. Все, что разсказывалъ Вальтеръ,

Ухомъ ловила дѣвица, и мыслью своей поглощала;
Все заучила на память, порой и во снѣ повторяетъ.
Сказывалъ Вальтеръ, какъ стали велики за Нѣманомъ зàмки
И города, какъ роскошны наряды, какъ пышны забавы;
Какъ на турнирахъ отважные рыцари копья ломаютъ,
Смотрятъ съ балконовъ дѣвицы, вѣнки присуждаютъ достойнымъ.
Вальтеръ повѣдалъ о Богѣ великомъ, за Нѣманомъ чтимомъ,
И о пречистой и дѣвственной Матери Сына Господня,
Тутъ-же небеснаго лика Ея показалъ онъ имъ образъ.
Юноша свято хранилъ на груди образокъ тотъ чудесный:
Отдалъ его онъ Литвинкѣ, какъ сталъ утверждать ее въ вѣрѣ
И возносить съ ней молитвы; всему, въ чемъ познаньемъ богатъ былъ,
Думалъ наставить; нежданно, увы, и тому научилъ онъ,
Самъ чего прежде не вѣдалъ: любить научилъ ее первый.
Много и самъ узнавалъ онъ. Съ какимъ упоеніемъ слушалъ
Рѣчи литовской, забытой, въ устахъ у нея выраженья.
Съ каждымъ воскреснувшимъ словомъ новое чувство рождалось

Искрой изъ пепла, и сладкія были все это названья:
Дружбы, сладостной дружбы, родства и, сверхъ этихъ названій,
Сладостью всѣхъ превзошедшее, слово любовь, каковому
Равнаго нѣтъ на землѣ, исключая названья — отчизна.

Кейстутъ сталъ думать: откуда-же въ дочери вдругъ перемѣна?
Гдѣ ея прежнія радости, гдѣ ея дѣтскія игры?
Въ праздникъ гурьбою идутъ всѣ дѣвицы забавиться пляской:
Все одинока она, либо съ Вальтеромъ рѣчи заводитъ.
Въ будничный день за иглою дѣвицы сидятъ иль за пряжей:
Иглы изъ рукъ у нея выпадаютъ, свиваются нитки,
И ужь не видитъ, что дѣлаетъ, — всѣ говорятъ мнѣ объ этомъ.
Самъ я замѣтилъ случайно вчера, что зеленымъ зашила
Розы цвѣточекъ и краснымъ задѣлала шелкомъ листочки.
Какъ-же могла-бъ она видѣть, когда ея мысли и очи
Ока лишь Вальтера ищутъ и съ Вальтеромъ лишь разговора?
Сколько-бы разъ ни спросилъ я, куда уходила? — «въ долину»;
Или откуда пришла? — «изъ долины»; но что-же въ долинѣ?

Юноша садъ насадилъ ей. Неужели садъ тотъ красивѣй
Зàмка садовъ (а роскошными Кейстутъ гордился садами:
Полные яблокъ и грушъ, они ковенскихъ дѣвъ привлекали)?
Это не садъ ее манитъ. Зимой ея окна я видѣлъ;
Цѣлыя стекла у оконъ, которыя вышли на Нѣманъ,
Чисты какъ будто средь мая. Морозъ не темнитъ ихъ кристалла.
Вальтеръ тамъ ходитъ. Она подъ окномъ, безъ сомнѣнья, сидѣла
И растопила на стеклахъ горячимъ дыханіемъ льдинки.
Думалъ я, вѣрно, онъ чтенью ее и писанью научитъ,
Слыша, что здѣсь у князей начинали всѣ дѣти учиться...
Малый онъ добрый, отважный, въ письмѣ-же какъ ксендзъ изощренъ онъ:
Выслать изъ дому ужель мнѣ его? Онъ такъ нуженъ въ Литвѣ намъ;
Войско всѣхъ лучше онъ строитъ, всѣхъ лучше окопъ насыпаетъ,
И съ огнестрѣльнымъ оружьемъ знакомъ, онъ одинъ мнѣ за войско...
Вальтеръ, поди-же, будь зятемъ моимъ и дерись за Литовцевъ! .
Вальтеръ Альдону взялъ за себя...— Полагаете, Нѣмцы,
Вѣрно конецъ тутъ и повѣсти: въ вашихъ любовныхъ романсахъ,

Въ бракъ когда рыцарь вступилъ, трубадуръ заключаетъ и пѣсню,
Только прибавитъ, что прожили долго они и счастливо...
Вальтеръ супругу любилъ — но онъ былъ съ благородной душою;
Счастья онъ въ домѣ не встрѣтилъ, его не нашлося въ отчизнѣ.

Только снѣга распустилися, жаворонокъ первый спѣлъ пѣсню...
Вѣстникъ любви и блаженной отрады въ другихъ сторонахъ онъ,
Бѣдной Литвѣ ежегодно пожары, рѣзню предвѣщаетъ.
Все выдвигаются въ силахъ несмѣтныхъ ряды крестоносцевъ,
И изъ-за нѣманскихъ высей до Ковно ужь эхо доноситъ
Войска огромнаго говоръ, стукъ брони и ржаніе коней.
Мглою спускается станъ, облегаетъ равнины широко,
Ближе и дальше мелькаютъ переднихъ отрядовъ знамена
Змѣйками молній предъ бурею. Нѣмцы у берега стали,
Кинули мостъ чрезъ Нѣманъ и Ковно кругомъ обложили.
Каждый ужь день отъ тарановъ ихъ рушатся стѣны и башни,
Каждую ночь, какъ кроты, подъ землей они роютъ подкопы,

Огненнымъ бомба полетомъ несется подъ небомъ высоко,
Съ выси, какъ соколъ на птицу, она упадаетъ на крыши.
Ковно ужь въ грудахъ развалинъ, Литва отступаетъ въ Кейданы,
Въ грудахъ развалинъ Кейданы, Литва по лѣсамъ и пригоркамъ
Бьется, а Нѣмцы все грабятъ и жгутъ, и впередъ подаются.
Первые въ битвахъ и Кейстутъ, и Вальтеръ — послѣдніе въ бѣгствѣ.
Кейстутъ покоенъ все время: усвоилъ онъ съ дѣтства привычку
Драться съ врагами: напасть, побѣдить и уйти защищаясь;
Зналъ онъ, что съ Нѣмцами предки его воевали обычно;
Слѣдуя предкамъ сражался и онъ, не заботясь, что будетъ.
Мысли другія у Вальтера были: возросшій средь Нѣмцевъ,
Вѣдалъ онъ Ордена силу; онъ зналъ, что магистра воззванье
Цѣлой Европы богатства, войска и оружье притянетъ;
Пруссы сперва защищались, но стерли Пруссаковъ Тевтоны:
Рано иль поздно Литва покорится судьбѣ съ ними равной:
Видѣлъ онъ Пруссовъ невзгоду, дрожалъ и за жребій Литовцевъ.

«Сынъ, обращается къ Вальтеру Кейстутъ, пророкъ ты зловѣщій;
Снялъ ты завѣсу съ очей у меня, чтобъ разверзлися бездны.
Рѣчи внималъ я твоей и, казалось мнѣ, руки слабѣли,
Вмѣстѣ съ надеждой побѣды отвага изъ груди бѣжала.
Что-же намъ съ Нѣмцами дѣлать?» — «Отецъ, говорилъ ему Вальтеръ,
Знаю единственный способъ, ужасный, увы! но успѣшный!
Послѣ повѣдаю...» Такъ послѣ битвы они разсуждали,
Къ новому горю и битвамъ пока ихъ труба не сзывала.

Кейстутъ печальнѣе съ часу на часъ; измѣнился и Вальтеръ!
Прежде, хотя не бывалъ никогда онъ особенно веселъ,
Легкая тѣнь размышленья въ счастливыя даже минуты
Часто лицо застилала его — но въ объятьяхъ Альдоны
Прежде чело и лицо у него оставались спокойны;
Шелъ къ ней на встрѣчу съ улыбкою, нѣжнымъ прощался съ ней взглядомъ...
Нынѣ-же тайной болѣзни какъ будто терзался онъ мукой;
Руки скрестивши, онъ цѣлое утро стоитъ передъ домомъ,

Смотритъ на дымъ (въ отдаленьи пылаютъ мѣстечки и села),
Дикими смотритъ очами; отъ сна пробуждается ночью:
И за кровавымъ разливомъ пожаровъ слѣдитъ изъ окошка.
«Мужъ дорогой, что съ тобою?» въ слезахъ вопрошаетъ Альдона;
— «Какъ что со мной? не дремать-ли, покуда ворвутся къ намъ Нѣмцы,
Соннаго свяжутъ, потомъ палачу отдадутъ меня въ руки?»
— «Боже, супругъ мой! надежная стража стоитъ у окоповъ».
— «Правда, есть стража, не сплю я, въ рукѣ моей вѣрная сабля:
Если-же стражи не станетъ и вовсе притупится сабля...
Слушай-же, если до старости жить мнѣ, до старости дряхлой!..»
— «Богъ утѣшенье даруетъ намъ въ дѣтяхъ...» — — «Такъ Нѣмцы ворвутся,
Сгубятъ жену и, исторгнувъ дѣтей, увезутъ ихъ далеко,
Стрѣлы въ роднаго отца выпускать ихъ, пожалуй, научатъ!..
Самъ я, быть можетъ, родителя, можетъ быть, братьевъ убилъ-бы,
Если-бъ не нашъ вайделотъ...» — «Дорогой ты мой Вальтеръ, уѣдемъ
Дальше въ Литву, чтобъ въ лѣсахъ и горахъ намъ укрыться отъ Нѣмцевъ.»

— «Да, мы уѣдемъ, другихъ матерей и дѣтей мы оставимъ.
Такъ убѣгали Пруссаки, а Нѣмецъ въ Литвѣ ихъ настигнулъ.
Если въ горахъ насъ откроетъ?»—«И снова мы дальше уѣдемъ.»
— «Дальше, злосчастная, дальше! куда-же уйдемъ изъ Литвы мы?
Въ руки Татаръ или Русскихъ?» На то возраженье Альдона
Вдругъ умолкла смущенная: ей представлялось доселѣ,
Что безъ конца широка и длинна, какъ весь міръ нашъ, отчизна...
Слышитъ впервые, что въ цѣлой Литвѣ нѣтъ угла, гдѣ-бы скрыться.
Руки ломая, просила, чтобъ Вальтеръ сказалъ ей: что дѣлать?
«Средство одно есть, Альдона, одно остается Литвинамъ,
Ордена мощь сокрушить, и способъ мнѣ этотъ извѣстенъ.
Но, ради Бога, узнать не старайся! будь проклятъ стократно
Часъ тотъ, въ который, врагомъ принужденный, возьмусь за то средство!»
Больше сказать не хотѣлъ и не слушалъ моленій Альдоны:
Только Литвы злополучье одно онъ и слышалъ, и видѣлъ;
Мщенія пламя, которому пищу давали въ молчаньи

Видъ пораженій и зла, наконецъ охватило и сердце;
Всякое чувство въ немъ выжгло, и даже сильнѣйшее чувство,
Даже и чувство любви, услажденье досель его жизни.
У бѣловѣжскаго дуба такъ точно, когда звѣроловы
Тайный огонь разведутъ, сердцевину глубоко въ немъ выжгутъ:
Скоро царь лѣса утратитъ листы, разносимые вѣтромъ,
Съ вѣтромъ слетятъ его вѣтки, и — даже послѣдняя зелень,
Дубъ украшавшая прежде — засохнетъ корона омелы.

Долго Литовцы по замкамъ, лѣсамъ и пригоркамъ бродили,
Иль нападая на Нѣмцевъ, иль ихъ нападенья встрѣчая;
Страшная битва потомъ закипѣла въ равнинахъ Рудавы,
Гдѣ молодежи литовской свалилися тысячъ десятки,
Возлѣ нихъ столько-же тысячъ вождей и простыхъ крестоносцевъ.
Къ Нѣмцамъ изъ-за моря свѣжія все набиралися силы;
Съ горстію смѣлыхъ и Кейстутъ, и Вальтеръ пробилися въ горы.
Сабли у нихъ зазубрились, щиты ихъ порублены были,
Пылью и кровью покрыты, угрюмые въ домъ возвратились.

Вальтеръ жену не окинулъ и взглядомъ, ей слова не молвилъ;
Съ Кейстутомъ рѣчь и потомъ съ вайделотомъ завелъ по-нѣмецки.
Не понимала Альдона, но сердце предвѣстникомъ было
Страшныхъ какихъ-то событій. Окончивъ свое совѣщанье,
Горестный взглядъ на Альдону они обратили всѣ трое.
Вальтеръ всѣхъ дольше смотрѣлъ, какъ нѣмой, съ безнадежною скорбью;
Крупными каплями вдругъ изъ очей его хлынули слезы,
Бросился въ ноги къ Альдонѣ и къ сердцу прижалъ ея руки,
Началъ молить о прощеньи за все, что она претерпѣла.
«Женщинамъ горе, сказалъ онъ, когда онѣ любятъ безумцевъ,
Око которыхъ привыкло глядѣть за предѣлы селенья,
Мысли которыхъ какъ дымъ безпрестанно надъ крышею вьются,
Сердцу которыхъ домашняго счастья не будетъ довольно.
Души великія ульямъ просторнымъ подобны, Альдона,
Медъ ихъ не можетъ наполнить, гнѣздомъ они ящерицъ станутъ...
Другъ мой Альдона, прости мнѣ! я дома останусь сегодня,

Все позабуду сегодня, сегодня другъ другу мы будемъ
Тѣмъ, чѣмъ бывали мы прежде; а завтра...»—И кончить не смѣлъ онъ.
Радость какая Альдонѣ! бѣдняжкѣ приходитъ на мысли:
Вальтеръ измѣнится, будетъ спокоенъ и веселъ какъ прежде —
Видитъ, что меньше задумчивъ, глаза его стали живѣе,
Свѣжій опять на ланитахъ румянецъ. У ногъ онъ Альдоны
Цѣлый тотъ вечеръ проводитъ: Литву, Крестоносцевъ и битвы
Предалъ на мигъ онъ забвенью, о времени вспомнилъ счастливомъ,
Какъ онъ пріѣхалъ къ Литовцамъ, о первой бесѣдѣ съ Альдоной,
Первой прогулкѣ въ долину, и вспомнилъ о всѣхъ, хотя дѣтскихъ,
Въ памяти сердца оставшихся, первой любви приключеньяхъ.
Что жь прерываетъ столь сладкія рѣчи онъ возгласомъ: «*завтра!*»
Вновь погружается въ думы и долго глядитъ на супругу,
Слезы въ глазахъ накипаютъ, и хочетъ сказать... и не смѣетъ!
Вызвалъ мгновенно ужель для того лишь, чтобъ съ ними проститься,
Прежнія чувства и счастія прежняго сладкую память?

Всѣ разговоры въ тотъ вечеръ и всѣ того вечера ласки
Будутъ ужели послѣднимъ блистаньемъ свѣтила любви ихъ?..
Тщетны разспросы. Альдона глядитъ, ожидая въ сомнѣньи,
И, осторожно изъ комнаты выйдя, смотритъ сквозь щели.
Вальтеръ вино наливалъ, осушая бокалъ за бокаломъ,
И старика вайделота оставилъ съ собою онъ на ночь.

Солнышко только всходило; звенятъ о каменья копыта,
Тамъ пробираются съ раннимъ туманомъ два рыцаря въ горы,
Всѣхъ провели они стражей — одинъ не поддался обману,
Чутки влюбленной глаза: угадала ихъ бѣгство Альдона!
И забѣжала въ долину; печальна была у нихъ встрѣча.
«Въ домъ свой вернись, дорогая, вернися, ты счастлива будешь,
Счастлива, можетъ быть, будешь въ объятіяхъ родины милой;
Ты молода и прекрасна, найдешь утѣшенье, забудешь!
Многіе прежде князья получить твою руку стремились!
Нынѣ вдова ты великаго мужа и стала свободна,

И невозможность забыть. Глаза, обезумѣвъ, вращала,
Нѣсколько разъ повстрѣчались съ ней Вальтера дикіе взоры:
Не обрѣтала отрады въ тѣхъ взорахъ она, какъ бывало,
Новаго будто чего-то искала повсюду, и снова
Вкругъ озиралась... Кругомъ разстилались лѣса и пустыни:
Блещетъ за Нѣманомъ башня средь лѣса, она одинока,
Женскій то былъ монастырь, христіанъ опустѣлое зданье...
Къ башенкѣ той прилѣпилися очи и мысли Альдоны:
Такъ голубокъ надъ пучиною морскою, подхваченный вѣтромъ,
Жмется у мачтъ одинокихъ, упавъ на корабль неизвѣстный.
Вальтеръ тутъ понялъ Альдону, послѣдовалъ молча за нею,
Замыселъ свой разсказалъ, заповѣдалъ таить передъ свѣтомъ,
И у воротъ разлучились! — то страшное было прощанье —
Альфъ съ вайделотомъ уѣхалъ. Не слышно объ нихъ и донынѣ.
Горе когда бы доселѣ онъ клятвы своей не исполнилъ:
Если, отрекшись отъ счастья и счастье сгубивши Альдоны...
Если, пожертвовавъ столькимъ, все въ жертву принесъ онъ напрасно...
Время покажетъ, что будетъ... — Окончилъ я пѣснь мою, Нѣмцы...

«Конецъ, уже конецъ!»—ужасный ропотъ въ залѣ.
«Что-жь Вальтеръ? подвиги какіе онъ свершилъ?
Гдѣ мщеніе? кому?» внимавшіе кричали.
Одинъ магистръ еще молчаніе хранилъ,
Съ поникшей головой средь шумной сидя сцены,
Взволнованъ глубоко, хватаетъ каждый мигъ
За чашей чашу онъ и осушаетъ ихъ.
Въ наружности его видъ новой перемѣны,
Ужь чувства разныя, какъ молніи въ вѣнцѣ
Грозы, на огненномъ скрещаются лицѣ.
Все хмурится чело часъ отъ часу грознѣе,
Уста дрожащія сжимаются синѣя,
Глаза, какъ ласточки предъ бурею, снуютъ.
Плащъ сбросилъ и вскочилъ — «конецъ гдѣ-жь пѣсни тутъ?
Скорѣе допѣвай конецъ ты пѣсни нашей,
Иль лютню дай. Зачѣмъ трепещешь ты, пѣвецъ?
Дай лютню мнѣ скорѣй, виномъ наполни чаши,
Когда боишься ты, я самъ спою конецъ.

«Я знаю васъ!... Лишь пѣснь раздастся вайделота,
Пророчитъ скорбь она, какъ завыванье псовъ:
Убійства только вамъ, пожары пѣть охота;
Даете муки намъ и шумъ хвалебныхъ словъ...
Закравшись въ колыбель, такая пѣснь лукаво
Еще ребенка грудь змѣею обовьетъ
И яды въ духъ ему жестокіе вольетъ:
Любви къ отечеству и глупой жажды славы!..

«За юношей она стремится по пятамъ,
Какъ тѣнь врага, что палъ печальной жертвой мщенья;

Является она на пиръ нерѣдко къ намъ,
Чтобъ крови подмѣшать въ сосуды наслажденья.
Наслушался, увы... узналъ я пѣсенъ чары!..
Свершилося... Знакомъ ты мнѣ, измѣнникъ старый!..
Ты побѣдилъ, поэтъ — пускай кипитъ война!
Исполнится обѣтъ, давайте мнѣ вина!

«Конецъ я знаю: нѣтъ... другую пѣснь вамъ надо;
Когда въ Кастиліи сражались по горамъ,
Тамъ Мавры насъ свои учили пѣть баллады.
Старикъ, играй мнѣ пѣснь ту дѣтскую, что намъ
Въ долинѣ пѣлася... то было время счастья!
Подъ эту музыку я пѣть всегда привыкъ.
Вернись, старикъ, не то боговъ тебѣ проклятья
Нѣмецкихъ, прусскихъ, всѣхъ»... Былъ вынужденъ старикъ
Вновь выступить, и въ тонъ Конрада пѣсни дикой
Онъ робко слѣдовалъ, играя на струнахъ,
Какъ за разгнѣваннымъ рабъ слѣдуетъ владыкой.

А между тѣмъ огни ужь гасли на столахъ,
Пируя рыцари въ дремоту погрузились;
Но лишь запѣлъ Конрадъ, всѣ снова пробудились,
Встаютъ со всѣхъ сторонъ, столпились въ тѣсный кругъ,
И слово каждое ихъ жадный ловитъ слухъ.

БАЛЛАДА АЛЬПУХАРА.

Въ грудахъ развалинъ у Мавровъ посады,
Цѣпи народъ ихъ влачитъ,

Держатся только твердыни Гренады,
Но ужь чума въ нихъ царитъ.

Бьется на высяхъ еще Альпухары
Съ горстью людей Альманзоръ.
Къ утру Испанецъ готовитъ удары,
Близко раскинулъ шатеръ.

Солнца съ восходомъ орудья взревѣли,
Стѣны въ обломкахъ лежатъ,
На минаретахъ кресты заблестѣли,
За́мокъ Испанцами взятъ.

Но Альманзоръ, лишь отрядъ его смѣлый
Въ битвѣ отчаянной палъ,
Самъ прорубился сквозь сабли и стрѣлы,
Всѣхъ обманулъ и бѣжалъ.

Въ замкѣ, средь камней и тѣлъ искаженныхъ,
На уцѣлѣвшей стѣнѣ,
Дѣлитъ Испанецъ добычу и плѣнныхъ,
Тонетъ, пируя, въ винѣ.

Вѣрная стража вождямъ вдругъ доноситъ:
Рыцарь явился чужой —
Ихъ о пріемѣ немедленномъ проситъ,
Вѣсти привезъ онъ съ собой.

То Альманзоръ былъ, король мусульманскій;
Самъ онъ отдаться спѣшилъ,
Бросивъ убѣжище, въ лагерь Испанскій,
Только о жизни молилъ.

«Къ вашему, рекъ онъ, Испанцы, порогу
Прибылъ чело приклонить,
Вашему стать на служеніе Богу,
Вашихъ пророковъ почтить.

Слава пускай прогремитъ передъ свѣтомъ:
Мавръ, съ сокрушеннымъ вѣнцомъ,
Братскимъ желаетъ васъ встрѣтить привѣтомъ,
Власти чужой быть рабомъ.»

Храбрость Испанцы въ бою уважаютъ;
Узнанъ лишь былъ Альманзоръ,
Вождь его обнялъ, и всѣ обнимаютъ —
Имъ онъ товарищъ съ тѣхъ поръ.

Лаской имъ всѣмъ Альманзоръ отвѣчаетъ,
Онъ у вождя на плечахъ, —
Шею ужь обвилъ и руки хватаетъ,
Крѣпко повисъ на устахъ.

Палъ на колѣна, дрожащей рукою,
Чѣмъ-то внезапно томимъ,
Ноги Испанца опуталъ чалмою,
По земи ползалъ за нимъ.

Взоромъ повелъ онъ, и всѣ изумились:
Блѣдно и сине чело,
Смѣхомъ ужаснымъ уста искривились,
Кровью зрачки налило.

«Синь я и блѣденъ, Гяуры, смотрите!
Чей, угадайте, посолъ?

Васъ обманулъ я — въ чумѣ пропадите —
Я изъ Гренады пришелъ.

Пролили въ душу мои вамъ лобзанья
Ядъ, что васъ долженъ пожрать;
Вы на мои наглядитесь терзанья,
Такъ вѣдь и вамъ умирать.»

Съ криками рвется, объятіемъ вѣчнымъ
Хочетъ Испанцевъ всѣхъ сжать;
Къ сердцу онъ, смѣхомъ залившись сердечнымъ,
Ихъ-бы хотѣлъ приковать

Смѣхомъ и кончилъ онъ — губы и вѣки
Въ мукахъ при страшномъ концѣ
Все не сомкнулись, смѣхъ адскій на-вѣки
Замеръ на хладномъ лицѣ.

И побѣжали Испанцы отъ кары,
Съ ними чума по пятамъ,
Такъ и не вышли изъ горъ Альпухары —
Пало все войско ихъ тамъ.

«Арабы нѣкогда отмщали такъ сурово;
Хотите знать, какъ мстить Литовцу суждено?
Что жь, если въ будущемъ свое онъ сдержитъ слово
И точно такъ придетъ заразу влить въ вино...
Но нѣтъ, — другой теперь у насъ обычай въ модѣ:
Витольдъ! князей Литвы должны мы принимать,
Они приходятъ къ намъ владѣнья отдавать,
Чтобъ злобу выместить на страждущемъ народѣ!

«Не всѣ однако, нѣтъ! Перуномъ я клянусь!
О, есть еще въ Литвѣ — еще спою какъ прежде...
Оборвалась струна — такъ съ лютней разстаюсь,
Не будетъ пѣсни вамъ — однако я въ надеждѣ
Когда-нибудь вамъ спѣть... теперь... вино струей...
Я ныньче много пилъ — ликуйте — праздникъ славьте.
Ты-жь. Аль... манзоръ — старикъ, съ очей моихъ долой —
Долой Альбанъ — меня вы одного оставьте».

Сказалъ и, отойдя невѣрною стопой
До мѣста своего, на кресло опустился,
Кому-то все грозилъ, вдругъ столъ толкнулъ ногой,
И столъ гремя съ виномъ и чашами свалился.
Онъ скоро ослабѣлъ, склонилась голова
На ручку креселъ, взоръ горѣлъ уже едва,
Чуть двигались уста, ротъ пѣною покрылся,
И въ сонъ онъ погрузился.

Минуту рыцари задумавшись стояли:
Конрада знали всѣ губительный порокъ,
Когда въ немъ бушевалъ вина излишній токъ,
Безпамятство и гнѣвъ движенья обличали;
Но на пиру позоръ публичный настаетъ!
Въ присутствіи чужихъ гнѣвъ дикій ихъ смущаетъ.
Кто возбудилъ его? гдѣ этотъ вайделотъ?
Исчезъ среди толпы, никто объ немъ не знаетъ.

Была молва, что то Гальбанъ переодѣтый
Литовскую тогда Конраду пѣсню пѣлъ,
Что снова, христіанъ волнуя пѣснью этой,
Онъ на язычниковъ войной поднять хотѣлъ.

Но отчего магистръ мѣнялся такъ нежданно?
За что Витольдъ во гнѣвъ такой жестокій впалъ?
И смыслъ какой магистръ давалъ балладѣ странной? —
Тутъ каждый тщетно умъ въ догадкахъ изощрялъ.

VI.

Война.

Война. Уже Конрадъ не въ силахъ преклонить
Совѣта стойкости и утишить волненья;
Давно уже весь край взываетъ отомстить
Витольду за обманъ, Литвѣ за нападенья.

Витольдъ, который самъ у Ордена молилъ
Возврата виленской, утраченной столицы,
Теперь, отбывши пиръ, лишь вѣсти получилъ,
Что воины креста войдутъ въ его границы,
Вдругъ обманулъ друзей, перемѣнилъ свой планъ
И, витязей своихъ собравъ, покинулъ станъ.

Къ Тевтонамъ въ крѣпости, что по пути лежали,
Вошелъ съ поддѣланнымъ магистровымъ письмомъ,
У стражи воины оружье отобрали,
И все онъ истребилъ желѣзомъ и огнемъ.
И Орденъ, пристыженъ и злобою пылая,
Грозитъ язычникамъ кровавою войной.
Шлютъ буллу; и моря, и земли покрывая,
Слетается бойцовъ неистощимый рой;

Могучіе князья, вассаловъ ихъ дружины,
Съ крестами красными на панцыряхъ, идутъ,
Всѣ жизнью поклялись, что на поляхъ чужбины
Невѣрныхъ окрестятъ — иль смерти предадутъ.

Вошли въ Литву они: и что-жь тамъ совершилось?
Когда ты хочешь знать, взойди на валъ, съ высотъ
Взоръ обрати къ Литвѣ; лишь солнце закатилось,
Увидишь зарево, оно небесный сводъ
Огня кровавыми ручьями обливаетъ.
Въ войнѣ съ обидчикомъ всегда одно и то жь,
Всѣмъ вѣдомо: рѣзня, пожары и грабежъ
И блескъ, что глупую толпу увеселяетъ,
Въ которомъ лишь мудрецъ со страхомъ познаетъ
Тотъ голосъ мщенія, что къ Богу вопіетъ.

По вѣтру дальше все пожары разносились,
И дальше рыцари во глубь Литвы все шли,
Ужь Ковно, слухи есть, и Вильно облегли;
Но наконецъ гонцы и вѣсти прекратились.
Не видно пламени нигдѣ уже окрестъ,
А только зарево пожаровъ отдаленныхъ.
Напрасно рыцари изъ покоренныхъ мѣстъ
Добычи вѣрной ждутъ и появленья плѣнныхъ;
Напрасно частыхъ шлютъ гонцовъ, гонцы спѣшатъ —
Не возвращается никто изъ нихъ назадъ,
Когда терзаетъ всѣхъ тяжелое сомнѣнье,
Дождаться каждый радъ хоть горькаго рѣшенья.

И осень ужь прошла, и воютъ по горамъ
Мятели зимнія, дороги засыпая,

Сіяньемъ сѣвернымъ, войны-ль огнемъ пылая
Вновь зарево вдали горитъ по небесамъ,
Блескъ грозный пламени часъ отъ часу виднѣе,
И небо отъ него краснѣе и краснѣе.

Съ Маріенбургскихъ стѣнъ глядятъ во всѣ концы:
Тамъ кто-то движется за снѣжными буграми...
Ужь не Конрадъ-ли то съ родными намъ вождями?
Что жь,—побѣдители они, иль бѣглецы?
И гдѣ-жь остатки войскъ?.. Конрадъ тогда рукою
Толпу отсталую вдали имъ показалъ:
Ахъ, уже видъ одинъ ихъ тайну обличалъ!..
Въ сугробахъ тащатся нестройною гурьбою;
Тѣснятся, падаютъ, какъ насѣкомыхъ рой,
Что гибнутъ въ тѣснотѣ безвыходной сосуда.
По трупамъ вверхъ ползутъ, доколѣ снова груда
Валясь не увлечетъ на дно ихъ за собой.
Одни еще влачатъ хладѣющія ноги,
Другіе на ходу застыли у дороги,
И мертвецы съ рукой приподнятой стоятъ,
Какъ тѣ столпы, что путь указываютъ въ градъ.

Изъ крѣпости толпа къ нимъ хлынула народа,
Не смѣетъ разспросить, ее объемлетъ страхъ,
Она исторію несчастнаго похода
Прочла у рыцарей на лицахъ и въ очахъ.
Надъ ними смерть уже холодная висѣла,
И голодъ высосалъ, какъ Гарпія, ихъ тѣло.
Литовцы гонятся — вотъ слышенъ звукъ роговъ,
Тамъ на равнинахъ вихрь вздымаетъ снѣгъ клубами,
И воетъ тощая поодаль стая псовъ,
И вьются вороновъ стада надъ головами.

Часъ гибели насталъ, Конрадъ всѣхъ погубилъ;
И онъ, который такъ удачей возносился,
И онъ, который такъ предвѣдѣньемъ гордился,
Въ послѣднихъ бѣдствіяхъ лишился вовсе силъ.
Сѣтей Витольдовыхъ не понялъ ухищренья,
Обманутъ, ослѣпленъ кровавой жаждой мщенья,
Войска въ степяхъ Литвы напрасно разбросалъ,
И Вильно медленно и вяло осаждалъ.

Когда запасовъ складъ былъ истощенъ войною,
И голодъ началъ станъ нѣмецкій посѣщать,
А врагъ раскинувшись сталъ смѣлою рукою
Ихъ подкрѣпленія, обозы истреблять,
И Нѣмцевъ сотнями день каждый выбывало,
Войну бы приступомъ покончить надлежало,
Или не мѣшкая съ войсками отступить;
Но Валленродъ тогда, спокойный и веселый,
Съ зарею уѣзжалъ въ лѣса звѣрей травить,
Или въ шатрѣ одинъ ковалъ свои крамолы,
И не хотѣлъ вождей къ совѣту допустить.

И дотого угасъ воинственный въ немъ пылъ,
Что, войска своего нетронутый слезами,
Въ защиту Ордена меча не обнажилъ:
Дни цѣлые стоялъ съ скрещенными руками
Въ раздумьи, или съ нимъ бесѣдовалъ Гальбанъ...
Межъ тѣмъ зима снѣговъ сугробы навалила,
И свѣжею, Витольдъ, вооруженный силой,
Ихъ войско окружалъ, и нападалъ на станъ...
Какое Ордену отважному безчестье! —
Магистръ великій вдругъ бѣжалъ изъ-подъ знаменъ!..

И вмѣсто плѣнниковъ, добычи, лавровъ, онъ
О торжествѣ Литвы привезъ съ собой извѣстье!..

Вы видѣли-ль, когда съ кровавыхъ онъ полей,
За тѣмъ погромомъ вслѣдъ, велъ войско упырей?..
Чело омрачено тоской воспоминаній,
Лицо его точилъ нещадно червь страданій,
И мучился Конрадъ — но ты-бы увидалъ,
Хоть тѣнью у него лазурь очей одѣта,
Что стрѣлы яркія взоръ искоса металъ,
Какъ будто бѣдствіемъ грозящая комета,
Мѣняясь каждый мигъ, какъ огонекъ ночной,
Который путнику засвѣченъ сатаной;
Сливая бѣшенство съ какимъ-то упоеньемъ,
Весь сатанинскимъ онъ свѣтился выраженьемъ!

Страшась народъ роптал. Конрадъ презрѣлъ укоръ,
Въ совѣтъ свой рыцарей онъ созвалъ недовольныхъ;
Взглянулъ, поговорилъ, махнулъ рукой — позоръ!
Всѣ вѣрятъ, слушая, что чуждъ онъ думъ крамольныхъ;
Въ ошибкахъ смертнаго всѣ видятъ Божью казнь:
Кого же изъ людей не убѣдитъ боязнь?

***

Владыка гордый, стой! Есть судъ и надъ тобою!..
Въ Маріенбургѣ есть, ты знай, подземный сводъ:
Туда, какъ только ночь одѣнетъ городъ тьмою,
Ужасный трибуналъ совѣтъ держать идетъ.

Одна лампада тамъ подъ сводами плафона
Въ завѣтной залѣ ихъ, и день и ночь горитъ;

Двѣнадцать креселъ тамъ всегда стоятъ вкругъ трона,
Таинственный уставъ на тронѣ томъ лежитъ;
Двѣнадцать судій всѣхъ, всѣ въ черномъ одѣяньи,
Глухими масками закрыты лица ихъ,
Укрылись отъ толпы они въ подземномъ зданьи,
И каждый прячется подъ маской отъ своихъ.

Всѣ поклялись, вездѣ, всегда, безъ лицезрѣнья,
Карать преступныя дѣла своихъ владыкъ,
Соблазномъ тяжкія, гдѣ явныхъ нѣтъ уликъ.
Когда произнесли послѣднее рѣшенье,
И брату кровному отъ нихъ пощады нѣтъ;
Измѣной, силой-ли, но каждый выполняетъ,
Что о преступникѣ постановилъ совѣтъ:
Въ рукѣ у нихъ кинжалъ, а съ боку мечъ сверкаетъ.

Приблизилась одна изъ маскъ къ подножью трона
И, ставъ съ мечемъ предъ книгою закона,
«О судьи грозные!» рекла,
«Тѣнь подозрѣнья насъ къ открытью привела:
Тотъ, кто считается Конрадомъ Валленродомъ,
Не Валленродъ.

Невѣдомо кто онъ, но самый тотъ,
Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, передъ походомъ,
Когда графъ Валленродъ шелъ ко святымъ мѣстамъ,
Въ прирейнскій прибылъ край, оруженосцемъ тамъ
Имъ принятъ; вскорѣ графъ пропалъ, и въ убіеньи
Его тотъ человѣкъ остался въ подозрѣньи,

Изъ Палестины онъ бѣжалъ,
И путь свой къ берегамъ Испаніи направилъ,
Тамъ съ Маврами въ бояхъ себя прославилъ,
И на турнирахъ тамъ всѣ лавры пожиналъ,
За Валленрода слылъ онъ въ возвышеньи быстромъ;
Постригшись, наконецъ, монахомъ строгимъ сталъ;
На гибель Ордена онъ избранъ былъ магистромъ;
Какъ правилъ, знаете, когда мы той зимой
Боролись съ голодомъ, морозомъ и Литвой,
Конрадъ все уѣзжалъ одинъ въ лѣса и горы,
Чтобы съ Витольдомъ тамъ вести переговоры.
Давно слѣдятъ за нимъ; вечернею порой
Шпіоны прятались подъ башней угловой,
Но словъ не поняли отшельницы съ Конрадомъ —
Они на языкѣ литовскомъ рѣчь вели.
Что тайно люди нàмъ недавно донесли
О человѣкѣ томъ, все сопоставивъ рядомъ
Съ тѣмъ, что и мой доноситъ мнѣ шпіонъ,
Съ тѣмъ, что молва трубитъ со всѣхъ сторонъ,
Магистра предаю: виновенъ, судьи, онъ
Въ подлогѣ, ереси, убійствѣ и измѣнѣ.»

Тутъ обвинитель палъ предъ книгой на колѣни,
Простертою рукой коснувшися креста,
Присягой подтвердилъ всю правду обвиненій,
И клялся Господомъ и муками Христа.

Умолкъ! Ни шопота, ни звука: разсмотрѣнье
Чинитъ торжественно и строго дѣлу судъ,
Лишь взгляда молнія иль головы движенье
Грозу и глубину ихъ мысли выдаютъ;
И каждый въ свой чередъ ступилъ къ подножью трона,

Кинжала остріемъ у хартіи закона
Перевернулъ листы, параграфъ прочиталъ
И руку, положивъ на грудь, о приговорѣ
Своей лишь совѣсти сознаніе пыталъ —
И общимъ хоромъ всѣ произнесли: о горе!
За ними повторилъ холодный сводъ стѣны:
О горе, отзывомъ протяжнымъ троекратно!...
Въ томъ словѣ приговоръ, и судьямъ ужь понятно:
И разомъ всѣ мечи у нихъ извлечены,
Въ одну Конрада грудь они устремлены.
Въ молчаньи вышли всѣ, и стѣны глухо вторя,
За ними разъ еще вслѣдъ простонали: горе!

VII.

Прощаніе.

Вотъ утро зимнее, крутится вихрь и снѣгъ.
Подъ хладной Валленродъ мятелью правитъ бѣгъ;
У брега озера едва остановился,
Кричитъ, и объ стѣну стучитъ своимъ мечемъ.
«Альдона, онъ кричитъ, Альдона, поживемъ!
Обѣтъ исполнился, твой милый возвратился,
Они истреблены, — конецъ трудамъ моимъ.»

ОТШЕЛЬНИЦА.

«Альфъ?.. Голосъ Альфа то!.. Мой Альфъ тутъ за порогомъ!
Какъ такъ! ужели миръ? вернулся невредимъ!
И не поѣдешь вновь?»

КОНРАДЪ.

«О! заклинаю Богомъ,
Не спрашивай меня, мой несравненный другъ!
Пусть слову каждому твой жадный слухъ внимаетъ,
Они истреблены... Пожары тѣ вокругъ
Ты видишь-ли? Литва край Нѣмцевъ попираетъ!.

Сухія вербы тѣ, Альдона, удивленье!
Въ сухой песокъ моей воткнутыя рукой,
Теперь ихъ не узнать, — огромныя растенья.
И сѣть на нихъ дрожитъ весенняя листовъ.
И свѣжій зыблется надъ ними пухъ цвѣтовъ!..
При видѣ томъ восторгъ съ невѣдомою силой
Мнѣ чувствомъ счастія всю душу охватилъ;
Лобзая вербы, я колѣна преклонилъ,
Воскликнулъ: Боже мой, когда-бы все такъ было!
Когда-бы, возвратясь въ родной для насъ предѣлъ,
И поселенные вновь на литовскомъ полѣ,
Воскресли мы опять; пускай и въ нашей долѣ
Надежды снова-бы листокъ зазеленѣлъ.

«Вернемся-жь! согласись!.. я здѣсь повелѣваю,
Я отворить велю, но для чего приказъ!
Пусть были-бъ ворота твои во много разъ
Упорнѣй стали, я снесу ихъ, раскидаю!
Туда я на рукахъ тебя хотѣлъ-бы несть;
Бѣжимъ, любовь моя, туда, къ родной долинѣ,
Иль дальше мы пойдемъ, въ Литвѣ вѣдь есть пустыни,
У Бѣловѣжскихъ пущъ глухія тѣни есть,
Не слышно вражескихъ доспѣховъ тамъ бряцанья,
Ни побѣдителя восторговъ боевыхъ,
Ни братьевъ сверженныхъ тяжелаго рыданья...
У лона твоего, въ объятіяхъ твоихъ,
За безмятежною, пастушеской оградой
Забуду, что есть свѣтъ какой-то, что кишитъ
Народовъ тьма на немъ, жить для себя намъ надо.
Вернись, скажи, позволь...»

Альдона все молчитъ,
Конрадъ умолкъ. Пока ея онъ ждалъ отвѣта,
Кровавая заря блеснула въ небесахъ:

«Альдона, преклонись! недолго до разсвѣта,
Проснутся, и тогда у стражи мы въ рукахъ,
Альдона!..» онъ взывалъ, дрожалъ отъ нетерпѣнья;
Не стало голоса, глазами умолялъ,
И руки, къ башнѣ вверхъ простертыя, ломалъ,
Какъ нищій ползая, искалъ онъ сожалѣнья,
И стѣны зданія холоднаго лобзалъ.

ОТШЕЛЬНИЦА.

«Нѣтъ, — грустнымъ голосомъ, но твердымъ отвѣчала, —
Богъ дастъ еще мнѣ силъ... пора ужь миновала!
Послѣдній отъ меня ударъ Онъ отведетъ...
Когда сюда вошла, клялась я у порога
Для гроба развѣ лишь покинуть башни сводъ,
Боролась я съ собой—теперь же противъ Бога
Ты думаешь своимъ щитомъ меня покрыть!..
На свѣтъ вернуть — кого? одно лишь привидѣнье.
Подумай, если я, презрѣвъ ума внушенья,
Покину этотъ склепъ и дамъ себя склонить,
Съ восторгомъ упаду опять въ твои объятья —
А не узнавъ меня, ты спросишь, отвратясь:
Иль въ образъ упыря Альдона облеклась?
И даже мнѣ не дашь руки твоей пожатья,
И будешь все искать въ тупомъ зрачкѣ тогда,
Въ лицѣ, которое... отъ мысли льются стоны!
Нѣтъ, скорбь отшельницы пускай ужь никогда
Не исказитъ лица прекраснаго Альдоны!

Прости, возлюбленный, сама откроюсь въ этомъ:
Когда горитъ живѣй луна дрожащимъ свѣтомъ,
Я прячусь за стѣну, заслышавъ голосъ твой,
Я близко не хочу тебя увидѣть, милый,
Ты нынѣ, можетъ быть, и самъ ужь не такой,
Какимъ былъ встарину, въ разгарѣ юной силы,
Какъ въ зàмокъ въѣхалъ нашъ, въ кругу родныхъ вождей;
До сей поры въ груди ты сохранилъ моей
Все тѣ-жь: глаза, лицо, осанку, одѣянье.
Такъ чудный мотылекъ, застывшій въ янтарѣ,
Наружность вѣкъ хранитъ роскошнаго созданья.
Остаться лучше, Альфъ, какими на зарѣ
Дней нашихъ были мы, какими въ лучшей долѣ
Соединимся вновь, но не въ земной юдоли!..

Долины свѣтлыя счастливымъ отдадимъ:
Люблю теперь свою я каменную крышу,
Довольно счастья мнѣ, когда тебя живымъ
Я вижу здѣсь, когда твой милый голосъ слышу...
Мой несравненный Альфъ, могли бы намъ служить
Убѣжищемъ отъ мукъ и этой башни стѣны;
Оставь убійства ты, поджоги и измѣны,
Старайся ранѣе и чаще приходить.

Послушай... еслибъ ты... здѣсь на краю равнины
Похожую на ту бесѣдку заложилъ
И вербы милыя свои пересадилъ,
И тѣ цвѣты привезъ, тотъ камень изъ долины...
Пусть дѣти иногда въ тѣни деревъ родныхъ
Рѣзвиться прибѣгутъ изъ ближняго селенья,
Пусть станутъ плесть въ вѣнокъ родимое растенье,

И понесется звукъ литовской пѣсни ихъ —
Напѣвы родины въ насъ думы пробуждаютъ,
Объ Альфѣ, о Литвѣ они наводятъ сны,
Потомъ, какъ будутъ дни мои изочтены,
Пускай они твою могилу оглашаютъ»...

Но Альфъ ужь не слыхалъ. По берегу бродилъ
Одинъ безъ цѣли онъ, безъ мысли, безъ желанья,
Тамъ льду гора, тамъ боръ влекутъ его вниманье,
Въ той дикой красотѣ и въ бѣгѣ находилъ
Истомы сладость онъ и будто облегченье.
Отъ жару, средь зимы, онъ тяжело вздыхалъ;
Свой панцырь скинулъ, плащъ, одежду разорвалъ,
И съ груди сбросилъ все, все — кромѣ угрызенья.

Ужь утромъ подошелъ онъ къ городскимъ валамъ,
Увидѣлъ чью-то тѣнь и сталъ въ недоумѣньи;
Обходитъ тѣнь кругомъ, чуть слышно по снѣгамъ
Скользитъ все далѣе, во рвахъ исчезла вскорѣ,
И только раздалось: о горе, горе, горе!

И встрепенулся Альфъ отъ звука, изумленъ.
Съ минуту размышлялъ, и все постигнулъ разомъ,
Выдергиваетъ мечъ, вкругъ озираясь, онъ,
Слѣдитъ внимательнымъ и безпокойнымъ глазомъ...
Но пусто все кругомъ, по выгонамъ летѣлъ
Снѣгъ клубомъ съ сѣвера, и вѣтеръ лишь шумѣлъ.
Взволнованъ Альфъ, глядитъ на ледяные склоны,
Невѣрной поступью и медленной опять
Онъ возвращается къ убѣжищу Альдоны.

И, у окна ее увидѣвъ, сталъ взывать:
«День добрый! сколько лѣтъ ночною лишь порою

Другъ съ другомъ видѣться намъ приходилось такъ:
Теперь же добрый день!.. какой пріятный знакъ!
То послѣ столькихъ лѣтъ мой первый день съ тобою!
Зачѣмъ я прихожу такъ рано, угадай?»

АЛЬДОНА.

Я не хочу и знать; мой дорогой, прощай!
Уже совсѣмъ свѣтло, что если бы узнали?..
Не уговаривай... До вечера мы врозь.
Не выйду, не могу».

АЛЬФЪ.

Но мы ужь опоздали!..
Ты знаешь-ли, о чемъ прошу я?.. Вѣтку сбрось...
Нѣтъ у тебя цвѣтовъ, такъ нитку хоть изъ платья,
Хоть ленту изъ твоихъ волосъ хотѣлъ-бы взять я.
Или хоть камешекъ отъ башни брось своей.
И тотчасъ, — доживутъ до завтра вѣдь не всѣ же —
Хотѣлъ бы я имѣть на память даръ твой свѣжій,
Который въ этотъ день былъ на груди твоей,
Твоя еще горитъ слезинка на которомъ;
Хочу хранить его на сердцѣ я своемъ,
Хочу проститься съ нимъ моимъ послѣднимъ взоромъ...
Погибнуть долженъ я; погибнемъ-же вдвоемъ!
Бойницу видишь тамъ, за городскими рвами?
Въ ней буду я. Какъ знакъ, съ утра на цѣлый день

Я черный вывѣшу платокъ между столбами,
Лампаду выставлю, какъ ночи ляжетъ тѣнь:
Ты не спускай съ нихъ глазъ, пусть мысль туда стремится,
Сорву-ли я платокъ, лампады-ль свѣтъ затмится,
Ты затвори окно; быть можетъ: не приду...
Прощай!»

Пошелъ, исчезъ; еще глядитъ Альдона,
Къ рѣшеткѣ наклонясь; прошло въ свою чреду
И утро, солнце внизъ катилось съ небосклона,
Но долго въ башнѣ все бѣлѣлись на углѣ
Одежда, съ вѣтрами игравшая вкругъ стана,
И руки изъ окна простертыя къ землѣ.

«Зашло, воскликнулъ Альфъ и подозвалъ Гальбана,
На солнце указавъ изъ келіи своей,
Въ которой запершись и не сводя очей
Съ окна отшельницы, сидѣлъ, условью вѣрный:
Дай плащъ и саблю мнѣ. Прощай, слуга примѣрный,
Пойду къ той башнѣ я. Прощай на много дней,
Быть можетъ, навсегда... Гальбанъ, прошу вниманья,
Какъ завтра лишь начнетъ на небѣ день свѣтить,
И не вернуся я: покинь ты это зданье.
Хотѣлъ-бы и еще тебѣ я поручить...
И въ небѣ и подъ нимъ... какой я одинокій!
Кому-же, гдѣ и что предъ смертью въ часъ жестокій —
Васъ исключая двухъ — я могъ-бы передать!..
Итакъ, прощай, Гальбанъ! Она ужь будетъ знать:

Коль завтра... сбрось платокъ, вотъ вся твоя забота...
Но что тамъ? слышишь-ли?.. Тамъ стукнули въ ворота.»

Привратникъ — «кто идетъ?» три раза прокричалъ;
«О горе!» голоса вслѣдъ дико простонали.
Замѣтно, что имъ стражъ противиться не сталъ;
Подъ сильнымъ натискомъ ворота затрещали.
Ужь ходы нижніе перебѣжалъ отрядъ,
По лѣстницѣ витой они уже летятъ,
Которая ведетъ въ жилище Валленрода;
Ихъ ногъ окованныхъ все громче стукъ у входа.
Тяжелымъ болтомъ Альфъ имъ заграждаетъ дверь,
Исторгнулъ мечъ, съ стола взялъ чашу, наливаетъ,
Потомъ пошелъ къ окну: «свершилось», восклицаетъ,
И выпилъ изъ нея. «Тебѣ, старикъ, теперь!»

Гальбанъ вдругъ поблѣднѣлъ, руки своей движеньемъ
Хотѣлъ разлить питье, но сдержанъ размышленьемъ
И слыша ближе все къ дверямъ желѣза звукъ,
Онъ руку опустилъ: «идутъ ужь въ келью нашу».

«Старикъ! ты знаешь-ли, что значитъ этотъ стукъ?
О чемъ же думаешь? ты взялъ съ напиткомъ чашу,
Свое ужь выпилъ я... Старикъ, теперь тебѣ!»

Гальбанъ глядѣлъ кругомъ въ отчаянной борьбѣ:
«Нѣтъ, сынъ, пускай переживу мои надежды!

Останусь, и еще твои закрою вѣжды,
Хочу жить для того, чтобъ на крылахъ молвы
Разнесся подвигъ твой: пусть онъ въ вѣкахъ блюдется.
Я вѣси обѣгу и города Литвы;
Куда я не дойду,— пусть пѣсня донесется;
И будетъ бардъ ее пѣть рыцарямъ въ бояхъ,
Мать ею огласитъ домашнюю обитель,
Пѣтѣ будутъ — и потомъ возстанетъ всѣмъ на страхъ,
Отъ пѣсни въ будущемъ, за кости наши мститель»...

На переплетъ окна, рыдая, Альфъ упалъ,
И долго башню онъ глазами пожиралъ,
Какъ будто-бы хотѣлъ еще налюбоваться
Пріятнымъ зрѣлищемъ, чтобъ съ нимъ уже разстаться.
Съ Гальбаномъ обнялся; смѣшались вздохи ихъ
Въ объятьяхъ трепетныхъ, протяжныхъ и нѣмыхъ.
Ужь съ трескомъ люди дверь желѣзную ломаютъ,
Вошли, по имени ужь Альфа называютъ:

«Измѣнникъ! подъ мечемъ глава твоя падетъ!
Сегодня-же и казнь принять готовься, вотъ
И старецъ — нашъ капланъ тебѣ для покаянья,
Съ нимъ душу облегчивъ, умри для назиданья!»

И съ обнаженнымъ Альфъ встрѣчаетъ ихъ мечемъ;
Но опускается, блѣднѣя и шатаясь,
Оперся на окно и, гордо озираясь,

Срываетъ плащъ, повергъ магистра знакъ къ ногамъ,
И топчетъ на землѣ съ улыбкою презрѣнья:

«Вотъ жизни всей моей предъ вами прегрѣшенья!..
Готовъ я умереть, чего-же больше вамъ?
Отчетъ правленія вы выслушать хотите?
На тысячи людей погибшихъ поглядите,
На груды городовъ, пожары цѣлыхъ странъ!
Вы слышите-ли вихрь? то снѣжный ураганъ:
Остатки вашихъ войскъ замерзли, не вернутся!
Голодныхъ, слышите-ль, тамъ воютъ стаи псовъ?
Изъ-за объѣдковъ лишь теперь они грызутся!

«Все это сдѣлалъ я! такъ много снесть головъ —
Какъ гордъ я и великъ! — однимъ у гидры взмахомъ!
Потрясши, какъ Самсонъ, столбъ храма у враговъ,
Разрушить зданіе, и пасть подъ этимъ прахомъ!»...

Сказалъ, взглянулъ въ окно, и чувствъ лишился вдругъ;
Но прежде ужь съ окна имъ сброшена лампада.
Блеститъ она, чертя собой три раза кругъ,
И наконецъ легла у головы Конрада.
Въ разлитой жидкости чуть тлѣетъ огонекъ,
Тускнѣетъ каждый мигъ, въ потокѣ утопаетъ,
И смерти наконецъ оповѣщая срокъ,
Послѣдній свѣта кругъ огромный разливаетъ.
И очи Альфа онъ въ тотъ озаряетъ часъ:
Ужь побѣлѣлъ зрачекъ — и лампы свѣтъ погасъ.

И пронизалъ въ тотъ мигъ вдругъ башни сводъ
могильный,
Нежданный, долгій крикъ, отрывистый и сильный...
Изъ чьей-же груди онъ? Не трудно угадать;
Услышавши его, легко-бы понялъ каждый,
Что грудь, откуда стонъ тотъ вырвался однажды,
Не можетъ голоса ужь больше издавать:
Вся жизнь отозвалась какъ-будто въ этомъ стонѣ...

Такъ струны средь игры восторженной пѣвца
Вдругъ лопнутъ зазвуча, и пѣснь, смѣшавшись въ
тонѣ,
Началомъ лишь своимъ затронетъ всѣ сердца —
Но ужь затѣмъ никто не ждетъ ея конца.

Такъ пѣсня и моя; ту пѣсню объ Альдонѣ
Пусть Ангелъ музыки по небу разнесетъ,
А нѣжный слушатель въ душѣ пусть допоетъ.

13 марта 1872 г.

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ.

Акерманскія степи.

Въ просторъ зеленаго вплываю океана:
Телѣга, какъ ладья, въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плы-
ветъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ; впереди ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? Облако-ль? денницы-ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Акер-
мана.

Стой!... Боже, журавлей на небѣ слышенъ летъ,
А ихъ — и сокола-бъ не уловило око!
Былинку мотылекъ колеблетъ; вотъ ползетъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ вы-
сокой —
Такая тишина, что зовъ съ Литвы-бъ далекой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, никто не позоветъ!

II.

Морская тишь.

Скользитъ вѣтерокъ, чуть касаясь до флага.
Спитъ море: чуть зыблется ясная влага.
Такъ въ грезахъ невѣста подъ радугой сновъ
Проснется, вздохнетъ лишь — и спитъ уже вновь.

Легъ парусъ на мачту и дремлетъ, какъ знамя
На древкѣ,— гдѣ брани угаснуло пламя.
Корабль, какъ прикованный къ мѣсту, слегка
Колеблется. Отдыхъ для силъ моряка!

О море! Полипа таятъ твои воды:
На днѣ спитъ онъ, сжавшись, средь бурной погоды,
А въ тишь свои вѣтви спѣшитъ растянуть.

О память! На днѣ твоемъ гидра есть злая:
Подъ бурей страстей она спитъ, отдыхая,
И жало вонзаетъ въ спокойную грудь.

III.

Переѣздъ по морю.

Волны растутъ; пиръ чудовищамъ моря открылся.
Вотъ на веревочной сѣткѣ матросъ паукомъ
Вздернулся вверхъ, въ паутину свою углубился,
Въ нитяхъ чуть зримыхъ виситъ онъ, и смотритъ кругомъ.

Вѣтеръ! Вотъ вѣтеръ! Надулся корабль, отцѣпился;
Стѣны валовъ возстаютъ: онъ идетъ на проломъ;
Рѣжетъ ихъ, топчетъ,— взлетѣлъ, съ ураганомъ схватился,
Бурю подъ крылья забравъ, рвется въ небо челомъ.

Мысли, мечты тутъ, какъ парусы, я распускаю;
Духъ мой надъ бездной, какъ мачты подъемлясь, идетъ, —
Крикъ чуть раздастся — и въ шумѣ веселомъ замретъ.

Вытянувъ руки, я къ палубѣ ницъ припадаю:
Кажется, грудь моя силъ кораблю придаетъ;
Любо! Легко мнѣ! Что значитъ быть птицей —
я знаю.

IV.

Буря.

Парусъ въ клочки; руль оторванъ. Шумъ!
Ревъ! Завыванья!
Крики и вопли! — Отчаянно помпы скрипятъ.
Вырванъ изъ рукъ моряковъ ихъ послѣдній канатъ.
Солнце кровавое никнетъ:—закатъ упованья!

Вихрь торжествуетъ.... Идетъ къ кораблю по волнамъ
Вставшій изъ бездны Духъ смерти,— шагаетъ по влажнымъ
Моря уступамъ — по этимъ горамъ сто-этажнымъ:
Воинъ такъ штурмомъ несется къ разбитымъ стѣнамъ!

Тѣ еле живы; тотъ въ корчахъ страдаетъ жестоко;
Тотъ на прощанье склонился въ объятья друзей;—
Этотъ въ молитвахъ предъ смертью — противится ей.

Одаль одинъ сѣлъ — и мыслитъ себѣ одиноко:
«Счастливъ, кто можетъ молиться на смертномъ пути
Или имѣетъ кому хоть промолвить: прости!»

V.

Видъ горъ изъ степей Козлова.

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ-ли тамъ, среди пустыни,
Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ?
Иль дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ-ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

МИРЗА.

Тамъ былъ я: тамъ со дня созданья
Бушуетъ вѣчная мятель;
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ — и мерзнулъ паръ дыханья.

Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ
И дремлетъ громъ надъ глубиною;
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда —
То Чатырдагъ былъ!...

ПИЛИГРИМЪ.

А!...

VI.

Бахчисарай.

Еще великъ, но пустъ дворецъ Бахчисарая.
Челомъ пашей здѣсь пыль обметена — и вотъ
На тѣхъ диванахъ, гдѣ мощь нѣжилась людская,
То скачетъ саранча, то гадина ползетъ.

Въ цвѣтныя окна плющъ ворвался, и на своды,
На стѣны дерзко взлѣзъ и, человѣка тронъ
Занявъ, во имя здѣсь владычицы-природы,
Какъ новый Валтасаръ: «руина» пишетъ онъ.

Средь залы мраморный ковчегъ стоитъ донынѣ:
Фонтанъ гарема здѣсь; источникъ уцѣлѣлъ;
Онъ точитъ перлы слезъ и говоритъ въ пустынѣ:

«Гдѣ ты, земная власть, гдѣ выспренній удѣлъ?
Гдѣ роскошь и любовь? — Потокъ вашъ бурно мчался,
Но — вы минули здѣсь! А водный токъ — остался.

VII.

Бахчисарай ночью.

Темнѣетъ. Изъ джамѝ расходятся суниты;
Умолкъ изана звукъ и гулъ людскихъ рѣчей;
Зардѣлись у зари рубинами ланиты;
Спѣшитъ къ любовницѣ сребристый царь ночей.

Гаремы на небѣ огнями звѣздъ залиты,
И тучка чистая плыветъ межъ тѣхъ огней,
Какъ лебедь, дремлющій на озерѣ: у ней
Обводы золотомъ, грудь жемчугомъ — увиты.

Здѣсь тѣнь отбросили вершины кипариса,
Вдали чернѣются громады скалъ толпой;
Какъ стая дьяволовъ въ диванѣ у Эвлиса,

Подъ мглистымъ пологомъ. Съ вершины скалъ порой,
Проснувшись, молнія летитъ быстрѣй фариса,
И тонетъ въ синевѣ бездонной и нѣмой.

VIII.

Гробница Потоцкой.

О роза юная! Въ садахъ, средь упоенья,
Ты сгибла. Прошлаго счастливыя мгновенья,
Вспорхнувъ, какъ мотыльки, отъ сердца твоего,
Пыль ѣдкую оставили въ глубй его.

Туда — на сѣверъ все стремятся звѣзды — къ Польшѣ....
Но отчего-жь въ тотъ край онѣ тѣснятся больше?
Не взоръ-ли твой, пока горѣлъ въ немъ Божій свѣтъ,
Чрезъ небо шелъ туда и выжегъ звѣздный слѣдъ?

И мой здѣсь грустный вѣкъ въ уединеньи минетъ, —
И пусть тутъ горсть земли на гробъ мой дружба кинетъ!
Порой межъ странниковъ бесѣда тутъ идетъ:

Меня родная рѣчь здѣсь, можетъ быть, возбудитъ; —
Когда-жь тебѣ поэтъ слагать здѣсь пѣсню будетъ —
Вблизи узрѣвъ мой холмъ — и мнѣ пусть пропоетъ.

IX.

Могилы гарема.

(Мирза къ пилигриму).

Здѣсь изъ виноградника гроздья недоспѣлыя
Взяты въ снѣдь Аллахову безпощадной силою.
Здѣсь — средь моря счастья — скрыты перлы бѣлые
Раковиной вѣчности — мрачною могилою; —

Кроетъ ихъ склепъ времени и забвенья пыльнаго,
И чалмы, что видны здѣсь, жизнью не колы-
шутся,
Словно бунчуки онѣ войска замогильнаго; —
Вскользь, внизу, Гяурами имена ихъ пишутся.

Розы сада райскаго! Вы, едва развитыя,
Отцвѣли безвременно, навсегда закрытыя
Листьями стыдливости отъ очей невѣрнаго.

Гробъ вашъ здѣсь позорится чужеземца зрѣ-
ніемъ....
Я позволилъ: чувствую грузъ грѣха безмѣрнаго....
Но — изъ чуждыхъ, онъ одинъ смотритъ съ уми-
леніемъ.

X.

Байдарская долина.

Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ;
Долины, скалы, лѣсъ мелькаютъ предо мною,
Смѣняясь, какъ волна въ потокѣ за волною....
Тѣмъ вихремъ образовъ упиться — любо мнѣ!

Но обезсилѣлъ конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ усталыми очами все несется
Тотъ вихорь образовъ — долины, скалы, лѣсъ....

Все спитъ, не спится мнѣ — и къ морю я сбѣгаю;
Вотъ съ шумомъ черный валъ подходитъ; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю....

Всплеснулъ, закрылся онъ; хаосъ повлекъ меня —
И я, какъ въ безднѣ челнъ крутимый, ожидаю,
Что вкуситъ хотѣ на мигъ забвенья мысль моя.

XI.

Алушта днемъ.

Предъ солнцемъ — гребень горъ снимаетъ свой покровъ;
Спѣшитъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
Какъ съ ханскихъ четокъ, дождь камней и жемчуговъ.

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пестрыхъ бабочекъ — цвѣтовъ летучихъ рой —
Что пологъ зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымаетъ завѣсъ свой.

Надъ бездною морской стоитъ скала нагая,
Бурунъ къ ногамъ ея летитъ, и раздробясь,
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходитъ, съ мыслію — нагрянуть въ тотъ же часъ;
Но море синее спокойно — чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди и корабли бѣлѣютъ.

XII.

Алушта ночью.

Тяжелый лѣтній зной остуженъ вѣтерками;
Упалъ на Чатырдагъ свѣтильникъ всѣхъ міровъ,
Змѣится пурпуромъ надъ склонами хребтовъ
И гаснетъ. Ночь царитъ въ горахъ и за горами..

Сталъ робче пѣшеходъ. Чу! слышенъ звонъ ручьевъ;
На ложѣ сладкихъ грезъ, увитомъ васильками,
Струится ароматъ, какъ музыка цвѣтовъ,
И сердцу говоритъ беззвучными рѣчами.

Смыкаетъ сонъ мои усталые глаза....
Вдругъ метеоръ сверкнулъ: въ одно мгновенье ока
Онъ облилъ золотомъ и долъ, и небеса....

О ночь восточная! Какъ гурія Востока,
Едва навѣешь сонъ ты нѣгою своей,
Какъ будишь къ нѣгѣ вновь сверканіемъ очей.

XIII.

Чатырдагъ.

МИРЗА.

Цѣлую съ трепетомъ твой прахъ я подъ стопами
О, мачта крымская, великій Чатырдагъ!
Ты свѣта минаретъ, утесовъ падишахъ,
Ты въ облака бѣжалъ, вознесся надъ скалами,

И подъ небесными возсѣлъ себѣ вратами,
Какъ вѣрный Габріель въ эдемѣ при дворцахъ.
Твой плащъ — дремучій лѣсъ; а янычара страхъ —
Тюрбанъ изъ облаковъ, шитъ молніи струями.

Печетъ ли солнце насъ, знобитъ ли осень мглой,
Несется ль саранча, иль жжетъ гяуръ селенья —
О, Чатырдагъ! ты глухъ, невозмутимъ бѣдой.

Подъ небомъ на землѣ, какъ драгоманъ творенья,
Ты подостлалъ людей и громы предъ собой
И только слушаешь Господнія велѣнья.

XIV.

Пилигримъ.

У ногъ моихъ страна избытка и красотъ,
Надъ головой блеститъ на небѣ лучъ денницы,
А подлѣ — чудныя, плѣнительныя лицы.
Зачѣмъ-же сердце вдаль, къ минувшему влечетъ?

Литва! твой мрачный лѣсъ отраднѣе поетъ,
Чѣмъ соловьи Байдаръ, Салгирскія дѣвицы!
И ананасъ златой, рубины шелковицы
Не замѣнятъ твоей трясины и болотъ.

Въ разлукѣ, далеко я истомленъ тоскою!...
Зачѣмъ безъ устали вздыхаю я по ней,
По той, что такъ любилъ въ дни юности моей?

Она на родинѣ, утраченной ужь мною,
Гдѣ все еще твердитъ о вѣрномъ другѣ ей,
Тамъ слѣдъ мой,— обо мнѣ мечтаешь-ли порою? —

XV.

Дорога надъ пропастью въ Чуфутъ-кале [23]).

МИРЗА.

Молитву прочтя и поводья спустивъ, отвернись!
О, всадникъ! Здѣсь разумомъ конскимъ ногамъ покорись! [24])
Конь вѣрный! Смотри, какъ, склонясь надъ оврагомъ открытымъ,
Колѣни пригнулъ онъ, за край ухватился копытомъ.

Шагнулъ — и повиснулъ! Туда не заглядывай! Взоръ
До дна не дохватитъ внизу и не станетъ въ упоръ.
Рукой не тянись туда: надо сперва окрылиться; —
И мысли туда не ввергай: ея грузъ углубится,

Какъ якорь, опущенный съ мелкой ладьи въ глубину,—
Но моря насквозь не пронзивъ, не прицѣпится къ дну,
А только ладью опрокинетъ въ пучину и втянетъ.

ПИЛИГРИМЪ.

Мирза! А вѣдь я въ эту щель заглянулъ и —
дрожу!
Я видѣлъ тамъ.... Что́ я тамъ видѣлъ — за гро-
бомъ скажу;
Земнымъ языкомъ и не выразишь: словъ не до-
станетъ.

XVI.

Гора Кикинейсъ.

МИРЗА.

Взгляни въ эту пропасть! Тамъ неба лазурь у тебя подъ стопою:
То — море. Сдается, тутъ птицу, что въ сказкахъ зовутъ *птахъ-горою*[25]),
Перунъ поразилъ, и гигантскія перья, какъ мачтовый лѣсъ,
Разсыпавшись, заняли мѣсто въ полъ-свода небесъ —

И островъ пловучій изъ снѣгу покрылъ голубую пучину:
Тотъ островъ средь бездны — то облако![26]) Міра одѣлъ половину
Мракъ ночи угрюмой, что вышла на землю изъ персей его,
Ты видишь: увѣнчано огненной лентой чело у нея —
То молнія! Станемъ тутъ! Бездна подъ нами. По этимъ стремнинамъ
Должны чрезъ нее пронестись мы на полномъ скаку лошадиномъ.
Впередъ поскачу я: ты-жь бичъ наготовѣ и шпоры имѣй!

Исчезну я — ты подъ утесы съ ихъ края смотри
понемногу!
Увидишь — мелькнетъ тамъ перо: это будетъ верхъ
шапки моей;
А нѣтъ — такъ ужь людямъ не ѣздить той горной
дорогой!

XVII.

Развалины замка въ Балаклавѣ.

Твердыня, бывшая на мѣстѣ этихъ грудъ,
Неблагодарный Крымъ, была твоя ограда;
Теперь-же въ черепахъ гигантскихъ здѣсь живутъ
Лишь гады подлые и людъ — подлѣе гада.

Взойдемъ на башню, вверхъ. Ищу слѣда гербовъ:
Вотъ въ этой надписи, въ забвеньи — думать надо —
Покоится герой, гроза и страхъ полковъ,
Какъ червь, окутанный въ листочекъ винограда.

Здѣсь грекъ ваялъ въ стѣнахъ карнизъ аѳинскій свой,
Авзонецъ укрощалъ отсель татаръ цѣпями,
И набожный хаджи пѣвалъ намазъ святой.

Теперь лишь коршуны летаютъ надъ гробами,
Какъ въ мѣстѣ, гдѣ чума все обратила въ прахъ:
На-вѣки водруженъ на башняхъ черный флагъ.

XVIII.

Аюдагъ.

Люблю, облокотясь на скалы Аюдага,
Глядѣть, какъ борется волна съ сѣдой волной,
Какъ, пѣнясь и дробясь, бунтующая влага
Горитъ алмазами и радугой живой.

Вотъ, словно рать китовъ, ихъ буйная ватага
Бросается — беретъ оплотъ береговой
И, возвращаясь вспять, роняетъ, вмѣсто стяга,
Коралы яркіе и жемчугъ дорогой.

Такъ и на грудь твою горячую, пѣвецъ,
Невзгоды тайныя и бури набѣгаютъ:
Но арфу ты берешь — и горестямъ конецъ.

Онѣ, тревожныя, мгновенно исчезаютъ
И пѣсни дивныя въ побѣгѣ оставляютъ:
Изъ пѣсенъ тѣхъ вѣка плетутъ тебѣ вѣнецъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ ГРАЖИНѢ

Стр. 3, ст. 12. *На одной изъ злачныхъ новогрудскихъ горъ.*

Новогрудокъ — старинный литовскій городокъ, которымъ сначала владѣли ятвяги, а потомъ русины. Онъ былъ разрушенъ татарами во времена Батыя, а послѣ занятъ и возстановленъ литовскимъ княземъ Эрдивиломъ, о чемъ Стрыйковскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Переправясь черезъ Нѣманъ и пройдя далѣе около четырехъ миль, литовцы встрѣтили на пути своемъ высокую, красивую гору, на которой стоялъ древній замокъ князей русинскихъ, разгромленный Батыемъ. Замокъ тотъ назывался Новогрудкомъ. Эрдивилъ установилъ здѣсь свою резиденцію и возобновилъ замокъ, причемъ овладѣлъ значительною частію земель русинскихъ безъ всякаго кровопролитія, такъ какъ некому было ихъ оспаривать. Съ этихъ поръ Эрдивилъ сталъ именоваться великимъ княземъ новогрудскимъ». Развалины замка видны донынѣ.

Стр. 4, ст. 23. *Вотъ съ тевтонской псарни песъ негодный! Вотъ!*

Орденъ рыцарей креста, называвшійся также орденомъ страннопріимныхъ братій, маріанитовъ или тевтонскихъ рыцарей, основанъ былъ въ Палестинѣ, въ 1190 г., и призванъ былъ потомъ, около 1230 г., княземъ Мазовецкимъ, Конрадомъ, для обороны его владѣній, кото-

рымъ угрожали пруссы и литвины. Впослѣдствіи рыцари эти сдѣлались страшнѣйшими врагами не только племенъ языческихъ, но и христіанъ, обитавшихъ въ сосѣднихъ странахъ. По единогласному свидѣтельству дѣеписателей того времени, они были жестоки, кровожадны и мало заботились о вѣрѣ Христовой. Епископы жаловались папѣ на то, что тевтонскіе рыцари служили препятствіемъ къ обращенію въ христіанство язычниковъ, что они грабили церкви и притѣсняли духовенство, чему можно было бы привести многія доказательства, указавъ на обвинительные акты, представленные противъ рыцарей папамъ и императорамъ; но для сомнѣвающихся достаточно привести здѣсь слова безпристрастнаго лѣтописца, Іоанна Винтертурскаго (Johannes Witoduranus): «Около этого времени — говоритъ онъ — тевтонскіе рыцари, обладатели земель прусскихъ, объявивъ войну князю литовскому, отняли у него часть его владѣній. Мендогъ соглашался принять вѣру католическую, съ тѣмъ, чтобы ему возвращено было его достояніе; но, видя, что рыцари не расположены исполнить съ своей стороны даннаго слова, сказалъ: «Вижу, что у тевтонцевъ дѣло идетъ не о моей вѣрѣ, а только о моемъ имуществѣ; поэтому остаюсь язычникомъ». Увѣряютъ даже, что рыцарямъ пріятнѣе было, когда тѣ или другія племена упорно оставались идолопоклонниками, потому что тевтонцы въ этихъ случаяхъ могли, подъ благовиднымъ предлогомъ усердія къ вѣрѣ, захватывать ихъ земли и облагать ихъ данью. Нѣмецкій писатель Авг. Коцебу, вообще нерасположенный къ Литвѣ и Польшѣ, въ своемъ сочиненіи: Preussens ältere Geschichte, сообщаетъ многія подробности о несправедливыхъ и жестокихъ поступкахъ рыцарей съ литви-

нами. Нельзя безъ содроганія читать описанія этихъ дѣйствій. Приведемъ одинъ примѣръ: въ концѣ XIV столѣтія, когда пруссы были уже совершенно подчинены ордену тевтонскому, великій магистръ ордена, Конрадъ Валленродъ, будучи раздраженъ противъ епископа курляндскаго, приказалъ отрубить правыя руки у всѣхъ поселянъ въ области епископа. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Лео, Третеръ и Лукашъ Давидъ. Таковы были рыцари ордена тевтонскаго, состоявшаго единственно изъ нѣмцевъ. За эти-то поступки литовцы и славяне ихъ и ненавидѣли, называли ихъ псами. Бандтке полагалъ, что и Песье-поле, памятное по тріумфу Болеслава III, названо такъ потому, что на немъ погибло много нѣмцевъ.

Стр. 4, ст. 26. *Подъ мостъ бы собаку! Сгнилъ бы тамъ въ болотѣ.*

Ненависть пруссовъ и собратій ихъ литвиновъ къ нѣмцамъ укоренилась въ этихъ племенахъ до такой степени, что стала неотъемлемою чертою ихъ національнаго характера. Не только во времена язычества, но даже по принятіи христіанской религіи, когда хоронили литвина или пруссa, плакальщики обыкновенно произносили между прочимъ слѣдующія слова: «Иди, бѣдный усопшій, изъ этого презрѣннаго міра въ лучшій, гдѣ владычество принадлежать будутъ тебѣ надъ нѣмцемъ, а не ему надъ тобою!» Донынѣ въ глубинѣ прусской Литвы нельзя сдѣлать простолюдину большей обиды, какъ назвавъ его нѣмцемъ.

Стр. 5, ст. 13. *Слышалъ! И, хоть нѣмецъ, понялъ рѣчь людскую.*

Нѣмецъ—нѣмой, и потому какъ будто бы и не понимающій, въ противоположность славянину или слованину (отъ «слово»), т. е. человѣку

говорящему. Не только о характерѣ, но даже и объ умственныхъ способностяхъ нѣмцевъ пруссы и литвины имѣли самое невыгодное мнѣніе. Выраженіе: «глупъ, какъ нѣмецъ», вошло у нихъ въ поговорку. (См. Коцебу).

Стр. 7, ст. 9. *Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ всесильный.*

Витольдъ, сынъ Кейстута — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, представляемыхъ исторіею Литвы. О его воинскихъ и политическихъ подвигахъ, сверхъ того, что о нихъ говорится въ національныхъ лѣтописяхъ, упоминается и въ сочиненіи Коцебу, на которое мы выше ссылались, равно какъ и въ его исторіи Свидригайлы.

Стр. 8, ст. 2. *Утро чуть освѣтитъ славный гробъ Мендога.*

Мендогъ, Миндовъ, Миндакъ или Мандульфъ Рингольтовичъ, великій князь литовскій, былъ первымъ освободителемъ Литвы отъ ига чужеземнаго. Сдѣлавъ литовцевъ опасными для сосѣдей, онъ принялъ христіанскую вѣру и, съ соизволенія папы, короновался въ Новогрудкѣ и принялъ титулъ короля литовскаго въ 1252 году. Недалеко отъ Новогрудка показываютъ донынѣ мѣсто, гдѣ, какъ полагаютъ, зарытъ прахъ этого героя.

Стр. 10, ст. 13. *И припасовъ разныхъ... вдоволь дичи, меду.*

Дичь и медъ въ древней Литвѣ были двумя главными предметами угощенія.

Стр. 12, ст. 6. *Обѣщалъ гросмейстеръ дать мнѣ подкрѣпленье.*

Орденъ тевтонскихъ рыцарей управлялся великимъ магистромъ (гросмейстеромъ), который избираемъ былъ орденскимъ капитуломъ. Послѣ него самымъ важнымъ лицомъ былъ великій комтуръ или казначей ордена; далѣе слѣдовали маршалъ и комтуры или командоры мѣстныхъ округовъ при городахъ и замкахъ.

Стр. 12, ст. 10. *Глянь на звѣзды! Прежде, чѣмъ Гіады тамъ.*

Литовцы особеннымъ образомъ означали времена года, мѣсяцы и часы дня или ночи. Упоминаемое здѣсь созвѣздіе (Гіады) у нихъ называлось Retis.

Стр. 12, ст. 13. *Тысячи три разомъ, да пѣхоты вдвое.*

Войско тевтонское состояло, во-первыхъ, изъ рыцарей или братій, потомъ — изъ конюшихъ или служителей, состоявшихъ при орденѣ, изъ рейтаровъ или всадниковъ, служившихъ волонтерами, или набранныхъ изъ вассаловъ, и изъ пѣхотинцевъ, состоявшихъ на жалованьѣ и называвшихся ландскнехтами, фусскнехтами или просто кнехтами.

Стр. 12, ст. 6. *Наши передъ ними — мелочь; то — громады.*

При описаніи битвъ между орденомъ и литовцами, лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что нѣмцы превосходили литовцевъ ростомъ и силою. Нельзя было противостоять ударамъ ихъ копій. Кейстутъ и Наримундъ были при поединкахъ съ нѣмцами выбиты изъ сѣделъ ударами нѣмецкихъ копій.

Стр. 13, ст. 10. *Иззубрилъ на нѣмцахъ отпускъ топора.*

Топоры и палицы были страшнѣйшимъ оружіемъ въ рукахъ литвиновъ.

Стр. 14, ст. 4. *Онъ, вѣнкомъ свернувшись, перси обвивалъ.*

Литовцы чтили ужей, которыхъ пріучали къ дому и кормили. Іоаннъ Лазицкій (Ioannes Lasicius Polonus) говоритъ «de diis Samogittarum»: «nutriunt etiam, quasi deos penates, nigri coloris obesos et quadrupedes serpentes quosdam, givoitos vocatos». Еще и Стрыйковскій въ свое время видѣлъ остатки этихъ обычаевъ у латышей, равно какъ и Гвагнинъ, въ четырехъ миляхъ отъ Вильно.

Стр. 15, ст. 8. *Онъ — одно сегодня, завтра онъ — другое.*

Все, что говоритъ Литаворъ о Витольдѣ, есть вѣрное изображеніе мнѣній, которыя

имѣли о немъ удѣльные литовскіе князья того времени.

Стр. 15, ст. 17. *Въ глушь, на Русь, къ варягамъ, къ финнамъ — и ступай!*

Здѣсь разумѣются страны, прилегавшія къ морю Варяжскому или Нормандскому, что нынѣ Балтійское море. Въ политику великихъ князей литовскихъ входилъ обычай раздавать роднымъ земли, отнятыя у непріятеля. Монтвилъ, Мендогъ и Гедиминъ пользовались этимъ феодальнымъ правомъ.

Стр. 16, ст. 10. *У хазаръ, у финновъ — отъ моря до моря.*

Отъ Балтійскаго до Чернаго. Послѣднее называлось тогда Хазарскимъ моремъ.

Стр. 16, ст. 19. *На его столицу, гдѣ онъ панъ-владыка.*

Мѣсто съ двумя замками, изъ которыхъ одинъ построенъ былъ на острову, посреди Троцкаго озера, называлось Троки. Здѣсь была столица Кейстута, а потомъ Витольда (см. Кояловича). Развалины замка еще существуютъ.

Стр. 16, ст. 18. *Видѣлъ я всю прелесть ковенской долины.*

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ковна тянется между горами долина, испещренная цвѣтами и пересѣкаемая рѣкою. Это — одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ въ Литвѣ.

Стр. 18, ст. 3. *Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ.*

Вайделотами, сигонотами, лингустонами назывались жрецы, которыхъ обязанностію было повѣствовать о дѣлахъ предковъ или воспѣвать ихъ при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Что литвины и пруссы любили поэзію, доказательствомъ тому служитъ множество древнихъ пѣсенъ, сохранившихся въ народѣ и донынѣ. Стрыйковскій разсказываетъ, что при погребеніи князей, вайделотъ, обыкновенно, выступалъ съ пѣснью, въ которой прославлялись дѣла почившаго. Любопытнѣйшія по этому

предмету подробности можно найти въ сочиненіи: «Versuch einer Geschichte der Hochmeister. Berlin, 1798». Авторъ этой замѣчательной книги, Беккеръ, ссылается на древнюю хронику Винцента Могунтщика, который былъ капелланомъ у великаго магистра Дусенера фонъ-Арбферга и описывалъ событія своего времени (съ 1346 г.). Тамъ между прочимъ разсказывается, что при пиршествѣ, бывшемъ по случаю избранія въ великіе магистры Винриха фонъ-Книпроде, пѣлъ одинъ нѣмецкій миннезингеръ, который за свое пѣніе былъ осыпанъ похвалами и награжденъ золотымъ кубкомъ. Такой почетъ, оказанный поэту, соблазнилъ одного прусака, которому имя было Ризелусъ: этотъ, испросивъ позволеніе пропѣть что-нибудь на своемъ литовскомъ языкѣ, прославилъ въ пѣснѣ своей дѣянія перваго короля литовскаго Вайдевута. Великій магистръ и нѣмецкіе рыцари, не понимавшіе и не любившіе языка литовскаго, осмѣяли поэта и поднесли ему въ подарокъ тарелку пустыхъ орѣховъ. Коцебу и Богушъ никакъ не шутятъ, когда говорятъ, что литовская литература была богата поэтическими произведеніями, гдѣ воспѣвались историческія событія и подвиги героевъ, хотя до насъ дошли изъ этихъ произведеній весьма немногія. Рыцари креста воспретили употребленіе языка литовскаго всѣмъ служащимъ и близкимъ ко двору, даже выгнали, вмѣстѣ съ цыганами и жидами, вайделотовъ и бардовъ литовскихъ, которые одни только и могли знать и воспѣвать все, что было тогда популярно. Да и въ самой Литвѣ, со введеніемъ христіанства и языка польскаго, древніе обычаи и національное нарѣчіе стали приходить въ упадокъ и забвеніе. Простой народъ, обращенный въ рабство и употребленный на обработываніе земли, отвыкнувъ отъ

оружія и дѣла ратнаго, забылъ и пѣсни рыцарскія, которыя замѣнились другими, болѣе соотвѣтствующими положенію народа: послѣднія имѣли уже характеръ идиллическій или элегическій. Если и оставалось еще что-нибудь отъ старыхъ народныхъ преданій и героическихъ пѣсенъ, то это имѣло мѣсто развѣ только подъ кровомъ домашнимъ или при особыхъ церемоніяхъ, и то при соблюденіи глубокой тайны. Грюнау, бывъ въ XVI столѣтіи въ Пруссіи, случайно видѣлъ празднованіе агнца и потомъ, для спасенія своей жизни, долженъ былъ дать поселянамъ клятву не открывать ничего изъ видѣннаго и слышаннаго. При этомъ празднованіи, по совершеніи извѣстнаго обряда, вайделотъ началъ воспѣвать подвиги древнихъ литовскихъ воиновъ, присоединяя къ тому молитвы и нравственныя поученія. Грюнау, совершенно понимавшій литовскій языкъ, говоритъ, что никогда не чаялъ слышать ничего подобнаго изъ устъ литвина: столько тутъ было красоты и выразительности!

Стр. 18, ст. 17. *Вдругъ спихнулъ — и только: прочь съ престола Вильны.*

Витольдъ выгналъ изъ Вильны Скиргайлу Ольгердовича и самъ завладѣлъ великимъ княжествомъ. Скиргайло былъ братъ Ягеллы.

Стр. 18, ст. 22. *Не первосвященникъ, не кривейто-жъ онъ.*

Правленіе въ древней Литвѣ было отчасти теократическое. Жрецы имѣли на дѣла сильное вліяніе. Главный жрецъ или первосвященникъ назывался криве-кривейто. Лѣтописцы, приписывавшіе литовцамъ римское или греческое происхожденіе, полагали, что это названіе возникло отъ χυρίος χυριότατος. Мѣстопребываніе этой духовной особы было въ Пруссіи, тамъ, гдѣ нынѣ селеніе Гейлигенбейль. Тамъ, подъ тѣнію святаго дуба, криве-кри-

вейто принималъ жертвы и отдавалъ повелѣнія свои вайделотамъ и сигонотамъ, которые потомъ объѣзжали всѣ мѣста со знаками своей миссіи и всюду объявляли волю первосвященника.

Стр. 21, ст. 15. *Съ бойкими стрѣльцами, на лошадкѣ жмудской.*

Жмудскія лошади считались у литовцевъ для верховой ѣзды весьма годными. Надобно полагать, что порода этихъ лошадей была прежде не такъ слаба, какъ нынѣ. Кстати помѣщаемъ здѣсь (въ переводѣ съ польскаго) старую литовскую пѣсню о конѣ князя Кейстута:

«Пусть у нѣмцевъ славны брони
У татаръ отличны кони:
Добрый коникъ есть и тутъ,
На немъ ѣздитъ князь Кейстутъ,
Да и сабелька Кейстута
Изъ желѣза тутъ-же гнута.
Жмудскій конь — неваженъ ростъ!
Видъ литовской сабли простъ;
Отъ Кейстутовой-же бурки
Бѣгутъ нѣмцы, бѣгутъ турки;
Нѣмца хитраго булатъ
Съ саблей встрѣтиться не радъ:
Булатъ славится разрѣзомъ,
Да не справится съ желѣзомъ.
На конѣ, нашъ князь, нашъ панъ —
Убирайся, крымскій ханъ!
Отъ Кейстутовой погони
Не спасутъ татарски кони!
Знать, могучая рука
Силу льетъ въ металлъ клинка,
Съ нимъ сплавляясь въ жизнь едину,
И въ конѣ на половину
Бьется сердце ѣздока!»

Стр. 33, ст. 14. *Іисусъ! Марія! Гопъ, гопъ, гопъ; ура!*

«Hop, hop, hop! dastich und poss», кричали обыкновенно нѣмцы, кидаясь на непріятелей.

Стр. 35, ст. 2. *Повстрѣчавъ Румшиса вѣковой утесъ.*

Неподалеку отъ мѣстечка Румшишекъ, есть въ Нѣманѣ огромная, небезопасная для пловцовъ скала, называемая гигантомъ.

Стр. 39, ст. 4. *Гдѣ стояль богъ полній съ богомъ бурь шумливыхъ.*

Перкунасъ — богъ грома въ Литвѣ и Похвистъ — богъ бурнаго вѣтра и ненастья на Руси. Въ Новогрудкѣ до сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ стояли жертвенники этихъ идоловъ. Теперь тутъ костелъ базиліановъ.

Стр. 39, ст. 15. *Злой убійца князя, Дитрихъ фонъ-Книпроде.*

Литвины, въ честь богамъ своимъ, сжигали военноплѣнныхъ, особенно нѣмцевъ. Для такихъ жертвъ избирались изъ плѣнниковъ преимущественно тѣ, которые отличались знатностію рода или подвигами; если-же такихъ было много, то между ними дѣлали выборъ по жребію. Послѣ пораженія, которое литвины нанесли рыцарямъ въ 1315 г., по разсказу Стрыйковскаго, «литвины и жмудь, въ благодарность богамъ за одержанную ими побѣду и захваченную добычу, приступили къ совершенію молитвъ и жертвоприношеній и возвели на огромный костеръ почтеннаго воина, Герарда Рудда, бывшаго старостою (войтомъ) въ области Самбійской, вмѣстѣ съ боевымъ конемъ его. Конь былъ во всей сбруѣ, а воинъ въ полномъ вооруженіи. Рудда былъ живой преданъ пламени костра; душу его приняло небо, а вѣтры разнесли пепелъ». Въ концѣ того-же столѣтія пруссы, уже принявшіе крещеніе, разбивъ при возстаніи 4,000 нѣмцевъ, схватили и сожгли мемельскаго комтура (Лукасъ Давидъ).

Стр. 40, ст. 22. *Жертвенно ліется молоко и медь.*

Обычай сжиганія тѣлъ, общій почти всѣмъ народамъ древности, соблюдался въ Литвѣ до самаго введенія христіанства. Лѣтописцы и въ этомъ усматривали доказательство, что литовцы происходятъ отъ грековъ или римлянъ. Стрыйковскій описываетъ подробно погребальные обряды ихъ, особенно церемоніалъ погребенія Кейстута. «Тѣло его, говоритъ онъ между прочимъ, было препровождено въ Вильну Скиргайлою, братомъ Ягеллы, со всѣми подобающими почестями. Тамъ, на обычномъ мѣстѣ, сложенъ былъ большой костеръ изъ сухаго дерева и сдѣланы всѣ приготовленія къ сожженію тѣла по языческимъ обрядамъ. Потомъ надѣли на покойнаго всѣ его княжескія облаченія, придали ему всѣ воинскіе доспѣхи: копье, саблю, лукъ и проч., и вознесли на костеръ, причемъ тутъ-же обрекли сожженію вѣрнаго его слугу, коня во всей парадной сбруѣ, пару соколовъ, пару гончихъ собакъ и разныхъ другихъ псовъ; тутъ были медвѣжьи и рысьи кости, охотничій рогъ и проч. Послѣ этого совершены были молитвы и принесены жертвы; потомъ воспѣты были подвиги покойнаго князя, а затѣмъ зажгли костеръ; когда тѣло сгорѣло, пепелъ и обгорѣлыя кости собрали и сложили въ приготовленный для нихъ гробъ. Такъ совершилось погребеніе славнаго князя Кейстута.»

Стр. 42, ст. 7. *Съ прелестію женской и геройскимъ духомъ.*

Характеръ и дѣйствія Гражины могутъ показаться фантастическими и несоотвѣтствующими духу того времени, такъ какъ историки представляютъ положеніе женщинъ древней Литвы вовсе не въ цвѣтущихъ краскахъ. Эти несчастныя жертвы варварства и утѣсненія дѣйствительно жили въ презрѣніи и осуждены

были на исполненіе рабскихъ обязанностей; но, съ другой стороны, у тѣхъ-же самыхъ историковъ мы находимъ черты, показывающія иногда совсѣмъ противное. По свидѣтельству Шютца (Kotzebue, Belege und Erläuterungen), на древнихъ монетахъ и знаменахъ прусскихъ находили изображеніе коронованной женщины, изъ чего можно заключить, что женщина была здѣсь нѣкогда владычицею края. Въ преданіяхъ болѣе достовѣрныхъ и болѣе близкихъ къ нашему времени, сохраняются имена Гезанд и Кадины, двухъ знаменитыхъ жрицъ, возбуждавшихъ религіозное къ себѣ благоговѣніе. Реликвіи ихъ сохранялись потомъ въ храмахъ, обращенныхъ въ христіанскіе костелы. Свѣдущій во всемъ, что касается народныхъ древностей, П. Онацевичъ сообщаетъ, что по древней волынской хроникѣ одно изъ мѣстъ Литвы славилось женщинами, которыя, по отправленіи мужей на войну, сами защищали городскія стѣны, и, будучи наконецъ не въ силахъ противостоять непріятелю, предпочли добровольную смерть позору плѣна и рабства. Нѣчто подобное разсказываетъ Кромеръ (Polonia sive etc.), повѣствуя о замкѣ Пулленъ. Эти, по-видимому, противорѣчащія одно другому извѣстія могутъ быть согласшены, если сообразимъ, что литовцы состояли изъ двухъ искони соединенныхъ, но все-же различныхъ между собою племенъ, т. е. изъ туземцевъ и пришельцевъ, вѣроятно нормановъ; эти послѣдніе, конечно, и сохранили чувство уваженія къ женщинамъ, составлявшее коренную черту ихъ характера. Даже по древнимъ уставамъ и обычаямъ литовцевъ, женщины этого племени были особенно уважаемы. Вообще униженіе женскаго пола въ томъ краю надобно отнести ко временамъ,

предшествовавшимъ той эпохѣ, къ которой принадлежитъ повѣсть о Гражинѣ и въ которой духъ рыцарства и романическихъ похожденій имѣлъ уже значительную силу. Князь Кейстутъ нѣжно любилъ свою Бируту, которая была дѣвушкою простаго происхожденія, посвященною на служеніе богамъ. Кейстутъ, подвергая себя большой опасности, исторгнулъ ее изъ этой должности и сдѣлалъ своею женою. Въ послѣдующее время супруга Витольда своею ловкостію и неустрашимостію освободила мужа своего изъ заключенія и избавила его отъ угрожавшей ему смерти.

Стр. 42, ст. 10. *На кострѣ, объятый пламенемъ и дымомъ.* Литвины, въ тяжкихъ болѣзняхъ или при большихъ несчастіяхъ, имѣли обычай сжигать себя живыми въ домахъ своихъ. Подобную смерть принялъ первый князь ихъ и первосвященникъ Вайдевутъ, и примѣру его слѣдовали его преемники сжигая себя на кострѣ добровольно. На такое самосожженіе народъ смотрѣлъ съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на самый почетный родъ смерти.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ „КОНРАДУ ВАЛЛЕНРОДУ“.

Стр. 61 ст. 1. *Ужъ колоколъ гудитъ съ Маріенбургской башни.*

Маріенбургъ, укрѣпленный городъ, нѣкогда столица крестоносцевъ, присоединенный при Казимірѣ Ягеллонѣ къ польской Рѣчи-Посполитой, впослѣдствіи отданный въ залогъ маркграфомъ бранденбургскимъ, перешелъ наконецъ во владѣніе королей прусскихъ. Подъ нижними сводами маріенбургскаго замка находились гробницы великихъ магистровъ; нѣкоторыя донынѣ уцѣлѣли. Кенигсбергскій профессоръ Фойхтъ издалъ много лѣтъ тому назадъ исторію Маріенбурга, важное сочиненіе для исторіи Пруссіи и Литвы.

Стр. 61 ст. 6. *Кому воздѣть на грудь, по строгомъ совѣщаньѣ,*
Великій крестъ? Кому великій мечъ вручить?

Крестъ и мечъ знаки великихъ магистровъ.

Стр. 63 ст. 6. *Переломить копья никто съ нимъ не дерзалъ.*

Старое польское выраженіе: combattre à outrance.

Стр. 66 ст. 4. *И этимъ лишь души безсмертной талисманъ*
Безумной силѣ онъ безвредный чертитъ кругъ.

Взглядъ человѣка, говоритъ Кооперъ, когда блещетъ смѣлостью и разумомъ, производитъ сильное впечатлѣніе даже на дикихъ звѣрей. Сошлемся по этому случаю на истинное происшествіе съ американскимъ охотникомъ, который, прокрадываясь къ уткамъ, услышалъ шелестъ, поднялся и увидалъ со страхомъ огромнаго, тутъ-же лежавшаго льва. Звѣрь казался равно удивленнымъ при внезапномъ появленіи человѣка атлетическаго роста. Охотникъ не смѣлъ выстрѣлить, имѣя ружье заряженное дробью, и потому сталъ неподвижно, только грозя непріятелю взглядомъ. Левъ, съ своей стороны, сидя спокойно, не спускалъ

глазъ съ охотника: черезъ нѣсколько мгновеній отворотилъ голову и медленно удалился, но едва ушелъ на десятокъ съ небольшимъ шаговъ, остановился и вернулся снова. Найдя на мѣстѣ неподвижнаго охотника, встрѣтился съ нимъ снова глазами и наконецъ, какъ будто признавая превосходство человѣка, потупилъ глаза и ушелъ. Bibliothèque universelle, 1827. Fevrier. Voyage du capitaine Head.

Стр. 68 ст. 10. *Всѣ вышли помолясь. Архикомтуръ рѣшилъ....*
Grosskomthur — первый сановникъ послѣ великаго магистра.

Стр. 69 ст. 15. *Какая-то жена лѣтъ за десять назадъ.*
Хроники тѣхъ временъ упоминаютъ о поселянкѣ, которая, прибывъ въ Маріенбургъ, требовала, чтобы ее замуровали въ особенной кельѣ, и тамъ окончила жизнь. Могила ея славилась чудесами.

Стр. 71 ст. 17. *Повѣримъ вѣщимъ мы отшельницы словамъ.*
Конрада именемъ зовется Валленродъ!
. . . . . *Онъ пройдетъ*
Въ магистры!
Во время выбора, если мнѣнія были раздѣлены или сомнительны, то подобные случаи, принимаемые за пророчество, вліяли на совѣщаніе капитула. Такимъ образомъ, Винрихъ Книпроде получилъ всѣ голоса, потому что нѣсколько братьевъ будто-бы слышали изъ могилъ магистровъ троекратное воззваніе: Vinrice! Ordo laborat (Винрихъ! Орденъ въ опасности»).

Стр. 76 ст. 26. *Есть вѣчный огонь у столповъ Свенторога.*
(Виленскій замокъ, гдѣ нѣкогда хранился Зничъ т. е. вѣчный огонь.)

Стр. 86 ст. 13. *«Веселье въ Господѣ!» и кубки заблистали.*
Лозунгъ орденскихъ пировъ того вѣка.

Къ стр. 97 Пѣснь Вайделота.

Смотри на стр. 174 объясненіе стиха «Гражин »
Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ....

Стр. 92 ст. 51. *Является не разъ намъ дѣва моровая.*
Простой народъ представляетъ себѣ повѣтріе въ об-

разѣ дѣвы, которой появленіе, здѣсь описанное, предшествуетъ, по народному преданію, страшной болѣзни. Привожу, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи, нѣкогда слышанную мною въ Литвѣ балладу: Въ деревнѣ явилась моровая дѣва и, по обычаю, просовывая руку въ двери или окно и махая краснымъ платкомъ, распространяла смерть въ домахъ. Жители запирались крѣпко, но голодъ и другія потребности принуждали вскорѣ къ пренебреженію этими мѣрами осторожности, и такъ всѣ ждали смерти. Одинъ шляхтичъ, хотя достаточно обезпеченный пищей и имѣвшій возможность долѣе всѣхъ выдерживать эту необыкновенную осаду, рѣшился, однако, посвятить себя пользѣ ближняго, взялъ саблю-сигмунтовку, на которой было имя Іисусъ и имя Марія, и, вооруженный такъ, отворилъ окно дома. Шляхтичъ однимъ взмахомъ отсѣкъ у страшилища руку и завладѣлъ платкомъ. Правда, онъ умеръ и вымеръ весь его родъ: «но съ того времени никогда не знали въ деревнѣ мороваго повѣтрія». Говорили, что этотъ платокъ хранился въ костелѣ, не помню какого мѣстечка. На Востокѣ передъ появленіемъ чумы показывается, говорятъ, привидѣніе съ крыльями летучей мыши и указываетъ пальцами на обреченныхъ смерти. Кажется, народное воображеніе хотѣло представить въ подобныхъ образахъ то тайное предчувствіе и тотъ необычайный ужасъ, который обыкновенно предшествуетъ великимъ несчастіямъ или смерти и который очень часто ощущаютъ не только отдѣльныя лица, но даже цѣлые народы. Такъ въ Греціи предчувствовали долгое продолженіе и важныя послѣдствія пелопонесской войны, въ римскомъ государствѣ — паденіе монархіи, въ Америкѣ — прибытіе испанцевъ и т. д.

Стр. 99 ст. 16. *Вальтера имя носилъ я, а прозвище дали мнѣ Альфа.*

Walther von Stadion, нѣмецкій рыцарь, взятый въ плѣнъ литовцами, женился на дочери Кейстута и съ нею тайно уѣхалъ изъ Литвы. Часто случалось, что

пруссаки и литовцы, похищенные въ дѣтствѣ и воспитанные въ Германіи, возвращались въ отечество и становились самыми ожесточенными врагами нѣмцевъ. Такимъ былъ извѣстный въ исторіи Ордена пруссакъ Herkus Monte (Геркусъ Монте).

Стр. 125. Война.

Образъ этой войны начертанъ по указанію исторіи.

Стр. 129 ст. 24. *Ужасный трибуналъ совѣтъ держать идетъ.*

Въ средніе вѣка, когда могущественные герцоги и бароны очень часто дозволяли себѣ всякія злодѣйства, когда авторитетъ обыкновенныхъ судовъ былъ слишкомъ слабъ для ихъ обузданія, образовалось тайное братство, котораго члены, не будучи знакомы между собою, обязывались клятвой карать виновныхъ, не щадя собственныхъ друзей, даже родственниковъ. Какъ скоро тайные судьи изрекли приговоръ смерти, то предувѣдомляли осужденнаго, крича ему подъ окнами или гдѣ-нибудь въ его присутствіи: weh! (горе!). Это слово, трижды повторенное, было предостереженіемъ; кто его услышалъ, готовился къ смерти, которую долженъ былъ непремѣнно и неожиданно принять отъ невѣдомой руки. Тайный судъ назывался еще Vehmgericht или вестфальскимъ судомъ. Трудно опредѣлить, когда онъ получилъ свое начало; по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ былъ учрежденъ Карломъ Великимъ. Бывъ въ началѣ необходимымъ, впослѣдствіи онъ далъ поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, и правительства вынуждены были не разъ строго преслѣдовать самихъ-же судей, пока наконецъ не былъ упраздненъ совершенно этотъ институтъ.

Мы назвали нашу повѣсть историческою, потому что характеры дѣйствующихъ лицъ и всѣ разсказанныя въ ней болѣе важныя происшествія основаны на историческихъ данныхъ. Хроники того времени, въ отрывочныхъ и неполныхъ спискахъ, часто должны

быть дополняемы догадками и предположеніями, чтобы создать изъ нихъ какое-нибудь историческое цѣлое. Хотя въ разсказѣ о Валленродѣ я позволилъ себѣ догадки, однако надѣюсь оправдать ихъ правдоподобностью. Слѣдуя хроникамъ, Конрадъ Валленродъ происходилъ не отъ славнаго въ Германіи рода Валленродовъ, хотя выдавалъ себя за его члена: онъ былъ, говорятъ, чьимъ-то незаконнорожденнымъ сыномъ. Кенигсбергская лѣтопись (библіотеки Валленрода) повѣствуетъ: er war ein Pfaffenkind. О характерѣ этого страннаго человѣка читаемъ разныя и противорѣчивыя преданія. Большая часть лѣтописцевъ укоряетъ его въ гордости, лютости, пьянствѣ, жестокости къ подвластнымъ, маломъ усердіи къ вѣрѣ и даже въ ненависти къ духовнымъ. «Er war ein rechter Leuteschinder (хроника библіотеки Валенрода). Nach Krieg, Zang und Hader sein Hertz immer gestanden, und ob er gleich ein Gott ergebener Mensch von wegen seines Ordens seyn sollte, doch ist er allen frommen geistlichen Menschen Graüel gewesen» (David Lucas). «Er regiete nicht lang, denn Gott plagte ihn inwendig mit dem laufenden Feuer». Съ другой стороны, тогдашніе писатели признаютъ за нимъ величіе ума, мужество, благородство и силу характера, и дѣйствительно безъ рѣдкихъ качествъ онъ не могъ-бы сохранить своей власти среди всеобщей ненависти и бѣдствій, которыя навлекъ на Орденъ. Припомнимъ теперь поведеніе Валленрода. Когда онъ принялъ на себя управленіе Орденомъ, наступало удобное время войны съ Литвою, потому что Витольдъ самъ обѣщалъ нѣмцамъ вести ихъ на Вильну и щедро наградить ихъ за поддержку. Валленродъ однако оттягивалъ войну, мало того оттолкнулъ Витольда и такъ безразсудно ввѣрился ему, что этотъ князь, тайно помирившись съ Ягеллой, не только ушелъ изъ Пруссіи, но, входя по дорогѣ въ нѣмецкіе замки, какъ союзникъ, сжигалъ ихъ и вырѣзывалъ гарнизоны. При такой неудачной пере-

мѣнѣ обстоятельствъ надлежало отсрочить войну, или приступить къ ней очень осторожно. Великій магистръ провозглашаетъ крестовый походъ, расточаетъ сокровища Ордена на приготовленія (5,000,000 марокъ, около милліона венгерскихъ злотыхъ: сумму громадную для того времени), идетъ на Литву. Онъ могъ-бы взять Вильну, ежели-бы не потерялъ времени въ пирахъ и ожиданіи подкрѣпленій. Наступила осень; Валленродъ, оставившій лагерь безъ продовольствія, въ величайшемъ безпорядкѣ, уходитъ въ Пруссію. Лѣтописцы и позднѣйшіе историки не могутъ угадать причины столь внезапнаго отъѣзда его отъ войска, не находя въ тогдашнихъ обстоятельствахъ никакого къ этому повода. Нѣкоторые приписывали бѣгство Валленрода умопомѣшательству. Всѣ здѣсь приведенныя противорѣчія въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашего героя примиряются, если допустить, что онъ былъ литвинъ и что вступилъ въ Орденъ, чтобы отомстить ему. Въ самомъ дѣлѣ, его правленіе нанесло самый жестокій ударъ могуществу крестоносцевъ. Мы допускаемъ, что Валленродъ былъ тѣмъ Вальтеромъ Стадіономъ, сокращая только на десять съ чѣмъ-нибудь лѣтъ время, протекшее между отъѣздомъ Вальтера изъ Литвы и появленіемъ Конрада въ Маріенбургѣ. Валленродъ умеръ въ 1394 году внезапной смертію. Странные случаи, говорятъ, сопровождали его смерть. Er starb, повѣствуетъ хроника, in Raserei ohne letzte Oehlung, ohne Priestersegen. Kurz vor seinem Tode wütheten Stürme, Regengüsse, Wasserfluthen; die Weichsel und die Nogat durchbrachen ihre Dämme... hingegen wühlten die Gewässer sich eine neue Tiefe da, wo jetzt Pilau steht». Гальбанъ, или, какъ его называетъ лѣтописецъ, докторъ Leander von Albanus, монахъ, единственный и неразлучный товарищъ Валленрода, хотя прикидывался благочестивымъ, былъ, слѣдуя лѣтописцамъ, еретикомъ, язычникомъ, а можетъ быть колдуномъ. О смерти Гальбана нѣтъ вѣрныхъ извѣстій. Нѣкоторые пишутъ, что онъ

утонулъ; другіе, что ушелъ тайно или былъ похищенъ сатаной. Мы по большей части приводили лѣтописи изъ сочиненія Коцебу: Preussens Geschichte, Belege und Erläuterungen. Гарткнохъ, называющій Валленрода unsinnig, сообщаетъ о немъ очень короткое извѣстіе.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ „КРЫМСКИМЪ СОНЕТАМЪ“.

Стр. 147, ст. 5. *Бурьянъ*—великорослое растеніе степей Украины и Побережья; въ лѣтнее время бурьянъ цвѣтомъ своимъ придаетъ много красоты тамошней мѣстности.

Стр. 147, ст. 6. *Курганы* — высокія, надгробныя, земляныя насыпи. По берегамъ Чернаго моря ихъ много, и они нерѣдко помогаютъ путешественнику оріентироваться.

Стр. 152, ст. 6. *Дивы*, по древней миѳологіи персовъ это — злые геніи, господствовавшіе нѣкогда на землѣ, но потомъ изгнанные ангелами и обитающіе нынѣ за горою Кафъ.

Стр. 153, ст. 6. *Чатырдагъ* — высшая изъ горъ Крымскаго полуострова на южномъ берегу его. Онъ усматривается съ разныхъ сторонъ верстъ за двѣсти въ видѣ большаго облака сѣро-синеватаго или свинцоваго цвѣта. Вершины Чатырдага по захожденіи солнца въ теченіе нѣкотораго времени кажутся еще какъ-бы объятыми пламенемъ.

Стр. 154. *Бахчисарай*, нѣкогда бывшій столицею Гиреевъ—хановъ крымскихъ, расположенъ въ долинѣ, окруженной горами.

Стр. 155. Въ оригиналѣ сказано: народъ расходится изъ *джамидовъ*. Месджиды или джамиды — *магометанскія мечети*.

Эвлисъ—магометанскій люциферъ, владыка тьмы.

Фарисъ — наѣздникъ у бедуиновъ.

Стр. 156. Неподалеку отъ ханскаго дворца въ Бахчисараѣ возвышается воздвигнутая въ восточномъ вкусѣ

гробница съ полу-сферическимъ куполомъ. Есть народное въ Крыму преданіе, что памятникъ этотъ поставленъ ханомъ Керимъ-Гиреемъ надъ одною изъ плѣнницъ, которую онъ необычайно любилъ. Это, говорятъ, была полька изъ рода Потоцкихъ. Авторъ прекрасно написанной и имѣющей научное достоинство книги: «Путешествіе по Крыму», Муравьевъ-Апостолъ, утверждаетъ, что вышеприведенное сказаніе не имѣетъ исторической основы и что памятникъ поставленъ надъ какою-то умершею грузинкою; — но основательно-ли мнѣніе самого автора «Путешествія по Крыму»? По крайней мѣрѣ, доводъ его, что будто-бы татары въ половинѣ XVIII столѣтія не могли такъ легко захватывать плѣнницъ изъ дома Потоцкихъ, нельзя признать за достаточный. Извѣстны послѣднія возмущенія казацкія на Украйнѣ, откуда немало людей выселено и продано сосѣднимъ татарамъ. Въ Польшѣ многія шляхетскія фамиліи именуются Потоцкими, и упоминаемая выше плѣнница, будучи Потоцкою, могла и не принадлежать къ дому владѣтелей Умани, который былъ для наѣздовъ татарскихъ и наскоковъ казацкихъ менѣе доступенъ. Изъ народныхъ разсказовъ о бахчисарайскомъ памятникѣ Пушкинъ почерпнулъ сюжетъ для извѣстной поэмы своей: «Бахчисарайскій фонтанъ».

Стр. 157. Въ прелестномъ саду, между шелковичными деревьями и тополями, возвышаются бѣломраморныя гробницы хановъ, женъ ихъ и родныхъ. Въ боковыхъ двухъ склепахъ навалены гробы въ безпорядкѣ. Когда-то они были богато украшены, но нынѣ торчатъ только голыя доски и видны обрывки савановъ.

У мусульманъ могильные памятники мужчинъ и женщинъ вѣнчаются обыкновенно каменными чалмами, изъ которыхъ мужскія видомъ своимъ отличаются отъ женскихъ.

Гяуръ или правильнѣе — *кафиръ* — значитъ:

«невѣрный». Такъ мусульмане называютъ христіанъ.

Стр. 158. Прелестною *Байдарскою долиною* путешественники обыкновенно выѣзжаютъ на южный берегъ Крыма.

Стр. 159. *Алушта* — одно изъ самыхъ благодатныхъ мѣстъ въ Крыму. Сѣверные вѣтры сюда отнюдь уже не проникаютъ, и путешественники въ ноябрѣ мѣсяцѣ нерѣдко ищутъ здѣсь прохлады подъ тѣнью огромныхъ орѣховыхъ деревъ (грецкіе орѣхи), одѣтыхъ еще зеленью.

Намазъ — молитва мусульманская: ее читаютъ сидя и кланяясь.

Мусульмане употребляютъ при молитвахъ четки, которыя дѣлаются для знатныхъ особъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Гранатовыя и шелковичныя деревья, ярко украшенныя багрянцемъ плодовъ своихъ, весьма обыкновенны на южномъ берегу полуострова.

Стр. 161. Здѣсь употреблено имя Гавріила (Габріель), какъ наиболѣе извѣстное; но настоящій привратникъ небесный, по восточной миѳологіи, есть Рамекъ — одна изъ двухъ блестящихъ звѣздъ, называемыхъ *ас-семекеинъ* (звѣзда Арктуръ).

Стр. 162. *Салгиръ* — крымская рѣка, вытекающая изъ-подъ подошвы Чатырдага.

Стр. 163. *Чуфутъ-Кале* — мѣстечко, расположенное на высокой голой скалѣ. Домики, на краю пропасти стоящіе, похожи на гнѣзда ласточекъ. Тропинка, по которой надобно взбираться на гору, для путника затруднительна и опасна: она виситъ надъ бездною. Если взглянуть внизъ изъ окна одного изъ тѣхъ домиковъ, то взоръ падаетъ въ глубину неизмѣримую.

Лошади крымскія, при трудныхъ и опасныхъ переправахъ, обнаруживаютъ удивительный инстинктъ осторожности. Прежде, чѣмъ поставить ногу, лошадь крымская, поднявъ ее и сдерживая на воздухѣ, пробуетъ камни, гдѣ-бы можно было ступить

съ большею безопасностію, и не прежде, какъ сдѣлавъ надлежащій выборъ, *совершаетъ* шагъ свой.

Стр. 165. *Птахъ-гора* извѣстна изъ «Тысячи одной ночи». Это — славная въ персидской миѳологіи и многими восточными поэтами упоминаемая птица *симургъ:* «она величиною съ гору» (говоритъ Фирдуси въ «Шахъ-наме») «и крѣпка она, какъ твердыня, а сильна такъ, что слона поднимаетъ и уноситъ въ когтяхъ своихъ»,—и далѣе: «увидѣвъ воиновъ, симургъ рванулся, какъ туча, со скалы своей и помчался, какъ ураганъ, отбрасывая тѣнь свою на всю рать конную». См. Гаммера «Geschich derte Redekünste Persens. Wien, 1818.» стр. 65.

Съ высоты горъ, возносящихся надъ облаками, если кинуть взглядъ на плывущее надъ моремъ облако, то оно представляется лежащимъ на самой водѣ большимъ бѣлымъ островомъ. Любопытное явленіе это наблюдаемо было авторомъ «Крымскихъ сонетовъ» съ Чатырдага.

Стр. 167. Надъ Балаклавскимъ заливомъ стоятъ развалины замка, построеннаго нѣкогда греками — выходцами изъ Милета. Генуэзцы возвели потомъ на этомъ мѣстѣ укрѣпленіе «Цембало».

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Гете и Байронъ.

Теоретики издавна твердили, что поэзія есть плодъ древности, плодъ золотаго вѣка, что процвѣтать она могла только въ ранній періодъ развитія общества, что родъ человѣческій, совершенствуя высшія способности разума и разсудка, тѣмъ самымъ ослабляетъ творческую силу фантазіи, охладѣваетъ въ чувствахъ и наконецъ долженъ бываетъ ограничиваться въ поэзіи только подражаніемъ. Теоретики-догматики, привыкшіе выводить правила изъ произведеній, уже созданныхъ поэтами, и нимало неспособные заглянуть въ будущее, хотѣли считать древніе образцы за единственныя основы совершенства, а свои правила, выведенныя изъ этихъ образцовъ — за вѣчныя и ненарушимыя, — и тѣмъ легче впадали въ заблужденіе, свойственное всѣмъ древнимъ законодателямъ, которые тоже никакъ не могли допустить, чтобы ихъ законоположенія должны были когда-нибудь измѣниться. Нельзя однакожь не удивляться тому, что и поэты способны были также раздѣлять подобное мнѣніе. Въ прошломъ вѣкѣ во Франціи слышались жалобы на недостатокъ предметовъ для поэзіи; говорили даже, что они всѣ

уже исчерпаны. Теперь опять журналы и газеты пытаются отнять всякую надежду у поэтовъ французскихъ, доказывая, что публика теперь занята только одними важными предметами и потому будто бы не имѣетъ времени читать стихи. Въ подтвержденіе этого мнѣнія указывали въ исторіи отдѣльныхъ народовъ на эпохи дѣтства, мужества и одряхлѣнія, которыхъ печать будто бы отражалась и на литературныхъ произведеніяхъ тѣхъ народовъ. На основаніи этой теоріи, нашему вѣку выпадало на долю быть эпохой одряхлѣнія — литературнаго отцвѣта, — однимъ словомъ, прозы. Извѣстно уже, что даже и самое ложное сужденіе, повторяемое часто и притомъ диктаторскимъ тономъ, — подъ конецъ многими начинаетъ почитаться за правду: однакоже ничтожество подобнаго сужденія большею частью обнаруживается впослѣдствіи или путемъ здраваго обсужденія, или самыми фактами. Дѣло въ томъ, что если отдѣльновзятые люди и даже цѣлые народы и подлежатъ закону, общему для всѣхъ организмовъ, и проходятъ въ развитіи своемъ всѣ эпохи отъ дѣтства до старости, однакоже все человѣчество еще слишкомъ молодо (если только можно такъ о немъ выразиться), все еще продолжаетъ развиваться, обладаетъ все тѣми же способностями, имѣетъ и теперь такое же воображеніе и такое же чувство, какъ и прежде, а слѣдовательно и органъ поэзіи. Встрѣчаются и народы, встрѣчаются и эпохи — прозаическіе; поводомъ къ развитію такого направленія эпохъ и народовъ бываетъ не слишкомъ большая зрѣлость ихъ, а скорѣе —

недостаточность, либо ложность, либо односторонность пути, по которому народами достигалась извѣстная степень развитія. На востокѣ Европы слишкомъ большое преобладаніе философскаго мышленія истощило способность къ поэтическому творчеству въ нѣкоторыхъ народахъ; во Франціи, напротивъ того, общее стремленіе къ изученію наукъ опытныхъ и механики, а также и общій интересъ, возбуждаемый политическими событіями минуты — вотъ что ослабило и притупило строй поэтическаго вдохновенія. Но все это — такія мѣстныя и частныя условія, которыя могутъ измѣниться. Въ Англіи тоже былъ вѣкъ младенчества, вѣкъ упадка поэзіи; тотъ же путь былъ пройденъ и Германіей и Польшей; а между тѣмъ, впослѣдствіи и Германія, и Англія своими собственными силами стали развивать свою поэзію въ различныхъ направленіяхъ и даже другимъ народностямъ стали подавать примѣръ и помощь.

Важнымъ и совершенно-особеннымъ преимуществомъ нашего времени слѣдуетъ считать именно то, что если теперь въ одномъ какомъ-нибудь народѣ извѣстнаго рода обстоятельства способствовали развитію вкуса къ поэзіи или упадку ея, то въ то же самое время, благодаря мѣстному соединенію и различнымъ международнымъ сношеніямъ, можно и внѣ своего народа найти образцы для подражанія и новые пути для дальнѣйшаго развитія. Если бы грекамъ была извѣстна поэзія другихъ народовъ и они бы вздумали ею заняться, то легко могло бы быть, что и они бы нашли въ себѣ новыя силы и, быть можетъ, не остались бы, послѣ пятнад-

цати вѣковъ только холодными подражателями древнимъ образцамъ.

Лучшимъ доказательствомъ способности нашего вѣка къ поэзіи служитъ, конечно, почти одновременное появленіе двухъ первоклассныхъ поэтическихъ геніевъ: Гете и Байрона.

Историческія свѣдѣнія о народахъ, чуждыхъ намъ, въ настоящее время разработаны до статистическихъ подробностей; жизнь великихъ мужей, явившихся у нихъ, описана во многихъ и даже самыхъ подробныхъ запискахъ; произведенія этихъ великихъ мужей — лежатъ передъ нами во всей полнотѣ своей. Теперь, слѣдовательно, намъ легче, чѣмъ когда-либо, разбирать ихъ критически; однакоже, не на основаніи той школьной критики, для которой не нужно вовсе никакихъ иныхъ наукъ или свѣдѣній, кромѣ десяти листковъ Аристотеля и піитики Буало, нагло изрекающаго приговоры всему, что не подходитъ подъ его мѣрку. Нѣтъ! разбирать на основаніи критики исторической, которая разсматриваетъ поэтическія произведенія съ точки зрѣнія того народа, среди котораго они получили начало, съ точки зрѣнія времени и условій, вліявшихъ на ихъ возрастаніе и созрѣваніе; на основаніи критики, которая въ концѣ концовъ оцѣниваетъ талантъ писателя,— принимая въ соображеніе тѣ благопріятныя условія, которыя онъ встрѣтилъ при появленіи своемъ, или тѣ трудности, которыя ему пришлось побѣдить,— и въ то же самое время не изрекаетъ приговоровъ, а просто излагаетъ исторію искусства. Мы очень хорошо знаемъ, сколько нужно соединять въ себѣ

достоинствъ и способностей, чтобы удовлетворить высокому призванію историческаго критика: — вотъ почему мы нимало и не думаемъ вдаваться въ подробные разборы твореній Гёте и Байрона; мы намѣрены только высказать нѣсколько общихъ замѣчаній, касающихся характера и общаго направленія этихъ двухъ великихъ поэтовъ.

Можно бы, кажется, раздѣлить поэзію на два большихъ отдѣла, а именно: на поэзію прошлаго и на поэзію настоящаго или будущаго; каждый изъ этихъ отдѣловъ поэзіи требуетъ особаго таланта и способностей. Древніе оставили намъ много глубокихъ, символически-выраженныхъ замѣчаній. Согласно древнему преданію, Гомеръ—этотъ величайшій поэтъ прошлыхъ вѣковъ — приготовляясь воспѣть Ахиллеса, направился къ его могилѣ и сталъ вызывать тѣнь этого героя. Ахиллесъ явился. Гомеръ, ослѣпленный блескомъ его брони, утратилъ зрѣніе и создалъ Иліаду, уже будучи слѣпцомъ.

Совершенно иными являются намъ поэты лирическіе, воспѣвающіе настоящее,— т. е. тѣ чувства, которыя ихъ вдохновили на мгновенье,— или тѣ Сивиллы, которыя воспѣваютъ грядущее: — какъ тѣ, такъ и другія постоянно утверждали, что видятъ то, что сокрыто отъ другихъ, и ощущаютъ въ себѣ присутствіе какого-то неистоваго, терзающаго ихъ божества. Въ этихъ двухъ символическихъ изображеніяхъ видимъ совершенно-правильное опредѣленіе двухъ различныхъ отдѣловъ и двоякаго способа воспѣванія.

Поэтъ эпическій удаляется въ среду памятни-

ковъ, завѣщанныхъ намъ народами минувшими, окружаетъ себя дѣяніями и преданіями и пытается изъ среды ихъ воскресить духъ минувшаго; онъ вынужденъ на все закрыть глаза, не видѣть ничего изъ всего, что его окружаетъ, и создавать твореніе свое въ полномъ уединеніи. Въ противоположность ему, поэтъ, воспѣвающій современныя ему великія дѣянія, ободряющій къ битвѣ, изливающій чувства любви или восторга предъ своею возлюбленною,—раздѣляетъ вполнѣ чувства своего народа и своего времени, и самъ участвуетъ въ томъ, что служитъ предметомъ его пѣснопѣній. Такъ Пиндаръ присматривался къ играмъ олимпійскимъ.

Въ послѣднее время только у двухъ народовъ и могли вполнѣ развиться и достигнуть извѣстной высоты эти два отдѣла поэзіи: у нѣмцевъ и у англичанъ. Оба эти народа сильно подвинулись на пути цивилизаціи и обратили на себя вниманіе всей Европы; у обоихъ народовъ процвѣтали науки историческія, и занятія теоріей изящныхъ искусствъ были весьма распространены.

Эти-то стороны нѣмцевъ, среди которыхъ просвѣщеніе особенно распространилось и, одновременно съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ политикѣ, сильно преобладала страсть къ занятіямъ исторіею и древностями—эти стороны и должны были, конечно, произвести поэта, способнаго воспѣть минувшее. И дѣйствительно, у нѣмцевъ явился Гёте, одаренный такимъ именно геніемъ, какой могла произвести современная эпоха, среди условій, особенно способствовавшихъ его развитію.

Гете родился отъ родителей, не имѣвшихъ никакого политическаго значенія, въ вольномъ городѣ, жители котораго, одинаково склонные переходить на сторону французовъ и на сторону пруссаковъ, искони не обладали никакими патріотическими чувствами. Первые годы дѣтства Гете провелъ среди семьи достаточной и пользовавшейся извѣстнымъ благосостояніемъ, въ которой все дышало спокойствіемъ и счастіемъ; натура у него была страстная, но не до излишества, а притомъ ему не пришлось попасть въ среду такихъ товарищей или войти въ такія отношенія, которыя бы способны были возбудить въ немъ сильное чувство, не пришлось перенести большихъ несчастій, ни испытать чувствительныхъ потерь. Воспитаніе получилъ онъ тщательное, во-время полюбилъ поэзію, постоянно слышалъ и дома, и въ обществѣ разсужденія объ искусствѣ, еще въ дѣтствѣ ознакомился съ Клопштокомъ и видѣлъ тѣ почести, которыя ему воздавались; очень часто посѣщалъ театръ, и въ то же время умъ его уже занятъ былъ правилами искусства и Шекспиромъ. Понятно, что юноша одаренный геніемъ, развиваясь среди такихъ условій, искалъ въ поэзіи только славы и пріятности; и не видя передъ собою ничего такого, чтобы его сильно волновало и привлекало къ жизненной аренѣ, или же вдохновляло бы его впечатлѣніями настоящаго, онъ долженъ былъ обратиться къ прошедшему и въ немъ сталъ почерпать вдохновеніе. Прямымъ слѣдствіемъ такого настроенія способностей юноши было то, первое знаменитое произведеніе его—«Гетцъ фонъ-Берлинхин-

генъ» — въ которомъ поэтъ, вѣрно рисуя средніе вѣка, отгадалъ потребности и нашего вѣка, потребности исторіи, и, въ примѣненіи ихъ къ поэзіи, опередилъ Вальтеръ-Скотта.

Въ Англіи, со временъ Карла II, поэзія перестала вдохновляться воспоминаніями и чувствами народа, и обратилась въ мертвое подражаніе французамъ. Холодный Аддисонъ, остроумный Попъ — слыли великими поэтами, и наконецъ всѣ, кто только умѣлъ писать стихи, дѣйствительно уже не находя болѣе предметовъ для поэтическаго вдохновенія, обратились къ неисчерпаемому описательному роду, которымъ обыкновенно заканчивается всякая подражательная литература. Томпсонъ, богатый красками и чрезвычайно многословный въ риторическихъ декламаціяхъ, явился въ описательномъ родѣ божествомъ тѣхъ ученыхъ читателей, которые любятъ дивиться красотамъ поэзіи, хотя и зѣваютъ отъ скуки, наслаждаясь ими.

Однако, въ ту же самую эпоху могущество и просвѣщеніе Англіи возросли чрезвычайно, охватили цѣлый міръ и вынудили Англію къ вмѣшательству во всякаго рода политическія событія. Публику англійскую занимала и американская революція, и долгая, упорная война противъ Франціи, и внутренняя борьба партій въ самой Англіи; среди этой разнообразной жизни выработалось великое множество новыхъ явленій въ области мысли и чувства, и ощущался недостатокъ только въ поэтѣ, которому бы они могли служить тэмой для поэзіи. То было скопленіе огромной массы горю-

чихъ подземныхъ веществъ, которыя въ окрестныхъ горахъ искали себѣ только новаго кратера.

Лордъ Байронъ, по рожденію, принадлежалъ къ знаменитому роду, имѣвшему нѣкогда важное политическое значеніе, однакоже захудалому и живо чувствовавшему свое приниженіе. Воспитанный въ уединеніи, онъ долженъ былъ также отчасти раздѣлять чувства, волновавшія его семью, а скитаясь по шотландскимъ горамъ, имѣлъ достаточно досуга, чтобы размышлять обо всемъ, что его окружало, и о себѣ самомъ. И по вступленіи въ школу, предавшись изученію классическихъ наукъ, Байронъ, какъ кажется, не могъ быть пробужденъ отъ своихъ меланхолическихъ думъ отголосками давняго прошлаго и, постоянно волнуемый событіями настоящаго, не могъ съ искреннимъ увлеченіемъ предаться чтенію повѣствованій о давнемъ прошломъ. Байронъ писалъ подражанія и Виргилію, и Оссіану, однако же въ этихъ подражаніяхъ не выказалъ таланта, ибо талантъ его, въ то время, еще не успѣлъ пробудиться. Но вскорѣ страсть пробудила въ немъ поэтическое творчество. Байронъ привязывался къ людямъ съ юношескимъ жаромъ; и вотъ разочарованный въ любви, а, нѣсколько позже, живя въ кругу дурнаго общества, неоднократно обманутый друзьями,— онъ покидаетъ отчизну и начинаетъ свои скитанія по Европѣ, присматриваясь ближе къ убійственной войнѣ; наконецъ, онъ удаляется на Востокъ, въ страну мечтаній, и тамъ впервые оказывается поэтомъ и впервые изливаетъ въ поэзіи тѣ чувства, которыми онъ былъ вдохновленъ, и тѣ мысли, ко-

торыя были ему навѣяны его странствованіями. И то были чувства юноши, живущаго въ девятнадцатомъ вѣкѣ, то были мысли философа и политическія сужденія англичанина. Какъ въ средніе вѣка, трубадуры, отзывавшіеся въ пѣсняхъ своихъ на потребности времени, создавали произведенія, вполнѣ понятныя для всѣхъ своихъ современниковъ, такъ и поэзія Байрона оказалась вполнѣ понятною для большинства европейскихъ образованныхъ читателей и вездѣ нашла себѣ подражателей. Такъ точно и струна, зазвучавшая отъ прикосновенія умѣлой руки, пробуждаетъ звуки и въ другихъ, дотолѣ безвучныхъ, но одинаково съ нею настроенныхъ струнахъ.

Первые поэтическіе опыты Байрона подверглись суровому осужденію; молодой поэтъ принялъ къ сердцу высказанныя по поводу ихъ неправды,— и съ той минуты талантъ его пробудился окончательно, и, какъ Зевсъ Гомера, сталъ метать громы. Сатира была первымъ истинно-поэтическимъ созданіемъ Байрона; къ ней вдохновили его временныя условія его жизни, обстоятельства мимолетныя,— однимъ словомъ, то была поэзія настоящаго въ полномъ смыслѣ слова. И въ этой поэзіи молодой талантъ выказалъ себя, въ отношеніи характеру и направленію, совершенно-отличнымъ отъ того таланта, которому мы обязаны созданіемъ «Гетца фонъ-Берлихингенъ».

Посмотримъ однако же, въ чемъ состоятъ эти мысли и чувства *нашего вѣка*, и каковъ, вообще, поэтическій характеръ эпохи? Прежде всего замѣтимъ, что, по отношенію къ частной жизни,

европеецъ, какъ человѣкъ, отличается сильными и бурными страстями, которыя, впрочемъ, проявляются различно и притомъ болѣе или менѣе сильно, сообразно различіямъ въ климатѣ, въ національности и въ законахъ, управляющихъ обществомъ. Сантиментальность въ любви преобладала въ прошломъ вѣкѣ въ литературѣ и въ обществѣ самоубійства и трагическія сцены безпрестанно повторялись въ Англіи и въ Италіи: тамъ причиною ихъ была тоска, а здѣсь—ревность. Кажется, что въ наше время страсть, не утративъ нимало своей силы, однако же встрѣчая все болѣе и болѣе препятствій къ выраженію своему какъ въ законахъ, такъ въ различныхъ житейскихъ разсчетахъ и приличіяхъ, стала воздерживаться отъ звѣрскихъ проявленій и, по крайней мѣрѣ на Сѣверѣ, приняла характеръ сумрачной, сдержанной тоски, совершенно-отличной и отъ набожной рѣшимости любовниковъ въ средніе вѣка, и отъ многорѣчивой сантиментальности, которую мы видимъ въ герояхъ французскихъ и нѣмецкихъ романовъ. Такою именно и проявляется любовь въ поэзіи Байрона. Переходя отъ частной жизни на болѣе обширную сцену жизни общественной, посмотримъ, что въ послѣднее время занимало всю Европу въ отношеніи политики? Повсемѣстная и продолжительная война, вѣками утвержденныя права и убѣжденія, низвергнутыя въ прахъ великимъ народомъ,— одинъ человѣкъ, собственною своею силою достигающій высшаго могущества и подчиняющій своему игу народы: — это зрѣлище не одному философу навѣяло грустныя мысли о человѣ-

чествѣ и томъ вліяніи, которое можетъ на него оказать смѣлый и мощный геній одного человѣка. Эти-то мысли и составляютъ главную идею всѣхъ эпическихъ произведеній Байрона. Многіе вслухъ повторяли, что нѣкоторыя черты Корсара были прямо заимствованы поэтомъ у Наполеона.

Гете, какъ человѣкъ, какъ европеецъ, въ одинаковой степени съ Байрономъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страстей, подчинялся и духу времени, изливалъ свои чувства, говорилъ точно такъ, какъ и всѣ его современники, однако же совсѣмъ не такъ, какъ говорилъ и выражалъ свои чувства Байронъ. Гете, повидимому, смотрѣлъ на страсти, какъ на вдохновляющій элементъ, который могъ оживить его произведенія искусства; страсти Байрона, напротивъ того, подобно року древнихъ, управляли всею его жизнью, физическою и нравственною. Для Гете страсти были не болѣе, какъ та чаша салернскаго вина, которою любилъ придать себѣ бодрости Горацій; а на музу Байрона онѣ дѣйствовали такимъ же одуряющимъ образомъ, какъ вѣщій дымъ треножника на Пиѳію. Гете въ запискахъ своихъ сохранилъ намъ любопытныя подробности о своемъ дѣтствѣ, указывающія не только на развитіе его таланта, но и на самое направленіе, въ которомъ онъ развивался. Еще будучи ребенкомъ, нѣмецкій поэтъ уже любилъ разсказывать своимъ сверстникамъ свои собственныя приключенія, но разукрашенныя его фантазіей, какъ въ отношеніи ко времени, такъ и къ мѣсту дѣйствія, въ которыхъ ему приходилось видѣть повѣствуемыя дѣла и чудеса, которыя ка-

зались непонятными юнымъ слушателямъ. Видимъ уже и тогда преобладаніе воображенія въ молодомъ поэтѣ и то, что онъ, выводя самого себя на сцену въ измышленныхъ имъ произведеніяхъ, уже смѣлъ придать и себѣ, и сценѣ дѣйствія характеръ вымышленный. То, что было въ ребенкѣ невинною ложью, что могло бы развиться въ человѣкѣ въ порокъ, въ произведеніяхъ генія проявилось въ видѣ поэтическаго вымысла. Когда впослѣдствіи, въ романахъ своихъ, Гете описывалъ свои собственныя дѣянія, то онъ поступалъ точно также — выводилъ себя подъ маскою другаго лица и той маскѣ придавалъ характеръ, каждый разъ болѣе вымышленный, болѣе отличный отъ своего собственнаго, пока наконецъ, забывъ о себѣ и своихъ страстяхъ, сталъ творить только идеальныя сцены. Онъ самъ сознается, что каждый разъ, какъ ему приходилось излить свою страсть въ поэзіи, онъ всегда чувствовалъ себя болѣе спокойнымъ, и едва-ли не вполнѣ исцѣленнымъ отъ своего увлеченія. Его героини, Аделаиды и Минны, заимствованы изъ міра дѣйствительности, но прикрашены поэтическимъ жаромъ. Гете не могъ бы въ нихъ узнать своихъ прежнихъ любовницъ и подругъ, ни къ какой изъ нихъ онъ не былъ привязанъ искренно, и потому именно умѣлъ съ одинаковою легкостью изображать различные характеры; повидимому, онъ находилъ даже извѣстнаго рода развлеченія въ томъ, что постоянно выводилъ на сцену новые и новые образы и придавалъ имъ искусственныя формы.

Байронъ сохранялъ до самой смерти свои чув-

ства или, по крайней мѣрѣ, живыя воспоминанія о тѣхъ женщинахъ, которыхъ онъ любилъ въ молодости; каждый разъ, когда онъ описывалъ любовь, она постоянно была у него передъ глазами и онъ не могъ удержать при этомъ порыва своихъ чувствъ. Первая женщина, которую онъ любилъ, передала характеръ свой всѣмъ героинямъ его поэзіи. Онъ не изображалъ другихъ характеровъ не потому, чтобы не могъ ихъ создать, а потому, что не желалъ занять ихъ изученіемъ. Самъ онъ говорилъ:

«Melius tui meminisse quam cum aliis versari».

Взывая къ этой первой любви въ своихъ первыхъ пѣсняхъ, онъ съ грустью говоритъ ей «прости» въ послѣднихъ пѣсняхъ «Донъ-Жуана».

«Te veniente, te decedente canebat».

Гете, можетъ быть, приказалъ бы изваять статуи своихъ героинь въ видѣ идеальныхъ красавицъ, которыя не должны были бы сохранить никакихъ чертъ и подробностей индивидуальныхъ, точь-въ-точь какъ Канова изображалъ живыхъ своихъ современницъ. Байронъ пожелалъ бы, вѣроятно, имѣть портретъ любимой имъ женщины менѣе красивымъ, нежели самый оригиналъ, но зато вѣрно передающимъ характерныя черты физіономіи, — такимъ, какъ Сенъ-При хотѣлъ имѣть портретъ Юліи.

О поэзіи романтической.

(1822 г.).

Давно установившимся и весьма спасительнымъ для художниковъ предостереженіемъ служитъ тотъ обычай, что всѣ выставляющіе свое художественное произведеніе на выставку — бываютъ обязаны спокойно и въ молчаніи ожидать суда опытныхъ знатоковъ, на основаніи котораго могли бы вывести заключеніе о достоинствѣ уже законченнаго произведенія, а для будущихъ произведеній — почерпать назиданіе и полезныя замѣчанія. Но если бы который-нибудь изъ художниковъ, наученный чужимъ опытомъ, могъ предвидѣть, что его произведеніе можетъ подвергнуться осужденію только за то, что онъ избралъ тотъ, а не другой предметъ для подражанія, что онъ придерживался той, а не другой школы, — тогда онъ долженъ былъ бы въ оправданіе свое высказать, почему именно онъ рѣшился пойти противъ общаго мнѣнія всей публики, которая на его произведенія смотритъ, ихъ слушаетъ или читаетъ. На этомъ основаніи, въ настоящую минуту, когда я выдаю въ свѣтъ нынѣшнее мое собраніе балладъ и народныхъ пѣсенъ, обыкновенно относимыхъ къ поэзіи романти-

ческой (на которой все еще тяготѣетъ проклятіе, изреченное противъ нея многими судьями поэзіи, теоретиками, и даже самими поэтами), я почувствовалъ потребность предпослать моему сборнику произведеній небольшое вступленіе, если не въ качествѣ художника, то, по крайней мѣрѣ, во имя тѣхъ художниковъ, которые посвятили труды свои тому же отдѣлу поэзіи. Думаю однако же, что удовлетворяю достаточно этой обязанности или этому требованію, когда, вмѣсто всякихъ возраженій на обвиненіе противной стороны, выставляю здѣсь самый предметъ спора въ его полной чистотѣ, когда, вмѣсто того, чтобы защищать поэзію романтическую, укажу на ея начало, обрисую ея характеръ, и тутъ же укажу на ея образцы, наиболѣе замѣчательные. Дабы, однакожь, показать съ полною ясностью, какъ произошелъ родъ поэзіи, называемый романтическимъ, какъ онъ усовершенствовался и какъ принялъ видъ особаго, вполнѣ законченнаго отдѣла, слѣдуетъ отыскать условія, вліявшія на образованіе этого рода, и отдѣлить ихъ отъ множества иныхъ условій, при помощи которыхъ создались остальные роды поэзіи. Слѣдуетъ доискаться, что именно въ этомъ родѣ произошло, какъ естественное слѣдствіе отъ извѣстной причины, и что привлечено было въ него случайно; не слѣдуетъ забывать, что вмѣстѣ съ перемѣною въ чувствахъ, въ характерѣ, въ мнѣніяхъ народныхъ, наступаетъ перемѣна и въ самой поэзіи, которая бываетъ наиболѣе яснымъ знаменьемъ вѣковаго совершенствованія людей. Этимъ путемъ наше намѣреніе — дать общій очеркъ поэзіи роман-

тической — невольно приводитъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ замѣчаніямъ относительно прочихъ поэтическихъ родовъ, — или, лучше сказать, вынуждаетъ насъ бросить общій взглядъ на исторію поэзіи вообще, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько того требуетъ избранный нами предметъ разсужденія, и насколько допускаетъ это объемъ настоящей статьи.

Не всѣ однако же народы могутъ въ данномъ случаѣ останавливать на себѣ наше вниманіе; изъ древнихъ, конечно, греки, прежде всего и болѣе всего заслуживаютъ нашего вниманія. Этотъ народъ, въ отношеніи къ произведеніямъ фантазіи, къ первоначальному появленію ихъ и дальнѣйшему развитію, долженъ имѣть, какъ народъ, сходство съ другими народами. Но если греки въ этомъ отношеніи и могутъ имѣть сходство съ другими народами, то лишь въ сущности самыхъ произведеній, которыя являются общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ; что же касается до той формы, въ которую эта сущность облекалась, и до значенія ея у грековъ, то въ этомъ отношеніи греки не могутъ быть поставлены наравнѣ съ другими народами и стоятъ гораздо выше ихъ.

Всѣ народы въ дѣтствѣ обладаютъ обильнымъ запасомъ разнообразныхъ басенъ. Удивительныя, но недоступныя слабому еще понятію явленія природы объясняются по этому чудесами; измышленныя для объсненія ихъ таинственныя силы, а именно духи въ образѣ человѣческомъ и звѣриномъ, а также чувства и страсти, олицетворенныя и часто выставленныя въ дѣйствіи, даже истинныя

событія, украшенныя вымысломъ,— вотъ изъ чего состоитъ сказочный міръ, можетъ быть, общій всѣмъ народамъ. Его создаетъ юное, огненное, но необразованное воображеніе; этому помогаетъ языкъ, обыкновенно вначалѣ грубый, чувственный, рисующій отвлеченныя представленія въ вещественной формѣ. Но этотъ сказочный міръ былъ у грековъ обширнѣе, богаче и разнообразнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, потому-что и воображеніе греческое было живѣе и плодовитѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и языкъ греческій гибкостью, богатствомъ и выразительностью превосходилъ другіе языки. Но этого недостаточно. Этотъ сказочный міръ вскорѣ сталъ предметомъ разнообразнымъ, неизслѣдованнымъ и весьма пригоднымъ для изящныхъ искусствъ, во всемъ высокомъ значеніи этого слова. Стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ имѣло своимъ слѣдствіемъ, что въ Греціи появилось одновременно болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь творческихъ талантовъ, которые, побуждаемые самой природой, свойственной ихъ странѣ, направляли чувство и воображеніе къ выискиванію всего изящнаго, образнаго и прекраснаго, какъ въ поэзіи, такъ и въ музыкѣ, въ танцахъ, живописи и другихъ искусствахъ. Кромѣ того греки, давно свободные, веселые, ведущіе общественную жизнь, проникнутые чистой народностью во всемъ ея могуществѣ, имѣющіе передъ собой многочисленные примѣры величайшихъ добродѣтелей, не могли не развиться нравственно въ высокой степени и потому развивали другой отдѣлъ способностей, имѣющихъ нравственный характеръ. Наконецъ, умы греческіе, воз-

вышенные, любознательные, выносливые, начали рано искать истины, безустанно упражнялись въ разсужденіи, идя разнообразнымъ и чаще всего оригинальнымъ путемъ; такимъ способомъ пробуждался духъ философскій, привыкали мыслить послѣдовательно и глубоко, иначе говоря, такимъ образомъ развивался, крѣпъ и устанавливался разсудокъ. Итакъ, когда всѣ умственныя способности были усовершенствованы въ строгой гармоніи, когда живое воображеніе было умѣрено утонченностью чувствъ и зрѣлостью разсудка, то оно могло въ произведеніи искусства создавать величіе при простотѣ, образность при разнообразіи, красоту при легкости. Одаренный такими свойствами, творческій талантъ греческаго художника обращался къ древнему сказочному міру и вскорѣ сумѣлъ пересоздать его за-ново. Онъ отбросилъ все грубое, чудовищное, рѣзкое, разчистилъ разнородныя и смѣшанныя представленія, связалъ ихъ и построилъ изъ нихъ стройное цѣлое. Эти же представленія, построенныя въ одно цѣлое, какъ бы отвлеченны или умственны они не были, были всегда выражены въ формѣ чувственной и вещественной, но въ вещественной формѣ такой законченной и совершенной, которая можетъ быть только представлена и понята умомъ или же, иначе говоря, идеально. Такимъ образомъ, изъ міра сказочнаго создался идеалъ міра вымышленнаго, или міръ миѳологическій. Его создалъ, какъ мы видѣли до сихъ поръ, талантъ художника, развившійся среди гармоническаго развитія всѣхъ умственныхъ силъ, уже по самой природѣ ихъ, необыкно-

венныхъ. Этотъ міръ имѣетъ цѣль и назначеніе. Мастера греческіе, выставляя въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ сюжеты, взятые изъ миѳологическаго міра, старались повліять на возвышеніе и усовершенствованіе во всемъ народѣ всѣхъ тѣхъ умственныхъ силъ и способностей, которыя или создавали упомянутый міръ, или же вліяли на его сотвореніе. Такъ какъ творческій талантъ греческаго художника былъ слѣдствіемъ равновѣсія между воображеніемъ, чувствомъ и разсудкомъ, то произведенія изящныхъ искусствъ у грековъ имѣли извѣстную умѣренную образность какъ въ построеніи такъ и во внѣшней обработкѣ, и это свойство изящныхъ искусствъ называется стилемъ греческимъ или классическимъ. Этотъ стиль господствовалъ въ вѣкъ Перикла и дожилъ еще до временъ Александра Великаго. Все что мы сказали вообще о талантѣ художника и характерѣ изящныхъ искусствъ у грековъ, очевидно относится и къ поэтическому таланту и къ поэзіи въ особенности; прибавимъ только, что поэтъ былъ всегда свободнѣе другихъ художниковъ въ своемъ искусствѣ и могъ вліять болѣе разнообразнымъ способомъ, да и къ тому же на бо́льшую массу народа. Въ самомъ дѣлѣ, поэты греческіе въ самую блестящую эпоху ихъ искусства всегда пѣли для толпы; пѣснопѣнія ихъ были складомъ чувствъ, мнѣній, воспоминаній народныхъ, украшенныхъ вымысломъ и привлекательной формой, и потому сильно дѣйствовали на поддержку, укрѣпленіе, вообще на образованіе народнаго характера. Впослѣдствіи, съ перемѣной обстоятельствъ, когда чув-

ства, характеръ и энергія народа начали ослабѣвать — съ теченіемъ ли времени, подъ вліяніемъ ли чужеземцевъ, или благодаря общественнымъ бѣдствіямъ, утратѣ значенія и отечественной независимости,— тогда и талантъ поэтическій переставалъ быть великимъ и поэзія теряла свой прежній характеръ и высокое назначеніе. Поэты разставались съ народомъ, ужь ничего не значущимъ въ политикѣ и презираемымъ, и переселялись во дворы самодержцевъ, гдѣ они слагали лесть или же слабо, безвкусно, скорѣе учено нежели поэтически подражали прежнимъ классическимъ образцамъ, какъ свидѣтельствуютъ примѣры изъ вѣка Птоломеевъ. Такимъ образомъ, поэзія изъ потребности народной превратилась въ забаву ученыхъ или праздношатающихся.

Послѣ грековъ, римляне являются другимъ славнымъ въ древности народомъ, котораго не слѣдуетъ обходить и въ исторіи поэзіи. Однако же намъ нечего долго останавливаться надъ этимъ народомъ въ этомъ отношеніи, потому что его первобытные обычаи и жизнь имѣли менѣе благопріятную для поэзіи форму и направленіе. Народы латинскіе, какъ по натурѣ дикіе и суровые, долгое время воинственные и хищническіе, если и имѣли народную поэзію, то она должна была оставаться въ грубой простотѣ, имѣя небольшое или никакого вліянія на цивилизацію этихъ народовъ. Не быстро, съ открытіемъ сношеній съ греками, поэзія греческая начала вліять на римское чувство; это было именно во время униженія народа и упроченія преобладанія аристократовъ, у кото-

рыхъ главнымъ условіемъ высшаго лоска стало тоже знакомство съ греческимъ языкомъ и литературой. Вскорѣ въ Римѣ появились многочисленные поэтическіе таланты, которые однако же только переводили или подражали греческимъ образцамъ, сохраняя цѣликомъ духъ и даже формы поэзіи греческой. Сами миѳологическія представленія были цѣликомъ перенесены или только перемѣшаны съ отечественными миѳами. Итакъ, читали поэзію по-латыни, но поэзію греческую, облеченную въ латинскія слова. Кромѣ того читалъ ее только одинъ классъ аристократовъ—слишкомъ крохотная частица народа. Такимъ образомъ, въ народѣ римскомъ не было собственно поэзіи народной, которая бы, вліяя на характеръ и культуру цѣлаго народа, могла выполнить свойственное ей назначеніе.

Итакъ, у римлянъ культура чужеземная, заимствованная у грековъ, прервала естественный ходъ культуры народной и поэзія греческая поставила преграду собственной поэзіи римской, которая можетъ быть еще развилась бы.

У поселившихся на развалинахъ римскаго государства и смѣшавшихся съ мѣстнымъ населеніемъ сѣверныхъ ордъ должно было когда-нибудь пробудиться, долгое время спавшее, воображеніе и создать совершенно новый родъ поэзіи. Эти орды, насколько это возможно, имѣли навѣрно своеобразныя чувства, мнѣнія, представленія миѳическія и преданія; но среди ихъ не являлись поэтическіе таланты, которые могли бы такъ блестяще, какъ нѣкогда у грековъ, воспользоваться сказочнымъ міромъ, по-

вліять на обычаи народовъ, очищать и укрѣплять народный характеръ. Развитію поэтическаго таланта въ этомъ родѣ мѣшали многочисленныя преграды. Дикая или кочующая жизнь сѣверныхъ народовъ, смѣшеніе однихъ съ другими, взаимное усвоиванье представленій, мнѣній, обычаевъ и выраженій языка, имѣли слѣдствіемъ, что миѳологія сѣверная, хотя и развившаяся въ роскошнѣйшую поэзію въ нѣкоторыхъ странахъ, однако никогда не устанавливалась, миѳическія представленія не сложились въ образное, прекрасное и гармоническое единство или систему міра миѳическаго; тамъ всегда пробивалась безформенность, чудовищность, недостатокъ порядка, связи и цѣльности. По той же самой причинѣ и языкъ этихъ народовъ долго былъ неотесаннымъ; могъ быть смѣлымъ въ выраженьяхъ, но былъ менѣе яснымъ и точнымъ. Но такъ какъ положеніе упомянутыхъ народовъ измѣнялось внезапно и быстро, всегда благопріятно для поэзіи, такъ что наконецъ онъ долженъ былъ немного установиться, то и поэзія, постоянно слѣдуя за перемѣнами, принимала все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Новыя чувства и представленія, свойственныя самимъ варварамъ, такъ называемый духъ рыцарскій и соединенное съ нимъ уваженіе и любовь къ прекрасному полу, чуждые Греціи и римлянамъ, строгое соблюденіе законовъ чести, религіозныя увлеченія, миѳическія преданія и представленія народовъ варварскихъ, прежнихъ язычниковъ и недавнихъ христіанъ, смѣшанныя вмѣстѣ,— вотъ что составляетъ въ среднихъ вѣкахъ міръ романтическій, поэзія котораго тоже называется

романтической. Поэзія эта имѣла свой опредѣленный характеръ, умѣряемый только мѣстнымъ вліяніемъ угрюмыхъ и страстныхъ норманновъ, веселыхъ миннезенгеровъ и чувствительныхъ трубадуровъ. Внѣшнее выраженіе или языкъ, который былъ сліяньемъ языковъ сѣверныхъ и римскаго, прозвали *романскимъ:* отсюда произошло, что позднѣйшія поколѣнія прозвали и эту поэзію и духъ времени романтическими.

Окончательное сліяніе племенъ германскихъ и скандинавскихъ съ древнимъ племенемъ римлянъ, столкновеніе представленій и чувствъ новаго міра съ представленіями и чувствами древнихъ, опять-таки должно было повліять на характеръ человѣчества, а отсюда и на характеръ поэзіи. Освоившись лучше съ классическими образцами грековъ и римлянъ, ученые поэты не могли быть къ нимъ равнодушны и, пользуясь ими разнообразнымъ способомъ, создали различныя школы, различные роды поэзіи. Одни, бравши сюжеты изъ древней исторіи, хотѣли обрабатывать ихъ во всемъ, что касается сущности и формы, вполнѣ греческимъ способомъ, (Триссино), а недостаточно еще освоившіеся съ классической литературой и недостаточно проникнутые духомъ древности, умѣли только подражать построенію, подраздѣленіямъ или внѣшнимъ формамъ древнихъ; другіе, соображаясь съ настроеніемъ того вѣка, въ которомъ они жили, предпочитали брать сюжеты изъ міра романтическаго, придавать имъ соотвѣтствующую форму, стараясь однако же обрабатывать отдѣльныя части, да и къ тому же и языкъ, согласно древнимъ образцамъ

(Аріосто); третьи же, наконецъ, пошли какъ бы средней дорогой, подтягивая строго предметъ и содержаніе или матеріалъ, въ сущности романтическій, подъ классическія формы, въ особенности въ томъ, что касается размѣра въ построеніи и украшеній въ внѣшней обработкѣ (Тассо).

Среди такого разнообразія, каждый изъ поэтовъ, оцѣнивая ихъ по отношенію къ искусству, настолько достигъ своей цѣли, насколько ему дозволяли талантъ и необходимое настроеніе. Но если мы обратимъ вниманіе на народъ, для котораго они писали, то очевидно окажется, что тѣ произведенія, въ которыхъ старались сохранить греческій духъ и форму, не могли придтись всѣмъ по вкусу при мало распространенномъ знаніи древней литературы; что поэты, воспѣвающіе измышленія народныя въ привлекательной формѣ, были наиболѣе любимыми и пролагали путь для тѣхъ, которые вносили въ романтическую поэзіи все большій порядокъ, гармонію и красу.

Перечисленные нами роды поэзіи, какъ появившіеся при новомъ порядкѣ вещей въ тогдашней Европѣ, должны были быть новые и совершенно непохожіе на древніе. Прежде всего они развились у итальянцевъ, гдѣ рядомъ съ поэзіей народной рано процвѣтали и науки классическія.

Въ сосѣдней съ Италіей Франціи уже въ то время исчезла народная романтическая поэзія. Провансальскіе трубадуры переселились ко дворамъ государей и недолго удержали тамъ значеніе, пріобрѣтенное ими среди народа. Во Франціи, князья и аристократы, быстро усвоивая лоскъ общественной жизни, находили мало привлекательнаго въ пѣс-

няхъ сельскихъ и простонародныхъ, мало подходящихъ къ придворному тону. Вскорѣ, послѣ упроченія королевской власти и ослабленія феодальной системы, весь интересъ народный перенесся на королевскіе дворы. Тамъ все должно было сообразоваться съ этикетомъ, нѣсколько смягченнымъ французской легкостью; частные кружки усвоили тонъ двора, чертой котораго было соблюденіе формъ этикета, скрытность почти дипломатическая, вѣжливость, правда привлекательная, но церемоніальная и строго разсчитанная по положенію и личностямъ. Рядомъ съ общественнымъ лоскомъ, съ успѣхомъ наукъ возрастало и просвѣщеніе. Увлеченіе древностью, оживляющее Италію, сообщилось при частыхъ сношеніяхъ и французамъ. Все болѣе и болѣе занимало ученыхъ, а за ними и весь болѣе просвѣщенный классъ, все то, что было греческимъ и римскимъ; не то чтобы они углублялись въ исторію этихъ народовъ и извлекали изъ нея важныя въ политикѣ и нравственности истины — но старались подражать грекамъ и римлянамъ; подражанье же, по понятію тогдашнихъ французовъ, состояло въ усвоеніи внѣшности и тона древнихъ.

При такомъ порядкѣ вещей тотъ, кто хотѣлъ нравиться Франціи, т. е. Парижу, долженъ былъ остроту своего личнаго характера сообразовать съ парижской модой; чтобы не показаться педантомъ и чудакомъ, долженъ былъ держать свой талантъ на уздѣ, умѣрять воображеніе и чувство, такъ какъ всякій порывъ, всякое бурное увлеченіе оскорбляло придворное приличіе, ищущее скорѣе остроумія и разсудка; наконецъ, онъ долженъ былъ въ произ-

веденіяхъ искусства, согласно модѣ и обычаю, подражать грекамъ и римлянамъ, настолько по крайней мѣрѣ, насколько придворные Генриховъ и Людовика подражали Катонамъ и Фламиніямъ.

Итакъ, поэты, слѣдуя стремленью вѣка, обратили вниманіе не столько на природу и характеръ людей, сколько скорѣе на характеръ парижскихъ обществъ; осмѣивали мѣтко и ловко уклоненія отъ приличія, обычая и моды, вводя господствующій въ аристократическомъ мірѣ этикетъ въ міръ воображенія, подводили все подъ правила, разсудительно составленныя и красиво выраженныя; наконецъ, забавляли зрѣлищами дворъ и Парижъ. Такимъ образомъ, появились и образовались сатиры, а также и родъ дидактическій. А настолько же насколько тогдашняя культура французская, носящая на себѣ отпечатокъ лоска при возвышеніи и выработкѣ высшихъ способностей разсудка и остроумія, совершенно разнилась отъ культуры греческой и средневѣковой, настолько и французскій міръ поэтическій, созданный стеченіемъ другихъ обстоятельствъ, дѣятельностью умовъ, иначе воспитанныхъ, явился въ совершенно новой формѣ, безконечно отличающейся отъ міра миѳологическаго и романтическаго. Въ первомъ мы видѣли сосредоточенную гармонію и какъ бы равновѣсіе между чувствомъ, воображеньемъ и разсудкомъ, во второмъ преобладали низшія способности, а послѣдній, т. е. французскій, который можно бы назвать міромъ общежительныхъ сношеній, міромъ приличій или условнымъ, находился подъ управленіемъ разсудка, остроумія и формальности.

Итакъ, тамъ не могли появиться никакіе смѣлые и возносящіеся за предѣлы дѣйствительности вымыслы, не могли себѣ найти мѣста всѣ преданія, имѣющія слишкомъ сказочный характеръ. Тамъ скорѣе искали сюжетовъ историческихъ, а взявъ ихъ изъ древности или изъ среднихъ вѣковъ, ихъ всегда подгоняли подъ французскій масштабъ. Когда таланты художниковъ упражнялись въ такой сферѣ, развитіе ихъ, по отношенію къ силѣ и направленію, шло новымъ, совершенно своеобразнымъ путемъ. Въ поэзіи, на которую мы тутъ обращаемъ главное вниманіе, воображеніе французское, повидимому, не отваживалось ни на одинъ самостоятельный шагъ и только спѣшило услуживать другимъ умственнымъ способностямъ. Призванное разумомъ, оно насколько возможно украшало дидактическія правила и историческіе факты; въ родѣ описательномъ оно держалось пути, проложеннаго систематическимъ разсужденіемъ, и постоянно вращаясь близъ земли, рисовало навязанные ему предметы съ натуры, или же, выражаясь точнѣе, снимало съ этихъ предметовъ портреты, законченные правда по отношенію къ колориту, но по отношенію къ построенію слишкомъ архитектоническіе, слишкомъ похожіе на свои образцы и поэтому мертвенные; если же иногда оно возносилось выше, оно искало только въ странѣ вымысла матеріаловъ, изъ которыхъ остроуміе создавало холодныя построенія или эмблемы аллегорическія, все болѣе и болѣе приходящіяся по вкусу публикѣ. Одинаково скована была и другая способность, т. е. чувство. Въ вопросахъ, касающихся нравственности и гражданства, уста

поэтовъ французскихъ повторяли только все то, что дѣйствительно чувствовали сердца поэтовъ греческихъ, какъ риторы александрійскіе повторяли Перикла и Демосѳена тамъ, гдѣ дѣло шло о выраженіи самыхъ утонченныхъ чувствъ сердца. Отъ писателей вѣка Людовика XIV всегда вѣетъ духомъ романтической сантиментальности,—но слишкомъ изощренной, слишкомъ искусственной; въ обоихъ же случаяхъ къ страстному тону примѣшиваются разсужденія и остроты въ положеніяхъ и антитезахъ. Созданныя такимъ образомъ произведенія искусства, по сущности своей французскія, имѣли форму греческую, однако же заимствованную не у художниковъ, а у теоретиковъ древнихъ, и часто измѣненную.

Корнель, въ своей борьбѣ съ Скюдери и въ распряхъ, возникшихъ по этому поводу, никогда не цитируетъ Софокла и Еврипида, но поэтика такъ часто выступаетъ на сцену, что раздосадованный Вольтеръ восклицаетъ въ комментаріяхъ: «ахъ! какъ вы мнѣ докучаете своимъ Аристотелемъ!

Въ трагедіи, напримѣръ, основывающейся у грековъ на могущественномъ представленіи характеровъ, лирической патетичности и классической обработкѣ, въ драматикѣ французской зависитъ отъ извѣстнаго построенія и запутанности дѣйствія. И такъ простой греческій строй замѣнила, такъ называемая, драматическая интрига. Наконецъ, по отношенію къ внѣшнему украшенію, т. е стилю, если мы постановимъ рядомъ роды классическій, романтическій и французскій, а матерію, содержаніе и строй будемъ признавать за тѣло и духъ

поэзіи,—то стиль можно приравнить къ одеждѣ, и опять окажется различіе, соотвѣтствующее характеру вѣковъ и народовъ.

Греческая одежда, величественная, а вмѣстѣ легкая и воздушная, сгибается и складывается разнообразно съ малѣйшимъ движеніемъ тѣла: поэтому-то и въ искусствахъ образныхъ такой важной частью произведенія является драпировка греческая, усвоенная всѣми художниками, придающая статуямъ или картинамъ столько выразительности и прелести. Рѣчь грековъ, обладающая тѣми же качествами, составляетъ важную часть ихъ поэзіи, или такъ называемый стиль классическій, разсматриваемый даже независимо отъ самого предмета. Средніе вѣка, не такъ изящные, все-таки поражали своимъ характеристическимъ костюмомъ. Большіе плащи шотландскихъ горцевъ, стальная одежда рыцарей, фальшивыя перья и цвѣта со знакомъ креста или же лента отличаютъ героя крестовыхъ походовъ. Въ стилѣ поэтическомъ романтическомъ точно также господствуетъ смѣлость въ построеніяхъ менѣе гибкихъ, рядомъ съ простотой — какой-то закалъ и мощь; въ выраженіяхъ — блескъ и часто кудреватость. Наконецъ, французскій костюмъ слишкомъ простъ и однообразенъ, служитъ одинаково героямъ, сановникамъ и танцорамъ и не знаетъ другихъ различій, кромѣ мелкихъ украшеній. Наиболѣе соотвѣтствующій общественнымъ требованіямъ и потому повсемѣстно принятый, онъ однако же оказался невыгоднымъ для художниковъ. Драматическіе актеры и ораторы въ костюмѣ французскомъ должны очень

умѣрять свои движенія и внѣшнія дѣйствія, такъ какъ каждый порывистый жестъ, не смягченный драпировкой, покажется слишкомъ угловатымъ и рѣзкимъ. Скульпторъ и живописецъ не смѣютъ облечь статуи или картины въ французскій костюмъ, потому-что подъ этимъ костюмомъ должны скрыться и исчезнуть вся красота сложенія и размѣровъ тѣла. Таковы же качества и недостатки рѣчи французской; ею можно выразить всякую мысль и чувство, если оно только не слишкомъ смѣло и порывисто, такъ какъ по недостатку измѣненій въ складѣ и выраженіяхъ все необыкновенное слишкомъ поражаетъ, правильная и ясная въ изложеніи точныхъ наукъ, легкая и удобная для обыкновеннаго разговора и потому повсемѣстно распространенная, она опять таки ради излишней правильности слишкомъ раболѣпна и всегда однообразна, если ею объясняется разумъ или сердце.

Наконецъ, то различіе, которое мы видѣли между мірами миѳологическимъ, средневѣковымъ и условнымъ, встрѣтимъ мы и между поэзіей французской классической и романтической. Пѣснопѣнія грековъ оживлялъ духъ общественный, романтиковъ — рыцарскій, поэтовъ Людовика XIV — придворный. Первые обращались ко всему просвѣщенному народу, вторые къ воинамъ и къ толпѣ, послѣдніе имѣли цѣлью только забаву болѣе просвѣщеннаго класса. Греки выработали поэтическую рѣчь до высшей степени совершенства, поэты романтическіе языкъ неотесанный скрасили смѣлымъ воображеніемъ и жалкимъ чувствомъ, поэзія же французская, истощенная внѣшними прикрасами, не имѣла собственнаго стиля, была всегда прозаичной.

Въ исторіи поэзіи европейской долженъ теперь по очереди выступить народъ Великобританіи, по характеру своему сильно отличающійся отъ другихъ, отрѣзанный моремъ и потому менѣе подверженный чужеземнымъ впечатлѣніямъ. Живое воображеніе и чувство воинственныхъ шотландцевъ и саксовъ не могло не заинтересоваться сильно поэзіей. Миѳологія этого народа была болѣе нежели гдѣ-нибудь выработана друидами и бардами. Хотя введеніе христіанскаго ученія уничтожило религіозныя преданія того народа, все-таки съ религіей, распространенной въ странѣ греческой и римской и перенесенной въ Англію прививкой, не перешла такъ легко поэзія грековъ и римлянъ. Въ Англіи, при ея феодальномъ устройствѣ, старинные обычаи и старинное уваженіе къ поэтамъ народнымъ сохранились дольше и чище, нежели гдѣ-нибудь. Народъ, участвовавшій уже въ политической жизни и въ воинскихъ походахъ, почти постоянныхъ, любилъ рыцарскія пѣсни, оживленныя чувствомъ народнымъ и приспособленныя къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Могучіе герцоги и властные феодалы находили въ поэзіи бардовъ исторію своихъ предковъ. Поэтому-то въ Англіи дольше нежели у другихъ народовъ вырабатывалась поэзія народная, а Шотландія сохранила ее до послѣднихъ временъ. При такомъ состояніи и настроеніи народа Великобританіи, поэты тогдашніе, соображаясь съ мнѣніемъ и потребностью общества, повторяли и вырабатывали народныя пѣсни. Такимъ способомъ создалась школа Чоусера и тѣмъ же духомъ вѣетъ также отъ произведеній драматическихъ, по-

вліявшихъ впослѣдствіи на характеръ народный. Великій Шекспиръ, справедливо прозванный дитятей чувства и воображенія, воспитанный единственно на народныхъ образцахъ, оставилъ въ своихъ произведеніяхъ яркій слѣдъ индивидуальнаго генія и настроенія вѣка: глубокій знатокъ сердца человѣческаго, онъ рисовалъ въ смѣлыхъ, правдивыхъ чертахъ натуру человѣка въ новосозданномъ родѣ поэзіи драматической, главнымъ свойствомъ котораго является борьба страсти съ разсудкомъ, одно изъ представленій міра романтическаго. Менѣе счастливымъ былъ Шекспиръ въ обработкѣ сюжетовъ изъ римской и греческой исторіи, потому-что при мало распространенномъ тогда знаніи языковъ и литературы, невозможно было въ совершенствѣ передать характеръ и духъ двухъ древнихъ народовъ. Шекспиръ, зная человѣка, не зналъ ни грека, ни римлянина, ни англичанина. Между тѣмъ въ Англіи являлся общественный лоскъ. Во дворъ Сенъ-Джемскій былъ перенесенъ Версальскій этикетъ, а за нимъ и французскій вкусъ. Итакъ, школа Чоусера и Шекспира должна была отступить передъ разсуждающимъ Попе, приглаженнымъ Адиссономъ и остроумнымъ Свифтомъ. Послѣдователи этихъ знаменитыхъ писателей, все худшіе, вызвали паденіе англійской поэзіи, отъ котораго она едва оправилась въ нынѣшнемъ столѣтіи съ появленіемъ двухъ геніевъ: Вальтеръ-Скотта и Байрона. Первый посвятилъ своей талантъ исторіи народной, печатая народныя повѣсти міра романтическаго, классически выработанныя, повторилъ поэмы народныя и сдѣлался для англичанъ

Аріостомъ. Байронъ, оживляя образы чувствомъ, создалъ новый родъ поэзіи, гдѣ страстный духъ пробивается въ чувственныхъ чертахъ воображенія. Байронъ въ повѣствовательномъ и описательномъ родѣ есть то же, что Шекспиръ въ родѣ драматическомъ.

Повидимому тѣ разнообразныя свойства поэзіи, которыя мы прослѣдили, всѣ развились въ школѣ нѣмецкой, какъ позднѣйшей. Съ половины прошедшаго столѣтія великіе геніи начали одновременно блистать въ Германіи. Передъ ними открылось обширное поле; невыразимо быстрый успѣхъ наукъ и всей культуры въ нѣмецкихъ странахъ, особенно сѣверныхъ, сильно облегчилъ имъ трудъ. Благодаря распространенію основательнаго знакомства съ языками, какъ древними такъ и новѣйшими, можно было пользоваться одинаково образцами греческими, итальянскими, французскими и англійскими. Итакъ, неудивительно, что нѣмецкіе поэты заимствуютъ сюжеты то изъ міра классическаго, то изъ міра романтическаго, часто бравши отъ однихъ духъ и сущность, отъ другихъ формы и выраженіе и, умѣряя все это, согласно своему личному настроенію, явились разнообразными и не похожими другъ на друга въ своихъ произведеніяхъ. Однако нѣмецкая школа имѣетъ извѣстный, опредѣленный характеръ, болѣе или менѣе яркій у различныхъ поэтовъ. Нѣмцы, особенно со временъ реформаціи, будучи склонны къ увлеченіямъ и сентиментальности, размышляя надъ улучшеніемъ нравственнаго быта людей и обществъ, философствуя благодаря большей умственной глубинѣ, на-

учились придавать чувствамъ и представленіямъ все болѣе и болѣе отвлеченную общую форму. Кромѣ того, духъ, оживляющій нѣмцевъ, космополитическій, не столько сосредоточенный на странѣ или народѣ, но скорѣе занимающійся всѣмъ человѣчествомъ; въ обрисовкѣ же нѣжнѣйшихъ чувствъ сердца, сентиментальность рыцарская возвысилась почти до чистоты идеальной. Итакъ, поэтическій міръ нѣмцевъ можно назвать идеальнымъ умственнымъ міромъ, разнящимся отъ міра миѳологическаго; характеръ его всего ярче отражается въ произведеніяхъ великаго Шиллера.

Изъ этой исторіи поэзіи, хотя мы прослѣдили ее очень кратко, и въ общихъ чертахъ можно видѣть, что родъ романтическій вовсе не является новымъ вымысломъ, которымъ нѣкоторые желаютъ его признавать, но произошелъ равно какъ и другіе роды изъ особеннаго настроенія народовъ, что произведеній собственно романтическихъ во всемъ значеніи этого выраженія слѣдуетъ искать у средневѣковыхъ поэтовъ, а всѣ позднѣйшія произведенія, названныя романтическими по сущности или складу, формѣ или стилю, принадлежатъ часто къ другимъ и весьма различнымъ родамъ поэзіи. Если, не обращая вниманія на такое разнообразіе, мы установимъ общее подраздѣленіе, то оно окажется абсолютнымъ и непригоднымъ. Нѣкоторые писатели во всей литературѣ поэтической видятъ только классицизмъ и романтизмъ и признаютъ произведенія всѣхъ поэтовъ отъ Орфея до Байрона классическими или романтическими, распредѣляя ихъ одесную и ошую. Тогда съ одной стороны «Иліада» ста-

нетъ рядомъ съ «Генріадой», гимны въ честь героевъ олимпійскихъ рядомъ съ одами французовъ къ потомству, къ времени и т. п.; а съ другой—книга героевъ и «Нибелунги» столкнутся съ «Божественной комедіей» Данта и пѣснями Шиллера. Наконецъ, трудно угадать куда было бы отнесено на этомъ страшномъ судѣ множество такихъ произведеній, какъ напр. «Мессіада», сонеты Петрарка, «Освобожденный Іерусалимъ», «Германъ и Доротея» Гете и вся французская поэзія. Такую-то пользу приносятъ для поэтики подраздѣленія общія и неопредѣленныя, однако можно ввести путаницу и въ частностяхъ, если, классифицируя поэтовъ, критикъ, какъ Несторъ Гомера, раздѣлитъ толпы на народы *), всѣхъ писателей одного племени, напр., нѣмцевъ, обзоветъ романтиками, Лессинга какъ и Шиллера, Виланда и Гете, Хагедорна и Бюргера—Tros Italusve fuat, или же одному писателю велитъ быть непремѣнно романтикомъ, напр. Гете, хота его «Ифигенія въ Тавридѣ», по суду знатоковъ, изо всѣхъ новѣйшихъ произведеній болѣе всѣхъ приближается къ классическому роду грековъ, хотя его «Тассо» соединяетъ романтическій духъ съ классическимъ стилемъ, хотя тотъ же Гете почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ является всякій разъ новымъ и безконечно разнообразнымъ. Вся непригодность подраздѣленій и внезапныхъ выводовъ происходитъ оттого, что пишущіе о поэзіи, подхвативши у нѣмецкихъ теоретиковъ выраженія классицизмъ и романтизмъ, подшиваютъ подъ нихъ свои собствен-

*) «Дѣли толпы на народы» (Иліада).

ныя представленія; итакъ, высказываемыя ими мнѣнія не будутъ понятными до тѣхъ поръ, пока упомянутые писатели не начнутъ употреблять выраженій техническихъ въ общепринятомъ смыслѣ или же не выяснятъ того смысла, который они имъ придаютъ. Вѣдь если мы возьмемъ классицизмъ и романтизмъ въ значеніи Шлегеля, Бутервека, Эбергарда, которые первые ввели эти выраженія въ теорію и опредѣлили ихъ, если характеромъ романтической поэзіи мы признаемъ пробивающіяся въ ней черты духа времени, образа мышленія и чувства народовъ въ средніе вѣка, въ такомъ случаѣ возстать противъ романтизма значитъ возстать не противъ поэтовъ, а объявить войну ученую народамъ рыцарскимъ, обычаи которыхъ воспѣвали поэты. Кромѣ того, въ теперешнемъ состояніи Европы сохранилось много мнѣній, отражается много чувствъ временъ рыцарскихъ, потому и во многихъ новѣйшихъ произведеніяхъ можно встрѣтить болѣе или менѣе чертъ романтизма. Желая вполнѣ уничтожить въ поэзіи эти черты, нужно сначала измѣнить характеръ народовъ, что не во власти теоретиковъ, или же доказать, что сюжеты изъ представленій и чувствъ міра романтическаго нельзя удачно обработывать поэтическимъ способомъ, что опровергается примѣрами столькихъ романтическихъ художниковъ *) Если же мы отбросимъ опре-

*) Не только въ поэзіи, но и въ другихъ искусствахъ, критика отличаетъ родъ романтическій. Напр., въ живописи итальянской школы Мадонна и изображенія ангеловъ взяты изъ міра романтическаго и возвышены до идеала.

дѣленія нѣмецкихъ теоретиковъ и свяжемъ съ романтизмомъ другое представленіе; если, напр., мы будемъ основывать сущность его на низверженіи правилъ и введеніи чертей, тогда упреки противниковъ такого романтизма будутъ справедливы и неопровержимы.

Для избѣжанія подобныхъ двусмысленныхъ мнѣній, было бы лучше при похвалахъ или порицаніи какого-нибудь рода поименовать писателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ произведенія, а также ихъ достоинства и недостатки. Вѣдь критической оцѣнкѣ недостаточно опираться на одной критикѣ правилъ. Критикъ, желающій по отрывку изъ поэтики Аристотеля произносить судъ надъ Гомеромъ, Аріостомъ, Клопштокомъ, Шекспиромъ будетъ похожъ на судью, который бы на основаніи законовъ Солона или XII таблицъ, рѣшалъ дѣло грека, итальянца, нѣмца и англичанина. Мы вовсе не хотимъ сказать, что критика изящныхъ искусствъ не имѣетъ извѣстныхъ и прочныхъ основъ: но точно такъ же какъ въ мірѣ нравственномъ есть законы, прирожденные совѣсти каждаго честнаго человѣка во всякое время и въ каждомъ народѣ, другіе законы, изданные законодателями, соотвѣтственно обстоятельствамъ, могутъ измѣняться съ духомъ времени и обычаями, такъ и въ мірѣ воображенія есть существенныя и прирожденныя искусству правила, которыя поэтическій инстинктъ умѣетъ и долженъ сохранить въ образцовыхъ произведеніяхъ какого бы ни было рода, тогда какъ дальнѣйшія критическія предписанія, извлеченныя изъ размышленій надъ произведеніями или долженствующія

еще быть извлеченными, должны измѣняться и умѣряться съ измѣненіемъ умственнаго настроенія, а слѣдовательно и съ измѣненіемъ характера произведеній искусства. Если эстетическая критика имѣетъ все это въ виду, постоянно разсматривая произведенія въ связи съ временемъ и людьми, то она избѣгнетъ пристрастнаго упорства въ выискиваніи и указаніи недостатковъ одного рода искусства; для критиковъ же, разсматривающихъ искусство не только эстетически, но также исторически, философски и нравственно, всѣ роды будутъ равно достойны вниманія, всѣ суть произведенія людей и изо всѣхъ мы вычитываемъ черты разнообразно развившагося ума людскаго, а всего ярче изъ тѣхъ, которые единственно имѣютъ своей цѣлью человѣка, рисуютъ его обычаи и чувства. Итакъ, важнымъ и крайне занимательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ окажется какъ весь родъ романтическій, такъ и его отрасль: поэзія простонародная. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о ней, потому что болѣе обширныя свѣдѣнія о поэзіи простонародной, а именно о поэзіи народной, мы оставляемъ до другаго раза.

Мы уже упоминали выше, что въ вѣкахъ среднихъ между народомъ вращались повѣсти и пѣсни. Характеръ ихъ долженъ былъ быть болѣе или менѣе однообразнымъ, свойственнымъ цѣлому роду, сюжеты взяты изъ исторіи рыцарской, украшены вымыслами чувства къ прекрасному полу, высказанныя въ чувствительныхъ выраженіяхъ или веселыхъ шуткахъ, рѣчь естественная и простая, приспособленная къ пѣнію строфами. Подъ этимъ общимъ понятіемъ заключалось множество отдѣль-

ныхъ отраслей различнаго названія: пѣсенки, саги, lais vire lais, sirvantes и т. п.; многочисленнѣе и распространеннѣе всѣхъ были баллады и романсы. Вѣроятно прежде всего у итальянцевъ явилось названіе баллады (canzone o ballo), даваемое всѣмъ безъ различія пѣсенкамъ обыденно-веселымъ, что означаетъ само выраженіе ballare (танцовать). У испанцевъ, гдѣ поэзія простонародная сильно процвѣтала, знали ее только подъ названіемъ романсовъ (romances). Правда, французы отличали баллады отъ другихъ родовъ, но не столько по сущности и характеру, сколько по строенію строфъ и стиха. Поэтому-то многія изъ пѣсенокъ Маро, которыя слѣдовало бы причислить къ мадригаламъ и романсамъ, назвали балладами; поэтому Буало говоритъ, что часто остроумный отрывокъ или же особенный ритмъ составляютъ всю прелесть этого рода поэзіи. Совершенно другой характеръ, ясный и опредѣленный имѣетъ баллада британская: это повѣсть, взятая изъ приключеній обыденной жизни или же изъ рыцарскихъ лѣтописей, обыкновенно оживленная чудесами изъ романтическаго міра, воспѣваемая меланхолическимъ тономъ, величественная по стилю, въ выраженіяхъ — простая и естественная. Съ горъ шотландскихъ и ирландскихъ барды и менестрели перенесли этотъ родъ на равнины Англіи, а поэты народные любили собирать баллады простолюдиновъ, исправлять ихъ или создавать подобныя же баллады по ихъ образцу. Литература англійская насчитываетъ болѣе двухъ сотъ собраній такого рода. Однако, современемъ, когда духъ лондонской поэзіи началъ измѣняться

и развиваться другимъ способомъ, появились баллады совершенно не похожія на простонародныя, веселыя и остроумныя (Коулея, Прайора) и часто пародирующія старинныя (Свифта). Однако этотъ вкусъ царилъ не долго; сначала Роу, впослѣдствіи Гей, Давидъ Меллетъ, въ особенности же Перси и Вальтеръ Скоттъ возвратили блескъ прежнему роду величественныхъ балладъ шотландскихъ. Такова же исторія баллады нѣмцевъ, гдѣ этотъ родъ поэзіи, насчитывающій много поэтовъ, не былъ, однако же, такъ распространеннымъ какъ въ Англіи и подвергался различнымъ перемѣнамъ характера и стиля. Только во второй половинѣ прошедшаго столѣтія (1773 г.) Бюргеръ своей славной «Леонорой» и многими другими образцами вызвалъ многихъ подражателей. Съ той поры нѣмецкая литература послѣ англійской наиболѣе богата балладами. Въ этомъ родѣ блестятъ отнынѣ славныя имена Штольберговъ, Козегартена, Гельте, Гете и Шиллера. Послѣдній, однако же, по мнѣнію Бутервека, нѣсколько удалился особенно въ стилѣ отъ естественностей и простоты, свойственной балладамъ шотландскимъ.

Подходящіе къ балладамъ романсы (romance, romansa), особенно распространенные во Франціи и въ Испаніи, однако же отличаются отъ баллады тѣмъ, что они посвящены чувствительности, поэтому на нихъ менѣе вліяютъ чудесные вымыслы, и форма ихъ обыкновенно драматическая, стиль же долженъ отличаться наибольшей наивностью и простотой.

О критикахъ и рецензентахъ Варшавскихъ. *)

Крикнули: Не позволяю! Ударали въ Прагу.
Возвращеніе посла.

Стихотворенія, заключающіяся въ нынѣшнемъ изданіи, почти всѣ уже ранѣе знакомые публикѣ, при первомъ ихъ обнародованіи обратили вниманіе рецензентовъ и стали предметомъ многочисленныхъ порицаній и похвалъ. Я читалъ съ одинаковымъ чувствомъ и тѣ и другія и молчалъ. Причины моего молчанія легко отгадаетъ каждый, кто знаетъ теперешнее состояніе критики въ Польшѣ и имѣетъ понятіе о людяхъ, вылѣзающихъ въ должность критиковъ. Однакоже, повторяя изданіе произведеній, столько разъ и столькими перьями разобранныхъ, и выпуская эти произведенія въ свѣтъ почти безъ всякихъ перемѣнъ, въ состояніи ихъ родимой несостоятельности, я боюсь чтобы мои читатели не подумали,

---

*) Настоящая статья была предисловіемъ къ петербургскому изданію стихотвореній 1829 года.

что я изъ зачерствѣлости сердца, свойственной критикованнымъ авторамъ, болѣзни, упрямо рѣшился не пользоваться замѣчаніями, что еще ужаснѣе, замѣчаніями, напечатанными въ газетахъ, да еще вдобавокъ въ Варшавѣ. Если я и согрѣшилъ, то не хочу оправдываться передъ рецензентами невѣдѣньемъ, да и къ тому же я обязанъ изъ вѣжливости объяснить имъ причины моего упрямаго коснѣнія въ заблужденіяхъ, потому что рецензенты, каково бы не было ихъ мнѣніе, почти всегда принадлежатъ къ классу людей, читающихъ книжки по крайней мѣрѣ польскія, а этотъ классъ немногочисленный въ нашей странѣ имѣетъ неоспоримое право на особую авторскую вѣжливость.

Первый, на сколько мнѣ извѣстно, разборъ моихъ стихотвореній былъ шесть лѣтъ тому назадъ помѣщенъ въ «Астреи», періодическомъ изданіи варшавскомъ. Редакторъ Францискъ Гжимала выразилъ лестное для поэта мнѣніе: признаетъ за нимъ талантъ, не скупится на отмѣнныя предостереженія о необходимости трудиться, остерегаться самолюбія, о послушаніи по отношенію къ критикѣ и т. п. Что же касается до достоинства и недостатковъ произведенія по отношенію къ искусству, Францискъ Гжимала, по призванію публицистъ и статистикъ, не отваживается вступить въ литературныя разсужденія и, не зная самъ, должны ли мои стихотворенія нравиться ему или нѣтъ, допрашиваетъ объ этомъ ученыхъ варшавскихъ, ожидая отъ нихъ серьезной должностной рецензіи. Впослѣдствіи появились краткія объясненія или замѣтки въ другихъ изданіяхъ, пока наконецъ не

явился ожидаемый Францискомъ Гжималой критикъ въ лицѣ Франциска Салезія Дмоховскаго.

Редакторъ «Библіотеки Польской» одинаково признаетъ за авторомъ талантъ и съ одинаковой щедростью надѣляетъ его общими совѣтами нравственно-литературными. Къ несчастью, художнику трудно воспользоваться общими замѣчаніями. Напр., живописцу, выставляющему свою картину на судъ критики, немного услужатъ гости, хотя они постоянно будутъ повторять, съ видомъ знатоковъ, что слѣдуетъ работать, учиться рисунку, усовершенствовать колоритъ и т. п. Однакоже были и частные упреки: меня обвиняли преимущественно въ порчѣ польскаго стиля введеніемъ провинціонализмовъ и выраженій иностранныхъ. Признаюсь, что не только не остерегаюсь провинціонализмовъ, но, можетъ быть, умышленно ихъ употребляю. Я просилъ бы обратить вниманіе на различные роды поэзіи въ моихъ произведеніяхъ и судить о каждомъ изъ нихъ согласно различнымъ правиламъ.

Въ балладахъ, пѣсняхъ и вообще во всѣхъ стихотвореніяхъ, основанныхъ на народномъ преданіи и носящихъ своеобразный мѣстный характеръ, великіе поэты древніе и новѣйшіе употребляли и употребляютъ провинціонализмы, т. е. слова и выраженія, отличающіяся отъ общепринятаго книжнаго стиля. Минуя прежнія греческія нарѣчія, достаточно бросить взглядъ на произведенія Бернса, Гердера, Гете, Скотта, Карпинскаго, Богдана Залѣскаго. Нашъ Трембецкій, будучи смѣлѣе ихъ, въ родѣ дидактическомъ описатель-

номъ, наиболѣе удаленномъ отъ поэзіи народной, употребилъ выраженія пукъ (chwost) соха (socha) и т. п. вѣроятно не по незнанію языка. Тутъ все зависитъ отъ удачнаго употребленія. Я не оспариваю, что я могъ чрезмѣрно, неумѣстно или несоотвѣтственно вводить провинціонализмы — въ этомъ каждый можетъ обвинять меня, и я не имѣю права оправдываться. Основательное и глубокое знаніе языка и вкусъ изощрившихся знатоковъ произносятъ приговоры надъ грамматическими нововведеніями; эти приговоры публика со временемъ подтверждаетъ или же отбрасываетъ. Судъ въ подобномъ дѣлѣ гораздо труднѣе, нежели это кажется рецензентамъ. Тутъ, для того, чтобы высказать свое мнѣніе, нужно литературное значеніе. Панъ Ордынецъ, теоретикъ, имѣющій за собой словарь и грамматику, подчеркиваетъ провинціонализмы или неизящныя выраженія Трембецкаго, мы, прихожане, въ спорахъ, которые разрѣшаетъ только вкусъ, болѣе склоняемся на сторону автора Софіовки. Единогласный приговоръ рецензентовъ противъ провинціонализмовъ есть слѣдствіе метода, заимствованнаго отъ старыхъ французскихъ газетныхъ писакъ. Они-то, считая себя за стражей языка, на каждомъ шагу ссылаются на академическій словарь. Дѣйствительно, рецензентамъ и извѣстнымъ читателямъ пріятно думать, что добывши словарь, они имѣютъ въ карманѣ трибуналъ, готовый разрѣшать самые щекотливые споры, касающіеся поэтическаго изложенія.

Если о моихъ прежнихъ стихотвореніяхъ были высказаны только общіе отзывы, зато сонеты

были обсуждены до малѣйшихъ подробностей до отдѣльныхъ словъ и выраженій, и даже формъ и окончаній, грамматически, риторически и эстетически. Я прочелъ болѣе двадцати рецензій, не считая сатиръ и пародій. Вотъ содержаніе этихъ общихъ отзывовъ. Поэзія польская (говоритъ г-нъ М. М.) до-нынѣ ограничивалась переводами и подражаніями французской; Мицкевичъ первый придалъ ей отпечатокъ народности, онъ сдѣлался творцомъ поэзіи оригинальной. — Поэзія польская, отвѣчаетъ г-нъ Франц.-Салезій Дмоховскій, донынѣ была народной, постоянно шествовала къ совершенству, а величайшимъ ея созданіемъ, основой и квинтэссенціей народности должна была быть поэзія о крестьянствѣ, уже десятки лѣтъ ожидаемая въ Варшавѣ. Мицкевичъ первый срываетъ и уничтожаетъ этотъ отпечатокъ народности, потрясаетъ основы вкуса, искажаетъ стиль и угрожаетъ литературѣ польской вторичнымъ паденіемъ. — Мы радуемся, воскликнулъ Львовскій, издатель моихъ сонетовъ, что Мицкевичъ пренебрегъ балладами, которыя самъ народъ лучше всего слагаетъ, а ввелъ въ нашу литературу родъ совершенно новый. Сонеты даютъ ему неоспоримое право на безсмертіе. — Мы сожалѣемъ, восклицаетъ другой рецензентъ, что Мицкевичъ, донынѣ разработавшій народную поэзію — баллады и повѣсти — пренебрегъ ею и избралъ сонеты, родъ совершенно чуждый нашей литературѣ. Форма сонета, по мнѣнію десятаго рецензента, свободна, благородна и прекрасна. Одиннадцатому она кажется рабской, трудной и неблагодарной; пятнадцатый пренебре-

гаетъ сонетами какъ выдумкой варварскихъ среднихъ вѣковъ; двадцатый доказываетъ, что даже Горацій писалъ нѣчто въ родѣ сонетовъ.

Въ частныхъ замѣчаніяхъ то же разнообразіе мнѣній. Обороты и выраженія, удивляющія однихъ возвышенностью и гармоніей рѣчи, оскорбляютъ другихъ обыденностью мнѣній и дерущимъ слухъ стихомъ. Тотъ же самый сонетъ однихъ трогаетъ, для другихъ становится предметомъ веселой пародіи; одни его не понимаютъ, другіе объясняютъ длиннымъ комментаріемъ, третьи понимаютъ автора, но жалуются на неясность комментатора.

При такомъ разнообразіи мнѣній, насъ остановилъ особенно одинъ укоръ; его повторило единогласно много рецензентовъ, а болѣе всего надъ нимъ распространяется г-нъ Францискъ Салезій Дмоховскій. Этотъ упрекъ относится къ употребленію выраженій чужеземныхъ, восточныхъ. Редакторъ «Бібліотеки польской» начинаетъ по обыкновенію своему съ замѣчаній общихъ, справедливыхъ, но уже немного извѣстныхъ до обнародованія его рецензіи; наприм., что поэзіи восточной подражать трудно, очень трудно. Тотъ, кто не знаетъ тактики рецензентовъ, любящихъ о незнакомыхъ имъ предметахъ разсуждать общими мѣстами, которыя употребляются въ литературѣ вмѣсто знака *x*, можетъ подумать, что г-нъ Дмоховскій великій оріенталистъ. Однако, мы недолго остаемся въ заблужденіи, мы тотчасъ видимъ, что тотъ же г-нъ Дмоховскій не только не знаетъ настоящихъ названій горъ и рѣкъ, что доказываетъ

плохое знакомство съ географіей сосѣднихъ странъ, но и не понимаетъ выраженій: Аллахъ, драгоманъ, минаретъ, намазъ, изанъ. Намъ кажется, что даже въ Варшавѣ, гдѣ насчитывается мало лицъ, изучившихъ восточную литературу, такое невѣжество рецензентовъ должно удивлять публику. Приведенныя выраженія, арабскія или персидскія, столько разъ употреблены и объяснены въ произведеніяхъ Гете, Байрона, Мура, что европейскому читателю стыдно не знать ихъ, тѣмъ болѣе издателю періодическаго изданія. Въ поэтическомъ описаніи нашихъ городовъ кто же не вспоминалъ о храмахъ и башняхъ? Какъ же въ описаніи восточнаго города обойти минареты? Какъ перевести ихъ на польскій языкъ, или, выражаясь словами рецензентовъ, на языкъ Сарбевскихъ, Кохановскихъ, Снядецкихъ, Твардовскихъ? *).

Правда, Францискъ Салезій Дмоховскій далъ удивительный примѣръ ополяченья чужеземныхъ представленій и выраженій, когда въ стихахъ своихъ, говоря о Пелеѣ, отцѣ Ахилла, онъ называетъ его владѣльцемъ небольшаго уѣзда въ Ѳессаліи и такимъ образомъ дѣлаетъ одного изъ могущественнѣйшихъ королей героической Греціи нашимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Но я такого нововведенія, свойственнаго величественнымъ классикамъ, какъ начинающій романтическій писатель, употребить не смѣлъ.

---

*) Сарбевскій и не писалъ по-польски, Снядецкіе не писали стихотвореній, а въ произведеніяхъ Твардовскаго болѣе иностранныхъ выраженій, нежели во всѣхъ сонетахъ.

Провинціонализмы и чужеземщина, а сверхъ того и неправильность стиха, главнымъ образомъ поразили рецензентовъ. Отсюда повсемѣстная тревога, чтобы мы снова не погрузились въ варварство вѣка іезуитской литературы. Мы позволяемъ, восклицаютъ наконецъ рецензенты, подражать писателямъ англійскимъ и нѣмецкимъ по отношенію къ свободѣ формы, но пусть же писатели наши подражаютъ ихъ стилю чистому и правильному. Байрона, Гете, Скотта, никто не обвинялъ въ искаженіи языка, отзывается согласно со всѣмъ хоромъ Салезій Дмоховскій. Если бы критики потрудились заглянуть когда-нибудь въ прежнія нѣмецкія и новѣйшія англійскія рецензіи, они убѣдились бы, что всѣ произведенныя ими поэмы подвергались тѣмъ же самымъ упрекамъ. Упомянутыя рецензіи уже переведены и на французскій: посмотримъ, что говоритъ «Mercure du XIX siècle»: Les poètes anglais les plus renommés parmi nous, Walter Scott, Southey, More ne daignent pas corriger leurs vers; ils bravent non seulement les règles de la mesure, mais encore celles de la grammaire; ils font de la langue anglaise une véritable polyglotte, où sont admis les mots de tous les idiomes parlés. Byron jette au hasard ses inspirations stenographiées sur le papier, sans daigner ensuite y rattacher son attention, mettant les negligences au rang des licences; système qui est sans doute celui du vrai poète; car c'est avec ce dédain que chez nous, M. de Lamartine a modulé ses méditations, que ses amis et M. Tastu son libraire sont obligés de revoir (Journal de Saint-Pétersbourg, 1828). («Меркурій XIX столѣтія»: англійскіе поэты наи-

болѣе знаменитые у насъ: Вальтеръ Скоттъ, Соути, Муръ, не удостоиваютъ исправлять своихъ стиховъ; они пренебрегаютъ не только правилами стихосложенія, но и правилами грамматики; они дѣлаютъ изъ англійскаго языка настоящую смѣсь всѣхъ языковъ, гдѣ допущены всѣ существующія нарѣчія. Байронъ небрежно набрасываетъ на бумагу свои стенографированныя вдохновенія, не удостоивая обратить на нихъ вниманія, признавая небрежность поэтическою вольностью, — система, которой вѣроятно придерживаются всѣ истинные поэты, потому-что съ такой же небрежностью у насъ написалъ г. де-Ламартинъ свои «Размышленія», которыя приходится пересматривать его друзьямъ и его издателю, г. Тастю. (Journal de St.-Pétersbourg, 1828).

Подобныя придирки не должны никого удивлять. Риторы, школяры, со временъ Данта до Ламартина, всегда отличались однообразіемъ характера и мнѣній; читая поэтовъ, они всегда съ добродушнымъ вздохомъ жаловались на то, что поэты, имѣющіе талантъ, не обладаютъ ихъ ученостью. Крики риторовъ-алярмистовъ усиливаются періодически въ эпохи великихъ литературныхъ перемѣнъ. Въ Германіи, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, литература была чуть ли не такъ же убога, какъ у насъ. Готшедъ, славный въ то время лейпцигскій грамматикъ, гладкій риѳмоплетъ, безъ таланта, близорукій и узкоумный риторъ, признавалъ подражательную школу силезійскихъ поэтовъ классической; вирши же самого Готшеда были высшимъ созданіемъ классицизма и нѣмецкой народности. По духу его школы, Лессингъ, Клоп-

штокъ, Гете принадлежали къ неумѣлымъ и дерзкимъ новаторамъ. Эта борьба мнѣній спасла отъ забвенія имя Готшеда, о произведеніяхъ котораго уже не слышно. Ареной подобныхъ споровъ была гораздо раньше Испанія, когда итальянская школа ввела въ эту страну новую поэзію. Такіе же споры окончились передъ нашими глазами въ Англіи, и до сихъ поръ ведутся во Франціи. Итакъ, предвѣщанія о близкомъ паденіи литературы и вкуса въ Польшѣ, повидимому, являются неосновательными: по крайней мѣрѣ опасность грозитъ не со стороны романтической. Исторія всеобщей литературы убѣждаетъ насъ, что упадокъ вкуса и недостатокъ талантовъ вездѣ происходилъ отъ одной причины, т. е. оттого, что литература замыкалась въ извѣстномъ количествѣ правилъ мысли и мнѣній, по истощенію которыхъ и недостатку новой пищи являются голодъ и смерть. Такъ пала византійская литература, богатѣйшая наслѣдница памятниковъ Греціи, потому-что одинаково оградившись отъ франковъ и арабовъ, не хотѣла усвоить новыхъ формъ съ прогрессомъ вѣка. Такому же истощенію подверглась въ прошедшемъ столѣтіи литература французская. У насъ, во времена іезуитовъ, дурной вкусъ распространяли именно люди, лучше другихъ знакомые съ правилами риторики, а именно профессора риторики и проповѣдники. Всеобщее невѣжество происходило не отъ введенія чужеземныхъ наукъ, а отъ тщательнаго оберегания отъ нихъ. Когда Конарскій доказывалъ необходимость французскаго языка, ученики и приверженцы іезуитовъ вознегодовали на это нововведеніе точно

такъ же, какъ нынѣ ученики и приверженцы школы варшавской на литературы нѣмецкую и англійскую.

Читатель видитъ, что изъ многочисленныхъ недостатковъ, указанныхъ мнѣ, я хотѣлъ оправдаться только въ двухъ, т. е. въ употребленіи провинціонализмовъ и выраженій иностранныхъ. Мнѣнія рецензентовъ о красотѣ или нелѣпости моихъ мыслей, плохомъ или удачномъ выборѣ формъ, о гармоніи или жесткости стиха, я предоставляю безъ отвѣта суду публики. Далекій отъ арены литературныхъ споровъ, не принадлежащій ни къ одному кружку, я читаю рецензіи нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ихъ напечатанія и привелъ ихъ только съ той цѣлью, чтобы показать читателямъ, что не такъ легко, какъ кажется, исправлять произведенія по указаніямъ газетныхъ писакъ. Правда, нѣкоторые рецензенты хотѣли избавить автора отъ работы и взялись сами исправлять слова, выраженія и даже и цѣлые куплеты. Такое великодушіе рецензентовъ, нынѣ безпримѣрное въ европейской періодической прессѣ, принадлежитъ къ добродѣтелямъ древнихъ, наслѣдственнымъ въ газетной варшавской прессѣ. Къ несчастію, я расхожусь съ рецензентами во мнѣніяхъ относительно поправокъ. Привожу нѣкоторыя изъ нихъ, предоставляя свободный выборъ читателю. Г-нъ С. въ сонетѣ «Утро и Вечеръ» вмѣсто: «блеснула въ окнѣ, я преклонилъ колѣни» совѣтуетъ писать «стоялъ какъ вкопанный». Г-нъ Францискъ Салезій Дмоховскій вмѣсто «холодныхъ окраинъ», желалъ бы видѣть «береговыя равнины», или же «песчаныя равнины». Жаль,

что въ описанной мною землѣ не было песчаныхъ равнинъ. П. и К. вмѣсто: «а когда сердце спокойно, въ него вонзаются когти», исправляютъ: «и когда чувства спокойны, въ сердце вонзаются когти». Эту послѣднюю поправку я долженъ былъ бы принять; необходимость ея рецензентъ достаточно оправдываетъ сначала тѣмъ, что гидра воспоминаній или дѣятельность души, вслѣдствіе пробудившихся въ ней непріятныхъ воспоминаній, затѣмъ дѣятельность ея по отношенію собственно къ чувству, является непріятной въ организаціи нашей нравственной жизни; это вещь неоспоримая... Избави Боже, чтобы авторъ сонетовъ противорѣчилъ такой ясной истинѣ, доказанной въ четырехъ одинаково ясныхъ категоріяхъ и въ длинномъ разсужденіи о гидрѣ воспоминаній; все это любопытный читатель найдетъ въ газетѣ польской за 1827 г.

Кончая настоящее предисловіе, когда я бросилъ еще разъ взглядъ на вышеприведенные разборы и замѣтки — рѣшительный тонъ варшавскихъ рецензентовъ, глубокое ихъ убѣжденіе въ собственной учености и въ значеніи всего того, что они высказываютъ значеніе, которое до нынѣ имѣютъ во мнѣніи нѣкоторыхъ читателей слова: его похвалили въ газетѣ, его разругали въ газетѣ, — безъ отношенія къ тому, кто хвалилъ или ругалъ, — все это показало мнѣ всю разницу между нашимъ унизительнымъ положеніемъ провинціальныхъ писателей и величественной іерархіей варшавскихъ рецензентовъ. Къ счастію я припомнилъ, что я имѣю нѣкоторое право на привеллегіи служащихъ въ этомъ капитулѣ. За десять лѣтъ съ небольшимъ тому на-

задъ, когда я былъ студентомъ, я тоже напечаталъ въ «Варшавскомъ Памятникѣ», дышащую классицизмомъ, рецензію, приводилъ въ изобиліи письмо къ Пизонамъ и курсъ Лагарпа, что въ этомъ капитулѣ до сихъ поръ считается необыкновенной эрудиціей и достаточной классификаціей для должности критика. Итакъ, я рѣшился, забывъ на минуту, что я сдѣлался только поэтомъ, принять мой прежній характеръ рецензента и моимъ сотоварищамъ, по крайней мѣрѣ, за общія мнѣнія и нравственныя предостереженія, отплатить такой же монетой, т. е. общими замѣчаніями и духовной пищей.

Поэтъ, безъ обширной, всесторонней учености, если и не создаетъ образцовыхъ произведеній первой величины, составляющихъ эпоху въ литературѣ, можетъ все-таки проявить удачно свои силы въ отдѣльныхъ, мелкихъ родахъ; если и не пріобрѣтетъ европейской славы, то можетъ найти въ своемъ отечествѣ, въ своей провинціи читателей и поклонниковъ. Дѣло другое теоретики: тѣ должны быть учеными по призванію, чѣмъ больше произведеній искусства создается и чѣмъ обширнѣе горизонтъ, открывающійся въ теоріи, съ тѣмъ большимъ стараніемъ они должны усовершенствовать свой критическій талантъ и постоянно идти наравнѣ съ вѣкомъ. Чѣмъ запутаннѣе общественныя отношенія, тѣмъ больше законовъ и обычаевъ, тѣмъ ученѣе должны быть юристы по профессіи и судьи. По странному противорѣчію мы имѣли въ нашей литературѣ ученыхъ поэтовъ и ораторовъ; но наши теоретики, начиная съ грамматиковъ вплоть до эстетиковъ, питались только сборниками

правилъ, вынесенныхъ изъ школы, въ остальномъ же были невѣжественны и преисполнены предразсудковъ, соединенныхъ съ невѣдѣніемъ. Исторія литературы нашей имѣетъ тутъ нѣкоторое сходство съ политической. У насъ были хорошіе солдаты, честные граждане, но, особенно въ послѣднія времена, въ законодатели и въ предводители войскъ вылѣзали люди безъ всякихъ познаній и опытности; въ такомъ же жалкомъ состояніи было правовѣдѣніе и литературная администрація. Уже Мрозинскій основательно оцѣнилъ прославленныхъ въ Варшавѣ грамматиковъ; риторы ожидаютъ еще этой печальной похоронной услуги. Сравнимъ ихъ по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ словахъ съ авторами. Тренбецкій для поэта былъ ученымъ, зналъ филологически древнюю литературу, изучилъ французскую, прочиталъ отечественную Сигизмундовскаго періода и сумѣлъ ее оцѣнить. Произведенія Красицкаго показываютъ разностороннее воспитаніе на образцахъ латинскихъ, итальянскихъ и французскихъ. Нѣмцевичъ въ первыхъ же своихъ трудахъ не ограничивался подражаньемъ: создалъ самъ новыя формы исторической драмы, политической комедіи и историческихъ пѣсенъ *) не по риторикѣ Деколонія,

*) Въ началѣ XVI-го вѣка, а можетъ быть и раньше, у насъ разыгрывали діалоги, мистеріи, т. е. исторіи, заимствованныя изъ священнаго Писанія и миѳологіи Итакъ, существовала готовая популярная форма драмы. Еслибы въ то время какой-нибудь талантливый поэтъ взялся за подобные сюжеты, выбралъ наиболѣе драматическіе изъ нихъ, усовершенствовалъ бы форму представленія и облагородилъ слогъ, то можетъ быть у насъ создалось бы постепенно народное драматическое искусство, какимъ гор-

но сообразно потребностямъ времени. Ораторы, жившіе во времена Станислава Августа, старались сравняться съ чужеземцами въ политическомъ и гражданскомъ образованіи чтобы постоянно не отставать отъ вѣка. Наоборотъ, теоретики съ состраданіемъ взывали къ ораторамъ: «Isti homines, me hercule, habent talentum, sed non docti, rhetoricam non frequentaverunt, non illuminant orationem figuris; ubi est hipotyposis, oposic peis, prosopocia, sustentatio, praetermissio? У позднѣйшихъ остались тѣ же формы, тѣ же правила, которыя царили въ Польшѣ во время упадка просвѣщенія.

дятся испанцы и англичане. Янъ Кохановскій, воспитанный въ Италіи, пренебрегъ такимъ безформеннымъ зрѣлищемъ и написалъ драмы по образцу греческому, не интересныя для народа, а благодаря дурному выбору формъ даже неблагодарныя для поэзіи. Однакоже за Кохановскимъ остается та большая заслуга, что, зная греческую древность лучше позднѣйшихъ классиковъ, онъ старался вѣрнѣе изобразить ее. Греки Кохановскаго напоминаютъ героевъ Гомера Греки нашихъ классиковъ — существа вымышленныя. Ни одинъ изъ отечественныхъ критиковъ не обратилъ на то вниманія. Радовались только тому, что «Выѣздъ пословъ» пьеса правильная. При возрожденіи наукъ, литература процвѣтала только въ одной Варшавѣ, а тамъ уже было не время воскрешать діалоги. Юліанъ Нѣмцевичъ глубокимъ размышленіемъ надъ искусствомъ или же инстинктомъ, свойственнымъ таланту, предчувствовалъ потребность вѣка и напалъ на счастливую мысль изображенія лицъ историческихъ, сохраняя мѣстный колоритъ и черты той эпохи, въ которую они жили, говоритъ даже, что для увеличенія иллюзіи, онъ придалъ древній характеръ Сигизмундовской эпохѣ (драма «Казиміръ Великій»). Съ такимъ же убѣжденіемъ написалъ Гете драму «Гёцъ фонъ Берлихингенъ» и создалъ эпоху въ литературѣ. Теперь во Франціи историческія сцены предвѣщаютъ новый для Европы драматическій родъ, отличающійся отъ формы греческой, шекспировской и кальдеронской. Нѣмцевичъ не могъ

Болѣе ученые примѣшали къ нимъ только коечто, заимствованное изъ французскихъ элементарныхъ книжекъ. Пирамовичъ, одинъ изъ ученѣйшихъ въ то время, когда Европу занимали возвышенныя мысли объ искусствѣ Лессинга, Юма, Гутчесона, Смита, Пирамовичъ не можетъ взглянуть за предѣлы школьной риторики. Ксёндзъ Голанскій и Францискъ Дмоховскій въ прозаическихъ и риѳмованныхъ теоріяхъ подсмѣиваются себѣ надъ Шекспиромъ, какимъ-то англичанишкой, театръ котораго, какъ легко можно доказать, не былъ зна-

ни такъ удачно развить своей идеи, ни вызвать такихъ результатовъ, потому-что Гете уже проложили путь Лессингъ и Гердеръ, а во Франціи вліяніе нѣмцевъ, возвышеніе исторической науки, вліяніе романовъ Вальтеръ Скотта и огромное количество мемуаровъ облегчили вступленіе этому новому драматическому роду. У насъ же теперь, даже послѣ трудовъ самого Нѣмцевича, Чацкаго, Лелевеля, Бандтковъ, большое историческое сочиненіе, эпопея или драма еще на долго останется предпріятіемъ свыше силъ поэтовъ, когда еще такъ не развиты болѣе мелкіе роды народной поэзіи. Объ этихъ родахъ нѣкоторые теоретики и читатели до-нынѣ имѣютъ еще странное понятіе. Они думаютъ напримѣръ, что обыкновенныя мѣста, правила и мораль, декламируемыя съ одинаковой напыщенностью на французскомъ театрѣ греками, римлянами, турками и американцами, переведенныя на польскій языкъ гладкими стихами, если они начинаются со словъ: «Какой восторгъ меня увлекаетъ», «Муза, поддерживай мой полетъ» и т. п., то изъ этого создается народная ода; если же они раздроблены на діалоги и вложены въ уста Самборамъ, Яксамъ, то создаются народныя драмы, если же наконецъ они выходятъ въ свѣтъ въ видѣ поэмы, носящей заглавіе, оканчивающееся на «яда» и начинающееся словами «я воспѣваю» съ прибавленіемъ необходимыхъ аллегорій и такъ называемыхъ машинъ, тогда создается народная эпопея.

комъ имъ ни въ оригиналѣ, ни въ переводѣ; потѣшаются надъ Кальдерономъ, какимъ-то риѳмоплетомъ изъ снѣжныхъ Пиренеевъ и надъ Лопе де-Вега, хотя они даже и въ глаза не видали ихъ произведеній. Такая самоувѣренность происходитъ отъ до-нынѣ уцѣлѣвшаго у насъ предразсудка, что можно неизвѣстныя произведенія безъ критики судить на основаніи мнѣній Буало, а Шекспира — на основаніи сужденій Вольтера.

Не мало смѣлости, говоритъ ученый Мрозинскій, нужно для того, что бы посягнуть на грамматическое значеніе Копчинскаго. Не менѣе мужества, хотя можетъ быть не столько учености нужно для того, что бы оцѣнить критическое значеніе и дѣятельность Франциска Дмоховскаго. Это патріархъ варшавскихъ критиковъ и образецъ ихъ школы. Какъ нѣкогда въ Парижѣ называли Лагарпа Квинтиліаномъ французскимъ, а въ Варшавѣ Копчинскаго Ломондомъ (для чествованія), такъ Дмоховскій былъ прозванъ Лагарпомъ *), а въ Вильнѣ Словацкій — Дмоховскимъ. Унаслѣдованіе титуловъ по прямой и боковой линіи было въ большой модѣ.

Возстать противъ критики Франциска Дмоховскаго въ Варшавѣ, это то же, что, скажу словами Байрона, разсуждать въ Константинополѣ, въ Софійской мечети, о нелѣпости Алькорана, полагаясь на просвѣщеніе и терпимость улемовъ. Конечно, какъ переводчикъ Дмоховскій имѣетъ не

*) Собственныя мнѣнія Лагарпа о древней литературѣ не имѣли никогда значенія у ученыхъ, мнѣнія его о французской литературѣ — поверхностныя и часто ложныя — указываютъ сами французы, особенно Вильменъ.

мало литературныхъ заслугъ. Онъ принадлежитъ еще ко времени Станислава Августа, и собственно характеризируетъ эпоху перехода отъ оригинальной поэзіи къ трусливому, рабскому подражанію. Талантъ переводчика «Иліады», хотя лишенный оригинальной силы, сохранилъ извѣстную смѣлость и жизненность, по крайней мѣрѣ въ переводахъ пускается на обширныя и великія предпріятія. При посредственномъ знакомствѣ съ латынью и французской литературой, Дмоховскій, по обычаю Августовскихъ писателей, зналъ еще прежнюю отечественную литературу Сигизмундовской эпохи; хотя онъ болѣе, нежели слѣдуетъ, прилагалъ къ поэтическому языку правила французской грамматики, не вполнѣ еще ослѣпленный, онъ чувствовалъ богатство и разнообразіе стиля Сигизмундовской эпохи, удивлялся новымъ выраженіямъ Тренбецкаго и, несмотря на небольшія погрѣшности, отдавалъ справедливость великимъ и многочисленнымъ заслугамъ Карпинскаго. Въ собственныхъ сочиненіяхъ, онъ, трудомъ и стараньемъ, усовершенствовалъ свой стиль, сначала небрежный, тяжелый, жесткій. Въ этомъ отношеніи большая разница между «искусствомъ стихосложенія» и переводомъ Гомера. Въ особенности, въ послѣднихъ пѣсняхъ «Иліады», гармоническіе стихи, точные въ выраженіяхъ и хотя лишенные всякой поэтической смѣлости, не замѣняются риѳмованной прозой *).

*) Стиль Гомеровской поэзіи, тонъ разсказа, свойственный «Иліадѣ», исчезъ или совершенно измѣнился въ переводѣ. Дмоховскій не понималъ ни критически, ни миѳически, поэзіи Гомера.

Тотъ же Дмоховскій, какъ ученый, какъ критикъ, занимаетъ даже въ нашей литературѣ очень низкое мѣсто, а смѣлость, которая его побуждала въ поэтическихъ трудахъ къ высшимъ предпріятіямъ, въ критикѣ дала пагубный примѣръ все болѣе и болѣе дерзкимъ преемникамъ. Дмоховскій работалъ надъ переводомъ «Иліады» въ эпоху, когда предисловіе Вольфа о Гомеридахъ обратило всеобщее вниманіе филологовъ. Великій литературный міръ, можетъ быть важнѣйшій въ исторіи новѣйшей критики, раздѣлялъ ученыхъ нѣмецкихъ и англійскихъ, занялъ даже Францію, гдѣ классическія науки были въ жалкомъ состояніи. Нашъ переводчикъ «Иліады», великаго, стоющаго многихъ лѣтъ труда, произведенія, сумѣлъ сказать въ своемъ предисловіи о Гомерѣ только то, что онъ вычиталъ въ путешествіяхъ Анахарсиса. Про всѣхъ ученыхъ, писавшихъ о Гомерѣ, начиная съ Вольфа до Бенджамена Констана, никто еще не ссылался на значеніе Бартелеми. Что же сказать о прибавленіяхъ къ «Илліадѣ», гдѣ Гомеръ сравнивается въ Виргиліемъ, Тассомъ и также съ Вольтеромъ, и то какимъ способомъ? Это отдѣльные отрывки или стихи, вырванные, переведенные и поставленные бокъ-о-бокъ. Если дозволено отгадать намѣреніе переводчика, то онъ хотѣлъ дать понятіе о различіи таланта или стиля этихъ поэтовъ, преподнося, какъ нѣкій архитекторъ, кирпичики изъ святынь «Иліады» и «Освобожденнаго Іерусалима». Намъ кажется, что мы въ девятнадцатомъ вѣкѣ читаемъ разсужденія педантской памяти Воссія и его ребяческія мнѣнія, опирающіяся на подобныхъ основахъ. Поэтическая

школа Дмоховскаго, т. е. подражателей и переводчиковъ съ французскаго, тогдашнихъ и позднѣйшихъ, насколько она размножилась въ количествѣ, настолько утратила свою ученость и мельчала въ талантахъ, Латынь окончательно вышла изъ моды, о греческомъ перестали говорить, и чѣмъ больше защищали классиковъ, тѣмъ болѣе заброшены были классическіе языки. Наконецъ французская литература, частица литературы всеобщей, сдѣлалась альфой и омегой нашихъ ученыхъ. Вмѣсто «Иліады», «Энеиды», «Потеряннаго Рая», переводили десятилѣтніе труды Делиля, Легуве, Колардо, наконецъ различныя оды, посланія, трагедіи и комедіи, расхваленныя парижскими газетами. По истеченіи долгаго времени, когда въ Парижѣ уже забыли объ этихъ произведеніяхъ, они выходили у насъ и возбуждали восторгъ критиковъ. Что же касается до стиля, то почти всѣ переводчики долгимъ упражненіемъ дошли до того, что всѣ они хорошо пишутъ стихи, одинаково правильные, одинаково свободные отъ провинціонализмовъ и новыхъ выраженій. Эти стихи, странно похожіе другъ на друга, повидимому всѣ изъ одного металла и одного чекана. Оправдалась философская поговорка, что желая сдѣлать двѣ вещи вполнѣ похожими другъ на друга, нужно сначала отнять у нихъ жизнь. Переводы ли это Мольера, или «Иліады», Мильтона, Легуве, вездѣ мы встрѣчаемъ одинаковый строй стиха, стиль, чуть ли не одинаковыя риѳмы. Францискъ Салезій Дмоховскій называетъ это постояннымъ прогрессомъ народной поэзіи. Мы не уменьшаемъ заслугъ послѣднихъ переводчиковъ, они всѣ

вмѣстѣ чуть не довершили въ Польшѣ того, что сдѣлалъ одинъ Дефоконпре для Франціи, хотя Дефоконпре перевелъ и болѣе серьезныя произведенія и въ большемъ количествѣ.

Еще болѣе печальное зрѣлище, если только таковое можетъ существовать, представляетъ критическая школа въ эту эпоху. Ея corpus juris составляли курсы литературы, употребляемые тогда въ лицеяхъ французскихъ, предисловія, находящіяся во главѣ произведеній Корнеля, Расина и Вольтера, разборы, Examen du Cid, du Polyeucte etc. (разборъ Сида, Поліэкта и т. д.) и комментаріи, упоминающіе еще о спорахъ со Скюдери и Шапленомъ, риторическія и грамматическія замѣчанія о французскихъ стихахъ. Снабженные такими богатыми свѣдѣніями, критики начинали обыкновенно съ того, что придавали авторамъ извѣстные титулы, называя одного польскимъ Корнелемъ, другаго Пиндаромъ, третьяго же царемъ ораторовъ или поэтовъ. Счастливѣйшимъ доставалось разомъ нѣсколько даровъ и титуловъ. Кто-то изъ молодыхъ варшавскихъ рецензентовъ остроумно назвалъ это литературнымъ маскарадомъ. Въ подробной и сравнительной оцѣнкѣ авторовъ вѣчно повторялись общія школьныя мѣста, напримѣръ этотъ авторъ легкій, остроумный, забавный, тотъ унылый, печальный, выспренный и т. п. Если кто-нибудь изъ иксовъ, останавливаясь надъ трагедіей, возвышался до высшихъ размышленій, до разсужденій о трехъ единствахъ, и показывалъ, что въ пьесѣ не хватаетъ одного изъ нихъ, если онъ подмѣчалъ, что между одной сценой и другой театръ

оставался пустымъ, если же онъ, къ тому-же еще доказалъ, что въ той или другой сценѣ, слѣдуетъ воображать себѣ, вмѣсто сѣней, боковую горенку, то удивлялись таланту и познаніямъ такого икса. Въ сужденіи о стиляхъ, или же скорѣе о стилѣ, потому что знали только одинъ стиль, стремились только къ одному, исключительное значенье имѣли риторическія и грамматическія предписанія, относящіяся къ французскимъ стихамъ. Болѣе всего предпочитали также критику мелочную, потому что послѣ болтовни о трехъ единствахъ, о поэтикахъ Горація и Буало, уже не хватило общихъ замѣчаній. Итакъ, отрывки, отдѣльные стихи, выраженія, заняли все вниманье. Забавно было видѣть рецензентовъ, переворачивающихъ общими силами одно выраженіе или стихъ, часто не заслуживающій вниманья, тащущихъ его съ трудомъ на критическій форумъ, какъ муравьи Карпинскаго тушу мухи или четверть червяка, и чуть не падающихъ подъ такой громадной тяжестью *).

При такомъ состояніи критики достойно вниманія и назидательно то доброе сосѣдское согласіе **),

*) См. въ газетѣ Польской 1827 года, семь статей о переводѣ одного оборота изъ Лефранъ де-Помпиньяна. Лефранъ де-Помпиньянъ, со всѣми своими произведеніями, едва удостоился быть упомянутымъ во французской литературѣ.

**) Авторъ исторіи литературы не отваживается оцѣнивать произведенія. «Неужели же я», говоритъ онъ: «долженъ забыть обо всемъ уваженіи, въ особенности къ живымъ людямъ? Я, ради справедливости и сношеній, общежитейскихъ не рѣшился это сдѣлать. Вмѣсто этого привожу только въ точности общее мнѣніе, въ особенности такихъ компетентныхъ судей, какъ Людвигъ Осин-

въ какомъ критики жили между собою и съ авторами, уваженіе, съ которымъ они выслушивали взаимные приговоры, и щепетильность, съ которой они ихъ дословно, изъ устъ въ уста, съ пера на

скій, Станиславъ Потоцкій, Францъ Дмоховскій.» Выберемъ на удачу нѣкоторыя. Станиславъ Потоцкій о переводѣ «Илліады» говоритъ: «Дмоховскій перелилъ мысли автора (Гомера) очень гладко на отечественный языкъ. Еще мнѣ не случалось прочесть подъ рядъ двухъ-трехъ пѣсенъ «Илліады» въ прежнихъ переводахъ (и такъ до этого онъ не читалъ Илліады!) безъ какой-то тоски. Я прочиталъ Дмоховскаго подъ рядъ и съ удовольствіемъ.» Читалъ-ли кто-нибудь подобное мнѣніе въ какой бы то ни было исторіи литературы? Вѣдь именно одно изъ характеристическихъ свойствъ и прелестей «Илліады,» что въ ней авторъ нигдѣ не выступаетъ на сцену и не высказываетъ собственныхъ мыслей. Можно ли провозгласить, что пѣсни этой чудной эпопеи суть мысли автора (Гомера) о троянской войнѣ? Ксендзъ Бака писалъ стихами замѣчанія о неминуемой смерти; его біографъ шутливо объясняетъ, что Мильтонъ точно также стихами писалъ замѣтки о «Потерянномъ Раѣ». Я не хочу оскорблять этой замѣткой почтенной тѣни Станислава Потоцкаго. Великій ораторъ и заслуженный патріотъ не утратитъ черезъ то славы, что онъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ вдавался въ риторику и критику. Мы уважили бы слабость заслуженнаго мужа и покрыли бы молчаніемъ его прегрѣшенія; но какъ же могъ профессоръ литературы въ Варшавѣ, Осинскій, приводить это мнѣніе какъ очень важное, а профессоръ исторіи повторять его какъ весьма важное. Стр. 306: «Тренбецкій выказалъ истинный стихотворный талантъ, потому что онъ соединяетъ въ своихъ произведеніяхъ смѣлость Пиндара со вкусомъ Горація и сладостью Сафо.» Если бы кто-нибудь сказалъ о музыкальномъ композиторѣ, что онъ, въ одно и тоже время, Моцартъ, Россини, Гуммель и Орфей, или о живописцѣ, что онъ обладаетъ стилемъ Рафаэля, Рембрандта, Давида и Апелеса! О характерѣ поэзіи Сафо мы знаемъ только по преданію, потому что изъ ея произведеній уцѣлѣли только мелкіе отрывки (Odaria duo integriora et cetera carminum

перо переливали. Мнѣніе ксендзаГоланскаго приводитъ Францискъ Дмоховскій, Франциска Дмоховскаго приводитъ Людвигъ Осинскій, всѣхъ приводитъ Станиславъ Потоцкій, всѣ приводятъ

---

frustula: Grodeck). Выяснять достоинства Тренбецкаго, сравнивая характеръ его пѣсенъ съ пѣснями Сафо — это прибѣгать къ довольно запутаннымъ объясненіямъ. Прибавимъ, что сладость никогда не была особеннымъ и главнымъ свойствомъ произведеній Сафо, за ней признавали vim, gratiam и наконецъ dulcedinem. Мнѣніе о Тренбецкомъ заслуживаетъ вниманія: трудно въ меньшемъ количествѣ выраженій вмѣстить больше нелѣпостей. Стр. 303: «Княжнинъ въ писаніи пѣсенъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Живое воображеніе, остроумныя (?) картины, еще болѣе своей пестротой нежели смѣлостью, возбуждаютъ въ читателѣ извѣстное удивленіе, сверхъ того, раздражительная чувствительность характеризуютъ поэзію Княжнина.» Бентковскій не поименовалъ, который изъ компетентныхъ судей произнесъ такой глубоко-обдуманный приговоръ. Объ Іосифѣ Липинскомъ слова С. Потоцкаго: «онъ довѣрилъ публикѣ немного стиховъ своихъ; но это немногое такъ хорошо обработано, что перестаетъ быть немногимъ.» Мы не знаемъ хорошо языка математическаго; но намъ кажется, что то, что перестаетъ быть малымъ,' переходитъ въ меньшее или ничтожество. Іосифъ Липинскій неудачно выработывалъ переводы Виргилія и Тасса. Прежде Симоновичъ подражалъ и частями переводилъ буколики, а Петръ Кохановскій — Іерусалимъ. Сравнивая прежніе переводы, менѣе правильные, но полные жизни, смѣлые и богатые выраженіями, съ сухимъ и прозаическимъ стихомъ Липинскаго, можно было бы лучше всего показать манеру новой школы и доказать какъ много вреда принесли наши переводчики, воспитанные только на французщинѣ, отечественному языку. Его лишили почти всѣхъ украшеній стиля, сняли, такъ сказать, одежду, и даже и тѣло съ мыслей и чувствъ, а стихи замѣнили рядомъ силлогизмовъ. — Другія мнѣнія лаконичнѣе, напр., на стр. 312: «Осинскій Людвигъ выказалъ себя настоящимъ лирикомъ (?)» Тамъ же. «Козміанъ оказался истиннымъ лирическимъ поэтомъ.»

Станислава Потоцкаго. Мнѣнія эти на минуту сосредоточиваются въ «Исторіи литературы» Бентковскаго, откуда, приводимыя въ разныхъ газетахъ, предисловіяхъ и похвальныхъ рѣчахъ, возвращаются къ своимъ источникамъ. Такимъ образомъ, въ Варшавѣ удерживается въ постоянномъ круговоротѣ извѣстное количество мнѣній, не имѣющихъ нигдѣ никакой цѣнности, точно какъ въ Жмуди до сихъ поръ въ ходу старые голландскіе талеры и забои.

Въ Варшавѣ до сихъ поръ существуютъ приверженцы этой критической школы, находясь все болѣе и болѣе въ непріятномъ и смѣшномъ положеніи по отношенію къ Европѣ. Все вокругъ нихъ измѣнилось въ литературѣ отъ Гибралтара до Бѣлаго моря: они же стоятъ на своей школьной поэтикѣ, какъ на якорѣ, неподвижно. Слабѣющую рѣшимость они подкрѣпляютъ чтеніемъ брошюръ и нѣсколькихъ французскихъ газетъ, менѣе всего читаемыхъ во Франціи. Ихъ можно было бы сравнить съ тѣми законодателями нашими, которые, на основаніи конституціи, не понятой ими, защищали гетманскую власть и liberum veto, и не смотря на принятую въ сосѣднихъ странахъ новую тактику, сопротивлялись заграничному уставу и были убѣждены, что за исключеніемъ народной кавалеріи — все остальное суетная нѣмецкая выдумка. Напрасно къ нимъ Красицкій, а мы съ Красицкимъ взываемъ къ такъ называемымъ классикамъ:

— Нужно учиться, улетѣло золотое время!

Уже историческая критика освѣтила нашу исторію, уже въ правовѣдѣніи историческій методъ

изгналъ прежній догматизмъ; литературная же критика осталась вполнѣ схоластической. Въ настоящее время, не говоря уже о Востокѣ, въ самой Европѣ открыто столько богатыхъ литературъ, сколько народовъ. Сами французы, отрекшись отъ вколоченной имъ школой Вольтера исключительной цивилизаціи, учатся, переводятъ, создаютъ новые роды. Наши ученые, кромѣ литературы французской первой половины восемнадцатаго вѣка, не находятъ ничего достойнаго изученія. Они разсуждаютъ, что или всѣ иностранныя литературы согласны съ поэтикой Буало и въ такомъ случаѣ онѣ не нужны, или же онѣ несогласны, и тогда вредны. Они какъ бы защищаютъ древность, классицизмъ; но какъ недобросовѣстно злоупотребляютъ они этими выраженіями! Не умѣя по-латыни, не имѣя понятія о греческомъ языкѣ, они хотятъ учить англичанъ и нѣмцевъ какъ цѣнить и понимать древнее искусство, насколько дозволено подражать его формамъ! Нынѣ, когда на столькихъ языкахъ, столько различныхъ образцовыхъ произведеній занимаютъ вниманіе Европы, чтобы судить о нихъ, чтобы высказать общія сужденія объ искусствѣ, нужны таланты и разносторонняя ученость Шлегелей, Тика, Симонда, Газлита, Гизо, Вилльмена и редакторовъ «Globe» (Глобуса). Но какъ же къ этому стремятся рецензенты изъ школы ксендза Голанского и Франциска Дмоховскаго? Одни смѣются надъ Гете, произведенія котораго читались, переводились и цѣнились во всемъ цивилизованомъ мірѣ до рогатокъ Варшавскихъ; другіе утѣшаются тѣмъ, что не знаютъ *по-*

голландски и не читаютъ Лессинга; третьи совѣтуютъ даже протянуть *санитарный кордонъ*, чтобы наука случайно не прокралась изъ заграницы. Этой блокады разума, хотя и необходимой для удержанія въ цѣнѣ варшавскихъ продуктовъ, не признаетъ публика. Противъ нея въ самой Варшавѣ высказывались нѣкоторые поэты и теоретики. Зараза иностранныхъ наукъ распространяется такъ далеко, что даже правовѣрные классики приводятъ имена Гете, Байрона, Мура; къ этимъ великимъ именамъ не слѣдовало бы взывать понапрасну, когда произведенія ихъ еще такъ мало извѣстны, такъ рѣдко пробираются за классическій кордонъ. Разсуждать же объ этихъ произведеніяхъ, а сверхъ того объ искусствахъ и поэзіи вообще съ запасомъ только школьныхъ правилъ и Лагарпомъ, можно за столомъ или въ салонѣ; но съ перомъ и въ литературной газетѣ уже не годится. Классическіе варшавскіе рецензенты, судящіе смѣло и самоувѣренно о важныхъ вопросахъ литературы, похожи на тѣхъ провинціальныхъ политиковъ, которые, не читая даже заграничныхъ газетъ, судятъ о тайнахъ кабинетовъ и дѣяніяхъ вождей. Счастливцы!....

ИЗБРАННАЯ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ МИЦКЕВИЧА *).

ПЕРЕВОДЪ

Р. И. СЕМЕНТКОВСКАГО.

---

*) Самое полное собраніе писемъ Мицкевича и лицъ, состоявшихъ съ нимъ въпереписке, издано въ Парижѣ въ 1870—1872 г., въ двухъ томахъ, стараніями сына покойнаго поэта, подъ заглавіемъ: «Korrespondencia Adama Mickiewicza».

Мицкевичъ Ф. Малевскому.

Ковно, 22-го ноября (с. с.) 1822 г.

Ничего ты не узнаешь отъ меня ни о Вильнѣ ни о твоихъ друзьяхъ, которые рѣдко мнѣ пишутъ или, точнѣе говоря, присылаютъ только счеты, когда понадобятся мнѣ книжки или табакъ. Неужели мнѣ вѣчно придется писать только о себѣ, какъ я давно уже думаю только о себѣ? Что пользы отъ этихъ жалобныхъ іереміадъ? Онѣ только опечалятъ тебя. Ты знаешь, гдѣ я нахожусь, и, конечно, догадываешься, какъ я живу. Однако, не сокрушайся слишкомъ обо мнѣ. Легче привыкать, чѣмъ отвыкать. Я привыкъ ко многому. Ковно становится для меня домомъ, въ Вильнѣ я только гощу, а Новогрудекъ для меня лежитъ уже, точно, заграницей. Прежде я душою жилъ въ Вильнѣ. Теперь меня туда уже не тянетъ. Я привыкаю къ урокамъ, потому что мало читаю, мало пишу, много думаю и страдаю, а слѣдовательно нуждаюсь въ упорномъ, ослиномъ трудѣ. Вечеромъ я играю въ бостонъ за деньги, никакого общества я не люблю, рѣдко слушаю музыку, карточная игра безъ денегъ меня не занимаетъ. Читаю только Байрона, книжку,

написанную въ другомъ духѣ, бросаю, потому что не люблю лжи; равнымъ образомъ, меня возмущаютъ книги, въ которыхъ описывается семейное счастіе, какъ возмущаетъ меня видъ супруговъ, дѣтей, которые составляютъ единственную мою антипатію. Вотъ я и описалъ себя съ ногъ до головы...

Р. Ежовскій Ф. Малевскому.

16-го Февраля 1822 г.

Адамъ продолжаетъ до сихъ поръ преподавать въ Ковно; 20 уроковъ въ недѣлю страшно его изнуряютъ: онъ постоянно страдаетъ безсонницею. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ говоритъ, что работа ему надоѣдаетъ и ослабляетъ его; но въ свободные дни и въ праздники онъ не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки....

Мицкевичъ Ф. Малевскому.

Вильно (1822 г.?)

...Живу я, какъ настоящій литераторъ: дышу и питаюсь только риѳмами; не знаю, какъ пріучусь читать опять что-нибудь порядочное. Послѣ германоманіи настала британоманія; съ лексикономъ въ рукѣ я протискался черезъ Шекспира, какъ богачъ въ небо черезъ игольное ушко. За то я теперь справляюсь гораздо легче съ Байрономъ

и значительно подвинулся впередъ; *Гяура* я, навѣрное, переведу. Но этотъ, можетъ быть, величайшій поэтъ не вытѣснитъ Шиллера. Я открылъ въ новомъ изданіи нѣсколько новыхъ для меня пьесъ и долго послѣ этого не могъ вернуться къ англичанамъ...

Мицкевичъ тому-же.

Вильно (1822).

...Дневникъ моей жизни и работъ очень однообразенъ и кратокъ: сплю и еще чаще не сплю, хожу много, пишу стихи и комментаріи (къ Зофіадѣ) или, вѣрнѣе говоря, писалъ, потому что теперь пишу все меньше. Время проходило быстро; я видѣлся нѣсколько разъ съ Маріею и прожилъ съ нею двѣ недѣли. Ея видъ и бесѣды успокоиваютъ меня болѣе всего. Что будетъ дальше, не знаю!...

Ѳома Занъ Ф. Малевскому.

14-го января 1823 г.

...Сердце Адама и все его душевное настроеніе походятъ, кажется, на лѣсъ, въ которомъ былъ пожаръ: читаетъ, живетъ, не пишетъ. Марія иногда пишетъ, полагается на мои совѣты и нѣкоторые изъ нихъ старается исполнять; я ее утѣшаю и развлекаю чтеніемъ...

Я. Чечотъ Ф. Малевскому.

21-го января 1823 г.

Постарайся пробыть подольше заграницею, потому что я не знаю, что дѣлать съ Адамомъ. Продолжать ему учительствовать нельзя: онъ окончательно разстроитъ здоровье; онъ говоритъ, что уроки обезсиливаютъ его на весь день. Хотя онъ теперь, по видимому, и спокойнѣе, но, все же, еще скучаетъ: часто страдаетъ безсонницею и живетъ только трубкою да кофеемъ. Онъ самъ жаждетъ, да и доктора совѣтуютъ ему непремѣнно предпринять путешествіе. Но куда ему ѣхать? Какое путешествіе ему нужно? Не съ образовательною-ли цѣлью? Боже сохрани! Ему надо ходить и ходить. Изъ всѣхъ твоихъ описаній Riesen-Gebirge болѣе всего его занимали. Можетъ быть, эта манія прекратится, когда онъ отмахаетъ миль сто и процесъ хожденія не будетъ для него новинкою; тогда онъ, вѣроятно, просидитъ гдѣ-нибудь спокойно зиму. Но какъ бы то ни было, все же, ему нуженъ заграницею какой-нибудь пунктъ поближе, гдѣ онъ могъ бы зимовать и навѣдываться на всякій случай. Странно будетъ его путешествіе! Нельзя ему дать денегъ сразу и быть увѣреннымъ, что его не обокрадутъ, или что онъ ихъ не потеряетъ и не окажется безъ средствъ. А какъ тогда быть? Не знаю, кромѣ того, понравится-ли ему, при теперешнемъ его настроеніи, находиться между чужими людьми, которые думаютъ только о наживѣ. Онъ, по большей части, будетъ одинъ, потому что

интересовать его будутъ не люди, а Riesen-Gebirge. Долины, луга,— вотъ что его займетъ; но я опасаюсь, что все это будетъ имѣть вредное вліяніе на его воображеніе. Онъ, повидимому, постоянно нуждается въ ангелѣ-хранителѣ, а тамъ будутъ одни только камни. Поэтому, чѣмъ ближе ты изберешь для него пунктъ, тѣмъ ему будетъ лучше и веселѣе. Его непремѣнно нужно отсюда выпроводить; не то онъ окончательно разстроитъ здоровье...

Ѳома Занъ Ф. Малевскому.

12-го мая 1823 года.

Я старался и стараюсь придать чувствамъ Адама и Маріи болѣе спокойствія; я не увѣренъ въ полномъ успѣхѣ, но мнѣ кажется, что ихъ страданія менѣе сильны. Въ этихъ видахъ я состою въ перепискѣ и съ нею, и съ нимъ; она меня называетъ «дорогимъ» и «благодѣтелемъ»... Объ Адамѣ могу тебѣ сообщить мало; я думаю, что, можетъ быть, несвоевременное выраженіе любовныхъ чувствъ производитъ на многихъ не особенно для него лестное впечатлѣніе. Во время праздниковъ они были въ Вильнѣ почти двѣ недѣли; мои усилія успокоить ихъ остались тщетными; не знаю, что будетъ дальше. Дѣло зашло такъ далеко и приняло такой несчастный оборотъ, что я, бывъ нѣкогда защитникомъ любви, теперь охотно объявилъ бы ей войну.

Ф. Малевскій сестрамъ.

(1825 ?)

...Нѣтъ-ли у кого-нибудь изъ васъ русскаго журнала: «Телеграфъ». Въ немъ иногда печатаются анонимно статьи мои и Адама *)...

Мицкевичъ волынскому предводителю дворянства, Герману Головинскому.

Москва, 23-го іюля 1826 года.

....Вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ я нахожусь въ столицѣ Москвѣ и состою *чиновникомъ* въ канцеляріи е. п. г. генералъ-губернатора. Онъ былъ такъ любезенъ и позволилъ мнѣ спокойно готовиться къ службѣ до тѣхъ поръ, пока я не научусь языку и не исправлю моего почерка. Это, къ несчастію, дается мнѣ нелегко, и пройдетъ еще немало времени, пока я превращусь въ настоящаго писаку. Если бы вы, милостивый государь, соблаговолили извѣстить насъ о здоровьѣ какъ вашемъ, такъ и многоуважаемой вашей супруги, равно какъ и о нашемъ знакомомъ, В. Мировскомъ, то вы до-

*) На вопросъ, какія, именно, статьи Мицкевича помѣщены въ «Телеграфѣ», Францискъ Малевскій отвѣтилъ, что если память ему не измѣняетъ, то сотрудничество Мицкевича въ этомъ журналѣ ограничилось переговорами съ редакторомъ; дѣйствительное-же участіе въ журналѣ осталось однимъ только проектомъ.

ставили бы намъ удовольствіе, которое вполнѣ вкусить могутъ только люди, живущіе далеко отъ всего, что имъ дорого и мило. Взамѣнъ мы могли бы сообщить вамъ извѣстія о предстоящемъ величественномъ торжествѣ, которое мы, будучи вѣрноподданными и преданнѣйшими сынами Россіи, какъ вы легко можете догадаться, ожидаемъ съ большимъ нетерпѣніемъ...

Мицкевичъ Я. Чечоту и Ф. Зану.

Москва, 5-го января 1827 г.

...У меня есть тутъ знакомые; многіе относятся ко мнѣ съ расположеніемъ, нѣкоторые даже дружественно, и я охотно отблагодарилъ бы ихъ за это. *Проклятъ тотъ, кто ничего не платитъ!..* Прости, что я цитирую «Дзядовъ». Бываю я и въ салонахъ, но играю я тамъ не особенно видную роль не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто не умѣю. Очень мнѣ иногда хочется хорошо танцовать или, вообще, танцовать, еще болѣе играть на флейтѣ, гитарѣ или пѣть; отпускать комплименты мнѣ подчасъ удается, и я не упускаю случая совершенствоваться въ этомъ дѣлѣ. Ибо поистинѣ говорю тебѣ: можно танцовать, играть, пѣть, быть любезнымъ и не превратиться въ тунеядца, напротивъ, быть полезнымъ другимъ, а это величайшая награда за всѣ труды въ такого рода пустякахъ. Правда, если бы я вернулся въ нашу Литву, то я, можетъ быть, какъ спущен-

ная пружина, опять повѣсилъ бы носъ и, еслибы мнѣ другіе люди не надоѣдали, самъ придумалъ бы себѣ какое-нибудь горе, тосковалъ бы и сокрушался. Я сталъ веселымъ у отцовъ Базиліановъ, а спокойнымъ и почти разумнымъ въ Москвѣ.

Хотѣлъ, было, я тебѣ выписать изъ твоего письма филипику о моихъ доходахъ, потому что ты, можетъ быть, о ней забылъ; но нѣтъ у меня на это времени. Скажу только, что я не облагаю пріятелей и пріятельницъ налогами по той причинѣ, что я ни о комъ изъ нихъ ничего даже не слышу, и получаю только то, что мнѣ долженъ Завадскій. Что же касается до подарковъ, то ты помнишь, что я принялъ нѣсколько сотъ рублей еще въ Вильнѣ отъ нѣкоего князя, и этотъ подарокъ пригодился не мнѣ одному. И теперь, если бы какой-нибудь милліонеръ,— nota bene соотечественникъ и другъ, — прислалъ бы мнѣ рублей сто, то я принялъ бы ихъ безъ колебанія и подѣлился бы съ нуждающимися. Правда, я иногда транжирю деньги; но когда у меня заведется копѣйка, то каждый пріятель мой можетъ взять три четверти.

Мицкевичъ Іосифу Ковалевскому.

Москва, 9-го іюня (1827 г. ?)

...Скажу тебѣ на ушко, что я позорно лѣнюсь, такъ что меня иногда даже совѣсть мучитъ; но мы прибѣгаемъ къ софизмамъ и находимъ себѣ извиненіе: то мы ѣдимъ, то гуляемъ, то и т. д.

Къ несчастію, одинъ изъ львовскихъ типографщиковъ (чтобы чортъ попортилъ ему всѣ станки!) отпечаталъ болѣе дешевое изданіе моихъ сонетовъ и, затормозивъ продажу, уменьшилъ мои доходы. Надо, слѣдовательно, придумать что-нибудь новое, и, во что бы то ни стало, печатать, чтобы было чѣмъ платить здѣшнимъ *ванькамъ* съ ихъ пролетками и разнощикамъ съ ихъ *земляникою* и *клубникою*,— пока какой-нибудь типографщикъ меня опять не подкузьмитъ! Я надѣялся, Ося, что ты, какъ оріенталистъ, напишешь къ моимъ сонетамъ примѣчанія или, по крайней мѣрѣ, отмѣтишь, что слѣдуетъ измѣнить или выяснить въ техническихъ магометанскихъ выраженіяхъ. Всѣ варшавскія газеты долго наполнялись рѣзкими критическими статьями или преувеличенными похвалами. Одни говорятъ, что я долженъ воздерживаться отъ печатанія незрѣлыхъ плодовъ; другіе, наоборотъ, — что мои сонеты лучше сонетовъ Петрарки и что если у насъ появится оригинальная литература, то я буду ея отцомъ. Risum teneatis! Всѣ эти похвальныя и критическія статьи одна глупѣе другой...

Ф. Малевскій сестрамъ.

Москва, 10-го ноября 1827 г.

...Сообщу вамъ, что въ Москвѣ гоститъ Шимановская; она, навѣрное, будетъ давать концерты. Вчера я разсчитывалъ видѣть ее у княгини Вол-

конской, но ее не было. Эта г-жа Волконская удивительно добрая женщина: все приглашаетъ и приглашаетъ, хотя мы по цѣлымъ недѣлямъ глазъ не показываемъ. Она даетъ превосходные обѣды, поетъ и заблаговременно опять зоветъ на обѣдъ, какъ будто зная, что безъ этой приманки она насъ не скоро увидитъ. Если бы можно было ходить къ ней не въ бѣломъ галстухѣ, не въ бѣлыхъ перчаткахъ и хотя бы съ двухдневною бородою! Не знаю, писалъ ли я вамъ, что она передѣлала и перекрасила комнаты. Гдѣ былъ красный бархатъ, теперь зеленый, гдѣ зеленый, тамъ теперь голубой; вездѣ все новое. Прибавилась еще une chambre grecque, освѣщаемая русскою лампою и наполненная статуями, бюстами и разными древностями....

Б. г. Петербургъ.

...Я былъ на нѣсколькихъ утреннихъ и вечернихъ музыкальныхъ собраніяхъ, но часто мнѣ приходило въ голову, что шумъ, парадныя комнаты, изысканные туалеты, свѣтъ, звѣзды не придаютъ особеннаго достоинства искусству. У княгини Волконской собирались, безъ всего этого, вокругъ фортепіано, и музыка была лучше, имѣла больше прелести. Тамъ, дѣйствительно, были большіе таланты... Шимановской везетъ. Императрица поручила ей обучать музыкѣ свою дочь. Теперь ей отбоя не будетъ отъ уроковъ....

Н. Малевскій Лелевелю.

Петербургъ, 28-го декабря 1827 г.

...Черезъ нѣсколько дней Мицкевичъ уѣзжаетъ отсюда и возвращается въ Москву. Послѣ долгихъ лѣтъ разлуки и столькихъ испытаній, мы встрѣтились, глубоко тронутые, съ братскими чувствами. Наружность его нѣсколько измѣнилась: онъ отпустилъ бакенбарды, что придаетъ ему болѣе степенный видъ. Цвѣтъ лица у него здоровѣе, онъ нѣсколько возмужалъ, перемѣнился къ лучшему. Въ обществѣ онъ не проявляетъ прежней эксцентричности; напротивъ, онъ держитъ себя свободно и симпатично. Даже съ тѣми лицами, которыя не имѣютъ основанія разсчитывать на особенную предупредительность съ его стороны, онъ обращается очень любезно. Талантъ его созрѣлъ; его рѣчь, обогащенная тѣмъ, что онъ видѣлъ и читалъ, носитъ, кромѣ того, отпечатокъ его богатой фантазіи. Онъ любитъ теперь много говорить, его голосъ часто одинъ только раздается въ обществѣ, и всякій смолкаетъ, чтобы слышать его. Душа моя наполняется чувствомъ гордости, при мысли, что я былъ товарищемъ Мицкевича и состою въ числѣ его друзей. Пріѣздъ его въ Петербургъ вызвалъ небывалую сенсацію. Русскіе и поляки наперерывъ спѣшатъ проявить ему свое уваженіе. У насъ здѣсь постоянная масляница: обѣды, продолжающіеся за полночь, слѣдуютъ одинъ за другимъ, и принимать всѣ приглашенія, Мицкевичъ не

успѣваетъ. Онъ часто не знаетъ, какое приглашеніе принять. Онъ довелъ свой импровизаторскій талантъ до баснословнаго совершенства. Когда онъ въ ударѣ, стоитъ только сыграть на фортепіано знакомую ему пѣсенку, и онъ тотчасъ же начинаетъ импровизировать, и, притомъ, съ такою страстностью, что кажется, будто его внезапно обуялъ какой-то духъ, который не даетъ ему покоя, пока онъ не изольетъ всѣхъ своихъ чувствъ. Я слышалъ его уже болѣе десяти разъ. Записывать за нимъ очень трудно, потому что никто не можетъ поспѣть за быстрою его рѣчи, да, къ тому же, онъ не позволяетъ, чтобы записывали, потому что вдохновеніе его изсякаетъ, когда онъ видитъ пишущихъ. Я старался, по крайней мѣрѣ, записывать ежедевно вечеромъ содержаніе его импровизацій; пусть хоть эти неуклюжія черты чудныхъ образовъ запечатлѣются въ памяти! Мицкевичъ пріѣхалъ сюда отчасти, чтобы повидаться съ Францискомъ (Малевскимъ), отчасти чтобы лично похлопотать о разрѣшеніи ему періодическаго изданія въ Москвѣ на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Iris.» Онъ предполагалъ посвятить это изданіе литературѣ, философіи, поэзіи. Къ величайшему нашему сожалѣнію, министръ ему отказалъ, ничѣмъ не мотивируя свой отказъ. Онъ привезъ съ собою рукопись новой своей поэмы: «Валленродъ.» Я читалъ ее много разъ отъ доски до доски; чѣмъ чаще я ее читаю, тѣмъ больше открываю въ ней красотъ. Ничего подобнаго въ польской литературѣ еще не имѣется; я рѣшаюсь предсказать, что лица, скептически относящіяся къ

славѣ Адама, принуждены будутъ умолкнуть, или что упорныя ихъ нападки будутъ отвергнуты съ презрѣніемъ. Въ поэмѣ болѣе 2,000 стиховъ; авторъ сдѣлалъ опытъ ввести въ разсказъ гекзаметръ; не знаю, какъ отнесутся къ этому нововведенію другіе; но мнѣ, освоившемуся съ стихотворнымъ размѣромъ древнихъ, оно очень нравится. Тенденція поэмы возвышенна и благородна. Во всѣ времена и всѣмъ народамъ она будетъ нравиться. Онъ не могъ приступить здѣсь къ печатанію, вслѣдствіе наступленія праздниковъ и неимѣнія изящнаго шрифта; по возвращеніи его въ Москву, вѣроятно, въ концѣ будущаго мѣсяца поэма выйдетъ въ свѣтъ.

I. У. Немцевичъ Мицкевичу.

Варшава, 8-го февраля 1828 г.

Я получилъ ваше письмо, многоуважаемый соотечественникъ, и преисполненъ благодарности за лестныя для меня, но не заслуженныя ваши похвалы. Отъ души сожалѣю, что такой прекрасный талантъ, воодушевляющій столь благородную душу, долженъ скитаться на чужбинѣ и не можетъ жить и вдохновляться сильными гражданскими чувствами. Такъ, однако, заблагоразсудилось непостижимой и ожесточенной противъ насъ судьбѣ; будемъ надѣяться, что она со временемъ смягчится. Пусть молодежь въ непогоду приготовляетъ посѣвъ для болѣе благопріятнаго времени: будемъ черпать въ чистыхъ источникахъ, vos exemplaria graeca diurna

жаль и подражалъ бы и впредь нашъ Мицкевичъ, если бы его генію дана была возможность свободно расправить крылья. Будемъ надѣяться, что добрый нашъ монархъ устранитъ ненужныя теперешнія преграды и дастъ талантамъ развиваться на славу собственную и подданныхъ своихъ.

Я пишу князю Вяземскому и благодарю его за всѣ услуги, оказанныя нашимъ соотечественникамъ. Да утѣшитъ, поддержитъ и хранитъ тебя, достойный юноша, на благо края, Богъ отцовъ нашихъ! Отъ души желаю...

Мицкевичъ Ѳомѣ Зану.

Москва, 3-го апрѣля 1828 г.

...Слава моя распространяется въ Москвѣ и доставляетъ мнѣ много друзей. Земляки, живущіе въ столицѣ, и пріѣзжіе устроили мнѣ роскошную *кутью;* импровизаціи, пѣніе и т. д. напомнили мнѣ увеселенія юношескихъ лѣтъ. Затѣмъ, посыпались ежедневныя приглашенія то туда, то сюда, и время прошло довольно пріятно, за исключеніемъ только печальной и тягостной встрѣчи съ братомъ Егоромъ, дурное поведеніе котораго отняло у меня много здоровья. Я познакомился въ столицѣ съ русскими литераторами: Жуковскимъ, Козловымъ и т. д., и нѣкоторые изъ нихъ отнеслись ко мнѣ съ искреннимъ расположеніемъ. Но болѣе всего меня порадовалъ неожиданный пріѣздъ Гейдателя и Соболевскаго въ столицу. Много они натерпѣлись, трудясь въ отдаленныхъ губерніяхъ; теперь

они получатъ лучшія мѣста и новый чинъ. Слоняется также по Петербургу Кривоустый, Маріанъ Кудравый, исторія котораго длинна и могла бы быть передана мною развѣ на словахъ. Онъ теперь служитъ и состоитъ, въ тоже время, моимъ уполномоченнымъ. Олесь Ходзько дополнилъ собою число моихъ знакомыхъ,— славный онъ малый! Онъ почти жилъ у меня, и мы не могли натѣшиться другъ другомъ. Онъ перевелъ греческія пѣсни изъ Форіеля и вскорѣ ихъ напечатаетъ; переводъ его очень удовлетворительный. Славу Богу, Олесь отрѣшился, наконецъ, отъ своего туманнаго слога! Не смотря на всѣ эти петербургскія удовольствія, я рвался въ Москву. Семейство Залѣскихъ также здѣсь гостило; я хотѣлъ навѣстить ихъ передъ отъѣздомъ, равно какъ и другихъ моихъ знакомыхъ; были и другія обстоятельства. Францискъ остался въ Петербургѣ, но до сихъ поръ не имѣетъ ничего опредѣленнаго въ виду. Въ апрѣлѣ я отправляюсь туда и поступлю на службу; надѣюсь вскорѣ помочь и вамъ. На лѣто у меня складываются разные проекты: можетъ быть, выберусь на Кавказъ или въ Крымъ! Иногда меня прельщаетъ и Оренбургъ; подчасъ снится Италія... Но все это пока только вертится на умѣ и осуществить трудно Какъ что-нибудь выяснится, — сообщу.

Жизнь моя течетъ однообразно и, почти могу сказать, счастливо, — такъ счастливо, что боюсь, какъ бы завистливая Немезида не наградила меня какими-нибудь новыми бѣдствіями. Спокойствіе духа (по крайней мѣрѣ, индивидуальное), иногда пріятныя развлеченія, полное отсутствіе

страстныхъ потрясеній (понятно тоже индивидуальныхъ). Надѣюсь, что лѣтомъ появится и большая охота къ труду; теперь я лѣнюсь, хотя читаю и думаю много. Дни мои проходятъ однообразно; утромъ читаю, иногда, но рѣдко пишу; въ третьемъ часу обѣдаю или одѣваюсь, чтобы отправиться куда-нибудь на обѣдъ; вечеромъ предстоитъ концертъ или другое увеселеніе; возвращаюсь домой, по большей части, поздно. Учу нѣсколькихъ дамъ польскому языку. Въ скобкахъ скажу, что здѣсь многіе учатся польскому языку, а попечитель даже намѣревался учредить каѳедру при университетѣ. Я давно могъ бы ее получить; но такъ какъ я не намѣренъ оставаться въ Москвѣ, то отношусь къ этому дѣлу спустя рукава. Образъ жизни, который я тебѣ описалъ, выровнялъ мой характеръ и имѣетъ успокоительное вліяніе на меня. Олесь Ходзько въ настоящее свиданіе очень мнѣ удивлялся; онъ превозносилъ ровность моего характера и умѣніе уживаться съ людьми, чего прежде у меня не было...

Мицкевичъ г-жѣ Бонавентурѣ Залѣской.

Петербургъ, 20-го августа (1828 г.?)

...Мой планъ съѣздить на Кавказъ или въ Одессу не осуществился; до сихъ поръ я не пріискалъ себѣ мѣста въ Петербургѣ. Я такъ усталъ, такъ мнѣ надоѣло здѣшнее пребываніе, что если черезъ мѣсяцъ ничего не устроится, то я вернусь въ Москву

и буду тамъ ожидать какой-нибудь развязки. Постоянная неопредѣленность положенія, хотя и продолжающаяся уже такъ долго, все-таки, надоѣдаетъ, и трудно къ ней привыкнуть; вотъ почему я не чувствую охоты избрать себѣ какую-нибудь работу и искренно посвятить себя ей...

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Петербургъ, 12-го Мая 1829 г.

Я недавно вернулся по отвратительному пути изъ Москвы. Видишь, какимъ я сталъ кочевникомъ; пролетѣть сто миль по тающимъ снѣгамъ и ломающемуся льду,—для меня пустяки. Я теперь предпринимаю еще болѣе продолжительное путешествіе. Черезъ нѣсколько недѣль съ милостиваго и лестнаго для меня разрѣшенія Е. И. Величества я уѣзжаю за-границу для поправленія здоровья. Въ виду недостаточности моихъ средствъ я избираю кратчайшій путь, т. е. моремъ до Любека, а оттуда въ Дрезденъ, гдѣ буду въ концѣ русскаго мая. Затѣмъ я пробуду нѣкоторое время на водахъ и, смотря по состоянію здоровья и другимъ обстоятельствамъ, рѣшу, куда ѣхать дальше. Сообщи обо всемъ этомъ, тѣмъ временемъ, Лелевелю; впослѣдствіи я ему самъ напишу. Если ты можешь путешествовать теперь, спѣши въ Дрезденъ и ожидай меня тамъ. Ты поймешь, дорогой Эдуардъ, какъ сама мысль объ этомъ меня радуетъ. Не посѣтить-ли намъ вмѣстѣ Италію? Если мы пропустимъ этотъ случай свидѣться, то Богъ вѣсть,

встрѣтимся-ли мы опять когда-нибудь, встрѣтимся ли, вообще?...

Что касается до литературныхъ ссоръ, то я ихъ всѣ предвидѣлъ, и онѣ меня нисколько не удивляютъ. Не могу только понять, за что ты такъ сердишься на Дмоховскаго; аттакованный долженъ защищаться; въ его отвѣтѣ нѣтъ ничего, какъ ты выражаешься, подлаго; надо ожидать болѣе рѣзкихъ нападокъ со стороны классиковъ; они нападутъ на мои стихотворенія, преимущественно, на двѣ оды и, можетъ быть, будутъ даже остроумно насмѣхаться надъ многими вещами. Но что въ этомъ удивительнаго? У меня, должно быть, счастливый характеръ или слишкомъ много самолюбія, но, ей-богу, я не сержусь на критиковъ, и чѣмъ злѣе они будутъ меня донимать, тѣмъ громче я буду смѣяться. Пусть сорвутъ сердце. Я приготовилъ уже новую, болѣе сильную, филипику противъ нихъ, въ которой я разбираю ихъ вполнѣ обстоятельно. Въ моемъ интересѣ было бы никого не трогать, и ты знаешь, что я въ жизни человѣкъ снисходительный и со всѣми уживаюсь; ном нѣ надоѣла классическая ваша дрянь, и имъ я покажу, что я не боюсь ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Напиши мнѣ, что думаетъ Лелевель о предисловіи...

Ю. Словацкій А. Э. Одынцу.

Варшава, 21-го мая 1829 г.

...Какъ тебѣ нравится Петербургъ? Соотвѣтствуетъ ли онъ твоимъ ожиданіямъ? Засталъ ли ты

всѣхъ знакомыхъ? Отдай на судъ г. Мицкевича мою повѣсть; буду ему очень благодаренъ, если онъ потрудится ее прочесть. Я былъ бы ему безконечно обязанъ, если бы онъ соблаговолилъ написать о ней собственноручно нѣсколько словъ. Опасаюсь, однако, что эта просьба будетъ походить на требованіе остроумнаго Лопатты (Lopatty), поставленное тебѣ при отъѣздѣ. Обсуди, поэтому, самъ мою просьбу и не передавай ее Мицкевичу, если ты признаешь ее слишкомъ смѣлою. .

Будь здоровъ, дорогой Эдуардъ, обними отъ меня дорогаго Александра Ходзько и Шпицнагеля. Г. Мицкевичу, котораго я имѣлъ счастіе, по крайней мѣрѣ, видѣть нѣсколько разъ, передай мой наинижайшій поклонъ...

М. Шимановская Мицкевичу.

Май 1829 г.

Мы поспѣшили на заводъ Берта, но за полчаса передъ тѣмъ ушелъ уже пароходъ, который увезъ нашего добраго и дорогаго Мицкевича...

Целина сильно плакала, а когда я ей сказала: уѣхалъ, кто тебѣ теперь будетъ говорить правду? то она такъ горько залилась слезами, что у нея даже кровь пошла изъ носу.. Малевскій и Одынецъ находятся у насъ. Первый держитъ себя философомъ, а второй реветъ, какъ баба. Я стараюсь подражать Малевскому. Будьте здоровы и счастливы. Мнѣ будетъ теплѣе, когда я узнаю, что вы въ Италіи. Ваше счастіе—наше счастіе: и наши

сердца всецѣло принадлежатъ вамъ. Живите спокойно.

Я уже отправилъ письмо. Затѣмъ я зашелъ къ Шим., гдѣ вспомнилъ, что ничего не ѣлъ. Вездѣ слезы: у однихъ уже засыхаютъ, у другихъ струятся. Хотя мы съ Одынцемъ старались ободриться виномъ и портеромъ, но онъ реветъ, и я, глядя на плачущихъ дѣвушекъ, не могу удержаться отъ слезъ. Что за отвратительное изобрѣтеніе эти пароходы! Напрасно я говорилъ, что такъ плакать по уѣзжающимъ не годится, что это значитъ не вѣрить въ безсмертіе души, но все это не помогаетъ, и слезы не унимаются. Точно, это твое семейство, плачущее о тебѣ. Да благославитъ тебя Богъ! Векселя я послалъ черезъ Волконскаго.

Малевскій.

Много разъ благодарю васъ за хорошіе совѣты, которые вы мнѣ давали, и вы можете быть увѣрены, что я буду стараться слѣдовать имъ. Шлю вамъ много поклоновъ и желаю благополучнѣйшаго пути. Напоминаю вамъ о моей лошадкѣ и посвященіи.

Целина.

Княгиня З. Волконская Мицкевичу.

Римъ, 5-го іюня 1829 г.

Вѣроятно, вы теперь въ Дрезденѣ, и я на всякій случай пишу вамъ это письмо, которое, мо-

жетъ быть. до васъ дойдетъ. Я тотчасъ-же уѣзжаю въ Неаполь и Исхію и предупреждаю васъ, что намѣрена вернуться въ Римъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Если вы посѣтите Италію, то пріѣзжайте прямо въ Римъ и остановитесь у меня, гдѣ васъ примутъ съ распростертыми объятіями. Я наняла домъ на продолжительный срокъ, via monte di Brianzo, № 20, Palazzo Ferrucci. Францискъ остается. Если даже я не успѣю вернуться, онъ предупрежденъ и укажетъ вамъ вашу комнату. Графъ Риччи, свиданіе съ которымъ преисполнило мое сердце радости, ожидаетъ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ... Я пишу г. Барклаю-де-Толли и предупреждаю моего друга Перукини о вашемъ пріѣздѣ. Если бы вы мнѣ сообщили вашъ маршрутъ, я снабдила бы васъ рекомендательными письмами во всѣ города, въ которыхъ я имѣю друзей...

М. Шимановская Мицкевичу.

Петербургъ, 10-го іюня 1829 г.

Письмо изъ Гамбурга, которое мы ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, наконецъ, пришло. Какъ мы счастливы, что вы о насъ помните, дорогой и, добрый другъ, что вы не дали соловьямъ предпочтенія предъ моимъ фортепіано, а готическимъ башнямъ предъ домами Іохима и Пентешева... Мы очень тоскуемъ. За столомъ кого-то недостаетъ, звонокъ наводитъ уныніе, съ Целиной никто не ссорится для ея добра, Гельцю никто не пріучаетъ къ порядку, Юльцу никто не утѣшаетъ ..

Я узнала только теперь, что во Флоренціи живетъ chargé d'affaires, князь Горчаковъ, хорошій мой лондонскій знакомый. Прошу васъ непремѣнно навѣстить его и сказать ему, чтобы онъ меня не забывалъ. Онъ принадлежитъ къ числу честныхъ людей, которыхъ такъ мало на свѣтѣ...

По недостатку мѣста поблагодарю васъ въ двухъ словахъ за память обо мнѣ, за добрые совѣты и кланяюсь вамъ много разъ.

Целина.

...Я еще не видѣла Никифора *). Кто бы могъ подумать, que cette entrevue sera attendrissante.

М. Ш.

Петербургъ, 11-го іюня 1829 г.

...Видѣла Никифора. Онъ съ умиленіемъ вспоминаетъ объ Адамѣ Николаевичѣ...

М. Шимановская.

Ф. Малевскій сестрамъ.

Петербургъ, 14-го сентября 1829 г.

...Отъ Мицкевича получены недавно письма, но залежавшіяся въ Дрезденѣ. Я знаю, хотя и не отъ него лично, что онъ былъ въ Карлсбадѣ, въ Маріенбадѣ, пилъ воды, а въ Веймарѣ видѣлся съ Гете.

---

*) Бывшій лакей Мицкевича.

Ноябрь.

За послѣднее время я получилъ письма отъ Мицкевича изъ Венеціи. Папаша, вѣроятно, знаетъ, что знаменитый Гете пожелалъ имѣть его портретъ и нарочно присылалъ съ этою цѣлію живописца.

Мицкевичъ Ф. Малевскому.

Римъ, декабря 1829 г.

...Изъ Венеціи мы отправились черезъ Феррару и Болонью во Флоренцію, гдѣ пробыли три недѣли. Римъ оглушилъ меня; куполъ св. Петра послужилъ вѣнцомъ для всѣхъ итальянскихъ воспоминаній... По музею я промаршировалъ быстрымъ шагомъ, бросая по сторонамъ бѣглые взгляды и еле останавливаясь передъ Аполлономъ, Лаокооном и Бойцомъ. Это шествіе продолжалось два часа. Еслибы собрать всѣ статуи и гипсы дрезденскіе, венеціанскіе и даже флорентинскіе, то ихъ можно было бы помѣстить въ какомъ-нибудь уголкѣ Ватикана. Здѣшній музей — настоящій городъ статуй, заваленный саркофагами и оштукатуренный надписями. Видѣвъ Римъ, ты навсегда потеряешь охоту любоваться другими собраніями статуй и картинъ, и станешь краснѣть за энтузіазмъ, который въ тебѣ вызывало то, что ты прежде видѣлъ. Римскіе ученые развѣ только по наслышкѣ знаютъ нѣмцевъ и англичанъ, а надъ Байрономъ они смѣются. Они имѣютъ своихъ великихъ людей, слава которыхъ

проникла за Тибръ; въ Ломбардіи больше жизни, и оттуда грозно приближается новая литература, которая уже стоитъ у Рубикона. Ливій имѣетъ здѣсь, на мѣстѣ, совершенно особую прелесть, потому что вечеромъ можно видѣть мѣсто, гдѣ произошли событія, о которыхъ ты утромъ читалъ. О Римѣ нелегко писать. Байронъ, подобно Горацію Коклесу, большими шагами занялъ мостъ на Тибрѣ: ingenti gradu occupavit pontem...

Мицкевичъ г-жѣ Анастасіи Хлюстинъ. *)

Римъ, 1830 г.

Тысячу разъ благодарю васъ за ваше любезное приглашеніе. Если мы и не отобѣдаемъ на Парнасѣ, то я навѣрное встрѣчу у васъ музу, которая внушила вамъ милую вашу записочку.

---

*) Мы помѣстили здѣсь эти записочки, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія, потому что онѣ свидѣтельствуютъ о веселомъ расположеніи духа Мицкевича во время его путешествія по Италіи. Поэтъ часто повторялъ, что это были послѣдніе, совершенно безоблачные, дни въ его жизни... Русское общество, находившееся тогда заграницею, относилось очень дружелюбно къ полякамъ, вообще, и Мицкевичъ сдѣлалъ не мало пріятныхъ знакомствъ. Ноябрьская ночь совершенно измѣнила положеніе вещей: прежнія отношенія прервались; но были и исключенія. До конца своей жизни Мицкевичъ причислялъ къ самымъ задушевнымъ своимъ друзьямъ, русскую, графиню Хлюстинъ, которая стояла выше междуплеменныхъ ссоръ. *(Примѣчаніе парижскаго издателя).*

Римъ, 1830 г.

Шлю вамъ два: здравствуйте за ваши двѣ записочки, въ которыхъ мнѣ пріятно видѣть двойное доказательство вашей памяти обо мнѣ. Что же касается до предположенныхъ прогулокъ пѣшкомъ или верхомъ, по морю или на сушѣ, то я всегда нахожусь въ вашемъ распоряженіи. Я зайду въ двѣнадцать часовъ, чтобы выслушать ваши приказанія.

Игнатій Домейко Мицкевичу

Заполе, 31-го октября 1830 г.

Вчера ко мнѣ пріѣхала Марія; сегодня въ Заполѣ мы праздновали «Дзядовъ»; сегодня же я вручилъ Маріи присланныя тобою четки. Мало я провелъ такихъ пріятныхъ часовъ въ жизни, какъ сегодня въ Заполѣ: мы развели большой огонь, усѣлись вокругъ него и бесѣдовали о тебѣ и о нашихъ друзьяхъ...

Мицкевичъ Л. Ходзькѣ.

Флоренція, 10-го іюля 1830 г.

Я разсчитывалъ быть осенью въ Парижѣ и, поэтому, откладывалъ до личнаго свиданія многіе вопросы, о которыхъ я хотѣлъ съ вами поговорить, но которые я не люблю передавать на письмѣ. Но маршрутъ мой, вѣроятно, измѣнится. Поэтому мнѣ

приходится хоть вкратцѣ познакомить васъ съ положеніемъ какъ моимъ, такъ и друзей моихъ, чтобы вы имъ мимовольно не вредили. Имѣя въ Парижѣ связи съ редакторами и посвящая себя, насколько мнѣ извѣстно, газетному труду, вы могли бы оказывать немаловажныя услуги своимъ соотечественнымъ, еслибы вы дѣйствовали и писали, сообразуясь съ общимъ благомъ, а не съ личнымъ усмотрѣніемъ. Я всегда былъ убѣжденъ, что иностранныя газеты больше намъ вредятъ, чѣмъ приносятъ намъ пользы. Въ самомъ дѣлѣ, кто у насъ ихъ читаетъ: въ Варшавѣ два-три лица, въ Вильнѣ еще того меньше. Слѣдовательно, онѣ не имѣютъ никакого вліянія на общественное мнѣніе и только раздражаютъ людей, которые мстятъ тѣмъ, кто у нихъ подъ рукою, за погрѣшности живущихъ вдали. Съ нѣкоторыхъ поръ помѣщены въ газетахъ страшныя для насъ статьи, преисполненныя невѣрностей и лжи. «Общество лучезарныхъ» протрубили имѣющимъ важное политическое значеніе. Это, именно, доказывали и доказываютъ наши враги, а мы, напротивъ, протестовали противъ этого, стараясь выяснить правительству истинное положеніе дѣла. Эти статьи даютъ нашимъ гонителямъ оружіе въ руки и послужатъ уликами, потому что писаны, повидимому, нашими друзьями. Не слѣдовало говорить о ненависти правительства къ отдѣльнымъ лицамъ и обществу, потому что правительство было введено въ заблужденіе интригами нѣсколькихъ негодяевъ. Помните, что, кромѣ меня, всѣ друзья находятся въ изгнаніи и что выставлять ихъ людьми опасными значитъ навсегда

лишить ихъ возможности вернуться на родину. Не понимаю, кто сообщилъ обо мнѣ эти подробности, но онъ поставилъ меня въ очень непріятное положеніе, изобразивъ всѣхъ моихъ русскихъ друзей и покровителей людьми, недовольными правительствомъ, что является ложью и лишитъ моихъ товарищей покровительства. Мнѣ нельзя будетъ показаться на глаза знакомымъ, если они повѣрятъ, что фанфаронское заявленіе о томъ, будто бы мнѣ надоѣлъ придворный этикетъ, исходитъ отъ меня: вѣдь, на самомъ дѣлѣ, я при дворѣ никогда не бывалъ. Вы, навѣрное, не принимали никакого участія въ составленіи и напечатаніи подобныхъ статей, но заклинаю васъ любовью къ родинѣ и состраданіемъ къ невинно-преслѣдуемымъ изгнанникамъ впредь предостерегать нашу пылкую молодежь, которой дай Богъ исправиться отъ давнишняго ея недостатка, отъ привычки *много шумѣть, но мало дѣлать*...

Мицкевичъ г-жѣ Анквичъ. *)

Римъ, (1830 г.)

Тысячу разъ извиняюсь передъ вами за мое маранье. Обыкновенно,— могу сказать безъ самохвальства,— пишу лучше, если у меня есть хорошіе

*) Приписка къ письму Одынца, въ которомъ послѣдній благодаритъ за присланныя ему конфекты и добавляетъ: «Отвѣчаю на вашъ вопросъ, что онъ при полученіи письма, не имѣлъ на себѣ цвѣта надежды.»

чернила и перо. Не нахожу словъ, чтобы поблагодарить графиню за прекрасный портфель. Паннѣ Генріеттѣ имѣю честь заявить, что у насъ, въ Литвѣ, во время поста не принято играть съ дамами въ какую-бы то ни было игру. Когда бы ей ни вздумалось увѣриться въ моей памяти, она можетъ приказать мнѣ явиться лично, и клянусь всѣмъ, что есть зеленаго, начиная съ мирта и кончая крапивою, что она всегда и всюду найдетъ на мнѣ цвѣтъ надежды. Одынцу нельзя вѣрить: благодаря вашей любезности, онъ только-что обесхарилъ себѣ уста, слѣдовательно, онъ — подкупленный свидѣтель. Мы надѣемся, что у васъ всѣ здоровы и, по прежнему, къ намъ милостивы. Наинижайшій и наизеленѣйшій слуга.

Мицкевичъ графинѣ Анастасіи Сиркуръ, урожденной де-Хлюстинъ.

Римъ, 31-го декабря 1830 г.

Нижеслѣдующія строки покажутся вамъ очень печальными для перваго письма къ новобрачной, помѣченнаго ея медовымъ мѣсяцемъ. Но что дѣлать! Напрасно я ждалъ минуты веселія или, по крайней мѣрѣ, спокойствія. Съ нѣкоторыхъ поръ я не въ состояніи связать двухъ мыслей. Прежде одно намѣреніе писать вамъ наполняло мое сердце какою-то дѣтскою радостью, которую вы внушали всѣмъ, кто только встрѣчался съ вами въ жизни. Нынѣ воспоминаніе о васъ уже безсильно расше-

велить мою мысль. Поэтому не ожидайте отъ меня краснорѣчивыхъ поздравленій. Но прошу васъ вѣрить, что я искренно и глубоко сочувствую вашему счастію. Вы не можете представить, какъ сладостно радоваться счастію друзей человѣку, которому судьба рѣдко даетъ даже и это утѣшеніе. Я, вѣроятно, вскорѣ разстанусь съ Римомъ и Италіею,— быть можетъ, очень скоро. Я просилъ г. Симона прислать мнѣ тотчасъ же деньги или переводъ на Торлонія, по адресу княгини Зинаиды. Весь день я безцѣльно слоняюсь, а вечеромъ размышляю. Напишите мнѣ нѣсколько словъ. Потрудитесь поцѣловать отъ меня ручки у вашей дорогой матери, которую я люблю и уважаю не менѣе собственной. Попросите ее благословить меня; я, несомнѣнно, въ этомъ буду нуждаться.

Напомните о мнѣ вашему мужу. У него здѣсь много соперниковъ: со всѣхъ сторонъ спрашиваютъ меня о немъ. Если я не злословилъ на него, то это было очень великодушно съ моей стороны. Мои слушатели относились ко мнѣ съ такимъ расположеніемъ, что достаточно было немного язвительности, чтобы составить себѣ репутацію остроумнаго человѣка; но я предпочитаю репутацію преданнаго вамъ обоимъ друга.

Мицкевичъ брату своему Франциску

Копаржево подъ Равичемъ, 20-го ноября 1831 г.

Петкевичъ сообщаетъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ тебя при арміи передъ вступленіемъ ея на прус

скую территорію. Ты легко представишь себѣ, какъ я былъ удивленъ и обрадованъ. Если бы я зналъ, гдѣ ты находишься, я поѣхалъ бы тебя отыскивать. Я очень безпокоюсь о твоемъ здоровьѣ; ты, вѣроятно, вынесъ много бѣдъ и находишься теперь въ денежныхъ затрудненіяхъ. Я тотчасъ же вышлю тебѣ нѣсколько сотъ талеровъ, какъ только узнаю гдѣ ты находишься. Пиши мнѣ немедленно въ нѣсколькихъ копіяхъ, чтобы письмо твое вѣрнѣе дошло. Пока ты не получишь отвѣта, не трогайся съ мѣста, а если бы васъ вздумали высылать, то сошлись на болѣзнь. Если же тебѣ позволятъ ѣхать въ Познань, то пріѣзжай прямо ко мнѣ. Первый помѣщикъ, къ которому ты заѣдешь, дастъ тебѣ лошадей. Но лучше дождись моего отвѣта. Не безпокойся на счетъ будущаго; оно, можетъ быть, и къ лучшему, что ты пріѣхалъ. Ахъ, дорогой Франусь, еслибъ я увидѣлъ тебя только здоровымъ!

Я гощу здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ, здоровъ, ни въ чемъ не нуждаюсь и, кромѣ бѣдствій, общихъ намъ всѣмъ, не могу жаловаться на мою судьбу. Весною я послалъ тебѣ съ сыномъ полковника Раецкаго двѣсти франковъ; не знаю, получилъ ли ты ихъ. Нашъ братъ Александръ здоровъ и живетъ, попрежнему, въ Кременчугѣ. Отвѣчай немедленно. Мой адресъ: Dem Hochwohlgebornen Herrn von Bojanowski bei Rawicz, Konarzewo. Прибавь въ сторонкѣ: pour monsieur Adam.

Княгиня Волконская Мицкевичу.

Римъ, 24-го ноября 1831 г.

Спѣшите, пріѣзжайте къ намъ. Поселитесь у насъ: мы устроимся. Вы убѣдитесь, что ваши друзья преданы вамъ всею душою до гробовой доски. Я очень безпокоилась о васъ и о вашемъ здоровьѣ; благодарю Бога, что онъ васъ сохранилъ. Пріѣзжайте немедленно или, по крайней мѣрѣ, сообщите мнѣ о вашихъ планахъ. Я проведу здѣсь, не трогаясь съ мѣста, только зиму, а весною я поѣду въ Женеву за моимъ Александромъ и почтеннымъ Шевыревымъ и свезу ихъ въ Москву. Я не хочу лишиться удовольствія васъ видѣть. Какъ я скучаю безъ моего Александра, но его занятія требовали разлуки. Я уѣду изъ Рима въ апрѣлѣ. Какъ мы часто бесѣдуемъ о васъ! Какъ обрадуется вамъ дорогой графъ Риччи! Сестра моя, Владиміръ, Розалина много разъ вамъ кланяются. Ваше письмо было для насъ бальзамомъ. Скамейка и виды въ моемъ виноградникѣ васъ ожидаютъ. Я страдаю вмѣстѣ съ вами, — этимъ все сказано. Много тысячъ пожеланій и дружба вѣчная, какъ наши души!

Мицкевичъ J. Лелевелю.

Дрезденъ, 23-го марта 1832 г.

...Вы поймете, почему я не смѣлъ бомбардировать васъ письмами во время революціи, требуя

новостей или предлагая совѣты, которые такъ легко давать издали и когда время прошло и такъ трудно пріискать на мѣстѣ, въ разгарѣ событій. Богъ не далъ мнѣ принять какое-либо участіе въ дѣлѣ, столь важномъ и плодотворномъ для будущаго. Я живу только надеждою, что не сложу бездѣятельно рукъ въ могилѣ. Вы не повѣрите, какъ сильно мнѣ хочется повидаться съ вами, и я готовъ, исключительно съ этою цѣлью, ѣхать въ Парижъ, которымъ я гнушаюсь, какъ адомъ. Вы выяснили бы мнѣ много непонятныхъ для меня эпизодовъ, такъ какъ объясненіямъ перваго встрѣчнаго я не вѣрю. Но это принадлежитъ уже прошлому, исторіи, а я призванъ дѣйствовать для будущаго и очень хотѣлъ бы знать, какъ вы смотрите на него.

Здѣсь всѣ жалуются на раздоры, которые легко было предвидѣть, такъ какъ они начались еще въ Варшавѣ и только дозрѣваютъ во Франціи. Мнѣ кажется, что одни разсчитываютъ на французское правительство, другіе на народъ или людей du mouvement. Я смотрю на обѣ эти партіи, какъ на шайку деморализированныхъ эгоистовъ и ничего отъ нихъ не ожидаю. По моему мнѣнію, Франція — Аѳины временъ Демосѳена; французы будутъ шумѣть, замѣнять однихъ ораторовъ и вождей другими, но они не исцѣлятся отъ своего недуга, потому что червь подтачиваетъ ихъ сердце. Я возлагаю большія надежды на нашъ народъ и на ходъ событій, которыхъ никакая дипломатія предвидѣть не можетъ. Впрочемъ, вы въ этомъ вопросѣ опытнѣе и проницательнѣе; совѣтуйте и

дѣйствуйте, какъ вамъ кажется лучше. Мнѣ думается только, что нашимъ стремленіямъ слѣдуетъ придавать характеръ религіозно-нравственный, не имѣющій ничего общаго съ финансовымъ либерализмомъ французовъ, и что основою долженъ служить католицизмъ. Знакомы ли вы съ сочиненіями Ламеннэ? Это единственный французъ, который проливалъ искреннія слезы надъ нами; его слезы были единственныя, которыя я видѣлъ въ Парижѣ. Мое пребываніе въ Познани и то, что я слышалъ о Силезіи, подтвердили меня въ моихъ убѣжденіяхъ. Быть можетъ, нашъ народъ призванъ проповѣдывать другимъ народамъ евангеліе національности, нравственности и религіи, презрѣнія къ бюджетамъ, — единственнаго принципа теперешней чисто-таможенной политики. Самые просвѣщенные французы лишены патріотизма и любви къ свободѣ; они только резонерствуютъ.

Я пишу теперь много, но вещи, не имѣющія прямаго отношенія къ злобамъ дня. Революція родила своего поэта, до сихъ поръ еще неизвѣстнаго. Это — Гарчинскій. Я былъ съ нимъ знакомъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ Римѣ, но онъ мнѣ ничего не прочелъ; я даже не зналъ, что онъ пишетъ. У него большой талантъ, и онъ пойдетъ далеко; онъ уже теперь занялъ точку зрѣнія, которая легла въ основаніе послѣднихъ моихъ произведеній... У меня есть идея для Леонарда Ходзьки. Не составитъ-ли онъ «Польскую Мартирологію», — алфавитный каталогъ народныхъ мучениковъ, начиная со времени Барской конфедераціи; слѣдуетъ строго придерживаться истины, безъ

всякаго преувеличенія. Отдѣльныя семьи доставятъ матеріалы. На сколько я знакомъ со шляхтою, эта книжка находилась бы въ каждомъ домѣ: всякій отыскивалъ бы въ ней своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Ходзько написалъ бы ее хорошо; если онъ примется за это дѣло, то я сообщу ему свои идеи и постараюсь доставить ему матеріалы. Какъ вы думаете объ этомъ? Писать слѣдуетъ по-французски.

Мицкевичъ графу Іосифу Грабовскому въ Луковъ.

Дрезденъ, 26-го апрѣля 1832 г.

Среди столь многочисленныхъ заботъ вы помните о преданныхъ вамъ друзьяхъ; мы умѣемъ цѣнить вашу доброту и вѣчно вамъ будемъ благодарны. Я очень радуюсь, что мнѣ хоть на минуточку удастся повидаться съ вами въ Дрезденѣ. Я прогощу здѣсь еще долго. Я превратился въ Schreibmaschine и въ теченіе послѣднихъ недѣль не выпускаю пера изъ рукъ *). Я еще не все окончилъ, что началъ, а пока не окончу, не выѣду изъ Дрездена, если только меня не выгонятъ, чего нельзя ожидать. Куда я потомъ поѣду,—пока не знаю,

*) Въ это время Адамъ писалъ «Пана Тадеуша», мысль котораго у него зародилась въ Луковѣ. (*Пр. Градовскаго.*)

да и правду говоря, я теперь объ этомъ вовсе и не думаю, такъ какъ сочинительство своего рода тетерева пѣсенка, отъ которой человѣку трудно очнуться даже при пушечной пальбѣ. Я вовсе не выхожу изъ дома, сходки меня страшно разочаровали: онѣ ни къ чему не ведутъ. Я хочу зарыться въ прошломъ, пока не блеснетъ какая-нибудь надежда на будущее. Нѣкоторыя изъ моихъ мараній я велѣлъ переписать для васъ и пришлю ихъ вамъ оказіей. Примите ихъ милостиво на память моего пребыванія въ вашемъ домѣ и какъ единственное доказательство благодарности, доступное поэту. Я получилъ отъ Франциска двѣсти талеровъ. Догадываюсь, что они отъ васъ. Благодарю васъ за эту ссуду. Теперь я, впрочемъ, не нуждаюсь, такъ какъ жизнь здѣсь мнѣ не дорого стоитъ. Я приготовилъ нѣсколько вещей, которыя могутъ быть напечатаны въ Познани. Надѣюсь ихъ продать Мунку; это значительно поправитъ мои финансы. Я сохраню упомянутую сумму на непредвидѣнный случай, напр., если меня выгонятъ изъ Дрездена. Прошу васъ увѣдомить меня впослѣдствіи, куда ихъ отослать или кому вручить. Не намѣреваетесь ли вы и ваша супруга посѣтить Дрезденъ? Мы на это немного надѣемся. Потрудитесь передать мой поклонъ г-жѣ Людвигѣ. Гарчинскій и Домейко пробудутъ здѣсь еще нѣсколько мѣсяцевъ. Одынецъ уѣзжаетъ въ Пруссію по семейнымъ дѣламъ....

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Дрезденъ, 22-го апрѣля 1832 г.

Я такъ усиленно работаю, что иногда даже некогда побриться. Я столько написалъ, что число скомпонованныхъ мною за этотъ мѣсяцъ стиховъ равняется третьей части, а можетъ быть, и половинѣ всего, что мною напечатано до сихъ поръ. Не все еще окончено и пока не окончу, не уѣду изъ Дрездена. Я здоровъ, веселъ, и, насколько можно, счастливъ. Что это за двѣсти талеровъ, которые ты мнѣ прислалъ? Я припряталъ ихъ на всякій случай, но особенно въ нихъ теперь не нуждаюсь. Пожалуйста, не заботься обо мнѣ. Я справлюсь самъ. Если эти деньги отъ г. Грабовскаго, то поблагодари его; я буду ихъ считать ссудою; но если они получены тобою изъ складчины или — Боже сохрани! — изъ комитета, то, пожалуйста, увѣдомь меня объ этомъ, и я тотчасъ же возвращу ихъ, потому что я въ такого рода пособіи не нуждаюсь и принять его не могу, не имѣя на него права, какъ лицо, не замѣшанное въ нынѣшнюю революцію. Отвѣть мнѣ какъ можно скорѣе. Не знаю, зачѣмъ ты такъ много хлопочешь о справкахъ въ Петербургѣ. О твоемъ возвращеніи въ Литву нечего и думать, а я никогда не вернусь въ Россію; никогда, никогда у меня не было этого намѣренія. Александръ самъ за себя постоитъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы тебя успокоить, я готовъ написать Пржецлавскому, но объясни мнѣ точно, что и какъ дѣлать. Будь здоровъ.

Давидъ Мицкевичу.

Парижъ, 8-го іюня 1832 г.

Давно уже я нахожусь въ поискахъ за вашимъ адресомъ, и вотъ, наконецъ, Ходзько мнѣ сообщаетъ, что письмо мое васъ, вѣроятно, еще застанетъ въ Дрезденѣ, но что надо торопиться, такъ какъ вы собираетесь совершить поѣздку въ Египетъ. Я пишу, чтобы вамъ сообщить, что вашъ бюстъ изъ мрамора оконченъ, и чтобы спросить васъ, кому и гдѣ его передать. Примите его, дорогой другъ, какъ слабую дань удивленія, которое мнѣ внушаетъ вашъ геній....

Мицкевичъ гр. J. Грабовскому.

Дрезденъ 16-го іюня 1832 г.

Я отложилъ отвѣтъ на ваши два письма, потому что мнѣ нечего было писать; я могъ только вздыхать и жаловаться, а этого вы наслушались, вѣроятно, вдоволь. Я выжидалъ, не зная самъ, что съ собою предприму, и только теперь отъѣздъ мой можетъ осуществиться. Понемногу нашихъ отсюда выживаютъ, спроваживая ихъ вѣжливо. Меня до сихъ поръ оставляютъ въ покоѣ, но я самъ не хочу дождаться, пока до меня дойдетъ очередь, и имѣю личныя причины направиться во Францію, такъ какъ я не довѣряю прежнимъ моимъ покровителямъ, зная, какія у нихъ длинныя руки.

Кромѣ того, я долженъ съѣздить въ Парижъ для своихъ дѣлъ, которыхъ устроить гдѣ-нибудь, въ другомъ мѣстѣ, нельзя. Такимъ образомъ, я пущусь въ путь около 22-го; сожалѣю, что мнѣ не удастся проститься съ вами, дорогой другъ. Богъ знаетъ, когда мы опять встрѣтимся! Если всполошатъ Франциска, то пусть онъ ѣдетъ за мною въ Дрезденъ: здѣсь ему сообщатъ мой адресъ. Стефанъ (Гарчинскій) остается еще, чтобы пить воды и устроить свои дѣла; быть можетъ, онъ дождется вашего пріѣзда: но и на это разсчитывать нельзя, такъ какъ полиція каждую минуту можетъ его выпроводить вслѣдъ за нами. Вѣроятно, вамъ уже извѣстно о парижскихъ безпорядкахъ. Республиканцы начали слишкомъ рано. Оппозиція, которая ихъ подстрекнула, сидѣла дома съ обычной ей трусостью, выжидая событій, точно такъ, какъ въ іюльскіе дни, но на этотъ разъ не удалось, и оппозиціонные депутаты постыдно проиграли игру. Le Juste-milieu воспользовался этимъ поводомъ, чтобы насъ поносить: кажется, эта система продолжится еще нѣсколько мѣсяцевъ. Дольше она наврядъ-ли продержится; но тѣмъ временемъ намъ надѣлаютъ не мало зла. Наши возлагаютъ большія надежды на парламентскія пренія, которыя, какъ мнѣ сдается, кончатся пустяками. Я что-то не слыхалъ, чтобы можно было воскресить народъ преніями и дипломатическими нотами! Впрочемъ, такъ какъ у нихъ другаго дѣла нѣтъ, то пусть себѣ болтаютъ. Жаль только, что они возлагаютъ на дипломатію ложныя надежды, которыя стоили намъ уже такъ дорого! Я самъ надѣюсь

только на Бога; онъ разстроитъ всѣ ихъ соглашенія, а потомъ мы ударимъ въ сабли, если только удалось бы ихъ еще разъ обнажить...

Мицкевичъ тому-же.

Парижъ, 13-го сентября 1832 г.

Со времени моего отъѣзда изъ Дрездена со мною случились разныя непріятности, и имѣлъ я не мало хлопотъ. Начались они еще во время моего пребыванія въ Познани, а когда кончатся, — не знаю. Поэтому я не могъ думать о дѣлахъ и только теперь собрался написать вамъ. Считаю долгомъ сообщить, что деньги у меня есть. Я, слѣдовательно, могу возвратить вамъ двѣсти талеровъ; потрудитесь только сообщить мнѣ вашъ адресъ въ Познани или указать здѣсь кого-нибудь. Если же я со временемъ буду нуждаться, то вы позволите мнѣ, почтенный другъ, опять обратиться къ вамъ...

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ, 1832 г.

...У меня было много непріятностей и личныхъ огорченій, такъ что я даже расхворался, но теперь я здоровъ, окончилъ печатаніе моихъ стихотвореній и имѣю средства къ безбѣдному существованію на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ Богъ опять дастъ: я всегда надѣюсь на Провидѣніе...

Гарчинскій Мицкевичу.

Дрезденъ, 25-го октября 1832 г.

...Здѣшнія власти до сихъ поръ меня не выгоняютъ. Началъ-ли ты печатать? Я кончилъ первую часть *Вацлава*, надо только мѣстами поправить, заручиться твоимъ одобреніемъ и, если деньги будутъ, пущу въ обращеніе... Г-жа Потоцкая усердно тебѣ кланяется. Можешь себѣ представить: мужъ заставилъ эту слабую и болѣзненную женщину выѣхать изъ Дрездена и велѣлъ ей тащиться безъ лакея и служанки въ Страсбургъ въ дилижансѣ. Она передъ отъѣздомъ падала въ обморокъ по три раза въ день. Богъ знаетъ, доѣдетъ-ли она. Она выѣхала вчера... Если увидишь генерала Уминскаго, кланяйся ему и спроси его, пожалуйста, можно-ли мнѣ будетъ, живя въ Парижѣ, получать пенсію? Нужно-ли непремѣнно, чтобы получать ее, ходить въ dépôt? Какъ она ни ничтожна, но я предпочитаю отдать ее нищему, чѣмъ подарить..... правительству.

Тотъ-же Мицкевичу.

Дрезденъ, 26-го ноября 1832 г.

...Несказанно меня порадовало, что ты здоровъ. Ты долженъ очень беречь себя, дорогой Адамъ, потому что ты у Польши одинъ. Не забывай ее! Прошлое не принимай къ сердцу, — достаточно

намучились. Я переписалъ мои стихотворенія. *Вацлавъ* вышелъ длинный, но не знаю, понравится ли онъ тебѣ: мѣстами встрѣчаются идеи, но, но.... переписывая, не знаю почему, я его разлюбилъ. Въ концѣ концовъ, я пришлю тебѣ всѣ мои стихотворенія, если ты только и, притомъ, поскорѣе сообщишь, что не отказываешь мнѣ въ содѣйствіи при печатаніи и назначишь кого-нибудь, кто спеціально занялся бы этимъ дѣломъ. Тогда я доставилъ бы деньги, а для начала ты могъ бы дать нѣсколько десятковъ талеровъ....

Мицкевичъ Гарчинскому.

Парижъ, 12 января 1833 г.

Вчера только я получилъ твою рукопись и даже не знаю, какимъ путемъ она до меня дошла. Я весь вечеръ читалъ *Вацлава*. Онъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, какого я себѣ и представить не могъ. Когда ты читалъ мнѣ нѣкоторые отрывки, они казались мнѣ незаконченными или туманными, но теперь они гармонизируютъ и составляютъ нераздѣльное цѣлое; поэтому я уже не совѣтую тебѣ измѣнять то, о чемъ говорилъ раньше. Только-что прочелъ нѣкоторыя части одному другу, который много занимался философіею и сенсимонизмомъ; они произвели на него болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ мои новые «Дзяды». Очевидно, ты больше передумалъ, чѣмъ я, хотя многія мысли я лучше разработалъ. Какъ много сти-

ховъ встрѣчается въ «Вацлавѣ», надъ которыми я размышляю, какъ надъ дорогами въ Помпеѣ; сколько нужно было колесъ, чтобы образовать такую колею! Ты можешь быть вполнѣ увѣренъ, что твое произведеніе насквозь современно и чудеснымъ образомъ отражаетъ въ себѣ состояніе души многихъ людей. Я чрезвычайно радъ, что и въ нравственномъ отношеніи оно окажетъ спасительное дѣйствіе, потому что сразу двинетъ молодежь впередъ, избавивъ ее отъ многихъ безплодныхъ размышленій. Я никогда, какъ поэтъ, не былъ склоненъ къ зависти, но мнѣ кажется, что если бы *Вацлавъ* не былъ твоимъ произведеніемъ, я сталъ бы завидовать его автору; но такъ, я люблю его, какъ наше общее дитя. Посвященіе надо измѣнить, т. е. первыя три слова съ титуломъ выкинуть по многимъ основаніямъ, но, главнымъ образомъ, потому, что сердце мнѣ это подсказываетъ. Пѣсню о блохѣ желательно было бы замѣнить чѣмъ-нибудь народнымъ: мнѣ не нравится, что она напоминаетъ Фауста. Можетъ быть, я отыщу или сочиню, если позволишь, какую-нибудь пѣсенку, которая соотвѣтствовала бы дальнѣйшему, такъ что не придется выбросить ни одного стиха. Крысы превосходны! Послѣднюю строфу я бы выкинулъ; смыслъ остался бы темнымъ и былъ бы тѣмъ интереснѣе. Кое-гдѣ я намѣреваюсь для созвучія переставить слова, можетъ быть, я измѣню нѣкоторыя слова, но, будь увѣренъ, не стану злоупотреблять. Печатать я начну вскорѣ: сегодня у насъ состоится совѣщаніе съ Домейко. Давно уже, съ тѣхъ поръ, какъ я читалъ Шиллера и Байрона,

мнѣ не попадалась вещь, которая меня бы такъ живо заинтересовала!...

Мицкевичъ Одынцу.

Парижъ, 28-го января 1833 г.

...Живется мнѣ здѣсь, среди чужихъ элементовъ, не особенно хорошо. Одни меня ненавидятъ, другіе смотрятъ на меня косо, доктринеры считаютъ меня сумасшедшимъ: всѣ напыщенно глупы, шумливы и неумѣлы. Работы у меня немного, но, при моей лѣни, она мнѣ надоѣдаетъ. Стихотворенія Гарчинскаго я теперь готовлю къ печати, кое-гдѣ измѣняю или смягчаю выраженія. *Вацлавъ* мнѣ очень понравился. Кромѣ этой работы, у меня есть другія поменьше и поскучнѣе. Парижъ мнѣ такъ опротивѣлъ, что я съ трудомъ могу здѣсь выдержать. Что ты сдѣлалъ съ *Корсаромъ* и *Муромъ?* Я переписываю теперь Гяура и, къ величайшему своему сожалѣнію, долженъ былъ отложить шляхетскія поэмы....

Немцевичъ Мицкевичу.

Лондонъ, 3-го февраля 1833 г.

Не могу удержаться, чтобы не выразить вамъ, дорогой соотечественникъ, моей благодарности за прекрасный вашъ подарокъ *). Это вещь прекрас-

*) Рѣчь идетъ о 3-й части «Дзядовъ».

ная, возвышенная, трогательная, остроумная, историческая,— словомъ, она превыше всякихъ похвалъ. Надо, чтобы она получила самое широкое распространеніе и передала потомству вѣрную, хотя и ужасную картину нашихъ страданій и жестокости варваровъ. Еслибъ всѣ наши соотечественники пользовались такъ хорошо своимъ талантомъ (который Богъ имъ далъ), какъ нашъ знаменитый Мицкевичъ! Но увы! мы предпочитаемъ ссориться между собою и чернить другъ друга передъ чужими. И я, несмотря на то, что мнѣ уже 76 лѣтъ, все еще маракую не столько по вдохновенію, сколько по страсти, отъ которой не могу отдѣлаться, хотя и дряхлъ Я послалъ вамъ мое кропаніе: простите старика, который самъ не знаетъ, что плететъ. Я никого, кромѣ Мицкевича, не вижу, кто бы могъ написать *эпическую поэму* о нашемъ возстаніи, въ родѣ Данта. Я поощряю васъ къ этому, почтенный и дорогой соотечественникъ. Вашъ геній исполнитъ эту задачу со славою для себя, а это принесетъ пользу и нашему несчастному отечеству. Да хранитъ васъ Всемогущій на долгія лѣта, какъ украшеніе польскихъ музъ. Вы увидите еще дорогую Польшу, я — ужъ нѣтъ. Vale et nos ama.

Мицкевичъ Гарчинскому.

Парижъ, 5-го марта 1833 г.

Тебѣ, вѣроятно, извѣстна причина медленнаго печатанія, выводящаго тебя изъ терпѣнія. Я вполнѣ

понимаю это чувство, хотя, какъ отецъ многихъ дѣтей, я самъ уже меньше забочусь о появленіи ихъ на свѣтъ и объ ихъ крестинахъ; но твой *Вацлавъ* меня больше занимаетъ, чѣмъ собственныя дѣти. Мы выжидали основанія собственной типографіи, въ которой печатаніе обходилось бы дешевле; если въ теченіи этой недѣли она не откроется, мы начнемъ у Пинара. Не пиши теперь ничего, пока окончательно не поправишься: Гете сказалъ, что не слѣдуетъ портить силъ и расходовать ихъ an ein Bild des Lebens. На судъ публики не обращай вниманія; какъ бы мнѣ хотѣлось удѣлить тебѣ хотя половину моего равнодушія! Меня готовятся страшно пробрать во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Говорятъ, что Гуровскій и т. д., чтобы дискредитировать меня, собираются доказать, что я глупъ, предвидя, что поляки повѣрятъ, когда прочитаютъ это сужденіе въ иностранныхъ газетахъ; а иностранцы вѣдь не могутъ его провѣрить. Вся эта исторія сердитъ моихъ друзей, а меня смѣшитъ. На дняхъ я переселяюсь и буду жить съ Домейко; не помню нумеръ дома, потомъ сообщу адресъ. Много времени и труда отняло у меня переписываніе и исправленіе *Гяура*, до сихъ поръ еще неоконченнаго; надо кончить и начать продавать; я вынужденъ былъ прервать мои сельскія поэмы, которыя я очень люблю; *Гяуръ* мнѣ уже опротивѣлъ. Очень мнѣ непріятно слышать о сплетняхъ по поводу продажи IV тома! Казалось, я имѣлъ дѣло съ порядочными людьми, а они такъ лгутъ. Валерьянъ жалуется на политическую мою неумѣлость: признаюсь откровенно, что я не люблю играть въ жетоны и

пустые орѣхи; я говорилъ Лелевелю, чтобы онъ тотчасъ-же устранился; онъ тогда обидѣлся, но теперь видитъ, что я былъ правъ. Наши, по большей части, забываютъ о польскомъ вопросѣ и ведутъ дрязги изъ-за политической риторики, формъ, скелета какого-то будущаго народа, не задаваясь вопросомъ, дѣйствительно-ли родится ребенокъ, члены котораго они уже распредѣляютъ между собою.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ 14-го февраля 1833 г.

....Есть вѣроятіе, что я продамъ право собственности на мои стихотворенія за пожизненную пенсію, правда, ничтожную, но вѣрную: около 1000 злотыхъ, можетъ быть, и больше. Если тебѣ нельзя будетъ вернуться, то я переведу пенсію на твое имя и вполнѣ тебѣ уступлю ее, потому что самъ я найду какія-нибудь средства къ существованію; къ тому же я могу еще что-нибудь написать...

Гарчинскій Мицкевичу.

Дрезденъ, 17-го апрѣля 1833 г.

....Твои «Дзяды», какъ говорятъ, ходятъ въ Варшавѣ по рукамъ, и полиція назначила 50 злотыхъ награды тому, кто выловитъ экземпляръ; по слухамъ, въ обращеніи болѣе 20 экземпляровъ...

Мицкевичъ Одынцу.

Парижъ, 20-го апрѣля 1833 г.

...Перо у меня не отдыхаетъ. Кромѣ мелкихъ вещей, я написалъ нѣсколько отрывковъ для «Дзядовъ». Переписываніе и исправленіе противнаго *Гяура* ужасно меня мучило, надоѣдало мнѣ и вызвало перерывъ въ болѣе существенныхъ работахъ. Наконецъ, я кончилъ; я долженъ былъ кончить, потому что мнѣ обѣщали за него деньги, которыхъ, однако, до сихъ поръ не присылаютъ. Я опять принялся за сельскую поэму, которая въ настоящее время является моимъ баловнемъ. Я пишу ее, и мнѣ кажется, что я нахожусь въ Литвѣ. Еслибы не *Гяуръ*, можетъ быть, я бы ее уже кончилъ. Хотя и медленно, но она подвигается впередъ. Какъ мнѣ недостаетъ тебя и Стефана!... Втроемъ намъ было такъ хорошо! Быть можетъ, и вы были бы дѣятельнѣе. Здѣсь всѣ поглощены злобами дня, и часто мнѣ разбиваютъ душу на части, а потомъ въ одиночествѣ мнѣ приходится склеивать ее...

Мицкевичъ И. Домейкѣ.

Бэ (Bex), 8-го іюля 1833 г.

Я пріѣхалъ сюда во вторникъ, выѣхавъ въ пятницу изъ Парижа. Для скорости я миновалъ Женеву и направился прямо на Лозанну. Засталъ я Стефана въ лучшемъ положеніи. Кажется, какъ

будто болѣзнь его пріостановилась; говорятъ, что онъ, можетъ быть, предолѣетъ ее, но это извѣстно одному Богу. Доктора мало знаютъ. Послали они его въ Бэ, гдѣ о сывороткѣ никто не слыхалъ, а чахоточныхъ никогда не видѣли. Наше свиданіе было печальное, душу раздирающее. Когда я смотрѣлъ на прекрасное лицо Стефана, блѣдное и печальное, сердце у меня разрывалось. Состояніе его здоровья таково, что мнѣ нельзя будетъ не только предпринимать экскурсій въ горы, но даже выходишь изъ дому. Сидимъ мы себѣ въ гостиницѣ, а дождь такъ и льетъ. Когда я ѣхалъ изъ Лозанны, я встрѣтился на пароходѣ, на Женевскомъ озерѣ, съ г-жею Потоцкою, которая, какъ ангелъ-хранитель, поддерживаетъ жизнь Стефана. Эта женщина примиряетъ съ родомъ человѣческимъ и можетъ вдохнуть въ насъ вѣру въ существованіе добродѣтели на землѣ. Кажется, что жизни у нея хватитъ всего на нѣсколько часовъ; а, между тѣмъ, она постоянно находитъ въ себѣ достаточно силы, чтобы служить другимъ. Вскорѣ она уѣзжаетъ отсюда, и я не знаю, что тогда съ нами станется.

Лафайетъ Мицкевичу.

Парижъ, 17-го іюня 1833 г.

Генералъ Дверницкій взялся передать вамъ, что герцогъ Брольи проситъ васъ зайти къ нему какъ-нибудь утромъ, чтобы устроить дѣло, о которомъ нашъ другъ, г. Куперъ, писалъ мнѣ

до своего пріѣзда. Я имѣю полное основаніе полагать, что оно не встрѣтитъ затрудненій и прошу васъ впредь до пріятнаго свиданія въ Лагранжѣ принять выраженіе моей дружбы и благодарности.

Мицкевичъ И. Домейко.

Женева, 2-го августа 1833 г.

Мы уже двѣ недѣли въ Женевѣ. Стефанъ былъ такъ слабъ, что ежедневно, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, мы были свидѣтелями всѣхъ симптомовъ предсмертной агоніи. Можешь себѣ представить мое положеніе. Теперь ему значительно лучше; но я, по крайней мѣрѣ, не питаю никакой надежды. Лекарства поддержатъ его жизнь, можетъ быть, только до осени. Я нигдѣ не могъ бывать и часто по нѣскольку дней не выхожу изъ дому. Застали мы здѣсь Кляудину Потоцкую; навѣстить кого бы то ни было, мнѣ некогда. Сжалься и хотя для того, чтобы успокоить Стефана, прикажи отпечатать корректурные листы, въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Надо знать его болѣзнь, чтобы понять, какъ каждая опечатка приводитъ его въ отчаяніе; какіе онъ мнѣ дѣлаетъ упреки и какія у него странныя подозрѣнія! Онъ узналъ, что есть экземпляры въ Дрезденѣ и одинъ тутъ, въ Женевѣ. Отсюда новое горе и догадки; пришли намъ сюда поскорѣе нѣсколько экземпляровъ. Ахъ, кабы эта возня съ печатаніемъ кончилась! Она мнѣ надѣлала столько бѣдъ. Что касается до новостей, то могу тебѣ только сообщить, что въ одномъ изъ

кантоновъ дѣло дошло до сраженія между партіями; что отсюда произойдетъ, — уяснить себѣ не могу, потому что не поспѣваю прочесть газету; а видѣться съ кѣмъ-нибудь и поговорить, — объ этомъ и думать нечего. Хотѣлось бы на нѣсколько дней выбраться въ деревню, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; не знаю, удастся-ли... Работы мои прерваны. Ты легко поймешь, что, слыша постоянно кашель и видя страданія Стефана, я и думать не могу о томъ, чтобы писать или хотя бы читать. Если бы я могъ, по крайней мѣрѣ, переписать четвертую пѣсню; попробую, можетъ быть, удастся. Мы пробудемъ здѣсь еще съ мѣсяцъ.

Мицкевичъ тому-же.

Женева, 12-го августа 1833 г.

...Переписываешь ли ты *Тадеуша?* Когда Стефану было немного лучше, я съ грѣхомъ пополамъ переписалъ четвертую пѣсню, но когда буду продолжать, не знаю: я еле держусь на ногахъ..

Мицкевичъ тому-же.

Авиньонъ, 7-го сентября 1833 г.

Я перевезъ Стефана изъ Женевы въ Авиньонъ: доктора и друзья посылаютъ его все дальше. Намъ живется очень плохо. Ты легко представишь себѣ всѣ невзгоды путешествія съ больнымъ, котораго приходится нести на рукахъ изъ экипажа въ домъ,

въ странѣ, гдѣ содержатели гостиницъ, заглянувъ больному въ глаза и видя, что въ нихъ жизни уже мало, не хотятъ его принимать! Далеко ли мы уѣдемъ, не знаю. Велѣно намъ ѣхать въ Марсель, а оттуда въ Италію; такъ хотятъ доктора, хотя они и прибавляютъ на ухо, что больной умретъ въ Марселѣ или на морѣ. Можетъ быть, мы остановимся въ Монпелье. Въ такомъ случаѣ, я тебя увѣдомлю и приглашу туда. Будь здоровъ. Всѣ деньги, которыя у меня были, я издержалъ во время пути: пять миль въ сутки и въ странѣ, такой дорогой, какъ Швейцарія! Г-жа Потоцкая прислала мнѣ денегъ въ Парижъ, но я ихъ ей возвратилъ; пока есть свои, не беру чужихъ. Будь здоровъ.

Мицкевичъ Одынцу.

Авиньонъ, 22-го сентября 1833 г.

Нашъ Стефанъ уже два дня тому назадъ, какъ пересталъ страдать. Когда я вернулся изъ Марсели, куда я ѣздилъ, было, за паспортомъ въ Италію, я убѣдился, что въ нашемъ другѣ, за время моего отсутствія, произошла большая перемѣна. Подъ утро, въ шесть часовъ онъ пересталъ дышать; онъ заснулъ такъ легко, что этой краткой минуты перехода въ лучшій міръ нельзя назвать смертною агоніею. Страдалъ Стефанъ много въ Бэ и въ Женевѣ, потомъ физическія боли прекратились, мучило его только нетерпѣніе, желаніе переѣзжать

съ мѣста на мѣсто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувство возроставшей слабости. Онъ часто предсказывалъ свою смерть, но столь же часто онъ надѣялся, а въ послѣдніе дни больше, чѣмъ когда нибудь. Я везъ его изъ Женевы въ Авиньонъ съ большими трудностями. Тутъ, къ счастію, догналъ насъ старый знакомый Стефана, Понговскій, достойный человѣкъ. Онъ выручилъ меня въ моихъ хлопотахъ и остался при больномъ, когда я ѣздилъ въ Марсель. Мы отговорили Стефана ожидать въ Авиньонѣ паспорта, но, на самомъ дѣлѣ, нельзя было и думать о дальнѣйшемъ путешествіи.

За нѣсколько дней до его смерти пріѣхала также г-жа Потоцкая и усладила послѣднія минуты его земнаго существованія. Въ ночь, когда онъ умеръ, я оставался при немъ долго; потомъ, утомленный дорогою и безсонницею, я пошелъ спать. Понговскій остался у постели. Испуганный тихимъ сномъ больнаго, онъ приблизился и убѣдился, что Стефанъ умеръ. Ты поймешь, почему я не писалъ тебѣ съ дороги. Я самъ былъ въ очень печальномъ положеніи. Я ѣду въ Ліонъ, а оттуда, вѣроятно, вернусь въ Парижъ. Здоровье мое сильно пошатнулось, но надѣюсь, что оно поправится...

Мицкевичъ Домейко.

22-го сентября 1833 г.

...Я теперь похожу на француза, возвращающагося на родину изъ кампаніи 1812 г.; я деморализованъ, слабъ, окончательно обтрепанъ, почти безъ

сапогъ. Ни о чемъ и думать теперь не въ состояніи, но со временемъ отдохну, и здоровье, надѣюсь, вернется. Понговскій по прошествіи недѣли потерялъ аппетитъ и сонъ, а я былъ цѣлыхъ два мѣсяца въ такомъ положеніи. Богъ надо мною сжалился и послалъ мнѣ Понговскаго и Потоцкую; безъ ихъ помощи я, можетъ быть, слегъ бы въ постель. Будь здоровъ.

К. Потоцкая Мицкевичу.

Женева, 18 февраля 1834 г.

...Говорятъ, Словацкій печатаетъ четвертый томъ съ предисловіемъ, въ которомъ онъ окончательно убѣдитъ публику, что она жестоко заблуждалась, думая, что въ Европѣ есть одинъ только геній и что этотъ геній — не Словацкій.

Мицкевичъ Одынцу.

Парижъ, февраля 1834 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писалъ, я много страдалъ отъ зубной боли, флюса и упорнаго кашля. Все это прошло съ новымъ годомъ; теперь мнѣ лучше, и я вернулся къ работѣ. Новогоднее твое письмо очень грустное; я предвидѣлъ, что ты много выстрадаешь въ жизни. До сихъ поръ ты, повидимому, только блуждалъ у ея береговъ, не приставая нигдѣ окончательно. Теперь ты начинаешь жить серьезно. Вѣдь ты счастливѣе другихъ,

находя, какъ мужъ и въ религіозныхъ твоихъ чувствахъ, защиту и утѣшеніе. Ты никогда не былъ дурнымъ человѣкомъ; потому легче тебѣ стать вполнѣ добродѣтельнымъ. А вѣрь мнѣ, что въ этомъ основа счастія и что, кромѣ собственныхъ ошибокъ, другаго несчастія нѣтъ. Ни на кого не обращать вниманія, кромѣ себя, мало заботиться о людскихъ толкахъ, — это единственная мораль, которую легко повторять, но которая лишь поздно даетъ себя чувствовать во всей силѣ. Я живу здѣсь почти въ полномъ одиночествѣ; съ людьми мнѣ все труднѣе уживаться, и чѣмъ меньше я ихъ вижу, тѣмъ для меня лучше. Я убѣждаюсь, что слишкомъ много жилъ и работалъ, исключительно, для свѣта, для суетныхъ похвалъ и мелочныхъ цѣлей. Мнѣ кажется, что я уже никогда не буду пользоваться перомъ для пустяковъ. Только то произведеніе имѣетъ цѣну, которое можетъ исправить человѣка и научить его мудрости. Можетъ быть, я бросилъ бы и *Тадеуша*, но приближался уже къ концу. Вчера я его кончилъ. Огромныя двѣнадцать пѣсенъ! Много суетнаго, но и много хорошаго. Прочтешь. Черезъ нѣсколько недѣль начну печатать Много труда при переписываніи. Лучше всего удались картинки нашего края съ натуры и нашихъ домашнихъ нравовъ. Еле успѣлъ окончить, потому что духъ увлекалъ меня уже въ другую сторону, къ продолженію «Дзядовъ», отрывки которыхъ я написалъ мимоходомъ. Изъ нихъ я хочу сдѣлать единственное мое произведеніе, достойное чтенія, если Богъ только позволитъ кончить его. Живу почти исключительно съ

Стефаномъ и Антоніемъ; съ Стефаномъ З., играю въ шахматы, а съ Богданомъ иногда спорю *). Отвѣть мнѣ и пришли адресъ У Зофіи твоей цѣлую ручки. Я о ней часто думалъ, когда изображалъ героиню моей поэмы, Зосю. Однако, лучше глядѣть на живую, чѣмъ рисовать, хотя бы и восхитительнѣйшую, въ поэмѣ. Еловицкій уже объявилъ о печатаніи *Корсара* и ожидаетъ только рукописи. Будь здоровъ. Читаю я очень мало, по большей части Сенъ-Мартена, произведенія котораго, если они тебѣ попадутся, читай внимательно и усердно.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ, 19-го апрѣля 1834 г.

...Мое новое произведеньеце, которое я теперь печатаю, разыгрывается въ Литвѣ: ты въ немъ найдешь описаніе домашней жизни, охотъ, чиновничьи остроты, охоты и т. д. Писаніе этихъ вещей меня чрезвычайно занимало, перенося меня въ нашу милую родину...

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Парижъ, 19-го апрѣля 1834 г.

...Всю зиму я хворалъ, а теперь опять ожилъ и весь поглощенъ корректурою. Первый томъ *Та-*

*) Рѣчь здѣсь идетъ о Стефанѣ Витвицкомъ, Антоніѣ Горецкомъ, Стефанѣ Занѣ и Богданѣ Залескомъ.

деуша скоро выйдетъ изъ печати, но мы его не выпустимъ въ свѣтъ, пока второй не будетъ оконченъ. Писаніе меня развлекало, а теперь въ корректурѣ нахожу contre-coup сильнѣйшему сплину, сверлящему мнѣ сердце, точно буравомъ. Но ты знаешь, что я свою тоску оставляю при себѣ, и никто не знаетъ, какъ мнѣ иногда тяжело жить. Не знаю, останусь ли я здѣсь на лѣто или поѣду куда-нибудь въ деревню подъ Парижемъ. Мнѣ хотѣлось бы начать какое-нибудь постоянное прозаическое произведеніе, чтобы занять мысль. Жегота здоровъ. Стефанъ З. живетъ теперь со мною и утромъ мнѣ варитъ кофе. Вообще, я мало кого вижу и чувствую себя лучше всего, когда никого не вижу...

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Парижъ, 2-го іюля 1834 г.

Ты, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ ожидаешь моего отвѣта. Скажу тебѣ коротко и ясно: я женюсь на Целинѣ. Долго было бы писать о томъ, какъ я въ послѣднее время скучалъ и какъ бремя жизни меня тяготило. Посмотримъ, будетъ-ли мнѣ теперь легче или тяжеле. Впослѣдствіи я тебѣ напишу обстоятельнѣе; ты догадываешься, что мнѣ теперь некогда. Целина вскорѣ сама будетъ вамъ писать.

Мицкевичъ И. Домейкѣ.

Парижъ, 21-го іюля 1834 г.

Милостивый государь. Завтра моя свадьба. Облачись, поэтому, во фракъ и отправься въ половинѣ девятаго утра къ Зану, а, вмѣстѣ съ нимъ, не позже десяти къ Воловскимъ, откуда мы поѣдемъ на церемонію. Не говори объ этомъ никому и смотри — не опоздай.

Сегодня — понедѣльникъ, 21-го. Завтра — вторникъ, 22-го.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ, августъ 1834 г.

...Съ грустью я вижу, что положеніе твое не только не улучшается, но становится для тебя все тягостнѣе. Особенно меня испугала послѣдняя твоя приписка о новыхъ прискорбныхъ твоихъ бѣдствіяхъ, о которыхъ я могу только догадываться, но, къ несчастію, средствъ помочь тебѣ не имѣю. Ты пишешь, что Александръ не можетъ тебѣ оказать никакого содѣйствія. Если тебѣ нужна денежная помощь, то почему ты не обратился ко мнѣ: у меня немного, но я всегда готовъ послѣднимъ подѣлиться съ тобою. Тебѣ теперь удобнѣе писать въ Дрезденъ: напиши, пожалуйста, обстоятельно о твоихъ заботахъ, здоровьѣ и надеждахъ. О себѣ я сообщу тебѣ неожиданную для тебя новость:

двѣ недѣли тому назадъ я женился. Жена моя, Целина Шимановская — дочь умершей въ Петербургѣ артистки. Я знавалъ ее ребенкомъ въ домѣ матери. Когда она подросла, она потеряла родителей и, приглашенная мною, пріѣхала сюда раздѣлить мою невѣрную судьбу. Весь прошлый годъ былъ для меня очень печаленъ. Болѣзнь, потомъ какая-то тоска *) постоянно меня угнетали. Я искалъ утѣшенія въ семейномъ счастьѣ, пока можно жить дома. Хотя мы оба не имѣемъ состоянія, но, пока живемъ, въ хлѣбѣ нуждаться не будемъ. О будущемъ, какъ тебѣ извѣстно, я мало думаю, и счастіе мое нисколько не отравляется мыслью, что я не знаю, какъ продолжительно оно будетъ. Целина, именно, такая жена, какую я искалъ, готовая идти на встрѣчу всякимъ невзгодамъ, довольствующаяся малымъ, всегда веселая. Живемъ мы теперь собственнымъ хозяйствомъ. Если судьба тебя заброситъ во Францію, то ты найдешь у насъ любящую тебя семью, комнатку, польскій борщъ и кашу.

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Парижъ, осенью 1834 г.

Вотъ уже третья недѣля, какъ мы живемъ съ Целиной собственнымъ хозяйствомъ. Поймешь, въ качествѣ стараго мужа, что у меня не хватало

*) Слово написано неразборчиво.

времени писать тебѣ. Распространяться о теперешнемъ счастіи еще слишкомъ рано; скажу тебѣ только, что вотъ уже три недѣли, какъ я ни разу не былъ не въ духѣ, а часто бывалъ веселъ и легкомысленъ, какъ давно не случалось. Пожелай мнѣ только, чтобы всегда такъ было. Целина также говоритъ, что она вполнѣ счастлива, и радуется, какъ ребенокъ. Три недѣли счастья, — и это не мало!... Сообщу тебѣ еще о нашемъ хозяйствѣ. Мы живемъ далеко отъ центра города, въ захолустьѣ, почти какъ въ деревнѣ. У насъ всего три комнаты, собственная мебель, вскорѣ будетъ фортепіано. Утромъ Целина варитъ кофе, потомъ хозяйничаетъ себѣ, вертится по комнатамъ, щебечетъ и смѣется до самаго вечера. Послѣ первыхъ скучныхъ визитовъ мы почти совсѣмъ не выходимъ. Вечеромъ прежняя компанія; Домейко и нѣсколько другихъ лицъ иногда заглядываютъ къ намъ. Но мои знакомые еще не совсѣмъ освоились съ новою моею мебелью; они чувствуютъ себя еще нѣсколько стѣсненными. Постепенно я, однако, вернусь къ прежнему образу жизни и начну что-нибудь дѣлать; все это время я только лѣнился и наслаждался жизнью. — Меня злитъ, что не могу тебѣ еще послать *Тадеуша*...

Нѣмцевичъ Мицкевичу.

Монморанси, 18 сентября 1834 г.

Только-что узналъ отъ г. Витвицкаго о появленіи на свѣтъ Божій ея высокоблагородія г-жи

Мицкевичъ, и хотя мнѣ все труднѣе подняться съ мѣста, но, тѣмъ не менѣе, отъ всей души поспѣшу оказать ей христіанскую услугу, къ которой меня призываетъ почтенный ея отецъ. Надѣюсь быть въ Парижѣ въ будущій вторникъ и тотчасъ же направлюсь къ вамъ для полученія инструкцій...

Альфредъ де-Виньи Мицкевичу.

Парижъ, 1-го апрѣля 1837 г.

Ничто не могло помѣшать мнѣ, м. г., прочесть и перечитывать вашу драму съ величайшимъ вниманіемъ. Я совѣтую вамъ представить ее въ одну изъ театральныхъ дирекцій, но долженъ вамъ сказать, что у меня есть нѣсколько серьезныхъ возраженій. Если вы окажете мнѣ честь и зайдете завтра или послѣзавтра ко мнѣ въ двѣнадцать часовъ, то я сочту себя счастливымъ поговорить съ вами и служить вамъ всѣмъ, что только отъ меня зависитъ.

Э. Рачинскій Мицкевичу.

Познань, 9-го іюня 1837 г.

...Перехожу теперь къ болѣе важному предмету. Не согласитесь ли вы меня сдѣлать своимъ издателемъ. Пишите, что вамъ угодно, но только по-польски, о Польшѣ и такъ, чтобы берлинская цензура (не особенно строгая) пропустила. Я буду

издавать ваши произведенія. Примите это, какъ доказательство уваженія отъ соотечественника, который гордится честью издавать то, что пишетъ Мицкевичъ...

-зн

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Парижъ, 16 августа 1837 г.

...Я писалъ тебѣ прежде о французскомъ произведеніи *). Сообщу тебѣ теперь, что я сочинилъ драму. Если бы представленіе ея состоялось, то это было бы чрезвычайно выгоднымъ финансовымъ предпріятіемъ; но дѣло это не легкое. До сихъ поръ мнѣ удалось только добиться того, что драма прочитана въ одной изъ театральныхъ дирекцій. Слѣдовательно, дѣло только-что начато; до цѣли еще далеко. Однако, нѣсколько знаменитыхъ французовъ одобрили произведеніе. Долженъ тебѣ даже похвастаться, что г-жа Зандъ похвалила мой слогъ, назвавъ меня *un auteur supérieur dans notre langue*. Этотъ похвальный отзывъ болѣе всего удивилъ Витвицкаго, который никогда не былъ высокаго мнѣнія о моихъ познаніяхъ во французскомъ языкѣ и понять не могъ, какъ иностранецъ рѣшается покушаться на драматическій слогъ. А теперь онъ самъ пишетъ и пробуетъ счастія на другомъ театрѣ; все это оставь при себѣ, потому что Богъ вѣсть, удастся ли намъ. Я буду дебютировать въ театрѣ Porte St.-Martin,

*) Drames Polonais, впервые изданныя въ 1867 г.

а если встрѣтятся препятствія, то буду ожидать новаго французскаго театра, гдѣ принятіе моего произведенія обезпечено; но открытіе его послѣдуетъ еще не скоро. Все это я дѣлаю просто для хлѣба; если удастся, то мнѣ потомъ можно будетъ долго спокойно себѣ странствовать по нивамъ отечественной литературы. Теперь я работаю надъ польскою исторіею *). Первый томъ скоро окончу, но работа быстро возрастаетъ, и я убѣждаюсь, какъ трудно составить что-нибудь хорошее! Какой ужасный подлогъ у насъ совершается съ исторіею...

Мицкевичъ Одынцу.

Парижъ, декабрь 1837 г.

...Я боролся съ денежными затрудненіями, но Провидѣніе меня не оставляетъ, и годы пополамъ съ грѣхомъ проходятъ. Я пишу теперь вещь на французскомъ языкѣ; если она удастся и понравится публикѣ (она уже написана), то наши дѣла могутъ поправиться. Помолись при случаѣ за успѣхъ. У меня уже задумано второе произведеніе этого рода, если первое пойдетъ хорошо, а затѣмъ я вернусь къ польскимъ вещамъ. Долго я ничего не могъ писать, но два мѣсяца тому назадъ вернулась охота... Что касается до новостей изъ эмигрантскаго міра, то ты, вѣроятно, слы-

*) Рѣчь идетъ тутъ о «первыхъ вѣкахъ польской исторіи», — трудѣ, изданномъ въ 1868 г.

шалъ о католикахъ, іезуитахъ, барашкахъ и т. д. Чтобы ты могъ оріентироваться въ этихъ сплетняхъ, я сообщаю тебѣ (но никому не говори объ этомъ), что, дѣйствительно, среди эмигрантовъ Евангеліе дѣлаетъ быстрые успѣхи и люди возвращаются въ лоно Церкви, что́ однихъ злитъ, другихъ удивляетъ, а меня радуетъ. Нѣсколько очень способныхъ лицъ поступили въ семинарію, другіе живутъ въ домѣ, устроенномъ наподобіе монастыря или, лучше сказать, братства, гдѣ они работаютъ сообща и воспитываютъ нѣсколькихъ мальчиковъ... Не знаю, читалъ ли ты *Иридіона* того же автора, что и *Небожественная комедія*. Тѣ же недостатки, но встрѣчаются дивныя страницы...

Мицкевичъ Домейкѣ.

Парижъ, 4-го сентября 1837 г.

...Мы тутъ, слава Богу, здоровы и также находимся на пути къ обогащенію. Правительство назначило мнѣ пенсію въ 80 франковъ и единовременное пособіе въ 1000 франковъ, но драма моя, на которую я разсчитывалъ какъ на Чили, до сихъ поръ остается безъ движенія и не принята въ Porte St.-Martin...

Жоржъ Зандъ Мицкевичу.

Вторникъ (1837 г.?)

Желаете ли, чтобы я въ теченіе тѣхъ немногихъ дней, которые я здѣсь пробуду, перечитала еще

разъ вашу драму? Если она для сцены окажется непригодною, то почему бы вамъ ее не напечатать? Я помню, что она прекрасна. Довѣрьте мнѣ ее. Зачѣмъ оставлять ее безъ движенія? Вы не можете написать вещь безполезную или посредственную.

Жоржъ Зандъ Мицкевичу,

(1837?)

Я позволила себѣ сдѣлать *перомъ* нѣсколько замѣтокъ возлѣ тѣхъ, которыя сдѣланы *карандашемъ* на поляхъ вашей рукописи. Не знаю, кому онѣ принадлежатъ, но онѣ мнѣ представляются, по большей части, невѣрными, и я думаю, что вы гораздо лучше знакомы съ силою и энергіею нашего языка, чѣмъ лицо, которому вы поручили сдѣлать поправки. Я не рѣшаюсь произнести общаго сужденія о вашемъ трудѣ; въ драматическихъ произведеніяхъ я не считаю себя компетентнымъ судьею. Къ тому же, я преисполнена такого удивленія и симпатіи ко всему, что вамъ принадлежитъ, что я не замѣтила бы погрѣшности вашего новаго труда, еслибы даже онѣ были. Я буду говорить только о слогѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ онъ господствуетъ надъ дѣйствіемъ, онъ не уступаетъ слогу лучшихъ нашихъ старыхъ писателей. Въ мѣстахъ, гдѣ неизбѣжно преобладаетъ дѣйствіе (за исключеніемъ нѣсколькихъ неточностей, которыя было бы безполезно перечислять, — такъ легко вы можете сами ихъ устранить), слогъ мнѣ

показался такимъ, какимъ онъ долженъ быть, но онъ нѣсколько отрывистъ (trop brisé), особенно, при своеобразномъ характерѣ роли воеводы, энергія въ способѣ выраженія котораго, именно, и заключается въ отсутствіи всякой искусственности (dont l'énergie d'expression est précisement dans l'omission de l'expression). Можетъ быть, по той же причинѣ, всѣ остальныя дѣйствующія лица должны были бы быть воздержнѣе въ пресѣченіяхъ и умолчаніяхъ. Духъ нашего языка не допускаетъ ихъ въ такомъ обиліи, и хотя наши современные драматическіе писатели очень щедры въ этомъ отношеніи, но старые и знаменитые наши писатели, которыхъ я считаю вашими предками по генію, наоборотъ, прибѣгаютъ къ нимъ очень умѣренно.

Мнѣ стыдно, м. г., что я позволила себѣ сдѣлать эти замѣчанія такому авторитету (supériorité), какъ вы. Я воздержалась бы отъ нихъ, еслибы вы сами ихъ не потребовали, по добротѣ своей, у меня, недостойной, но искренней почитательницы вашего мощнаго таланта (puissance). Что касается до успѣха драмы, то я предсказать тутъ ничего не могу. Французская публика нынѣ такъ пошло тупоумна (ignoblement stupide), она рукоплещетъ такимъ смѣшнымъ побѣдамъ, что я считаю ее на все способною, даже освистать вещь Шекспира, если она предложена будетъ подъ другимъ названіемъ. Могу только сказать, что если прекрасное, великое и сильное должно быть увѣнчано, то судьба эта ожидаетъ ваше произведеніе.

Э. Рачинскій Мицкевичу.

(1837 г.?)

...Посылаю вамъ гонораръ въ 1000 франковъ за стихи, въ которыхъ вы мнѣ не откажите. Когда вы ихъ отошлете, сожгите черновую, потому что я желалъ бы, чтобы они когда появятся въ свѣтъ, были свѣжи и для всѣхъ новы.

...Не знаю, писалъ ли я вамъ, что имѣю обыкновеніе читать послѣ обѣда, въ видѣ десерта, стиховъ двѣсти изъ *Тадеуша*. Недавно мнѣ кто-то сказалъ: «Знаете ли, что вы стали должникомъ автора за это?» Не оспариваю долга и посылаю вамъ двѣсти таллеровъ. Да хранитъ васъ Богъ!

Мицкевичъ ксендзу Кайсевичу.

Парижъ, 29-го января 1838 г.

...Исторія моя подвигается лѣниво и туго, потому, вѣроятно, что я принялся не за свое дѣло. Многое мнѣ приходится учить наизустъ. У меня такой ужь умъ, что я не въ состояніи написать то, чего не знаю наизустъ...

Мицкевичъ Штатлеру.

Парижъ, 1838 г.

...Жаль, что ты ничего не прислалъ къ намъ на выставку; не забудь объ этомъ въ будущемъ году.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ не стоило показывать парижанамъ твоихъ работъ, потому что они не оцѣнили бы ихъ по достоинству; но теперь происходитъ переворотъ въ искусствѣ... Художники начинаютъ понимать, что только христіанская живопись имѣетъ будущность и что всѣ другіе жанры являются игрушкою... Еслибы ты прислалъ «Маккавеевъ» и написалъ бы что-нибудь новозавѣтнаго! Я не о томъ забочусь, чтобы въ Парижѣ тебя признали великимъ художникомъ: газетнаго диплома тебѣ не нужно въ глазахъ знатоковъ. Но похвалы парижанъ доставятъ тебѣ авторитетъ въ самомъ краѣ: вѣдь тебѣ извѣстно, что мы до сихъ поръ выписываемъ мнѣніе изъ Парижа.

Эдгаръ Кинэ Мицкевичу.

Шароль, 10-го мая 1838 г.

...Вы мнѣ обѣщали иногда подавать признаки жизни о себѣ. Вы не повѣрите, какъ я дорожу этимъ обѣщаніемъ. Говорю вамъ откровенно, что я желалъ бы пріобрѣсти вашу дружбу. Разставаясь съ молодостью, я нашелъ въ васъ глубину чувствъ, которая плѣнила меня болѣе, чѣмъ я это выразить могу. Мнѣ показалось, что въ исходѣ первой половины моей жизни, я встрѣтился въ одною изъ тѣхъ мужественныхъ (viril) душъ, къ которой я долженъ примкнуть на всю остальную часть моей жизни. Ваша вѣра, которую я желалъ бы раздѣлить съ вами, привлекаетъ меня: она возноситъ меня надъ этимъ печальнымъ міромъ. Тутъ вы

имѣете рѣшительное превосходство надо мною. Ваши совѣты могутъ мнѣ быть чрезвычайно драгоцѣнны, и я испрашиваю ихъ у васъ съ полною искренностью. Взамѣнъ я вамъ дамъ сердце, жаждущее истины и симпатіи. Если этотъ обмѣнъ не слишкомъ неровенъ, то отвѣчайте мнѣ. Я жажду дружбы и возвышенныхъ идей. Время проходитъ, а я еще такъ мало знаю изъ того, что мнѣ слѣдуетъ знать. Дорогой другъ, помогите мнѣ выйти изъ этого состоянія невѣжества или переносить его.

Мицкевичъ Богдану и Josифу Залѣскимъ.

Парижъ, май 1838 г. (?)

... Исторія моя подвигается туго; я измѣняю раздѣлы, а это служитъ доказательствомъ незрѣлости идей,—словомъ, надо выждать болѣе благопріятнаго времени и вдохновенія. Относительно работъ, которыя мы предприняли сообща въ пользу братства *), я также похвалиться не могу. Вит-

*) Братство, о которомъ упоминаетъ тутъ Адамъ, мы учредили, пріобщившись св. таинъ, въ Парижѣ, 19-го декабря 1834 года, подъ названіемъ «Соединенные братья» (Bracia Zjednoczeni) съ христіанскою и польскою цѣлью сообща упражняться въ набожности, равно какъ и побуждать къ ней другихъ эмигрантовъ-соотечественниковъ... Одинъ изъ братьевъ, Богданъ Янскій, расширилъ дѣятельность братства, распространивъ ее на младшую братію въ стѣнахъ такъ называемаго *монастырчика*. Изъ избранниковъ этого монастырчика... образовался впослѣдствіи благословенный орденъ отцевъ воскресенцевъ (Ojców Zmartwychwstańców) (*Примѣчаніе Богдана Залѣскаго*).

вицкій одинъ только дѣятеленъ, о другихъ я этого сказать не могу. Самъ я надѣюсь современемъ догнать другихъ. Я намѣренъ перевести Діонисія Ареопагита или кого-нибудь изъ отцевъ церкви. Вы видите, слѣдовательно, что я въ ваше дѣло не вмѣшиваюсь. Очень мнѣ бы, однако, хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ васъ занялся переводомъ новѣйшихъ полемическихъ трудовъ. Прекрасно, напр., было бы перевести «Путешествіе ирландца съ цѣлью открыть религію», Мура, Исторію Кабэ и т. п. Намъ не слѣдуетъ забывать, что мы трудимся не для людей набожныхъ и совершенныхъ, а для такихъ-же свѣтскихъ бродягъ, какъ мы сами, что теперь ужь рѣдко кто нападаетъ на вѣру при помощи философскихъ аргументовъ, ибо вся артиллерія невѣрующихъ давно сбита и приведена къ молчанію. Они приступили теперь къ партизанской перестрѣлкѣ: болтаютъ, острятъ, шумятъ, обстрѣливая церковь то съ той, то съ другой стороны. Противъ этихъ застрѣльщиковъ хорошо было бы выступить съ сочиненіями, болѣе легкими и популярными. Обсудите это мое предложеніе. Впрочемъ, что бы вы ни выбрали, вы всегда окажете народу большую услугу...

Самый важный вопросъ я оставилъ напослѣдокъ; о немъ я много думалъ и хочу посовѣтоваться съ вами. Вы знаете, что въ Алжирѣ и Оранѣ находится нѣсколько десятковъ поляковъ. Что съ ними тамъ творится? Неужели никто изъ васъ (особенно, Іосифъ, какъ старшій и болѣе опытный) не имѣетъ охоты и случая навѣстить ихъ? Префектъ навѣрно не откажетъ въ паспортѣ. Мы могли бы

отправить отсюда книги для учрежденія читальни. А, можетъ быть, удалось бы организовать что-нибудь лучше, напр., какое-нибудь братство для взаимнаго вспомоществованія на случай болѣзней, для совмѣстнаго совершенія религіозныхъ обрядовъ и т. д. Я не пишу здѣсь инструкціи. Если бы кто-нибудь изъ васъ поѣхалъ, то ему было бы на мѣстѣ виднѣе, что дѣлать. Вѣдь и товарищество лазаретныхъ сидѣльцевъ имѣло такое скромное начало! Еслибы со временемъ всѣ католики-эмигранты почувствовали потребность организовать одно цѣлое и выбрать старшаго, то этотъ старшій долженъ былъ бы избрать себѣ столицу въ Ирландіи или въ Африкѣ. Это мечты, которыя, можетъ быть, никогда не осуществятся, но тотъ поступитъ по-христіански, кто навѣститъ алжирскихъ братьевъ. Если онъ навратитъ хотя одного изъ нихъ на путь истины, то съ избыткомъ вернетъ путевыя издержки...

Мицкевичъ тѣмъ-же.

Августъ, 1838 г.

....Сообщу вамъ, между прочимъ, новость, или пророчество, или приключеніе, потому что не знаю, какъ это назвать,— словомъ, вещь любопытную и даже отчасти политическую. Случайно я узналъ объ одной француженкѣ *), которая пишетъ какія-

*) Рѣчь идетъ о г-жѣ Паранъ, ясновидящей того времени. (*Прим. Б. Залѣскаго*).

то пророчества. Мною овладѣло чисто-эмигрантское любопытство узнать что-нибудь болѣе обстоятельнаго объ этомъ. Нѣсколько дней спустя я узнаю, что *мнѣ* разрѣшено прочесть часть этихъ пророчествъ. Отправился я за городъ, видѣлъ француженку, даже немного говорилъ съ нею. Это особа уже не молодая и, какъ говорятъ, очень набожная. Кажется, что она считаетъ себя призванной возвѣщать великія вещи и даже содѣйствовать ихъ осуществленію, но не знаю какимъ образомъ, — коротко говоря, я прочелъ все предисловіе къ пророчеству. Содержаніе этого предисловія заключается въ томъ, что настаетъ время великихъ политическихъ перемѣнъ, что эти перемѣны изойдутъ не отъ одного человѣка, а отъ цѣлаго народа, что этимъ народомъ, избраннымъ для *священства* и всемірнаго царства, — Польша, что она является колыбелью, въ которой родится политическій мессія и т. д. Хотя эти мысли не вполнѣ новы, но, тѣмъ не менѣе, меня сильно поражаетъ, что иностранка, которая не знакома съ нашею исторіею и не знаетъ нашего народа, говоритъ такія вещи. Какой-то полякъ, съ которымъ она знакома, человѣкъ почтенный, но нисколько не посвященный въ такого рода мысли и которому прежде такія вещи даже и во снѣ не снились, не могъ ей ничего сказать о Польшѣ особенно умнаго. Прибавлю еще, что, кромѣ предисловія, мнѣ сообщено нѣсколько пророчествъ объ очень благопріятныхъ для насъ событіяхъ, которыя должны наступить *вскорѣ*. Но объ этомъ мнѣ запрещено распространяться, такъ что самаго любопытнаго вы пока еще

не узнаете. Я невѣрно выразился: есть еще болѣе любопытное пророчество, касающееся *организаціи Польши*, но оно и мнѣ не сообщено. Оно будетъ обнародовано въ свое время. Приходится ждать. Я не имѣю никакого основанія вѣрить въ пророчества этой женщины; однако, я долженъ вамъ сознаться, что они сильно меня занимаютъ. Пусть это останется между нами; не говорите чужимъ, пока мы не разузнаемъ все точнѣе, тѣмъ болѣе, что меня просили сохранить это дѣло въ тайнѣ...

Мицкевичъ женѣ.

Веве, 20-го октября 1838 г.

Я счастливо и въ добромъ здравіи пріѣхалъ въ Женеву.... Разскажу тебѣ, какъ обстоитъ дѣло. Не дурно; какъ разъ передъ моимъ пріѣздомъ (въ Лозанну) кандидатъ на каѳедру латинской словесности провалился: вакансія въ академіи свободна. Уроковъ шесть или семь въ недѣлю, содержанія около 2800 фр., а у кого больше уроковъ, тотъ и получаетъ больше. По здѣшнимъ цѣнамъ мы могли бы жить за эти деньги хорошо. Страна — настоящая картинка. Женева въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды... На каникулы мы могли бы ѣздить въ Италію. Словомъ, намъ было бы здѣсь очень хорошо; вопросъ въ томъ, какъ справлюсь съ экзаменами и пробными лекціями. Прошу тебя, сходи тотчасъ-же исповѣдаться и помолись о благополучномъ окончаніи этого дѣла. Вотъ такъ счастіе, что

швейцарцы, которые заботятся только о цѣнахъ на сыръ и вино, прослышали обо мнѣ...

Мицкевичъ женѣ въ Ванвръ

1838 г.

Ты знаешь, мой другъ, что болѣзнь твоя ничто иное, какъ сильное нервное возбужденіе. Чѣмъ больше ты будешь раздражаться и мучиться, тѣмъ дольше тебѣ придется жить въ разлукѣ со мною и дѣтьми. Будь совершенно спокойна въ теченіе нѣсколькихъ дней, и тебя пустятъ къ намъ. Наше счастіе, слѣдовательно, зависитъ отъ тебя. Старайся заниматься чѣмъ-нибудь: начни для меня какую-нибудь работу, которая, въ то же время, будетъ служить памятью о времени нашей разлуки, займись музыкой...

1838 г.

Старайся, дорогая моя Целина, чтобы на душѣ у тебя было такъ же спокойно, какъ у меня. Ты должна довольствоваться теперь моею любовью, которая потомъ тебя исцѣлитъ. Я пишу это, макая перо въ сердце. Гг. Вуазена, Фалере и ихъ товарищей люби и уважай, какъ лицъ, меня заступающихъ, чѣмъ ты докажешь, что меня любишь. Это будетъ для тебя испытаніемъ. Если тебѣ сдѣлаютъ что-либо непріятное, скажи себѣ:

Адамъ такъ велѣлъ. Ты была неискренна, когда писала послѣднее письмо весело и игриво; на самомъ дѣлѣ, ты была печальна. Будь искренна. Ты страдаешь за притворство. Исправься отъ этого грѣшка.

Сенъ-Бёвъ Мицкевичу.

28-го ноября 1838 г.

Я получилъ письмо отъ моихъ друзей Оливье. Лозаннская академія приняла относительно васъ рѣшеніе: она единогласно постановила ходатайствовать у государственнаго совѣта о предоставленіи вамъ курса на самыхъ выгодныхъ условіяхъ и съ высшимъ окладомъ. Вы видите, слѣдовательно, м. г., что если лучъ поэзіи пробивается и поздно, то все-таки, пробивается. Примите, — это мой совѣтъ. Лозанна — прекрасный городъ; вы найдете тамъ (если это не слишкомъ смѣлая мысль) отечество.... какъ многіе изгнанники. Нравственная, преданная, патріотическая тамошняя молодежь отнесется къ вамъ съ расположеніемъ. Но, въ особенности, я вамъ рекомендую домъ нашихъ дорогихъ друзей Оливье, какъ средоточіе поэзіи, любви и самыхъ симпатичныхъ добродѣтелей. Нигдѣ вы не найдете болѣе прочной опоры. Если г-жа Мицкевичъ поѣдетъ съ вами, то вы найдете тамъ все, что можетъ вамъ помочь и васъ облегчить. Словомъ, м. г., я желалъ бы очень для васъ, для Лозанны, чтобы вы поселились въ этомъ городѣ. И

такъ отвѣчайте, отвѣчайте поскорѣе либо г. М. Моннару, ректору академіи, либо Оливье, который, какъ вы знаете, живетъ въ улицѣ Мартерэ.

Мицкевичъ И. Домейкѣ.

Лозанна, 1-го августа 1839 г.

... Въ прошломъ году я получилъ мѣсто профессора латинской словесности въ Лозаннской академіи. Упорная болѣзнь жены долго не позволяла мнѣ поселиться здѣсь. Теперь я переѣхалъ сюда со всѣмъ семействомъ, и мѣсто, навѣрное, останется за мною; буду учительствовать. Жена и дѣти здоровы. Мися сильно подросла. Владзіо перенесъ продолжительную и тяжкую болѣзнь, но теперь начинаетъ ползать; мальчикъ будетъ худой; онъ пошелъ въ меня, какъ Мися въ мать. Живемъ мы здѣсь довольно сносно и платимъ 80 фр. въ мѣсяцъ; домъ меблированъ. Окна мои выходятъ на Женевское озеро и на Альпы; жаль только, что до озера далеко. Я предпочитаю наши литовскіе ландшафты, на которые можно тотчасъ-же лечь и выспаться, этому отдаленному сверканію, утомляющему глазъ, какъ camera obscura. Городъ Лозанна, впрочемъ, довольно скучный. Жители относятся къ намъ дружелюбно, и намъ было бы здѣсь хорошо, еслибъ мы могли привыкнуть къ чужой странѣ! Но увы! мы, какъ цыгане, вездѣ только въ гостяхъ... У насъ теперь политики за-

няты событіями на востокѣ. Французы и англичане благоразумны, а наши мудрецы дѣлаютъ, что имъ вздумается. Однако, событія приведутъ къ чему-нибудь важному и для насъ. Я постоянно молю Бога, чтобы москале взяли Константинополь. Тогда положеніе дѣлъ въ Европѣ измѣнится. Но что дѣлать? Москале — не глупы: они не торопятся, а французы — дураки: мѣшаютъ имъ, если не чѣмъ-нибудь другимъ, то крикомъ...

Мицкевичъ Б. Залѣскому.

Лозанна, 20-го сентября 1839 г.

...Жизнь моя здѣсь довольно сносная, но возня съ мѣстомъ безконечная... Когда все устроится и я займу каѳедру, можетъ быть, меня прогонитъ русское посольство или революція. Мы здѣсь ожидаемъ революціи въ ноябрѣ, а до сихъ поръ всякая революція отражалась на мнѣ. Послѣдняя, лозаннская, чуть было не смела каѳедру латинской словесности. Но что дѣлать? Буду спокойно ждать и читать de re metrica, de asse romano, de siglio etc., etc. Подчасъ я становлюсь сантиментальнымъ, читая обо всемъ этомъ, потому что вспоминаю студенческіе годы. Я принадлежу къ людямъ, которые не переносятъ продолжительнаго благополучія и, когда прожили три дня счастливо, начинаютъ брыкаться. Вотъ почему Провидѣніе обходится со мною сурово, иногда такъ сурово, что становится почти невмоготу...

Мицкевичъ И. Домейкѣ.

Лозанна, 8-го ноября 1839 г.

...Годъ тому назадъ я уѣхалъ изъ Парижа въ Лозанну, чтобы похлопотать здѣсь о мѣстѣ профессора латинской словесности. Дѣло было уже улажено, какъ вдругъ получаю письмо о болѣзни жены. Возвращаюсь и застаю жену въ ужаснѣйшемъ положеніи, покинутую, почти безъ доктора, сынишку — умирающимъ, Мисю — у чужихъ, все — въ полномъ разстройствѣ. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ, наконецъ, жена пришла немного въ себя и выписалась изъ дома *умалишенныхъ*. Она выздоровѣла только какимъ-то чудомъ; ребенокъ тоже поправился. Мы уѣхали въ Швейцарію, а тутъ вдругъ революція, перемѣна правительства, удаленіе моихъ покровителей. Начались снова переговоры. Однако, мѣсто я получилъ, хотя и на менѣе выгодныхъ условіяхъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что меня назначатъ ординарнымъ, потому что моими лекціями не недовольны. Я читаю курсъ по-французски, какъ ты по-испански *), а мой братъ въ Харьковѣ по-русски. На такое-то вавилонское столпотвореніе мы обречены! Получаю содержаніе 2,700 фр.; лекцій у меня шесть въ недѣлю, работы въ началѣ много. Первая лекція напугала меня не мало, но удалась, и молодежь устроила мнѣ по окон-

*) И. Домейко состоялъ въ то время профессоромъ естественныхъ наукъ въ Чили.

чаніи ея серенаду. Есть нѣкоторая надежда, что я получу мѣсто въ Парижѣ... Наши все продолжаютъ политиканствовать: одни хотятъ провозгласить князя Чарторыскаго королемъ, другіе — республику... Что касается до литературныхъ новостей, то г-жа Зандъ только-что напечатала сравненіе фантастическихъ драмъ Гете и Байрона съ «Дзядами». Можешь себѣ представить, какъ наши удивляются, видя, что меня ставятъ такъ высоко...

Мицкевичъ Б. Залѣскому,

Лозанна, 20-го ноября 1839 г.

...Ты не повѣришь, какъ я иногда злюсь, что ты до сихъ поръ ничего не напечаталъ; какъ это было бы нужно, особенно для Познани! Хорошій знакъ, что тамъ тебя полюбили и называютъ великимъ художникомъ, потому что нѣтъ ничего болѣе антиберлинскаго, какъ твоя муза. Мои произведенія въ этомъ отношеніи безсильны. Они, какъ ты знаешь, ближе подходятъ къ нѣмецкимъ, особенно, тѣ, которыя охотно читаются въ Познани, т. е. менѣе удачныя. Лучшія тамъ не особенно нравятся. Сдѣлай, поэтому, милость и печатай...

Леонъ Фоше Мицкевичу.

Парижъ, 7-го марта 1840 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я ни на минуту не упускаю изъ виду вашихъ интересовъ.

Я знаю, что жители Лозанны цѣнятъ пріобрѣтеніе, которое они сдѣлали, и что они улучшаютъ ваше положеніе; но все это не особенно соблазнительно, тѣмъ болѣе, что васъ заставляютъ добывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица. Преподаваніе, на которое васъ обрекаютъ, не соотвѣтствуетъ вашимъ вкусамъ; у васъ не хватаетъ времени заняться поэзіею, и, вообще, это не поле дѣятельности, которое вамъ подходитъ. Я говорилъ съ г. Кузеномъ, еще до назначенія его министромъ, о необходимости учредить каѳедру славянскихъ языковъ и литературъ въ «Collège de France» и представилъ васъ, какъ единственнаго человѣка, пригоднаго для нея. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ назначенъ министромъ, онъ вновь возбудилъ этотъ вопросъ и пригласилъ меня составить записку о пользѣ этой каѳедры. — Мнѣ надо заручиться вашимъ согласіемъ, чтобы сдѣлать дальнѣйшій шагъ; если вы согласны, то я надѣюсь на успѣхъ.— Каѳедра въ «Collège de France» мнѣ представляется очень для васъ желательною. Профессора въ этомъ учрежденіи несмѣняемы, курсъ продолжается всего семь мѣсяцевъ, лекцій не болѣе двухъ въ недѣлю. Содержаніе составляетъ 5000 франковъ въ годъ; но вы поймете, что не трудно будетъ впослѣдствіи вамъ доставить какое-нибудь добавочное мѣсто въ одной изъ библіотекъ, чтобы увеличить ваши доходы.— Кромѣ того, учрежденіе каѳедры славянскихъ языковъ имѣло бы еще другое важное значеніе: оно создало бы центръ для поляковъ-изгнанниковъ. За неимѣніемъ политическаго отечества, оно доставило бы имъ отечество

литературное. Быть орудіемъ такой миссіи — заманчиво...

Мицкевичъ Л. Фоше.

Лозанна, 9-10 марта 1840 г.

...Я получилъ ваше письмо очень кстати, потому что и лозаннское правительство дѣлаетъ мнѣ окончательное предложеніе. Оно назначаетъ мнѣ содержанія 3500 фр., что, въ виду здѣшней дешевизны, составляетъ не меньше 5000 фр. въ Парижѣ. Но у меня будетъ 6 уроковъ въ недѣлю; уменьшить число ихъ нельзя, такъ какъ мои товарищи даютъ по 10 уроковъ; легко сказать! Поэтому неудивительно, что я подчасъ сожалѣю о прежнихъ занятіяхъ. Къ тому же, этотъ трудъ нисколько не обезпечиваетъ моей будущности. Революція можетъ унести всю нашу академію, вмѣстѣ съ моею латынью. Это еще не все или, лучше сказать, эта политическая опасность ничто въ сравненіи съ угрожающею мнѣ патологическою опасностью. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Ваадскомъ кантонѣ очень распространенъ зобъ. Я этого не зналъ. Почти всѣ женщины имѣютъ зобъ; его схватываютъ здѣсь, какъ у васъ, въ Парижѣ, насморкъ. Наши врачи уже дѣлаютъ какіе-то опыты надъ шеею нашей Маріи. Я дрожу при мысли, что моя дѣвочка запасется такимъ ожерельемъ. Это было бы прекраснымъ приданымъ для дочери эмигранта, у которой другаго нѣтъ. Поэтому я рѣшился принять каѳедру въ Парижѣ, если только г. Кузену

вздумается учредить ее. Окажите содѣйствіе этому дѣлу...

Мицкевичъ тому-же.

Лозанна, 13 марта 1840 г.

Я нахожусь въ большомъ затрудненіи. Я только-что получилъ депешу государственнаго совѣта, которую я при семъ прилагаю. Мое содержаніе повышено до 3,500 швейцарскихъ франковъ, что равняется 4,500 французскимъ. Для меня создали исключительное положеніе; я получаю 1,500 фр. больше, чѣмъ остальные профессора. Какова бы ни была судьба академіи, мнѣ обѣщано, что я не лишусь моихъ правъ. Въ мою пользу нарушены всѣ уставы. Если я теперь откажусь, будетъ назначенъ новый конкурсъ. Вы не можете представить себѣ, какое значеніе здѣсь придаютъ этимъ мѣстамъ. Первый предсѣдатель суда и знаменитѣйшій адвокатъ кантона участвовали въ конкурсѣ для полученія каѳедры. Вы видите, что рѣчь идетъ о мѣстѣ, котораго добиваются Дюпены и Барро нашей республики. Моимъ отказомъ обидятся. На меня посмотрятъ, какъ на человѣка, исполненнаго чудовищной гордости.... Но, по правдѣ сказать, зобъ въ этомъ дѣлѣ главенствуетъ надъ всѣми политическими, соціальными, литературными и экономическими соображеніями. Тѣмъ не менѣе, вы могли бы напомнить г. Кузену о жертвахъ, которыя я приношу, отказываясь отъ здѣшняго мѣста. Можетъ быть, при ловкомъ ве-

деніи дѣла, вы этимъ путемъ добьетесь выгодныхъ условій для меня....

Кузенъ Мицкевичу.

Парижъ, 10-го апрѣля 1840 г.

Г. Фоше, вѣроятно, писалъ вамъ, что я намѣренъ испросить еще въ текущемъ году у палаты разрѣшеніе на открытіе въ «Collège de France» курса славянскихъ языковъ и литературъ. Зная васъ только по славѣ, которою пользуется ваше имя, и слыхавъ о васъ отъ нѣсколькихъ общихъ друзей, я намѣтилъ васъ для этого курса. — Занятіе вами каѳедры въ Парижѣ было бы уже само по себѣ довольно важнымъ политическимъ событіемъ; но я долженъ заботиться и, дѣйствительно, забочусь, исключительно, о наукѣ и литературѣ. Я думаю только о литературѣ и больше ни о чемъ. Я говорю съ вами, м. г., какъ честный человѣкъ съ честнымъ же человѣкомъ. Поляки образуютъ въ Парижѣ партію, которая, по всей справедливости, возбуждаетъ благородныя симпатіи молодежи. Эти симпатіи естественно обратятся на васъ; но я горячо желаю, чтобы направленіе вашего преподаванія, согласно высокому уваженію, котораго вы заслуживаете, не нарушало чисто-литературнаго характера, присвоиваемаго новой каѳедрѣ. Я льщу себя надеждою, м. г., что вы поймете мои опасенія и не посмотрите косо на нихъ: они обусловливаются моими обязанностями.

Вотъ положеніе, которое васъ здѣсь ожидаетъ.

Всѣ профессора въ «Collège de France» получаютъ по 5.000 фр. въ годъ. Не будучи еще натурализованнымъ во Франціи, вы не можете быть немедленно назначены штатнымъ профессоромъ; пока вы числились бы исправляющимъ должность съ полнымъ окладомъ. По истеченіи законнаго срока, вы легко можете быть натурализованы, если пожелаете. Вы встрѣтите здѣсь, кромѣ горячихъ поклонниковъ вашего таланта, людей серьезныхъ, знающихъ, умѣренныхъ, которые поспѣшатъ горячо привѣтствовать такого человѣка, какъ вы. Я принадлежу къ ихъ числу и сочту за честь для себя, если мнѣ удастся пріобрѣсти васъ для Франціи.

Вы видите, какъ откровенно я съ вами объясняюсь; послѣдуйте моему примѣру, м. г., и говорите со мною также вполнѣ откровенно....

Фоше Мицкевичу.

Парижъ, 19-10 апрѣля 1840 г.

...Вслѣдствіе дипломатическихъ соображеній министръ сильно настаиваетъ на русской литературѣ, равно какъ и на литературномъ движеніи, очагомъ котораго нынѣ служитъ Прага... Законопроектъ (объ учрежденіи каѳедры) вчера подписанъ королемъ, а сегодня будетъ внесенъ въ палату. Прочтите изложеніе мотивовъ въ завтрашнемъ нумерѣ «Moniteur'a». Пришлось взять крѣпость штурмомъ. Законопроектъ вызвалъ въ субботу, въ совѣтѣ министровъ, сильную оппозицію.

Въ воскресенье Кузенъ умолялъ меня еще разъ поговорить о немъ въ засѣданіи совѣта, предполагавшемся въ тюльерійскомъ дворцѣ, съ президентомъ совѣта министровъ, который какъ будто охладѣлъ къ законопроекту. Я поспѣшилъ къ нему, и онъ мнѣ обѣщалъ горячо защищать проектъ; ожидали противодѣйствія со стороны короля. Однако, все обошлось благополучно.

Мицкевичъ Б. Залѣскому.

Лозанна, 24-го апрѣля 1840 г.

...Витвицкій говоритъ, что ты печатаешь въ Страсбургѣ. Радуюсь, что ты приступилъ къ печатанію, но жаль, что ты избралъ Страсбургъ, когда можно было печатать на родинѣ. Я убѣжденъ, что эмиграція мало будетъ читать твои произведенія, что она ихъ не оцѣнитъ, что первая попавшаяся брошюра противъ Дверницкаго или какого-нибудь тамъ комитета больше займетъ нашихъ, чѣмъ твои гимны. Кромѣ того, эмиграція бѣдна и довольно глупа, слѣдовательно, мало расположена наслаждаться пѣснями. Я не признаю тебя поэтомъ эмиграціи, и ты никогда имъ не будешь. Ея поэтъ родится въ ней самой, а мы этого не дождемся. Пиши для народа. — Мы здѣсь всѣ здоровы. Я, попрежнему, даю уроки. Получилъ я письмо отъ министра съ предложеніемъ мѣста въ Парижѣ. Веду объ этомъ переговоры. Однако, мнѣ жаль Лозанны, гдѣ у меня теперь есть кровъ и хлѣбъ, жаль мѣста, которое я добылъ собствен-

нымъ трудомъ, безъ всякой посторонней помощи (за исключеніемъ Божьей), хотя препятствій было не мало. Люди здѣсь хорошіе. Но за Парижъ говорятъ важныя соображенія...

Мицкевичъ Л. Фоше.

Лозанна, 25-го мая 1840 г.

Я предвидѣлъ роль, которую отведутъ русской литературѣ на ряду съ другими славянскими. Ей предоставили львиную часть; поэтому я былъ очень сдержанъ въ моемъ отвѣтѣ министру...

Мицкевичъ Б. Залѣскому,

Лозанна, 2-го іюля 1840 г.

Здѣсь до сихъ поръ всѣ ко мнѣ расположены: и правительство, и публика. Жаль мнѣ будетъ разстаться съ Лозанной. Законопроектъ о славянской каѳедрѣ еще не прошелъ черезъ палату пэровъ. Я долженъ буду принять ее, чтобы какой-нибудь нѣмецъ не взлѣзъ на нее и оттуда не сталъ бы насъ поносить.

Адамъ Чарторыскій Мицкевичу

Парижъ, 24-го іюля 1840 г.

Мнѣ показалось, что г. Кузенъ безпокоится о томъ, какъ вы будете излагать свой предметъ. Онъ

говорилъ, что не желаетъ подвергнуться упрекамъ со стороны московскаго и австрійскаго пословъ и короля Филиппа, чрезвычайно робкаго въ этого рода вопросахъ. Я старался успокоить министра, увѣривъ его, что вы отлично съумѣете быть умѣреннымъ въ своемъ изложеніи и что вы не будете ни вдаваться въ политику, ни затрогивать щекотливыхъ или опасныхъ вопросовъ. Я ему указалъ на то, что если онъ, съ одной стороны, желаетъ избѣгнуть слишкомъ *польскаго и возбуждающаго* изложенія, то, съ другой, противится и тому, чтобы каѳедру эту *эксплоатировали* въ пользу москалей или австрійцевъ, и что, слѣдовательно, вашъ выборъ представляется самымъ безопаснымъ съ точки зрѣнія его отвѣтственности. Министръ съ этимъ вполнѣ согласился... Польская литература, которую Ганке въ своей грамматикѣ польскаго языка называетъ лучшею между всѣми славянскими, не нуждается, особенно, съ тѣхъ поръ, какъ она обогащена вашими произведеніями, въ пристрастномъ къ ней отношеніи. Будетъ лучше всего, если полякъ въ своемъ курсѣ воздастъ, такъ сказать, должное другимъ отраслямъ славянскаго племени и излагать ихъ литературы con amore. Какія великія и благодѣтельныя послѣдствія будетъ имѣть для польскаго вліянія фактъ, что всѣ, безъ исключенія, братья-славяне, ихъ поэты, ученые останутся единодушно довольны справедливостью, оказанною имъ вами предъ просвѣщенною Европою! — Высказывать всѣ наши мысли не слѣдуетъ, и, особенно въ началѣ, надо быть осторожнымъ. Но объ этомъ нечего вамъ писать; вы

сами лучше, дальше, яснѣе видите все это... По моему мнѣнію, вы обязаны не только для эмиграціи, но и для всей Польши, скажу даже для всего славянскаго міра, принять это мѣсто, на которомъ вы принесете много пользы, а предотвратите еще больше зла...

Мицкевичъ А. Чарторыскому.

Лозанна, 31-го іюля 1840 г.

Не знаю, какъ благодарить вашу свѣтлость за постоянную заботливость обо мнѣ и за послѣднія извѣстія, сообщенныя мнѣ съ такою поспѣшностью. Я хотѣлъ было писать министру и представить ему нѣкоторыя объясненія. Во-первыхъ, во время преній въ палатѣ мнѣ сдѣланъ упрекъ, что я владѣю однимъ только славянскимъ нарѣчіемъ; польскимъ; между тѣмъ, я могу представить доказательства, что и русскій языкъ знаю хорошо, а чешскій недурно. Во-вторыхъ, министра спрашивали, имѣю-ли я понятіе о литературныхъ трудахъ чеховъ? Я могъ бы отвѣтить на это, что въ 1829 г. я нарочно ѣздилъ въ Прагу, чтобы познакомиться съ тамошними филологами и ихъ трудами... Тѣмъ не менѣе, я не могу дать министру никакихъ увѣреній и обѣщаній. Я посылаю вамъ статью, написанную мною въ 1837 г. на французскомъ языкѣ, по поводу смерти Пушкина. Статья эта, наскоро набросанная, не имѣетъ никакого литературнаго значенія, но она можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ я смотрю

на москалей. Если ваша свѣтлость признаете это нужнымъ, то передайте статью отъ себя министру. Этимъ путемъ вы его убѣдите, что хотя я и писалъ анонимно, но съумѣлъ сохранитъ литературное безпристрастіе... Жаль мнѣ Лозанны; но рѣчь идетъ не столько о пользѣ, которую я могу принести въ Парижѣ, сколько о вредѣ, который я могу предотвратить: могутъ посадить на каѳедру нашего врага.

Кузенъ Мицкевичу.

Парижъ, 9-го сентября 1840 г.

Честь имѣю васъ увѣдомить, м. г., что постановленіемъ отъ 8-го сентября 1840 г. я вамъ временно поручилъ чтеніе курса славянскаго языка и литературы въ Collège de France. Распоряженіе объ окончательномъ вашемъ назначеніи будетъ предложено королю для подписи, какъ только вы исполните условія, необходимыя для натурализаціи, т. е. по прошествіи перваго года вашего пребыванія во Франціи и по исполненіи нѣкоторыхъ несложныхъ формальностей. Какъ я васъ уже увѣдомилъ, тѣмъ-же постановленіемъ, содержаніе, присвоенное всѣмъ каѳедрамъ въ Collège de France, обезпечено за вами со дня вашего вступленія въ должность. Наконецъ, другимъ постановленіемъ отъ того-же числа я возложилъ на васъ составленіе толковаго каталога разныхъ славянскихъ рукописей, находящихся въ Королевской библіотекѣ. Начиная съ 1-го января 1841 г. вы бу-

дете получать ежегодно сумму въ 1000 фр. изъ фонда для содѣйствія и поощренія наукъ и литературъ. Прошу васъ представлять мнѣ каждое полугодіе отчетъ о вашихъ работахъ, чтобы я могъ слѣдить за результатами, вами достигнутыми, и сообщать о нихъ при случаѣ палатамъ и публикѣ.

Фоше Мицкевичу.

Парижъ, 19-го сентября 1840 г.

Политика занимаетъ и поглощаетъ меня болѣе, чѣмъ вы себѣ это можете представить. Я не вѣрю въ возможность войны, но будьте увѣрены, что мы ее будемъ вести энергически, если насъ къ ней вынудятъ. Въ сегодняшнихъ газетахъ сообщается о предложеніяхъ паши, который требуетъ отъ насъ умѣренности. Если соглашеніе состоится, планы Россіи будутъ разстроены, и могущество Франціи усилится; если-же оно не состоится, ожидайте войны весною будущаго года. У насъ 500,000 солдатъ, 300,000 мобилизованныхъ національныхъ гвардейцевъ, 1300 орудій, а укрѣпленіе Парижа въ полномъ ходу...

Мицкевичъ Н. Домейкѣ.

Парижъ, 1-го ноября 1840 г.

Я долженъ былъ вернуться въ Парижъ, иначе каѳедра попала бы въ московскія или нѣмецкія руки.

Вотъ я и пріѣхалъ сюда съ женою и тремя дѣтьми, впрочемъ, не безъ препятствій, и состою теперь профессоромъ въ Collège de France. Первая моя лекція была довольно удачна, хотя я былъ въ дурномъ настроеніи. Она вышла не блестящею, но приличною; прослушали меня со вниманіемъ, и о ней очень лестно отозвались люди, мнѣніе которыхъ имѣетъ вѣсъ и значеніе... Среди эмигрантовъ происходитъ постоянная борьба изъ-за избранія Чарторыскаго королемъ. Новая партія поддерживаетъ его страстно, а прежніе сторонники, пораженные и встревоженные, держатся въ сторонѣ. Князь хотя и очень почтенный человѣкъ, но не всегда дѣйствуетъ искусно; онъ позволилъ выбить медали съ надписью: „*Боже возврати намъ короля*", что приводитъ его противниковъ въ бѣшенство. Я, попрежнему, люблю князя, но не понимаю и не одобряю всѣхъ его дѣйствій...

Президентъ государственнаго совѣта (ваадскаго кантона), Мюре Мицкевичу.

Лозанна, 9-го ноября 1840 г.

Когда вы сообщили государственному совѣту, что обязанности высшаго порядка заставляютъ васъ разстаться съ нашею академіею и уѣхать изъ нашей страны, вы выразили желаніе сохранить что-нибудь на память о слишкомъ быстро

прошедшемъ времени, которое вы прожили среди насъ, въ качествѣ нашего согражданина и друга. Эти ваши чувства не могли не возбудить въ насъ живой симпатіи. Мы, съ своей стороны, также желаемъ, м. г., чтобы ваадскій кантонъ, его республиканскія учрежденія и, въ особенности, его народное образованіе, которое вы освѣтили такимъ яркимъ, но, къ сожалѣнію, кратковременнымъ блескомъ, иногда воскресали въ вашей памяти. Съ этою надеждою, мы предлагаемъ вамъ званіе *почетнаго профессора* нашей академіи и препровождаемъ при семъ дипломъ, выданный государственнымъ совѣтомъ. Этотъ документъ нашего правительства не будетъ для васъ простымъ листомъ бумаги. Онъ вамъ будетъ напоминать маленькій уголокъ земли, гдѣ радовались васъ имѣть хоть короткое время, гдѣ вашъ благородный характеръ оцѣненъ по достоинству, гдѣ ваше преподаваніе, столь же краснорѣчивое, какъ и глубокое, оставило слѣды, которые не скоро изгладятся. Наша любовь и наше удивленіе сопровождаютъ васъ, м. г., на новомъ вашемъ поприщѣ и наши пожеланія всего лучшаго будутъ съ вами всюду, куда божественное Провидѣніе васъ поведетъ.

Мицкевичъ К. Островскому.

Парижъ, 13-го ноября 1840 г.

Почтенный товарищъ! Когда вы мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили о переводѣ моихъ

сочиненій, я, вѣроятно, невѣрно понялъ, о чемъ шла рѣчь: я имѣлъ въ виду только «Книги скитальчества» (Księgi Pielgrzymstwa), которыя какой-то книгопродавецъ *) намѣревался выпустить въ свѣтъ съ спекулятивными цѣлями. Это мнѣ не нравилось, потому что упомянутое сочиненіе я издалъ на собственный счетъ и, по большей части, роздалъ безплатно. Я не желалъ пустить его въ продажу. Что же касается до другихъ сочиненій, то я продавалъ ихъ издателямъ и былъ бы очень радъ, еслибы они доставили *моему переводчику* прибыль. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы это было возможно, и, поэтому, я удерживалъ всѣхъ переводчиковъ отъ такого предпріятія, чтобы не обречь ихъ на долгій и безплодный трудъ. Я убѣжденъ, что изданіе всѣхъ моихъ сочиненій во Франціи, особенно въ настоящій моментъ, не имѣло бы успѣха. Для васъ они имѣютъ прелесть воспоминанія; для поляковъ они могутъ имѣть значеніе, такъ какъ принадлежатъ исторіи ихъ литературы; но французамъ они на что? Два перевода „Валленрода" уже пошли на оберточную бумагу; поэтому надо быть осторожнымъ...

Мицкевичъ Б. Залѣскому.

Парижъ, 25-го декабря 1840 г.

... Стефанъ Витвицкій докладывалъ тебѣ уже о моей лекціи. Изъ того, что онъ мнѣ говорилъ, я

*) Рандюэль.

вижу, что докладъ его точенъ. Изложеніе мое было тяжеловато, но прилично, ясно и, въ стилистическомъ отношеніи, удачно. Я шелъ на лекцію безъ малѣйшей тревоги, но и безъ вдохновенія, кислый и печальный. Французамъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, лекція очень понравилась; Монталамберъ, Фоше, Кергорлай и др. нашли ее слишкомъ отвлеченной для обыкновенныхъ слушателей. Многое ей недоставало, но писать объ этомъ было бы слишкомъ длинно. Мы впослѣдствіи потолкуемъ. Первое испытаніе, слѣдовательно, за спиною, но это только начало. Каждая лекція все равно что сраженіе: Богъ одинъ знаетъ, какъ удастся. Старый солдатъ, Іосифъ, вѣроятно, лучше, чѣмъ кто-либо, пойметъ мои чувства въ этомъ дѣлѣ. Молитесь за меня. Только благодаря Богу я не провалился со срамомъ. Нѣкоторые французы и москали затѣваютъ какую-то подписку для найма стенографовъ. Иду сегодня этому воспрепятствовать. Положеніе мое у правительства и въ Collège стало значительно лучше. Вчера мы были на роскошномъ ужинѣ у Евстафія Янушкевича. Вызванный импровизаціею Словацкаго, я отвѣтилъ съ такимъ вдохновеніемъ, какого не испыталъ съ тѣхъ поръ, какъ писалъ «Дзядовъ». Это было хорошо, потому что люди разныхъ партій расплакались, очень насъ полюбили и на время всѣ преисполнились любви. Въ эту минуту духъ поэзіи былъ со мною. Я хотѣлъ бы знать, что ты вчера дѣлалъ и думалъ, потому что мнѣ постоянно кажется, что въ насъ двухъ одинъ только духъ и что одновременно мы не можемъ быть поэтами на землѣ. Хотя духъ и вѣ-

ченъ, но онъ временно ограничиваетъ себя, когда воплощается въ одномъ изъ насъ.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ, 3-го марта 1841 г.

... Главнымъ образомъ, мое положеніе непріятно потому, что я нахожусь въ средѣ эмигрантовъ. Ты не можешь представить себѣ, какая бѣда съ людьми, обреченными на такое печальное положеніе. Всякій днемъ и ночью составляетъ политическіе проекты и выходитъ изъ себя, когда ему не удастся привлечь другихъ на свою сторону. Наши ходятъ на мой курсъ, но только чтобы узнать, къ какой я принадлежу партіи? Аристократъ-ли я или демократъ, и сердятся, что я имъ ничего не говорю о политикѣ. Теперь, кажется, они немного успокоились. Въ будущемъ году, если я здѣсь останусь, будетъ мнѣ легче какъ съ курсомъ, такъ и съ эмиграціею, которая, надѣюсь, оставитъ меня въ покоѣ. Можетъ быть, мнѣ удастся получить званіе профессора безъ натурализаціи; мнѣ жаль перестать быть оффиціально литвиномъ и непріятно лѣзть въ французы...

Секретарь историческаго отдѣла Сенкевичъ Мицкевичу.

3-го августа 1841 г.

М. Г. Совѣтъ историческаго отдѣла, желая заручиться послѣ безвременной кончины своего пред-

сѣдателя, Юліана Урсына Немцевича, достойнымъ преемникомъ его, постановилъ предложить вамъ предсѣдательство въ занятіяхъ отдѣла. Получивъ согласіе отдѣла и убѣжденный, что вы не откажете ему, онъ имѣетъ честь пригласить васъ на постъ президента историческаго отдѣла.

Мицкевичъ Б. Залѣскому.

Парижъ, 15-го августа 1841 г.

Богданъ! Когда ты прочтешь это письмо, стань на колѣни и благодари Господа. Здѣсь происходятъ великія событія. Эмигранты примирились. Пріѣзжай, не медля, тотчасъ-же, къ намъ, чтобы утѣшиться, развеселиться, расцвѣсти.... У меня въ домѣ цвѣты, а въ сердцѣ и въ духѣ весна. Вотъ ужь нѣсколько дней, какъ я пишу тебѣ по всѣмъ направленіямъ, не зная, гдѣ ты находишься. Іосифа немедленно зови въ Парижъ. Больше писать нельзя.

Соловко мой, лети и пой!
На разставаньѣ сладко пой
Былымъ слезамъ, свершеннымъ снамъ,
И пѣснѣ, конченной тобой!

Соловко мой, смѣни перо,
Сокольи крылья припаси,
И златострунныя въ когтяхъ
Давида гусли къ намъ неси!

Гласъ прозвучалъ, и жребій палъ,
И бремя сокровенныхъ лѣтъ

Дало ужь плодъ! Насъ чудо ждетъ!
Теперь возрадуется свѣтъ!

Братья ждутъ съ нетерпѣніемъ.

С. Витвицкій Мицкевичу.

Тулуза, 28-го августа 1841 г.

....Вчера я былъ на исповѣди, сегодня съ двумя другими поляками причащался св. таинъ; мы прослушали обѣдню, чтобы поблагодарить Бога. Что у васъ произошло, не знаю, не понимаю, такъ какъ ни ты, ни Горецкій, отъ котораго я получилъ письмо третьяго дня, ничего опредѣленнаго мнѣ не сообщаете. Я, однако, вѣрю и благодарю Бога, какъ умѣю, взывая изъ глубины души: «да будетъ воля Твоя!».... Большая ваша новость получена здѣсь разными путями.... Кого изъ поляковъ ни встрѣтишь, всѣ говорятъ только объ этомъ, разспрашиваютъ, дѣлаютъ невозможныя предположенія, по большей части, разсуждаютъ объ этомъ по-дѣтски и по-уличному. Я вначалѣ молчалъ или отзывался только общими фразами, что о Польшѣ получена большая и счастливая новость, что надо благодарить Бога за нее и т. п. Теперь я высказываюсь яснѣе, потому что всѣ уже называютъ васъ троихъ: Горецкаго, Собанскаго и тебя. О *Гостѣ* я ничего не слыхалъ, самъ, понятно, не говорю ни слова, но и это, вѣроятно, получитъ огласку, потому что мнѣ уже сдѣланъ въ одномъ письмѣ намекъ, что въ Парижъ пріѣхалъ *нѣкто*,

мистическая личность (выраженіе письма) и т. д., *которая вызвала въ Мицкевичѣ великій переворотъ и пробудила въ немъ убѣжденіе о вѣрномъ и близкомъ возвращеніи въ Польшу;* но фамилія не названа и, повидимому, автору письма неизвѣстна. Писалъ изъ Парижа одному изъ здѣшнихъ поляковъ Онуфрій Корженевскій. Онъ повторяетъ въ этомъ длинномъ и хорошемъ, хотя и нѣсколько многословномъ письмѣ разговоръ, который онъ имѣлъ съ Собанскимъ и Горецкимъ. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что Собанскій сказалъ: «*вождь нашъ нарождается, онъ можетъ родиться не сегодня, такъ завтра, а когда это наступитъ, начнется движеніе*»...

Виллеменъ Мицкевичу.

27-го октября 1841 г.

Мнѣ пришлось отсрочить отвѣтъ на письмо, въ которомъ вы меня увѣдомляли о намѣреніи вашемъ отказаться отъ обязанностей, возложенныхъ на васъ моимъ предшественникомъ, т. е. отъ порученія составить толковый каталогъ славянскихъ рукописей, находящихся въ королевской библіотекѣ. Вслѣдствіе чрезмѣрной вашей добросовѣстности вы опасаетесь, что вамъ нельзя будетъ усидчиво заняться этою работою. Но, съ другой стороны, я увѣрился, что скромное вознагражденіе, которое вы получали за исполненіе этой работы, вамъ необходимо. Я желалъ бы, чтобы вы сохранили его до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся замѣнить его чѣмъ-нибудь болѣе выгоднымъ для васъ. Я буду

искать подходящаго случая съ тѣмъ живымъ интересомъ, который возбуждаетъ ваше имя.

Мицкевичъ генералу Скржынецкому.

Парижъ, 23-го марта 1842 г.

Ксендзъ Александръ Еловицкій былъ на дняхъ у меня и прочелъ мнѣ письма, которыя вы ему писали и въ которыхъ содержится явное порученіе ко мнѣ. Въ этомъ порученіи я вижу доказательство вашего особеннаго ко мнѣ расположенія. Моя вѣра въ слова Андрея *) является результатомъ всей моей жизни, всѣхъ моихъ склонностей и умственныхъ работъ. Всякій, кто прочтетъ мои сочиненія, убѣдится въ этомъ. Не буду говорить о мелкихъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ молодые годы *(Романтизмъ, Ода къ молодежи)*; позднѣйшія мои произведенія, преимущественно. *Книги скитальчества и IV часть Дзядовъ*, свидѣтельствуютъ о томъ, что я предчувствовалъ то, что нынѣ происходитъ. Всѣ мои знакомые знаютъ, что я никогда не говорю о моихъ стихотвореніяхъ и никогда ихъ не цитирую, но въ столь важномъ вопросѣ я долженъ отрѣшиться отъ всѣхъ соображеній, диктуемыхъ свѣтскою тактикою. Я знаю, что въ вещахъ этого рода вы умѣете мыслить, что вы понимаете важное ихъ значеніе; поэтому я вамъ скажу, что я предсказывалъ здѣсь эмигран-

*) Товіанскій.

тамъ публично и ясно появленіе Андрея. Въ прошломъ году здѣшніе поляки устроили въ мою честь банкетъ, я чувствовалъ въ себѣ сильный подъемъ духа и сказалъ имъ, «что всѣ находятся на ложномъ пути, что ихъ разсужденія и хлопоты ни къ чему не приведутъ, что если Богъ сжалится надъ ними, то пришлетъ человѣка, который будетъ для насъ *живымъ правомъ*, слова, поступки и дѣйствія (gesta) котораго будутъ для насъ статьями закона (artykul)». Я не помню словъ стихотворенія, но таково было его содержаніе; я заклиналъ ихъ не забывать его! Многіе уже забыли. Когда Стефанъ Занъ (котораго вы, генералъ, видѣли) пришелъ ко мнѣ на другое утро, онъ сказалъ съ глубокою скорбью, что еслибъ меня тогда не прервали, я провозгласилъ бы великую вещь; но на другой день я ужь не могъ возвыситься до этого. Меня тогда прервали: одни протестовали во имя разума, другіе думали, что я говорилъ о князѣ Чарторыскомъ, когда взывалъ, что только такой *провиденціальный человѣкъ можетъ родить священниковъ, королей и гетмановъ*. Около того-же времени, въ декабрѣ мѣсяцѣ (дня не помню), когда я присутствовалъ на приготовленіяхъ къ панихидѣ по Наполеонѣ, я имѣлъ среди бѣлаго дня видѣніе: я увидѣлъ человѣка, ѣхавшаго изъ глубины страны (z głębi kraju) въ одноколкѣ, по грязи и въ туманѣ, и я почувствовалъ, что этотъ человѣкъ везетъ величіе, великія вещи. Я не принялъ этого видѣнія за пророчество, счелъ его просто за чрезвычайно живой поэтическій образъ и хотѣлъ его разсказать; но замѣтилъ, что оно мало правдоподобно, и бросилъ

эту мысль. Познакомившись съ Андреемъ, я не тотчасъ-же узналъ подробности его путешествія, но когда узналъ, то убѣдился въ истинности видѣнія. Я не стану вамъ приводить другихъ свидѣтельствъ и доводовъ; многіе изъ нихъ чисто-личнаго свойства, и постороннимъ людямъ могутъ показаться неправдоподобными. Вы видите, слѣдовательно, что Андрей меня не ввелъ въ заблужденіе разсказами о своей личности и что для меня безразлично, видитъ-ли онъ самъ духовъ или кто-нибудь за него. Объ этомъ я его никогда даже не спрашивалъ. Еще безразличнѣе для меня неустойчивые и противорѣчивые слухи о немъ, которымъ люди, однако, одинаково вѣрятъ! Вы видите, кромѣ того, что выздоровленіе моей жены не было причиной моей вѣры. Жена моя еще была въ больницѣ, и я, на основаніи словъ Андрея (который ее не видѣлъ), объявилъ роднымъ, что она поправится. Я выписалъ ее изъ больницы противъ желанія докторовъ и не смотря на ихъ усиленныя просьбы; они утверждали, что ее тотчасъ-же придется доставить обратно и что придется прибѣгнуть для этого къ насилію надъ ней. Я взялъ жену въ совершенно безсознательномъ состояніи, во время каникулъ, въ жаркій лѣтній день, когда разразилась гроза. Въ тотъ-же день она пришла въ себя. До сихъ поръ она продолжаетъ быть здоровой, и надежда на окончательное ея выздоровленіе все увеличивается. Выздоровленіе моей жены сопровождалось *сверхъестественными обстоятельствами.* Описывать ихъ было бы слишкомъ долго. Богу извѣстно, что я пишу правду. Я вернулся сегодня

съ приготовленія къ исповѣди у оо. іезуитовъ и пишу это послѣ исповѣди и пріобщенія св. таинъ.

Генералъ Скржынецкій Мицкевичу

Брюссель, 3-го апрѣля 1842 г.

.. .Что касается до Андрея, то никто его лучше меня не знаетъ, такъ какъ я прожилъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, по нѣсколько мѣсяцевъ, на чешскихъ водахъ. Въ обыденной жизни онъ мнѣ казался хорошимъ, обходительнымъ и честнымъ человѣкомъ, но что касается до его религіозныхъ убѣжденій, то съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, я его никогда не считалъ католикомъ. Потомъ я убѣдился даже въ томъ, что онъ не вѣритъ въ божественность Іисуса Христа. Когда онъ пріѣхалъ сюда, онъ училъ, что католицизмъ нуждается въ обновленіи, но Христа онъ никогда ясно не признавалъ Богомъ. Остальное вы сами знаете, но вѣрно то, что онъ никогда не былъ вполнѣ католикомъ. Больше двадцати лѣтъ онъ не ходилъ на исповѣдь; жена его, какъ говорятъ, не ходила уже года три, я его подозрѣваю даже въ шарлатанствѣ, — скажу больше, я въ этомъ увѣренъ. Когда я, въ концѣ концовъ, добродушно и ласково представилъ обоимъ ихъ положеніе, далъ имъ совѣтъ быть осторожными въ подобнаго рода вещахъ и увѣщевалъ ихъ исповѣдаться, они накинулись на меня съ такимъ гнѣвомъ и негодованіемъ, что не дали мнѣ сказать ни слова, и я долженъ былъ уйти, оставивъ ихъ

въ такомъ состояніи; это было мое послѣднее свиданіе съ ними. Что касается до моихъ отношеній къ Андрею, то, когда онъ мнѣ разсказалъ, стоя на колѣняхъ, о цѣли своего путешествія, я принялъ этотъ разсказъ сначала довольно холодно, но потомъ повѣрилъ ему по той простой причинѣ, что я ему, вообще, довѣрялъ. Каждая вѣра имѣетъ свое основаніе, и, проще всего, признать то, которое указывается самимъ вѣрующимъ. Это принципъ, на которомъ основывается наша вѣра въ Христа. Спросите себя, отчего мы вѣримъ? Остальное было бы слишкомъ длинно разсказывать. Скажу вамъ только, что я виноватъ въ томъ, что не вступилъ въ обсужденіе его вѣры, которая предъ лицомъ здраваго смысла, просвѣщеннаго католицизмомъ, устоять не можетъ...

Мицкевичъ женѣ.

Парижъ, 1843 г.

....Посылаю тебѣ семьдесятъ франковъ, — больше у меня нѣтъ; того, что ты оставила, не хватило до конца мѣсяца. Я заложилъ покрышку отъ часовъ; больше мнѣ нечего закладывать. Въ этомъ мѣсяцѣ я получилъ уже только половинное содержаніе. Заплативъ за хлѣбъ, молоко, пиво и т. д., у меня осталось денегъ на одну недѣлю; затѣмъ я начну хлопотать, хотя и не знаю, куда обратиться. Впрочемъ, ты знаешь, что меня это безпокоитъ не болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; будь же и ты спокойна...

Жоржъ Зандъ Мицкевичу.

1843 (?).

Г. Ходзько написалъ мнѣ записочку, въ которой прощается со мною и проситъ меня отъ вашего имени о свиданіи. Если вы его сегодня увидите, то передайте ему мой прощальный поклонъ. Что же касается до свиданія, то назначьте время сами. Я не могу употребить время полезнѣе, какъ слушая васъ. Предупредивъ меня въ два часа, вы всегда меня застанете дома послѣ обѣда

С. Витвицкій Мицкевичу.

1-го марта 1843 г.

....Одинъ Богъ можетъ насъ примирить. Пусть Онъ насъ, по крайней мѣрѣ, примиритъ, когда мы вырвемся изъ заблужденій земной жизни, когда мы разстанемся съ міромъ непостоянства и печали. Мы служили Ему вмѣстѣ одно мгновеніе на землѣ, хотя несовершенно и неполно. О, еслибы намъ суждено было на вѣки и въ совершенствѣ, присущемъ святымъ, служить Ему на небѣ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Я прощаюсь съ тобою, дорогой Адамъ, прощаюсь съ этимъ десятилѣтіемъ, которое мы прожили душа въ душу и рука объ руку въ рѣдкомъ единодушіи, какъ христіане, поляки и поэты; прощаюсь съ заходящимъ солнцемъ нашей молодости,

которое освѣщало насъ вмѣстѣ послѣдними своими лучами. Благодарю Бога, что Онъ утѣшилъ меня, сироту и бездомнаго странника, твоею дружбою и позволилъ посвятить эту дружбу на служеніе Ему. Благодарю тебя за всѣ доказательства дружбы, какія ты мнѣ давалъ, за любовь и довѣріе, которыя ты мнѣ оказывалъ вплоть до перемѣны, происшедшей въ тебѣ, за всѣ услуги, за посѣщенія во время болѣзни, за молитвы Марыси, которыя меня такъ глубоко трогали и вызывали во мнѣ такую благодарность. Да благословитъ Богъ васъ всѣхъ! Прости и позволь мнѣ передъ тѣмъ, какъ я стану, по твоему настоятельному требованію, для тебя совершенно чужимъ, еще разъ поцѣловать тебя, рыдая, отъ всей души.

Мицкевичъ С. Гощинскому.

Брюссель, 28-го іюня 1843 г.

... Наша дѣятельность религіозно-политическая, нашъ тонъ — христово-наполеоновскій. Зло стремится къ тому, чтобы раздвоить этотъ тонъ, и дозволило бы намъ опять политически окрѣпнуть, если бы ему удалось выставить насъ въ глазахъ милліоновъ еретиками. Папская благодать признаетъ неизбѣжное единство этихъ двухъ тоновъ. Мы не составляемъ вѣтвей церкви, а выростаемъ изъ одного ствола, имѣя ту же сердцевину. Осуждая до сихъ поръ всѣхъ еретиковъ, церковь дѣйствовала согласно съ мыслію Господа. Учитель пришелъ не для того, чтобы разрушить законъ,

но чтобы исполнить его въ предѣлахъ, предназначенныхъ для данной эпохи. Мы не рукава, а русло церкви... Наполеонъ совершилъ ту ошибку, что хотѣлъ идти не съ папою, а пройти мимо него. Папа находился на его пути. Наше дѣло, будучи самымъ могущественнымъ, разъ приведенное въ движеніе, будетъ самымъ законнымъ и этимъ отличается отъ всякой ереси и революціи. Нѣтъ власти, которая могла бы упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь, потому что мы ко всѣмъ взываемъ съ любовію.

Секретарь историческаго отдѣла Мицкевичу.

Парижъ, 3-го апрѣля 1844 г.

Спѣшу увѣдомить васъ, многоуважаемый президентъ, что протоколъ засѣданія отъ 6-го марта т. г. съ вашими замѣчаніями, который вы мнѣ прислали, мною полученъ и что я немедленно увѣдомилъ предсѣдательствующаго въ совѣтѣ отдѣла, князя Чарторыскаго, о необходимости созвать членовъ совѣта для его прочтенія. (Въ поясненіе этого письма мы приводимъ извлеченіе изъ протокола историческаго отдѣла. Въ засѣданіи отъ 6-го марта 1844 г. президентъ отдѣла (т. е. Мицкевичъ), по выслушаніи текущихъ дѣлъ, заявилъ слѣдующее: «Вы вспомните, товарищи, что въ прошломъ году, почти въ то же время, какъ и теперь, я вамъ изложилъ трудность моихъ къ вамъ отношеній.

Главнымъ поводомъ послужило то, что нѣкоторыя лица, а, въ особенности, газета «Третье Мая», выступили рѣшительно противъ меня. Вы вспомните, что я потребовалъ замѣнить меня кѣмъ-нибудь другимъ. Начались объясненія, и оказалось, что князь не зналъ объ этихъ газетныхъ статьяхъ и что о нихъ равнымъ образомъ, какъ кажется, не зналъ и графъ Замойскій, покровитель отдѣла, который своими совѣтами и кошелькомъ помогалъ упомянутой газетѣ и, конечно, отвѣтственъ за ея содержаніе. Я остался у васъ на службѣ. Теперь, однако, всѣ эти обстоятельства не только не перемѣнились, но, напротивъ, ухудшились. Поносятъ учителя, подавно ученика. Газета, о которой идетъ рѣчь, нападаетъ на меня все рѣзче, какъ вы можете убѣдиться изъ послѣдняго ея нумера. Газета эта въ Польшѣ всѣми признается органомъ князя; приближенные князя также нападаютъ на дѣло, которому я служу. Нѣкоторые изъ нихъ подозрѣваютъ меня въ томъ, что я превратно толкую католическую вѣру. Г. Яблоновскій первый зашелъ ко мнѣ и заявилъ, что онъ опасается за католическую вѣру, которой я-де угрожаю. Графъ Замойскій выразилъ впослѣдствіи то-же опасеніе. По видимому, и князь согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, а я принялъ мѣсто предсѣдателя, главнымъ образомъ, по его настоянію. При такомъ существенномъ различіи во взглядахъ, не мирится съ достоинствомъ князя и не приличествуетъ, чтобы я принадлежалъ къ обществу, въ которомъ онъ засѣдаетъ. Такимъ образомъ, я рѣшительно вынужденъ нынѣ покончить съ этимъ тягостнымъ

положеніемъ. Поэтому я повторяю мое прошлогоднее требованіе, слагаю съ себя должность предсѣдателя и возобновлю письменно мою просьбу объ отставкѣ. Я представлю ее князю, равно какъ и вамъ, и приложу къ ней мой курсъ въ «Collège de France», чтобы вы могли убѣдиться, нападаю-ли я, дѣйствительно, на вѣру; время покажетъ, кто и какъ служилъ общему дѣлу. — *Г. Морозевичъ.* Обстоятельства нынѣ, какъ мнѣ кажется, нисколько не измѣнились противъ прошлаго года. Тогда я, не принадлежалъ къ числу лицъ, пожелавшихъ объясненія, но разъ отдѣлъ заявилъ предсѣдателю объ общемъ довѣріи къ нему, то это мнѣ представляется вполнѣ достаточнымъ. Беру голосъ, возобновляю выраженіе довѣрія и прошу предсѣдателя не подавать прошенія объ отставкѣ, по крайней мѣрѣ, до прочтенія отдѣломъ предполагаемаго доклада. Впрочемъ, я категорически спрашиваю президента, кому мы служимъ: князю, который состоитъ только нашимъ товарищемъ, или отдѣлу? — *Президентъ*, поблагодаривъ г. Морозевича за довѣріе, замѣтилъ: «Если бы лица, окружающія князя, хотѣли, они, безъ сомнѣнія, могли бы прекратить нападки «Третьяго Мая». Но при настоящихъ обстоятельствахъ я не вижу другаго средства, какъ выйти въ отставку, потому что вы, конечно, князя считаете не простымъ членомъ общества. Колега Морозевичъ говоритъ о довѣріи отдѣла, а тутъ присутствуетъ колега Витвицкій, который сочинилъ противъ меня какую-то брошюру, обвиняющую меня въ ереси и доказывающую, что я — еретикъ; онъ даже самъ заявилъ

мнѣ объ этомъ. — *П. К. Нѣмцевичъ.* «Третье Мая» не служитъ органомъ ни отдѣла, ни даже князя.— *Предсѣдатель.* Однако, таково общее мнѣніе, и князь его не опровергаетъ. — *Г. Блотницкій.* Я не принадлежу къ составу «Третьяго Мая» и, по большей части, не читаю его; признаюсь даже, тонъ этой газеты мнѣ часто не нравится; я глубоко уважаю и люблю нашего предсѣдателя, и поэтому меня сильно опечалило, когда мнѣ сказали, что предсѣдатель возсталъ противъ католической вѣры. — *Предсѣдатель.* Надо было обратить вниманіе на то, изъ какого источника распространяется этотъ слухъ. Я удивляюсь, какъ лица, дорожащія моимъ мнѣніемъ или, по крайней мѣрѣ, увѣряющія меня въ этомъ, сами не пришли ко мнѣ, чтобы лично убѣдиться. Были лица, которыя ходили къ какой-то ясновидящей, къ г-жѣ Ленорманъ, но не пришли къ человѣку, о которомъ я вамъ говорилъ въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, чтобы убѣдиться въ дѣлѣ, столь важномъ, близко васъ касающемся и предсказанномъ имъ. *Г. Сенкевичъ* спросилъ, политическаго-ли или религіознаго содержанія статья «Третьяго Мая»? Отвѣтили, что политическаго. Тогда онъ продолжалъ: «Что касается до политической клеветы, до упрековъ въ москалефильствѣ, то отдѣлъ ихъ отвергнулъ и отвергаетъ съ презрѣніемъ. Но по отношенію къ религіозному вопросу не только отдѣлъ, но и вся Польша встревожена, какъ мы знаемъ, извѣстіями о предсѣдателѣ. Въ религіозныя пренія мы не можемъ вступать; церковь уже все разрѣшила. Признаюсь, что я прибавилъ въ только-что про-

читанномъ отчетѣ, подписанномъ предсѣдателемъ, для успокоенія отдаленныхъ читателей, нѣсколько фразъ о томъ, что предсѣдатель отдѣла не является религіознымъ новаторомъ. *Г. предсѣдатель.* Тщетно ждутъ объясненій тѣ, кто не хочетъ или не можетъ видѣть. Тотъ только, кто носитъ данное дѣло въ душѣ, можетъ понять его проявленіе. Когда вспыхнуло возстаніе въ Варшавѣ, лица, жившія въ провинціи, не спрашивали, что это значитъ, и повстанцы не требовали объясненій, ибо они жаждали и ожидали того, что будетъ. Фарисеи и книжники также постоянно спрашивали Христа, кто Онъ и зачѣмъ пришелъ, и отъ чьего имени Онъ дѣйствуетъ: но Онъ никогда имъ не отвѣчалъ, ибо они спрашивали, чтобы поймать Его на словѣ... *Г. Витвицкій.* Христосъ одинъ; поэтому сравнивать съ Нимъ никого нельзя. — *Предсѣдатель.* Христосъ — одинъ, но фарисеевъ безчисленное множество, и работа ихъ всегда одна и та же: убивать духъ, т. е. распинать Христа. Христосъ не иногда только, а постоянно распинается людьми. — Послѣ этихъ словъ предсѣдатель оставилъ собраніе.)

Мицкевичъ Г-жѣ Хлюстинъ.

10-го апрѣля 1844 г.

Господи! Я твердо вѣрю, что ты даешь тѣмъ, кто ищетъ царствія твоего, силу побѣдить зло,— этого царя мрака, котораго можно было бы избѣгнуть, лишь обращаясь въ бѣгство. Удостой меня

этой новой милости! Во имя того, который приноситъ эту милость Іисуса Христа на землю, дай мнѣ силу, о Боже!

А. Чарторыскій Мицкевичу.

Парижъ, 18-го апрѣля 1844 г.

Совѣтъ историческаго отдѣла въ собраніи, состоявшемся 15-го апрѣля, прочитавъ вторично протоколъ засѣданія отъ 6-го марта т. г. съ приписками и замѣчаніями предсѣдателя, нашелъ въ нихъ нѣкоторыя мнѣнія, касающіяся религіи, несогласныя съ собственными убѣжденіями, и пришелъ къ заключенію, что, дѣйствительно, это различіе во мнѣніяхъ въ вопросѣ, столь святомъ, нарушило бы гармонію, которая должна существовать между обществомъ и его начальникомъ. Поэтому совѣтъ уже не можетъ болѣе настаивать, чтобы г. Мицкевичъ оставался на будущее время предсѣдателемъ отдѣла. Было бы излишне распространяться о томъ, какую прискорбную потерю это составляетъ для общества. (Въ поясненіе и этого письма мы приводимъ извлеченіе изъ протокола засѣданія совѣта отъ 15-го апрѣля: «Согласно постановленію совѣта, секретарь послалъ президенту протоколъ засѣданія отдѣла отъ 6-го марта; протоколъ этотъ былъ возвращенъ предсѣдателемъ на другой день секретарю съ измѣненіями и замѣчаніями, равно какъ и съ присоединеніемъ письма, касавшагося протокола. Секретарь отвѣтилъ предсѣдателю, что онъ немедленно представитъ эти до-

кументы совѣту. По ихъ прочтеніи совѣтъ постановилъ принять отставку предсѣдателя и попросить князя Чарторыскаго лично вручить г. Мицкевичу письмо объ отставкѣ, снабдивъ его предварительно своею подписью, въ качествѣ предсѣдателя совѣта. — Въ засѣданіи отъ 3-го мая 1844 г. князь Чарторыскій сообщилъ, что онъ, согласно желанію совѣта, заявилъ г. Мицкевичу о томъ, какъ ему тяжело было принять на себя порученіе покончить съ вопросомъ, двукратно возбужденнымъ въ отдѣлѣ имъ самимъ, тѣмъ болѣе, что тутъ шла рѣчь о вѣрѣ, которая является основою нашей національности, ревностнѣйшими защитниками которой всегда были знаменитѣйшіе поляки и которую нынѣ всячески стараются сокрушить отъявленнѣйшіе наши враги. Г. Мицкевичъ отвѣтилъ на это, какъ и въ прошломъ засѣданіи отдѣла, что онъ и не думалъ нападать на католическую вѣру; напротивъ, онъ утверждалъ, что онъ и его сторонники — лучшіе католики, чѣмъ тѣ, кто ихъ порицаетъ, но, въ то же время, заявилъ, что онъ непоколебимо вѣритъ въ то, что въ наши дни состоялось новое воплощеніе слова Божья. Послѣ этихъ словъ князь вручилъ г. Мицкевичу письмо объ отставкѣ.)

Монталамберъ Мицкевичу.

1-го мая 1844 г.

Искренно благодарю васъ, дорогой другъ, за вашъ драгоцѣнный подарокъ. Я съ живою симпа-

тіею прочитаю эти лекціи лѣтомъ, когда буду немного свободнѣе. Очень жалѣю, что не могу ничѣмъ отблагодарить васъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ родѣ. Взамѣнъ предлагаю вамъ, въ видѣ помощи, какъ бы незначительна она ни была, молитвы души, которая всегда будетъ относиться къ вашей съ нѣжнымъ и глубокимъ участіемъ. Нашъ недавній разговоръ глубоко меня опечалилъ. Вы находитесь на пути къ пропасти,—къ той пропасти, въ которую падаютъ съ большимъ или меньшимъ блескомъ и шумомъ, но изъ которой человѣкъ, разъ въ нее попавъ, никогда не возвращается. Ахъ, еслибы вы никогда не были католикомъ, васъ тогда можно было бы извинить Но вы извѣдали и узнали истинный свѣтъ; и нынѣ, потому что облака, какія всегда были и будутъ, прошли между вами и солнцемъ, вы хотите преобразовать и замѣнить безсмертное солнце нашей церкви! Ахъ, вы принесли бы гораздо больше пользы вашему отечеству и вашему вѣку, еслибы вы, какъ всѣ великіе геніи, проникли́сь покорностью и послушаніемъ. Vir obediens loquetur victoriam, — говоритъ писаніе. — Прощайте! Да благословитъ, просвѣтитъ и спасетъ васъ Богъ! Боболѣе горячагжеланія у меня нѣтъ.

Мицкевичъ брату своему Франциску

Парижъ, 2-го мая 1844 г.

Мы здѣсь всѣ здоровы, а я лично здоровѣе, бодрѣе и счастливѣе, чѣмъ былъ когда-либо. Мое положеніе трудно и хлопотливо по отношенію какъ

къ французамъ, такъ и къ соотечественникамъ. Между тѣмъ, я могъ бы солидно устроиться. Скажу тебѣ (и только тебѣ одному), что здѣшнее министерство назначило бы мнѣ больше жалованья и уволило бы меня отъ работъ, еслибы я только самъ хотѣлъ перестать служить дѣлу, которому себя посвятилъ *). Я могъ бы дорого

*) Какъ Мицкевичъ смотрѣлъ на международныя отношенія своего времени, видно изъ слѣдующаго отрывка бесѣды его, имѣвшей мѣсто 10-го августа 1844 г. и записанной полковникомъ Каменскимъ: «Я началъ разговоръ съ газетныхъ извѣстій, упомянулъ о бомбардированіи Тангера принцемъ Жуанвильскимъ. Адамъ отвѣтилъ: «Изъ этого ничего серьезнаго выйти не можетъ, потому что министры сами не знаютъ, чего они хотятъ. Французы пострѣляютъ и вернутся, а потомъ имъ снова придется предпринять экспедицію... Они сами не знаютъ, какъ далеко зайдутъ, потому что въ этихъ дѣлахъ бываетъ то, что случается съ человѣкомъ, фалды котораго попадутъ въ колесо экипажа или машины: онъ самъ не знаетъ, что съ нимъ будетъ. Хотя я и увѣренъ, что потребуются еще большія усилія, потери и расходы, но, въ концѣ концовъ, Франція не удержится въ Алжирѣ, потому что это не ея дѣло. Два только государства нынѣ способны къ завоеваніямъ: Англія и Россія. Только эти два государства руководствуются извѣстною идеею, идеею нехорошею, но духовною, потому что только духъ, каковъ бы онъ ни былъ, рождаетъ истинное могущество... Знаете ли, что Россія охотно отказалась бы отъ Кавказа; но она должна, увлеченная духомъ земли (duchem ziemi), завоевать его съ величайшими жертвами. Независимый Кавказъ поддерживалъ бы агитацію среди черноморскихъ и донскихъ казаковъ, что впослѣдствіи повело бы къ ослабленію и распаденію государства. Недавно Николай сказалъ окружавшимъ его придворнымъ въ глубокой задумчивости: «Нѣтъ людей» Въ началѣ, Англія, когда у нея были только факторіи въ Индіи, назначая вицекоролей, строжайшимъ образомъ имъ наказывала ни подъ какимъ предлогомъ не дѣлать новыхъ завоеваній, — но тщетно. Сцѣпленіе

продать себя. Но совѣсть, которая не позволила мнѣ искать карьеры въ Россіи и въ Лозаннѣ, не даетъ мнѣ остановиться на полпути. А я увѣренъ, что если я останусь вѣренъ внутреннему голосу, то со мною не случится ничего дурнаго, какія бы опасности мнѣ ни грозили въ будущемъ. Мы съ тобою, братъ, ужь состарились, жизнь прошла, какъ мигъ, и вскорѣ придется дать отчетъ въ томъ, какъ мы воспользовались ею на благо ближняго и отечества. Я надѣюсь еще увидѣться съ тобою на землѣ и при лучшихъ обстоятельствахъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы и ты вѣрилъ, что Богъ дастъ намъ еще увидѣть Литву, но уже нашею, а не московскою. Этимъ я живу, для этого живу и до этого, дастъ Богъ, доживу. — Встрѣчался я здѣсь съ разными соотечественниками, но они идутъ по иному пути; время покажетъ, чей лучше. Поэтому не вѣрь тому, что обо мнѣ говорятъ; я ни съ кѣмъ не могъ и не долженъ былъ говорить вполнѣ откровенно. Ты знаешь, что и передъ возстаніемъ было у насъ много патріотовъ; всякій былъ патріотомъ, но когда ты осѣдлалъ коня, ты не всѣмъ могъ довѣриться, а были и такіе, которые считали тебя сумасшедшимъ. Я

условій приводило къ тому, что одна экспедиція порождала другую, и теперь Англія дошла до Афганистана. Такимъ образомъ, эти два государства вынуждены постоянно расширяться. Это господство духа земли, пока высшая идея не отрѣжетъ нитей, которыя связываютъ ее съ этимъ болѣе низменнымъ духомъ. Господство низшаго не прекратится до тѣхъ поръ, пока высшій не займетъ его мѣста.»

здѣсь морально въ такомъ же положеніи. Великъ Богъ, и познанскому уму далеко до него.— Посылаю тебѣ, братъ, мой портретъ. Увидишь, каковъ я теперь послѣ столькихъ лѣтъ; узнаешь ли ты меня? Посылаю тебѣ рѣчь Кинэ въ «Collège de France», въ которой онъ упоминаетъ обо мнѣ, чтобы ты зналъ, что здѣсь французамъ приходится защищать меня противъ соотечественниковъ, которые провозгласили меня еретикомъ (благочестивые!) и москалемъ. Но настанетъ время и скоро, когда и у соотечественниковъ откроются глаза...

Виллеменъ Мицкевичу.

Парижъ, 10-го октября 1844 г.

Я имѣлъ честь получить письмо, въ которомъ вы просите меня о шестимѣсячномъ отпускѣ. Я приказалъ, чтобы, по вашей просьбѣ, отпускъ этотъ вамъ былъ данъ. Я увѣдомляю объ этомъ администрацію «Collège de France».

Мишлэ Мицкевичу.

28-го февраля 1845 г.

Я васъ читалъ, перечитывалъ, комментировалъ, пожиралъ, когда я получилъ вашу книгу. Я ее все еще перечитываю; она меня глубоко трогаетъ. Мы столько же сходимся въ чувствахъ, какъ расходимся въ методѣ. Различіе заключается въ методѣ,

я это вижу, а не въ основномъ принципѣ. Вѣрьте моей преданной, неизмѣнной дружбѣ.

Тотъ-же Мицкевичу.

11-о марта 1845 г.

...Соединенные дружбою соединенные еще и искренними поисками за истинною, нравственною жизнью, мы, однако, существенно расходимся въ методѣ, можетъ быть, въ принципѣ. Послѣдняя моя книга, которую вы должны были получить, составляетъ то, чего требуютъ данная страна и данныя условія; она внушена *раціонализмомъ*. — Можемъ-ли мы, соединивъ наши изображенія на одной медали *), дать понять будущимъ поколѣніямъ, что мы были единодушны въ вопросахъ религіозныхъ и соціальныхъ? Мнѣ во многихъ отношеніяхъ тягостно возбуждать подобное сомнѣніе. Что можетъ быть болѣе сладостнаго, болѣе славнаго для меня, какъ быть присоединеннымъ къ вашему безсмертному имени?

Салванди Мицкевичу.

Парижъ, 5-го сентября 1845 г.

Имѣю честь увѣдомить васъ, что, согласно намѣреніямъ, выраженнымъ вами г. начальнику канце-

*) Медаль эта была отчеканена съ изображеніями Мицкевича, Мишлэ и Кинэ и поднесена первому депутаціею отъ слушателей «Col. de Fr.».

ляріи ученаго общества, которому я поручилъ вамъ передать просьбу г. С. Робера, я постановилъ, что, начиная съ 1-го сентября, содержаніе по славянской каѳедрѣ въ «Collège de France» будетъ распредѣляться въ равныхъ частяхъ между вами и вашимъ помощникомъ (т. е. г. Роберомъ).

Ксендзъ Губе Мицкевичу.

Парижъ, 3-го января 1846 г.

Если то, что вы мнѣ говорили вчера о вашей покорности католической церкви, вѣрно, то вы должны искренно сожалѣть о соблазнѣ, который вы подаете соотечественникамъ, провозглашая себя сторонникомъ такъ называемаго «Собесѣдованія Товіанскаго», и не откажетесь отъ публичнаго заявленія, которое, по крайней мѣрѣ, на будущее время предотвратитъ этотъ соблазнъ. Поэтому я надѣюсь, что вы исполните то, чего я требую, т. е. пришлете мнѣ письменное заявленіе, что вы безусловно отрекаетесь отъ всего, что въ «Собесѣдованіи Товіанскаго» и въ курсѣ, читанномъ вами въ «Collège de France», противорѣчитъ ученію католической церкви, и что вы признаете церковь, а не Товіанскаго истиннымъ учителемъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности. Отъ отвѣта, который я получу на это письмо, будетъ зависѣть дальнѣйшій нашъ образъ дѣйствія по отношенію къ вамъ. Впредь мы будемъ допускать къ св. причастію только тѣхъ изъ васъ, которые подпишутъ означенное заявленіе...

Мцикевичъ ксендзу Губе.

Парижъ, 5-го января 1846 г.

Призванные въ дни Божьяго милосердія къ дѣятельному служенію истинѣ, заключающейся въ словѣ Іисуса Христа, мы призывали и призываемъ къ живому воспринятію этой истины и къ дѣятельному служенію ей всѣхъ нашихъ братьевъ и, прежде всего, священниковъ, поставленныхъ св. католическою церковію для служенія Духу. Съ этою цѣлію мы съ братомъ Каролемъ были у васъ, для достиженія ея мы соединились съ вами, къ ней мы стремимся и будемъ стремиться. Зло, противившееся послѣднему нашему свиданію, предпринятому въ духѣ христіанской любви, только и выжидало, чтобы разрушить плодъ этого свиданія. Каждое духовное лицо обязано защищаться противъ тѣхъ людей, которые стремятся заглушить христіанское движеніе Духа и хотятъ всецѣло посвятить себя земному. Кто изъ насъ далъ или дастъ вырвать изъ своей души чувство, съ которымъ мы сошлись въ день Обрѣзанія Господня, тотъ отвѣтитъ за это передъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, присутствующимъ тамъ, гдѣ собираются люди во имя Его. Господь нашъ Іисусъ Христосъ потребуетъ плодовъ святыхъ жертвъ, а человѣку воздастся по плодамъ его.

Мицкевичъ графу J. Грабовскому.

Батиньолъ-Монсо, 22-го января 1847 г.

...Кто не знаетъ, какъ больно, когда лучшими чувствами вашими къ народу пренебрегаютъ и отвѣчаютъ на нихъ неблагодарностью! Но мнѣніе тѣхъ или другихъ людей, даже цѣлаго поколѣнія, еще не мнѣніе народа. Надо теперь проникнуться убѣжденіемъ, что полякъ долженъ руководствоваться только собственной совѣстью въ своихъ дѣйствіяхъ, въ ней искать награды за нихъ и вѣрить, что Провидѣніе поддержитъ чистыя начинанія. Горе тому, кто нынѣ обращаетъ вниманіе на мнѣніе и сужденія людей или на то, что происходитъ за нимъ *).

---

*) Въ бесѣдѣ, записанной полковникомъ Каменскимъ, отрывокъ изъ которой приведенъ нами выше, мы находимъ еще слѣдующее мѣсто: Въ этотъ день (6-е августа 1844 г.) я привелъ къ Адаму г-жу X., только-что пріѣхавшую изъ Варшавы. Она жаловалась на несчастія, постигшія ея семейство, и, особенно, на самоубійство брата своего. Адамъ отвѣтилъ на эти жалобы:

«Убѣдитесь, сударыня, что во всемъ этомъ виноватъ свѣтъ, въ которомъ вы воспитывались; онъ — причина всему злу у насъ и даже паденію самой Польши. Какой примѣръ для подражанія давали вы низшимъ общественнымъ классамъ и чѣмъ вы гордились? Чему, напримѣръ, могъ научиться у васъ мужикъ, взятый вами въ лакеи? Онъ видѣлъ, что господа только разговариваютъ: баринъ — объ охотѣ, собакахъ, лошадяхъ, экипажахъ; барыня — о модахъ, чепчикахъ, платьяхъ, новыхъ романахъ, но, главнымъ образомъ, о Паскевичѣ. Что онъ дѣлаетъ? На какую барыньку нѣжно взглянулъ? Эта великая милость вызывала то, что барынька начинала уже смотрѣть свысока и на другихъ, стоявшихъ выше

Существующія условія сами заставятъ всякаго человѣка искать точки опоры въ другомъ мірѣ. Тогда мы признаемъ всю окружающую насъ суматоху за неизбѣжное послѣдствіе продолжительныхъ нашихъ нравственныхъ бѣдствій... Я до сихъ поръ состою при «Collège de France», но на половинномъ содержаніи. Я могъ создать себѣ здѣсь выгодное и даже блестящее положеніе, но подъ условіемъ отреченія отъ жизненной своей задачи. Хотѣли, чтобы я *успокоился*. Покой хорошъ для мертвыхъ и счастливыхъ. Мы неизбѣжно тревожили и должны тревожить міръ. Поэтому я пойду своей дорогой...

А. Товіанскій Мицкевичу.

Цюрихъ, 1-го мая 1847 г.

Начинаю май съ тебя, братъ Адамъ! Прежде чѣмъ представить тебѣ твой разсчетъ съ Богомъ, а

нея. Пока вы не придете къ убѣжденію, что Богъ и въ Варшавѣ больше значитъ, чѣмъ Паскевичъ, ничего путнаго не выйдетъ. Вотъ въ чемъ заключается наше спасеніе! Вѣрьте мнѣ, что у васъ и Богъ является парижскою модою, а религія—игрою, которою общество забавляется. Этимъ и объясняется, что многіе молодые люди, видя вокругъ себя душевную пустоту и суетность, тоскуютъ, скучаютъ и прибѣгаютъ одни къ самоубійству, а другіе бросаются, очертя голову, въ нетрезвую жизнь и развратъ. На насъ лежитъ обязанность исправить грѣхи прошлаго, посвящая себя задачамъ современной эпохи. — Во время французской революціи большая часть дворянства была умерщвлена. Богъ милостивъ, потому что еслибы и у насъ массы пришли въ движеніе, то произошла бы худшая рѣзня и разрушеніе. Еще время; Богъ еще призываетъ насъ къ себѣ, допуская гнетъ и страданія собственнаго нашего духа».

это я сдѣлаю, когда Богъ прикажетъ и допуститъ, я шлю тебѣ, какъ твой братъ, совѣтъ. — Въ эти майскіе дни, столь дорогіе для насъ, оставь, о братъ мой, все и займись, исключительно, спасеніемъ духа твоего; сознай и покинь кривой путь, на который Богъ допустилъ тебѣ вступить, но который Онъ тебѣ не предназначилъ. А достигнуть ты этого можешь содроганіемъ (drgnięcie), съ какимъ ты принялъ медаль въ Нантеррѣ. Только этимъ содроганіемъ ты обрѣтешь вновь тонъ духа твоего и станешь дѣйствовать согласно требованію, которое ставитъ тебѣ нынѣ Богъ, т. е. займешь положеніе, въ которомъ только можетъ проявиться милость Божія чрезъ тебя, и дать міру плодъ твоихъ многолѣтнихъ усилій и трудовъ, — плодъ, страшный для ада и потому имъ до сихъ поръ въ тебѣ задержанный. Милосердіе Божіе избавитъ тебя отъ криваго пути, отъ дальнѣйшаго метанія, а Матерь Божія поддержитъ тебя въ дальнѣйшихъ твоихъ шагахъ на прямомъ пути. Майская милость окружитъ тебя, въ Тонѣ правды, всѣмъ тѣмъ, что слѣдуетъ за тобою, и этимъ облегчитъ въ будущемъ счеты твои за себя и за братьевъ твоихъ. — Въ майскіе эти дни Іисусъ Христосъ въ послѣдній разъ призываетъ своего слугу, дабы умеръ старый человѣкъ въ тебѣ, слуга земнаго духа, а обновился «во Христѣ» новый человѣкъ, дабы заглушенное право духа твоего воскресло и проявилось въ человѣкѣ и въ дѣйствіяхъ. А это будетъ высшимъ плодомъ твоей любви къ Богу, превосходящимъ плодъ, который ты поднесъ Богу въ теченіе твоей минувшей

мученической жизни, подготовлявшей тебя только къ теперешнему вѣнцу истиннаго мученичества, къ истинному кресту духа, къ христіанской жертвѣ.— Никогда я не забуду прошлаго, братъ Адамъ! Ты первый оповѣстилъ Польшу о Божьемъ дѣлѣ и Божьемъ слугѣ. Польша видѣла въ тебѣ нѣчто необычайное и утѣшительное. А это былъ первый лучъ новой эпохи, который сперва блеснулъ въ пророкѣ Польши; признавая и цѣня въ тебѣ этотъ Божій лучъ, Польша готовилась воспринять слово высшей эпохи, Божье слово. Ты постоянно пробуждалъ своими вдохновенными словами польскихъ скитальцевъ, предсказывая имъ приближающуюся эпоху и слугу ея, — а когда ты увидѣлъ предъ собою слугу твоего, ты не колеблясь призналъ въ немъ волю Божію и подчинился этой волѣ. Этимъ ты много помогъ и Божьему слугѣ, и братьямъ твоимъ. — Хотя вслѣдствіе усилій зла покрылось тучами то, что зародилось съ такимъ блескомъ, мой страждущій духъ не теряетъ надежды, что адъ не восторжествуетъ, что покрывшееся тучами небо вновь прояснѣетъ и что мы, товарищи по святой службѣ, подадимъ другъ другу руки и не предстанемъ предъ судомъ Божіимъ, какъ духи, разобщенные между собою. — Съ этою надеждою я, въ эти майскіе дни, призываю на тебя, брата моего, Божье благословеніе, призываю покровительство Божьей Матери. — Къ братьямъ моимъ, находящимся въ одинаковомъ положеніи съ тобою, я не обращаюсь съ воззваніемъ: забота о нихъ лежитъ на тебѣ; они послѣдуютъ твоему примѣру...

Мицкевичъ А. Товіанскому.

Парижъ, 12-го мая 1847 г.

Учитель и господинъ! Видъ твоего посланія возбудилъ во мнѣ ту радость, которую возбуждаетъ въ насъ обыкновенно твое слово. Но радость моя была неполная, и Богу одному извѣстно, будетъ ли она продолжительна. Она была бы полна, еслибы проявилась въ той степени и такимъ образомъ, какъ ты этого требуешь; а продолжительною она можетъ быть только, когда выразится въ плодахъ, въ дѣйствіяхъ. — Ты призываешь меня, братъ, къ тому содроганію, которое увлекло насъ въ Нантеррѣ, когда мы окружали тебя ... Уже до Нантерра, послѣ первыхъ нашихъ свиданій, возгорѣлся духъ мой, и другіе братья порывались возвѣщать Дѣло. Твоя сила, проистекающая изъ жертвы, соединила всѣ эти искры въ одно пламя. Это пламя и впослѣдствіи неоднократно съ силою вырывалось изъ насъ и горѣло долго. До сихъ поръ въ каждомъ изъ насъ сохранилась искра его: въ одинокомъ трудѣ или отъ прикосновенія оно вновь вспыхиваетъ. О еслибы все занялось прежнимъ пламенемъ! Это наше общее стремленіе, этого мы ожидаемъ, для этого работаемъ... Но результатовъ до сихъ поръ не видно. Увеличились ли наши силы, не знаю, а положеніе наше стало гораздо труднѣе. — Когда ты объявился намъ, еще никто не стоялъ между тобою и избраннымъ Народомъ. Все переходило изъ духа въ души, а изъ душъ тотчасъ же возвращалось въ твой духъ. Впослѣд-

ствіи мы прочіе, состоящіе въ разныхъ должностяхъ, стали между тобою и твоимъ кружкомъ. Мы морили (morzyliśmy) братьевъ. Твое управленіе морило наше отечество. Всякій разъ, когда мы учительствовали, лишенные духа учителя, мы морили другихъ. Духъ этотъ вступалъ въ насъ и дѣйствовалъ минутами, а мы управляли годами; поэтому мы оживали на одинъ мигъ, а морили постоянно. Управленіе, слуга духа земли, или, точнѣе говоря, рабъ (потому что на службу онъ не нанимался и содержанія не требовалъ и не получалъ), управленіе рабъ произносило рабское слово, увивалось около духа земли, кланяясь ему, и, вслѣдствіе этого, высказывало слово не вполнѣ. А высказать его оно вполнѣ не могло, не будучи полнымъ ни по духу, ни по формѣ; это дано тебѣ одному. Оно могло составлять заговоры противъ духа земли, тревожить его, но поколебать его престолъ оно не могло. А въ этомъ его назначеніе; къ этому взываешь ты и этого требуютъ другіе. Доживемъ ли мы до этого? — Богу одному извѣстно; но что управленіе дѣлаетъ успѣхи, не смотря на уклоненія, это оно знаетъ и этого сознанія у него никто не отниметъ. — Этимъ сознаніемъ мы живемъ. Чѣмъ другимъ могли бы мы жить? — Къ содроганію, которое ты вызвалъ жертвою твоею, принадлежащему только Богу и врученному тебѣ, мы стремились. За мигъ воодушевленія проявленнаго, когда мы были возлѣ тебя, — воодушевленія скоро проходящаго, а подчасъ *притворнаго*, мы хотѣли купить это содроганіе. Мы думали, что твое благословеніе, общеніе съ то-

бою освобождаетъ насъ отъ обязанностей къ отечеству. Мы выставляли содроганіе душъ напоказъ, прикрывая имъ нашу суетность; мы передавали это содроганіе одинъ другому, какъ какую-нибудь вещь. Мы заставляли братьевъ радоваться или печалиться, любить или ненавидѣть, часто не раздѣляя сами горя или радости, къ которымъ взывали! Многочисленность приказывавшихъ умножала воззванія, часто противорѣчивыя, а на каждое велѣно было отвѣчать. — Мы, взывавшіе, сами страдая недостаткомъ вѣры, суетностью, не будучи въ состояніи перенести одиночество, которое, предоставляя насъ самихъ себѣ, обнаруживало наше ничтожество, — нападали на братьевъ, заставляли ихъ страдать, чтобы трагически развлекаться ихъ муками. Дѣло дошло до того, что взывавшіе стали походить на обезсилѣнныхъ тирановъ, которые могутъ согрѣться, лишь купаясь въ крови. Мы купались въ духѣ братьевъ нашихъ! Чѣмъ менѣе мы чувствовали въ себѣ свободы, силы, жизни, тѣмъ больше мы требовали жизни. Мы вызывали искусственную жизнь; мы заставляли братьевъ дѣлать движенія, часто несогласныя съ ихъ внутреннимъ настроеніемъ; мы лишили братьевъ послѣдней свободы, уважаемой всякимъ деспотомъ,—свободы *молчанія*... Братья дали доказательство страха Божьяго и уваженія къ тебѣ, перенося все это для тебя, чтобы только остаться въ кружкѣ.... Каждаго, кто, когда-нибудь и въ чемъ бы то ни было, не соглашался съ нами или не былъ нашимъ эхомъ, мы объявляли мятежникомъ. Мы ввели власть, самую печальную на зем-

номъ шарѣ,— власть, которою пользуются въ Польшѣ ключницы, прикащики, дворовые люди и барчуки-гости надъ мужиками, — власть, самую печальную, потому что она знаетъ одни доносы, наказанія, потому что не допускаетъ ни жалобы, ни защиты, ни свидѣтельскихъ показаній, ни суда, ни приговора, — власть, которую Провидѣніе уже упраздняетъ даже въ славянскихъ земляхъ.— Вотъ эту-то власть мы хотѣли узаконить, соединяя ее съ духовною властью. Съ этою цѣлью мы повторяли, что говоримъ, что приказываемъ, руководствуясь духомъ, хотя его въ насъ не было. Пораженныхъ подобными приказаніями братьевъ мы устрашали небесными карами; мы вызывали эти кары, радовались, когда брата постигала боль или нищета, отталкивали его, топтали. Мы стали походить на стадо волковъ, которые разрываютъ и пожираютъ раненаго товарища. — Всѣ злоупотребленія, которыя встрѣчаются въ древней израильской синагогѣ, и въ которыхъ провинилось церковное управленіе въ теченіе вѣковъ, внѣдрились среди насъ... Учитель и господинъ! Послѣ всего этого намъ трудно возвратиться къ тому довѣрію, къ той искренности, съ какою мы сошлись нѣсколько лѣтъ тому назадъ; а безъ нихъ нѣтъ пламени, нѣтъ дѣйствія. И не вернемся мы къ нему, пока каждый изъ насъ не придетъ къ сознанію своей вины, внутренно не откажется отъ своего заблужденія и не принесетъ братьямъ своимъ духа, свободнаго отъ суда, приговора и подозрѣнія. Надъ этимъ мы трудимся. . Отецъ небесный неожиданно навѣщаетъ грѣшныхъ дѣтей

своихъ и радуетъ ихъ внезапнымъ утѣшеніемъ. Такъ Онъ насъ навѣстилъ и порадовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ твоимъ появленіемъ среди насъ. И теперь мы вѣримъ, что въ минуту, Ему извѣстную, и способомъ, Ему также извѣстнымъ, Онъ насъ снова посѣтитъ и утѣшитъ, чѣмъ Ему заблагоразсудится.

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

28-го октября 1847 г.

Читалъ я ваше письмо къ Михаилу и съ сожалѣніемъ узнаю о новыхъ вашихъ несчастіяхъ. Надѣюсь, что ваша свадьба, которая, вѣроятно, уже съиграна, положитъ конецъ всѣмъ толкамъ. Выдерживайте характеръ, но, въ то же время, прощайте отъ души вашихъ враговъ. Препятствія, встрѣченныя вашимъ бракомъ, вызываются аристократическими, барскими предразсудками, глубоко укоренившимися въ старой Польшѣ. Еслибы вы вышли замужъ за князя моденскаго, который, какъ говорятъ, дурной человѣкъ, то этому браку радовались бы тѣ же люди, которые васъ теперь преслѣдуютъ. Помните и то, что противодѣйствіе исходитъ отъ вашей семьи, т. е. отъ лицъ, на которыхъ вы такъ долго имѣли вліяніе. Обратите вниманіе на то, въ какихъ понятіяхъ у насъ выросло даже молодое поколѣніе. Что было бы, еслибы ему была предоставлена власть? Они составляютъ, какъ я говорилъ, остатки старой Польши, — остатки тѣхъ временъ, когда сестеръ заключали въ мона-

стырь, чтобы увеличить состояніе или значеніе братьевъ. И нынѣ еще хотятъ повторить то же. Я знавалъ многихъ изъ этихъ современныхъ фарисеевъ, которые расхваливали матерямъ и сестрамъ набожную, тихую и уединенную монастырскую жизнь, хотя они сами не вѣрили не только въ монастыри, но и въ самого Бога или, по крайней мѣрѣ, никогда о Немъ не думали. — Фарисеи навсегда лишились власти. Міръ нуждается въ свободѣ. И барчуки наши любятъ свободу, но только *для себя.* Имъ придется, однако, предоставить ее и другимъ... Намѣреніе ваше напечатать обстоятельства вашего брака я признаю хорошимъ, полезнымъ... Такая брошюра была бы подвигомъ, объявленіемъ войны устарѣвшимъ понятіямъ о рабствѣ женщинъ...

Мицкевичъ Карно.

Миланъ, 27-го мая 1848 г.

Господинъ министръ! Я вынужденъ былъ павшимъ правительствомъ прервать курсъ славянскихъ литературъ, который я читалъ въ «Collège de France». Вслѣдствіе установленія нынѣшняго правительства я фактически возстановленъ въ прежней моей должности и опять нахожусь въ вашемъ распоряженіи. Я былъ бы уже на мѣстѣ, если бы меня не удерживали въ Миланѣ важныя обязанности. Какъ только я окончу мои здѣшнія занятія, я поспѣшу объяснить вамъ причины моего отсутствія и теперешнее положеніе славянской

каѳедры въ «Collège de France». Событія, предстоящія въ славянскихъ странахъ, придаютъ этой каѳедрѣ важное значеніе и оправдываютъ всѣ мои прежнія ожиданія. Тѣмъ временемъ, соблаговолите, господинъ министръ, считать меня членомъ профессорской корпораціи «Collège de France». Въ то же время, я испрашиваю у васъ мѣсячный отпускъ *).

Мицкевичъ полковнику Н. Каменскому.

Парижъ, 17-го іюля 1848 г.

Замойскій уѣхалъ съ деньгами, но солдатъ у него не будетъ. У насъ теперь средства есть, и люди будутъ, — не теряйте только терпѣнія, полковникъ. Скажите молодымъ солдатамъ, прибывшимъ изъ Рима, что если кто-нибудь изъ нихъ, по слабости здоровья или по другимъ причинамъ,

*) Мицкевичъ, дѣйствительно, хотѣлъ опять возвратиться на каѳедру славянскихъ литературъ, но республика поступила съ нимъ по примѣру правительства Людовика-Филипа. Послѣ февральской революціи Мишлэ и Кинэ, бывшіе совершенно въ томъ же положеніи, что и Мицкевичъ, воспользовались побѣдою народа. 6-го марта 1848 года молодежь собралась въ большой залѣ Сорбонны, и, въ присутствіи министра Карно, на возвышеніи были поставлены три кресла; два изъ нихъ заняли Мишлэ и Кинэ, а третье осталось свободнымъ. Мишлэ въ своей рѣчи далъ по этому поводу слѣдующее объясненіе: «Это свободное кресло принадлежитъ Польшѣ, принадлежитъ нашему дорогому и великому Мицкевичу, народному поэту пятидесяти милліоновъ людей, слово котораго, казалось, объединяло весь міръ, созидало союзъ востока и запада и, раздаваясь въ «Collège de France», проникало въ глубину Азіи».

захочетъ уѣхать, то можетъ это сдѣлать, какъ только мы восполнимъ роту новоприбывшими, что состоится вскорѣ. Увѣдомьте меня, кто изъ вашихъ солдатъ оставилъ здѣсь жену и семью; я имъ окажу содѣйствіе. Для молодыхъ солдатъ, прибывшихъ изъ Рима и Парижа, я посылаю пособія, вскорѣ опять пришлю и позабочусь о будущемъ. Въ тоже время, сообщите оффиціально правительству въ Миланѣ и начальству въ главной квартирѣ, что роты вашего батальона уже выступаютъ, что онѣ ни въ чемъ не будутъ нуждаться отъ правительства и что есть вѣроятіе, что онѣ прибудутъ даже съ собственнымъ оружіемъ.

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

Парижъ, іюль 1848 г.

.. Все напрасно думали, что я хотѣлъ ѣхать на войну: я — не военный, и другіе успѣшнѣе могутъ меня тамъ замѣнить. Моя обязанность, какъ народнаго вождя, заключалась въ томъ, чтобы достигнуть соглашенія съ итальянскимъ правительствомъ и устранить все, что могло препятствовать сформированію легіона. Но наибольшія препятствія мы встрѣтили со стороны земляковъ. Мы имѣли противъ себя и аристократическую партію, и ксендзовъ, и демократовъ. Дошло до того, что, когда первые отдѣлы уже выступили въ походъ, а здѣшнее французское правительство дозволило сформированіе новой роты, земляки наши говорили и писали, что легіона вовсе не существуетъ...

Кн. А. Чарторыскій Мицкевичу.

Парижъ, 12-го октября 1848 г.

На этихъ дняхъ я получилъ извѣстіе, что король сардинскій принялъ на свою службу кадры польскаго легіона въ Ломбардіи, сформированные по вашему вдохновенному почину, и что онъ рѣшилъ увеличить легіонъ до двухъ батальоновъ и одного эскадрона... Нельзя думать, чтобы правительство не воспользовалось своимъ правомъ назначенія начальника и офицеровъ легіона. Но кто бы его ни повелъ въ бой, мы не забудемъ, кому мы обязаны первоначальнымъ его сформированіемъ.— Вамъ принадлежитъ эта заслуга...

Мицкевичъ ректору краковскаго университета, доктору Майеру.

Батиньоль, 5-го января 1849 г.

Ваше, столь для меня лестное, приглашеніе я принимаю. Заявляю вамъ о моей готовности служить соотечественникамъ по мѣрѣ силъ. Вы хорошо знаете, какъ важна эта служба въ настоящее время и въ нашемъ положеніи; я, съ своей стороны, вполнѣ сознаю честь, которую вы мнѣ дѣлаете: большей для поляка-преподавателя быть не можетъ *)..

*) Это отвѣтъ Мицкевича на сдѣланное ему черезъ Штатшлера отъ имени ректора краковскаго университета предложеніе занять каѳедру польской литературы въ этомъ университетѣ.

Г. Бюрнуфъ Мицкевичу.

Парижъ, 13-го января 1849 г.

Спѣшу сообщить вамъ, что письмомъ отъ 11-го января т. г. г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ меня, что вы въ текущемъ году будете, по-прежнему, замѣнены г. Сипріеномъ Роберомъ. Въ то же время, министръ рѣшилъ, что г. Роберу за его труды будетъ назначено 2000 фр. и что остальные 3000 фр. будутъ предоставлены вамъ.

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

Парижъ, 27-го августа 1849 г.

...Если вы будете въ Остенде, то постарайтесь какъ-нибудь свидѣться съ нами. Во многихъ отношеніяхъ я былъ бы за это вамъ очень благодаренъ. Я, съ своей стороны, могъ бы выѣхать до Амьена. Однако, не безъ затрудненій. Если газета, въ которой я работаю («Tribune des peuples», пріостановленная 14-го іюня 1849 г. и возобновившаяся 1-го сентября того же года по снятіи осаднаго положенія), начнетъ выходить, то мнѣ придется найти кого-нибудь, кто могъ бы меня замѣнить, а это очень не легко, такъ какъ я ни на одинъ день отлучиться не могу. Есть и другія препятствія... Надѣюсь, что ваша холера уже прошла. Со мною было нѣсколько разъ нѣчто въ этомъ родѣ; лучшее лекарство—нравственная сила, подавленіе болѣзни твердою рѣшимостью выздоровѣть.

Мишлэ Мицкевичу.

19-го ноября 1849 г.

Всякая ваша книга (рѣчь идетъ о лекціяхъ Мицкевича, вышедшихъ въ трехъ томахъ) составляетъ событіе въ моей жизни. Я нахожу въ нихъ для себя откровеніе. Вашъ востокъ освѣтилъ мой западъ неожиданными лучами. Я остаюсь *самимъ собою,* но я освѣщаю себя и становлюсь плодовитѣе. Вашъ въ этой жизни и въ тѣхъ, которыя послѣдуютъ за нею. Нѣтъ, не было книги, въ которой я вычиталъ бы столько!

Тотъ-же Мицкевичу.

14-го января 1850 г.

Если я до сихъ поръ не былъ у васъ, то потому, что надѣюсь занести вамъ мой первый томъ Конвента. Я кончаю его. Я не упускалъ случая говорить о васъ по душѣ ни въ «Collège de France.» ни въ «National'»ѣ, въ замѣткѣ де-Жерандо. Я намѣревался еще подвергнуть въ моихъ лекціяхъ серьезному и обстоятельному анализу и критикѣ ваши лекціи, отъ которыхъ я въ восторгѣ, не смотря на крайнюю противоположность нашихъ точекъ зрѣнія. Но время, какъ мнѣ кажется, для этого неблагопріятно. Этотъ *варварскій* моментъ неудобенъ.

Мицкевичъ, дочери Маріи.

Парижъ, 19-го декабря 1858 г.

Я очень радъ, что Римъ произвелъ на тебя сильное впечатлѣніе. Всякій человѣкъ долженъ испытывать такія впечатлѣнія; если великія вещи его не волнуютъ, онъ начинаетъ предаваться низкимъ и подлымъ чувствамъ. Римъ до сихъ поръ — величайшее твореніе рукъ человѣческихъ. Не многимъ удалось бывать въ немъ; въ молодости я не смѣлъ объ этомъ мечтать. Въ мое время это было такъ же трудно (изъ Новогрудка), какъ попасть съ земли на луну. Ты представить себѣ не можешь, какъ мы тосковали по немъ, читая Ливія, Светонія и Тацита... До сихъ поръ его право и понятія господствуютъ въ мірѣ. Читай, пожалуйста, Ливія и размышляй надъ нимъ на мѣстѣ. Полька, польская женщина можетъ и обязана размышлять; женщины другихъ народовъ не несутъ этого долга... О христіанскомъ Римѣ я тебѣ буду писать впослѣдствіи. На первый разъ вникни въ вопросъ, кто были этотъ Петръ и этотъ Павелъ, выходцы изъ маленькаго еврейскаго городка, которые побѣдили величайшее въ мірѣ государство, болѣе могущественное, чѣмъ царство императора Николая, и водрузили на его развалинахъ крестъ. Франція до сихъ поръ подражаетъ языческому Риму, но сравняться съ нимъ не можетъ. Ты видѣла Парижъ и убѣждаешься нынѣ, какъ онъ малъ сравнительно съ Римомъ. Польша, призванная за-

мѣнить христіанскій Римъ, пока не начинаетъ подавать признаковъ жизни въ этомъ направленіи...

Бартелеми Сентъ-Илеръ Мицкевичу.

Парижъ, 14-го апрѣля 1852 г.

Имѣю честь препроводить при семъ копію декрета президента республики отъ 12-го апрѣля 1852 г., которымъ вы увольняетесь отъ должности въ «Collège de France». Очень сожалѣю о мѣрѣ, которая наноситъ вамъ такой чувствительный ударъ, и прошу васъ принять какъ выраженіе искренней моей симпатіи, такъ и увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи.

Мицкевичъ министру народнаго просвѣщенія, г. Форту.

Парижъ, 18-го апрѣля 1852 г.

... Равнымъ образомъ, я считаю своею обязанностью объяснить вамъ еще разъ, почему я въ своихъ лекціяхъ неоднократно выходилъ изъ рамокъ программы и нарушилъ характеръ чисто-научнаго преподаванія. Объясненіе мое можетъ быть дано въ нѣсколькихъ словахъ. — Излагая свой предметъ, я долженъ былъ коснуться отношеній, существую-

щихъ между славянскими народами и французскою націею. Мнѣ пришлось взять личность Наполеона и идею, которую онъ собою представляетъ, за центръ и символъ этихъ отношеній. Вліяніе наполеоновской идеи на славянъ было страннымъ предметомъ для французскихъ слушателей, и то, что я сказалъ о жизненности этой идеи во Франціи и о ея будущности, должно было возбудить недовѣріе правительства и удивленіе аудиторіи. Исключительное мое положеніе вызывало тѣмъ большія усилія съ моей стороны, что мнѣ пришлось имѣть дѣло съ аудиторіею, скептическою, недоброжелательною и находившеюся подъ вліяніемъ неблагонамѣренныхъ газетъ.—Между тѣмъ, событія послѣднихъ лѣтъ и окончательное установленіе во Франціи національнаго и наполеоновскаго правительства, по большей части, подтвердили мои мнѣнія, признанныя фантастическими. Такимъ образомъ, мотивы, которые заставили меня, какъ профессора, нарушить букву программы, принадлежали, г. министръ, къ разряду тѣхъ, которые иногда заставляютъ самыхъ щепетильныхъ государственныхъ людей нарушить букву закона, чтобы сохранить духъ его. Французское учебное вѣдомство, по всей справедливости, гордится тѣмъ, что создало большое число ученыхъ, одаренныхъ этимъ рѣдкимъ мужествомъ; между этими учеными вы, г. министръ, занимаете, несомнѣнно, одно изъ первыхъ мѣстъ. Это соображеніе позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы дружелюбно отнесетесь къ этому моему выясненію сокровенныхъ мотивовъ, руководившихъ мною...

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

Парижъ, 30-го апрѣля 1852 г.

... Вы, вѣроятно, уже слышали, что меня лишили того мѣста, которое я занималъ въ «Collège de France». Надѣюсь, однако, что это къ лучшему. Буду ждать, тѣмъ болѣе, что у меня есть средства, чтобы существовать съ семействомъ, не прибѣгая даже къ пособіямъ отъ правительства. Поэтому не безпокойтесь о насъ на этотъ счетъ. Пишу объ этомъ, потому что знаю, какъ вы живо интересуетесь всѣмъ, что до насъ касается. Если представится случай, сообщите и брату моему, что мое положеніе нисколько не ухудшилось...

Форту Мицкевичу.

Парижъ, 31-го октября 1852 г.

Спѣшу сообщить вамъ, что распоряженіемъ отъ 30-го т. м. я васъ назначилъ библіотекаремъ въ библіотекѣ при Арсеналѣ. Я счастливъ, что мнѣ такимъ образомъ удалось дать вамъ доказательство интереса, который принимаетъ въ васъ его императорское высочество...

Мицкевичъ Форту.

Парижъ, 2-го ноября 1852 г.

Я получилъ сообщеніе, въ которомъ вы, г. министръ, соблаговолили увѣдомить меня о постанов-

леніи, въ силу котораго я назначенъ библіотекаремъ при Арсеналѣ. — Это назначеніе, которымъ я обязанъ вашему благоволенію ко мнѣ, тѣмъ дороже для меня, что ваше превосходительство уполномочиваете меня видѣть въ немъ доказательство интереса, который принимаетъ во мнѣ его императорское высочество принцъ президентъ. — Прошу васъ, г. министръ, повергнуть къ стопамъ его императорскаго высочества выраженіе глубочайшей моей благодарности. Новое положеніе, мнѣ доставленное, вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ, позволяя мнѣ продолжать служить правительству; но оно нисколько не увеличиваетъ моей преданности его высочеству и его августѣйшей семьѣ. Эти чувства, которыя дозволено теперь громко провозглашать во Франціи, всегда воодушевляли мое отечество: я почерпнулъ ихъ въ національныхъ традиціяхъ, я нахожу ихъ въ сокровеннѣйшемъ уголкѣ моего благодарнаго сердца.

Мицкевичъ брату Франциску.

Парижъ, ноябрь 1852 г.

... Наши домашнія дѣла нѣсколько поправились. Послѣ цѣлаго ряда преслѣдованій мнѣ дали мѣсто въ библіотекѣ. Жалованья я получаю всего 2000 фр.,— это для Парижа почти ничего. Надѣюсь, впрочемъ, на увеличеніе содержанія. Къ тому-же, у меня есть постоянная и хорошая квартира, а на нее у насъ выходило 1200 фр. Не знаю до сихъ поръ, оставятъ-ли мнѣ содержаніе, которое я по-

лучаю изъ «Collège de France». Впрочемъ, теперь будущее представляется намъ уже менѣе тревожнымъ. Пишу это письмо въ канцеляріи библіотеки, гдѣ теперь служу. Мѣсто это мнѣ дано по приказанію принца Наполеона, нынѣ уже императора. Но лица, мнѣ не доброжелательствующія, урѣзали, на сколько могли, то, что было выгоднаго для меня въ этомъ приказаніи.

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

1-го марта 1853 г.

...Я уже сообщалъ вамъ, кажется, о моихъ теперешнихъ занятіяхъ, болѣе скучныхъ, чѣмъ трудныхъ. Я нисколько не жалуюсь, но слышу, что многіе относятся презрительно къ такого рода службѣ и признаютъ ее унизительною: хотя мы уже такъ давно бѣдствуемъ на чужбинѣ, но барская спѣсь, а также и барскія понятія, все еще процвѣтаютъ у насъ. Даже мой старшій сынъ, рожденный на чужбинѣ, начинаетъ скучать въ школѣ и говоритъ, что хочетъ поступить куда-нибудь въ другое заведеніе, совершенно въ томъ же тонѣ, въ какомъ, помню, большіе господа въ Литвѣ объявляли о намѣреніи своемъ переселиться въ помѣстье, находящееся въ другомъ уѣздѣ. Я убѣждаюсь такимъ образомъ, что барство нашъ первородный грѣхъ, и начинаю относиться снисходительно къ тѣмъ, которые наслѣдовали эту болѣзнь съ своими помѣстьями или лавками; но въ эмигрантахъ барство меня всегда удивляетъ...

Мицкевичъ г-жѣ Хлюстинъ.

Парижъ, 1-го мая 1853 г.

Я не могу лично воскликнуть: *аллилуіа* и словесно поздравить васъ: *Христосъ воскресъ*. Я былъ боленъ и чувствую себя еще слабымъ...

Мицкевичъ брату Франциску.

6-го ноября 1854 г.

...Мое положеніе нисколько не измѣнилось. Все здѣсь какъ бы пріостановилось и ожидаетъ политическихъ событій, отъ направленія которыхъ зависитъ общая наша судьба. Тѣмъ временемъ, и то хорошо, что я не подвергаюсь болѣе подозрѣніямъ, которыя неоднократно грозили мнѣ опасностью. Удивительно, что люди, на пользу которыхъ я искренно и энергично трудился, преслѣдовали меня почти столько же, какъ въ молодости прежніе мои враги. Тѣ, признаюсь, были правы...

Мицкевичъ г-жѣ К. Водполь.

18-го мая 1855 г.

Никакъ не могъ собраться написать вамъ за это время. Хотя я и здоровъ, но чувствую себя сильно потрясеннымъ и измученнымъ. Болѣзнь покойной Селины была продолжительна, и страданія ея очень велики. Въ такихъ мукахъ она, бѣдная, добивалась лучшаго душевнаго состоянія, котораго,

дѣйствительно, и добилась, но только въ послѣднія недѣли своей жизни. Умерла она въ полномъ сознаніи, спокойная и почти веселая. Когда она узнала отъ меня, что нѣтъ ужь никакой надежды, она сдѣлала всѣ домашнія распоряженія, простилась со всѣми знакомыми, точно отправляясь въ путь Словомъ и дѣйствіемъ она тутъ подтвердила истины, которыя мы предчувствовали и предвидѣли на счетъ будущей жизни. Послѣднія ея минуты, отчасти, послужили разгадкою многихъ печальныхъ лѣтъ Можно сказать, что въ эти минуты разлуки мы соединились въ первый разъ. Она мнѣ обѣщала, что душою будетъ при мнѣ и что будетъ мнѣ помогать въ жизни. Отчего этого не было при жизни? Не хочу распространяться объ этихъ тяжкихъ минутахъ...

Мицкевичъ гр. J. Грабовскому.

Парижъ, 2-го сентября 1855 г.

...Надѣюсь, что меня уволятъ отъ службы въ библіотекѣ и что министръ дастъ мнѣ заграничную командировку съ научною цѣлью. Если это состоится, то я уѣду въ далекія страны и побываю въ Стамбулѣ и въ Греціи...

Мицкевичъ министру юстиціи.

Парижъ, 11-го сентября 1855 г.

...Я предпочиталъ оставаться иностранцемъ, исправляя только должность профессора въ «Collège

de France». Но послѣ 2-го декабря 1852 г. и окончательнаго установленія наполеоновскаго правительства, я подалъ г. хранителю печати просьбу о натурализаціи, такъ какъ правительство Наполеона, по моему убѣжденію, является единственнымъ правительствомъ, которому полякъ можетъ присягнуть въ вѣрности, не оскорбляя національной чести... Состоя теперь чиновникомъ, я вторично обращаюсь съ прошеніемъ этого содержанія къ е. п. г. хранителю печати *)...

Мицкевичъ кн. А. Чарторыскому.

Константинополь, 25-го октября 1855 г.

По пріѣздѣ сюда, мнѣ тотчасъ-же сказали, что вопросъ о сформированіи польскихъ войскъ рѣшенъ въ англо-французскомъ министерствѣ и что, слѣдовательно, отношенія между Садыкъ-пашей **) и генераломъ Замойскимъ окончательно установлены. Мнѣ нечего было писать вашей свѣтлости, такъ какъ я думалъ, что всѣ замѣчанія или предостереженія съ моей стороны уже запоздаютъ. Но нынѣ, когда я узналъ, что переговоры съ правительствами еще продолжаются, я считаю себя обязаннымъ

*) На эту просьбу Мицкевичу отвѣтили, «что если иностранецъ, прожившій во Франціи десять лѣтъ и подавшій соотвѣтственное заявленіе, *можетъ* быть натурализованъ, то это не значитъ, что онъ *долженъ* быть натурализованъ» и т. д. Такимъ образомъ, Мицкевичъ и оффиціально остался полякомъ.

**) Чайковскій.

передать вашей свѣтлости впечатлѣнія, которыя я здѣсь вынесъ. — Я засталъ Садыка исполненнымъ тѣхъ же чувствъ къ Польшѣ и къ особѣ вашей свѣтлости, какія я въ немъ прежде знавалъ; всѣ остальныя лица, находящіяся около него, воодушевлены тѣми же чувствами. Я провелъ двѣ недѣли съ ними. Я часто и обстоятельно бесѣдовалъ почти со всѣми офицерами. Навѣщалъ я также и солдатъ. Часто я думалъ о томъ, какъ вы порадовались бы, князь, если бы были съ нами... Вы, вѣроятно, знаете, что у Садыка есть разныя сотни; наряду съ украинскою, есть добруджскія и кубанскія. У иррегулярныхъ казаковъ дисциплина строже, но я убѣдился, что она не уменьшаетъ ихъ любви къ полку и начальнику. Второй полкъ я меньше знаю, потому что жилъ въ первомъ; всѣ, однако, говорятъ, что онъ состоитъ изъ бравыхъ солдатъ (это видно по ихъ осанкѣ) и что онъ хоть сейчасъ могъ бы выступить въ походъ. Такая организація, если бы она расширилась и насчитывала бы больше полковъ, стала бы могучимъ орудіемъ для польскаго дѣла. Она находитъ себѣ элементы въ самой Турціи (казаковъ) и пользуется симпатіями болгаръ, валаховъ, не говоря уже объ Украинѣ. Чѣмъ живѣе я все это чувствую, тѣмъ болѣе меня печалитъ раздоръ между элементами, которые сами такъ успѣшно стали соединяться. Виновникомъ этихъ раздоровъ является генералъ Владиславъ Замойскій. Не теперь только началъ онъ дѣйствовать въ этомъ направленіи; но я ничего не зналъ объ этомъ въ Парижѣ...

Мицкевичъ Садыкъ-пашѣ.

Константинополь, 5-го ноября 1855 г.

До сихъ поръ я не получалъ отвѣта отъ князя Адама на письмо, въ которомъ я ему изложилъ все здѣшнее дѣло съ полною искренностью. Кн. Владиславъ былъ разъ у меня. Я ему повторилъ то, что уже раньше говорилъ. Какъ слышно, онъ жалуется на меня, говоря, что я нахожусь въ состояніи *раздраженія*. Я не имѣю ни желанія, ни надобности сдѣлать ему визитъ. Мнѣ говорили что онъ уѣзжаетъ черезъ недѣлю въ Парижъ. Не вижу, что онъ можетъ сдѣлать для польскаго дѣла, оставаясь подъ вліяніемъ г. Замойскаго. — Дѣло г. Леви съ евреями развивается успѣшно *). Многіе

*) Мицкевичъ продиктовалъ г. Леви докладную записку турецкому правительству, которая бросаетъ свѣтъ на этотъ вопросъ. Въ ней, между прочимъ, говорится: «Въ отрядѣ оттоманскихъ казаковъ есть евреи; главный начальникъ Мегеметъ-Садыкъ-паша засвидѣтельствовалъ хорошее ихъ поведеніе. Было бы выгодно увеличить ихъ число; они послужили бы новою силою для Турціи и источникомъ большой опасности для непріятеля. Евреи очень многочисленны въ русской имперіи, и они тамъ такъ много страдали, особенно въ послѣдніе годы, что враги Россіи могутъ быть увѣрены найти въ нихъ надежную опору. Когда евреи были изгнаны изъ всѣхъ странъ, они нашли въ Турціи и Польшѣ пріютъ и покровительство; они не забыли объ этомъ. Пусть турки и поляки обращаются нынѣ съ ними, какъ съ братьями по оружію, и это военное братство не замедлитъ дать плоды... Въ этихъ видахъ на усмотрѣніе Блистательной Порты подвергается слѣдующій законопроектъ: «Фирманъ, касающійся военной организаціи евреевъ Оттоманской имперіи, постанов-

обѣщаютъ помочь. Они радуются, что мы сдѣлали первые шаги при содѣйствіи паши, симпатизирующаго евреямъ. Это вопросъ для насъ чрезвычайно важный...

Мицкевичъ кн. Вл. Чарторыскому.

Константинополь, 19-го ноября 1855 г.

Ваше сіятельство. Со времени моего возвращенія изъ Бургаса я не чувствовалъ себя въ силахъ зайти къ вамъ для объясненій. Разговоръ безъ взаимной искренности былъ бы пустою болтовнею, если не чѣмъ-нибудь худшимъ; впрочемъ, я повторилъ бы вамъ только то, что уже говорилъ вамъ, и прибавилъ бы вамъ вещи, которыя вы неохотно слушаете, отвѣчая на нихъ только свойственнымъ вамъ дипломатическимъ молчаніемъ. То, что я прежде говорилъ, вы просили сообщить князю, вашему отцу. Чувства, которыя я къ нему питаю, вмѣстѣ со многими соотечественниками, возлагали на меня обязанность высказать всю правду; я записалъ для него нашъ послѣдній разговоръ; я ничего не скрылъ. Я прибавилъ мои замѣчанія о ва-

---

ляетъ: Въ еврейскомъ населеніи имперіи будетъ набранъ полкъ въ тысячу человѣкъ. Провіантъ, одежду и экипировку ему будетъ давать Порта, жалованье — единовѣрцы. Онъ будетъ состоять подъ начальствомъ Мегемета-Садыкъ-паши, главнаго начальника оттоманскихъ казаковъ; онъ будетъ пользоваться отдыхомъ по субботамъ и правомъ исполнять свои обрядности. Евреямъ будетъ предоставлено право на чины»...

шемъ здѣшнемъ образѣ дѣйствій. Этотъ образъ дѣйствій находился въ постоянномъ противорѣчіи съ надеждами, которыя вызвалъ вашъ пріѣздъ во многихъ соотечественникахъ. Вы выказали себя здѣсь, князь, не представителемъ или однимъ изъ представителей польскаго дѣла, но интимнымъ агентомъ г. Владислава Замойскаго, присланнаго сюда, чтобы вредить Садыку-пашѣ. Когда я замѣтилъ, къ чему клонилось дѣло, я указалъ вамъ въ палаткѣ, въ Бургасѣ, на необходимость *искренно* объясниться съ Садыкомъ-пашею. На это вы отвѣтили молчаніемъ. Видя все яснѣе, въ чемъ дѣло, я заявилъ вамъ, что со стороны г. Замойскаго и вашей проявляется очевидное намѣреніе вытѣснить Садыка-пашу и его полкъ изъ положенія, въ которомъ онъ вамъ оказалъ столько услугъ и могъ быть такъ полезенъ Польшѣ, что вы стремитесь къ тому, чтобы отнять у Садыка-паши всякую возможность дѣйствовать въ Турціи и, въ то же время, лишить его покровительства другихъ правительствъ. На это вы опять отвѣтили молчаніемъ. Не могло быть уже сомнѣнія, что вы пріѣхали съ готовою инструкціею отъ г. Замойскаго и съ отточеннымъ ножемъ противъ Садыкъ-паши. Въ такомъ случаѣ, слѣдовало выступить противъ него открыто. Если вы его признавали безполезнымъ или вреднымъ, надо было пригласить его уступить мѣсто болѣе способному лицу. Вы могли объясниться съ Садыкомъ-пашей, спорить, бороться съ нимъ; но не слѣдовало подъ его кровомъ и у его стола замышлять удары противъ него. Поляки такъ не поступаютъ. Арабы въ палаткѣ, гость противъ хозяина не за-

мышляетъ заговора.—Вы пріѣхали на востокъ, гдѣ теперь открывается широкое поле многимъ надеждамъ. Взоры соотечественниковъ были обращены на васъ. Подмостки, на которыя вы вступили, возвышали васъ, но въ первомъ извѣстіи, которое вы напечатали о себѣ, вы сообщаете, что *женщина, вами привезенная,* принесла тѣ или другія услуги. Если рѣчь шла о лазаретныхъ реформахъ, то слѣдовало ихъ предоставить врачамъ или сидѣлкамъ, назначивъ нужныя суммы на это. Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало требовать пожертвованій отъ офицеровъ, не получающихъ жалованья. Заботы ваши о помѣщеніи въ монастырѣ другихъ женщинъ *безвозмездно* показались мнѣ странными, а иностранцы увидѣли въ этомъ соблазнъ. Лагерь — не мѣсто, исключительно предназначенное для благотворительности. *Бѣдные,* говоритъ евангеліе, *всегда будутъ между вами.* А лагеря у насъ давно не было, и Богъ знаетъ, будетъ-ли онъ у насъ всегда такой, какимъ былъ, когда мы его видѣли полнымъ жизни и надежды. Прибавлю къ этому, что *тацмовъ* или пайковъ, которые отпускаются г. Замойскому, какъ генералу, было бы достаточно, чтобы прокормить цѣлый госпиталь. Г. Замойскій получаетъ ежедневно 90 пайковъ, а больныхъ въ лазаретѣ было 19. Идеаломъ г. Замойскаго, очевидно, было стать англійскимъ генераломъ, и этой цѣли онъ достигъ. Честолюбіе его вполнѣ удовлетворено. Но каково ваше положеніе подъ начальствомъ этого генерала, какова будущность народа? Не вижу никакой!

Это, насколько извѣстно, послѣднее письмо Мицкевича. 8 дней спустя его не стало. Въ заключеніе приводимъ письмо полковника Кучинскаго, въ которомъ описываются послѣднія минуты жизни Мицкевича:

«26-го ноября, въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ утра Мицкевичъ получилъ благопріятныя извѣстія отъ Садыка-паши и передавалъ ихъ Арману Леви, когда вошелъ полковникъ Кучинскій. Мицкевичъ, хворавшій ночью передъ тѣмъ, чувствовалъ себя лучше и былъ веселъ. Онъ долго бесѣдовалъ съ Кучинскимъ и, между прочимъ, сказалъ: «Знаешь, Кучинскій, я началъ учиться по-турецки; боюсь только, какъ бы со мною не случилось то, что случилось съ однимъ изъ нашихъ королей, о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ уже не дурно читалъ по складамъ, когда его застигла внезапно смерть.» Потомъ онъ говорилъ много о войнѣ и замѣтилъ, что каждый польскій эмигрантъ долженъ въ ней участвовать. — О себѣ онъ сказалъ: «Я въ этомъ убѣжденіи уѣхалъ изъ Франціи; я говорилъ себѣ: еслибы я даже зналъ, что мнѣ суждено умереть гдѣ-нибудь въ Турціи отъ холеры, то все-таки поѣду, потому что тамъ теперь мои обязанности; я предпочитаю быть писцомъ въ какомъ-нибудь польскомъ казачьемъ полку, чѣмъ канцлеромъ французской академіи.» Затѣмъ, онъ много говорилъ о своихъ дѣтяхъ и, въ заключеніе, упомянулъ о младшемъ своемъ ребенкѣ, въ которомъ онъ подмѣтилъ многія черты, поразительныя для его возраста. Около половины двѣнадцатаго съ нимъ случился припадокъ обморока,

легкій поносъ, и онъ легъ въ постель; но ни онъ самъ, ни его друзья не встревожились. Вошелъ кто-то другой. Около половины втораго г. Леви ушелъ по дѣлу Мицкевича. Полковникъ Кучинскій оставался до трехъ часовъ. Мицкевичъ чувствовалъ себя лучше и пожелалъ отдохнуть. Генрихъ Служальскій былъ дома. Около половины пятаго Леви вернулся и узналъ на лѣстницѣ, что Мицкевичъ умираетъ. Входя въ квартиру, онъ, дѣйствительно, услышалъ, какъ Генрихъ сказалъ: „Мой бѣдный другъ погибъ!»—«Что такое!»— «Да, это холера.» Военный докторъ, полякъ, сидѣлъ на диванѣ, а когда его спросили, есть ли надежда? онъ отвѣтилъ: «Не знаю.»— Мицкевичу дали лауданумъ и всячески старались его согрѣть. Увидѣвъ входящаго Леви, Мицкевичъ забылъ о собственныхъ страданіяхъ и спросилъ его: «Какъ ты себя чувствуешь?» Леви также былъ боленъ наканунѣ. — Генрихъ сказалъ Леви: «Онъ меня спрашивалъ, что говоритъ докторъ, и требовалъ, чтобы я ему сказалъ правду. Я отвѣтилъ: они говорятъ, что ты можешь умереть.» Тутъ Мицкевичъ сказалъ: «Пригласи ко мнѣ ксендза Лавриновича, литвина; возьми перо!» А когда я приблизился, онъ сказалъ: «Не въ силахъ. Скажи моимъ дѣтямъ, чтобы они всегда любили другъ друга.» Подошли два другихъ польскихъ врача и, наконецъ, докторъ Дроздовскій. Они признали состояніе больнаго опаснымъ. Мицкевичъ не хотѣлъ болѣе принимать лауданумъ; подумали, что хорошо было бы ему уснуть; всѣ вышли изъ комнаты. Мицкевичъ задержалъ Леви, сказавъ Служальскому. «Ему здѣсь хорошо». Онъ успокоился

немного и сказалъ Леви: «Они не знаютъ, что со мною: хотятъ меня согрѣть, а я весь въ огнѣ.» Потомъ онъ немного заснулъ. Подошелъ ксендзъ; Мицкевичъ замѣтилъ его, но ничего не сказалъ. Колики возобновились. Дроздовскій приступилъ къ сильнымъ натираніямъ. Мицкевичъ вскричалъ: «Они сдерутъ съ меня кожу, какъ съ бѣднаго полковника Идзиковскаго; а она у меня снова не выростетъ». Ему дали опять лауданумъ; ничего не помогало; боли усилились; больной молча метался. Полковникъ Кучинскій подъ вліяніемъ грустнаго предчувствія вернулся въ шесть часовъ. Мицкевичъ узналъ его и передъ самою смертью сказалъ ему: «Кучинскій, полкъ оттоманскихъ казаковъ». Въ 9 часовъ онъ умеръ въ полномъ сознаніи, съ печальнымъ взоромъ, не произнося ни слова. Ксендзъ въ послѣднюю минуту помазалъ его св. муромъ, а Леви закрылъ ему глаза. — Когда всѣ собрались разойтись, возникъ вопросъ, что остается сдѣлать? Леви сказалъ: «Я велю набальзамировать его тѣло и свезу его въ Парижъ». Всѣ согласились на это, а Генрихъ, обнимая Леви и Кучинскаго, воскликнулъ: «Мы теперь осиротѣли и навсегда должны оставаться друзьями.» — Леви спросилъ Генриха: «Не хочешь-ли ѣхать въ Парижъ?» — «Я сдѣлаю все, что хотите».— Леви сказалъ: «Мы проводили его сюда вдвоемъ, и мы оба должны его отвезти.» Кучинскій присоединился къ этому мнѣнію; такъ и было рѣшено. Ночь мы провели втроемъ въ сильномъ горѣ, обѣщая другъ другу оставаться вѣрными мысли Мицкевича и исполнить его проектъ, который заклю-

чался въ сформированіи польско-еврейскаго полка, о чемъ Кучинскій говорилъ съ нимъ за послѣднее время. Этимъ объясняются и послѣднія слова Мицкевича къ нему. По прошествіи 24-хъ часовъ бальзамированіе было окончено; Леви присутствовалъ. Два дня спустя, Кучинскій уѣхалъ въ Египетъ. Вотъ что я слышалъ и видѣлъ.»

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

СТР.

Гражина, перев. В. Бенедиктова 1

Конрадъ Валленродъ, перев. Н. Семенова 51

Крымскіе сонеты:

I. Акерманскія степи, перев. А. Майкова 147

II. Морская тишь, перев. В Бенедиктова 148

III. Переѣздъ по морю, перев. его-же 149

IV. Буря, перев. В. Бенедиктова 151

V. Видъ горъ изъ степей Козлова, перев. М. Лермонтова 152

VI. Бахчисарай, перев. В. Бенедиктова 154

VII. Бахчисарай ночью, перев. Н. Луговскаго 155

VIII. Гробница Потоцкой, перев. В. Бенедиктова . . . 156

IX. Могилы гарема, перев. его-же 157

X. Байдарская долина, перев. А. Майкова 158

XI. Алушта днемъ, перев. его-же 159

XII. Алушта ночью, перев. его-же 160

XIII. Чатырдагъ, перев. П. Петрова 161

XIV. Пилигримъ, перев. его-же 62

XV. Дорога надъ пропастью въ Чуфутъ-кале, перев. В. Бенедиктова 163

XVI. Гора Кикинейсъ, перев. его-же 165

СТР.

XVII. Развалины замка въ Балаклавѣ, перев. Н. Луговскаго 167

XVIII. Аюдагъ, перев. С. Дурова 168

Критическія статьи:

Гете и Байронъ, переводъ П. Полевого 195

О поэзіи романтической, перев. его-же 209

О критикахъ и рецензентахъ Варшавскихъ, перев. его-же 236

Избранная корреспонденція Мицкевича, перев. Р. Сементковскаго 263

КНИГОПРОДАВЦЕМЪ-ТИПОГРАФОМЪ **М. О. ВОЛЬФОМЪ**

ИЗДАНО:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

(Н. Вейнберга, П. И. Вейнберга, Н. В. Гербеля, Н. Генслера, Б. Лицкаго, А. Н. Майкова, Л. А. Мея, А. Я. Мейснера, Ѳ. Б. Миллера, Д. Д. Минаева, М. Л. Михайлова, А. Пальховскаго, Л. И. Пальмина, А. Плещеева, Д. И. Писарева, П. Н. Полевого, А. Г. Сухотиной, А. Н. Сѣрова, И. Семенова, Ѳ. Н. Устрялова, В. В. Чуйко и многихъ другихъ),

Подъ редакціею **ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА и ВЛАДИМІРА ЧУЙКО**

16 т., въ 8 д. л., съ портретомъ и біографіею поэта. Ц. **25** р.— Отдѣльные тома продаются: т. I — XV по **2** р., т. XVI **3** р. с.

Томъ I. **Путевыя картины.** Путешествіе на Гарцъ.—Нордерней.—Идеи, книга Ле-Гранъ.

„ II. **Путевыя картины.** Отъ Мюнхена до Генуи. — Луккскія воды. — Городъ Лукка.

„ III. **Отрывки объ Англіи.** Женщины и дѣвушки Шекспира.

„ IV. **Повѣствовательные отрывки.** Изъ записокъ Г. Фонъ-Шнабельвопскаго. — Флорентинскія ночи.—Бахарахскій Раввинъ.

„ V. **О Германіи.** — Матерьялы для исторіи, религіи и философіи въ Германіи. — Романтическая школа.

„ VI. **О Германіи.** Стихійные духи.—Докторъ Фаустъ. — Людвигъ Бёрне.

„ VII. **Французскія дѣла.** Мѣщанская монархія въ 1832 г. — Летучія замѣтки. — Изъ Нормандіи.—Политическія партіи во Франціи.—Пенитенціарная реформа и уголовное законодательство.—Изъ Пиринеевъ.

„ VIII. **Французскія дѣла.** Парламентскій періодъ мѣщанской монархіи.

„ IX. **Французскія дѣла.** Художественныя извѣстія изъ Парижа: Письма о французской сценѣ.—Французскіе живописцы. — Письма о музыкѣ.

„ X. **Смѣсь.** Признанія.—О доносчикѣ. - Романтизмъ.—Письма изъ Берлина.—О Польшѣ.—Боги въ изгнаніи и проч.

„ XI. **Стихотворенія.** Альманзоръ.—Вильямъ Ратклифъ.—Гарцъ.—Сѣверное море.—Сумерки боговъ.—Сонъ Ратклифа.—Еврейскія мелодіи.—Легенды.

„ XII. Атта Троль. — Лирическая интермедія. — Бимини. — Вицли-Пуцли.— Баллады. — Воспоминанія и др.

„ XIII. Германія, зимняя сказка. — Книга пѣсенъ. — Юношескія страданія.— Видѣнія. — Пѣсни. — Романцеро. — Сонеты.— Фреско-сонеты. — Лирическая интермедія (часть вторая). — Новая весна.

„ XIV. На родинѣ. — Разныя. — Зевесово міротвореніе. — На чужбинѣ. — Трагедія.—Романсы.—Случайныя стихотворенія.

„ XV. Романцеро: Исторіи. Жалобы. — Лазарь. — Къ Лазарю.— Послѣднія стихотворенія.—Посмертныя замѣтки и мелкія статьи.—Посмертныя стихотворенія.

„ XVI. **Жизнь Генриха Гейне** (съ приложеніемъ портрета Гейне).